

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ЖУРНАЛ

Издается с января 1966 года
САРАТОВ

5-6 (498)

2022

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ И ПРОЗА

Елена Михайлик. «– Этот мир сотворен наповал...» и др. стихи.....	3
Михаил Токарев. Солнышки, это чума! Роман.....	8
Геннадий Каневский. «хочешь? – присоединяйся ко мне...» и др. стихи.....	81
Александр Ливенцов. Четные числа. Я склонен преувеличивать. Ленон. Рассказы	89
Алексей Александров. «В начале было много...» и др. стихи.....	98
Дмитрий Замятин. Уклонение от мгновенности. Стихи.....	104
Александр Вергелис. Напасть. Рассказ.....	110
Лариса Сони́на. Белое и лиловое, темные камни. Стихи.....	114

ПРОСТРАНСТВО ТЕКСТА

Антон Ботев. Четвертый слой реальности.....	117
--	-----

NON-FICTION

Анна Гальберштадт. Кони-Айленд. Дневник психотерапевта.....	123
Полина Жеребцова. Женщина на войне	140

ПУТЕШЕСТВИЕ

Михаил Бару. «Для ведома впредь идущим людям».....	144
---	-----

СТРАНИЦА ПРЕМИИ «НЕИСТОВЫЙ ВИССАРИОН»

«За каждым текстом или за каждым модусом письма стоит какая-то история» Интервью с Игорем Гулиным (записал Сергей Ивкин).....	212
--	-----

ЛИТЕРАТУРНАЯ КРИТИКА

Борис Кутенков. Ты – Булгаков и Зощенко О кн.: <i>Мариэтта: Сборник воспоминаний</i>	215
Анна Сафронова. Много голосов О кн.: <i>Филипп Дзядко. Радио Мартын</i>	218

Елена МИХАЙЛИК

– Этот мир сотворен наповал –
как узнать, кто его рисовал,
составляя утесы,
собирая снежинки в пургу
ДНК заплетая в дугу,
чтоб создать утконоса?

– Почему этот мастер планет
Не завел здесь приличный сюжет,
Поскупился на пряжу,
Плоскость камбалы плотью одел
И дыхания не пожалел –
Оживить персонажа?

– Почему эти тысячи лет
Мы несем на себе этот бред?
Ни войною, ни лаской
Не добьешься у внешней среды –
У железа, огня и воды –
Где тут строчка с подсказкой,

Чтоб наполнился смыслом сигнал,
Чтоб создатель вошел в сериал,
Чтоб от Рейна до рая
Хор гонял по орнаменту крыш
Оперетту летучаямышь
Над простором Китая.

Нам бы хватило железа, золота и бетона,
Откуда лады, архаика? Причины просты.

Елена Михайлик родилась в Одессе, окончила филологический факультет ОГУ. С 1993 г. живёт в Сиднее, преподаёт в университете Нового Южного Уэльса. Доктор философии, тема диссертации «Варлам Шаламов: поэтика новой прозы». Стихи и статьи публиковались в антологии «Освобожденный Улисс», журналах «Арион», «Воздух», «Дети Ра», «Новый мир», «Новое литературное обозрение». Премия Андрея Белого в номинации «Гуманитарные исследования» (2019). Автор трех книг стихов. В «Волге» стихи публикуются с 2013 года.

В начале той самой войны Аид катился назад,
Поэтому в среднем течении Ахерона
Взорваны все мосты.

Мы тогда отбились, отстроились после визита.
Разве что Флегетону так и не дан отбой.
Теперь пылает для красоты –
Всем нравится черный огонь на полнеба, мы-то
не воюем между собой.

Заняты. Нам работы хватит до конца света:
Молекулы, фотосинтез, движенья карандаша –
Всё мы, и воздух, и сон,
Когда совсем устаешь, вспоминаешь – тут за углом течет целая Лета.
Впьешь глоток – и снова можно дышать.

Войну она не смывает, не может, сама боится
Того, что ломилось на нас сквозь щели часов и дней...
С кем воевали тогда? От кого держим границу?
С живыми.
В этих краях нет никого страшней.

Где облака идут вкруговую,
В городе и на дне,
Я сообщаю, что существую –
Разум не верит мне.
Он предлагает дело по силам –
Правильность, вес, объем.
Может быть, все-таки крокодилом?
Трактором? Воробьем?
Можно предаться вселенским числам,
Свету морской травы...
А человек, он все-таки мыслит,
А не вот так как вы.

Н.И.

Исходно граница Аида хранилась примерно так:
Живые должны проходить над ней, попросту не заметив,
А внутренний периметр стерегли стаи трехцветных собак,
Которые есть одна собака, расщепленная на трети.
(Вы бы видели эту собаку)

Бывали, конечно, инциденты – порой распнут не того
Или по делу зайдет Геракл, а ему возрази, попробуй,
Но, в целом, и снаружи приходило только то, что уже мертво,
И изнутри не решались (к счастью) просочиться даже микробы.
(Когда тут такие собаки)

И все истории о нарушениях закончились горем – кроме одной,
Известной снаружи по пересказам (неверным), а внутри по звукам и знакам,
Обычная ситуация – человек пришел за женой.
Но сначала он покормил собак – а главное, спел собакам.
(А вернее – частям собаки)

И когда по дороге назад и вверх беглецов поймала пурга,
Дробя и расщепляя их тени до прозрачных летейских кружев,
В той точке, где их осталось так мало, что одним дуновеньем снесло бы обратно,
на асфоделевые луга,

Их обступили большие собаки и вывели их наружу.
(Предатели, а не собаки)

Аидову границу теперь охраняют тайна и страх,
Те двое все еще где-то живут, слегка не веря своей удаче,
А стая с тех пор так и спасает всех, кто сбился с пути в горах.
И о ее происхождении рассказывают иначе.
(Разве можно так – о собаке)

В этом мире есть генетта, она живёт,
Спит, хвостом накрывшись, как генетте удобно,
Не тревожит разве что крупный и мелкий рогатый скот,
Остальное (включая фрукты и кур) – съедобно.

В атмосфере – лёд, облаков сплошной перелёт,
Затонувший город просто не выдал света,
Смотришь – есть генетта, она живёт.
И живёшь как генетта.

Дело в том, что окружающая среда
Всегда
Может превратиться в болото,
Потому что легко найдет себе... полиглота,
Который – на всех языках – скажет энтропии «Иди сюда»
И откроет ворота.
А тем рыбам, что это событие прохлопали ртом
Или участвовали в нем,

Полагая, что делают что-то совсем другое,
Придется – задыхаясь – как-то разбираться с наступившим на них «потом»,
Потому что возможность выйти из боя
Заканчивается, собственно, до наступленья боя –
И много раньше самой мысли о том.
А над головой, сантиметрах в четырехстах,
Ляжет следующий слой катастрофы, примерно столь же логичной.
Что же делать ненадежному в этих ненадежных местах?
То, что обычно.

Кто там заводит песню военну
флейте подобно, милый Главпур?
Кто там сходил войной на геенну
и проиграл, и от всей вселенной –
только ковчег из пород неценных,
наш незакатный УР.

Были непарны звери и птицы –
деток не опознать,
а у людей – плотяные лица,
тени прозрачны, извне клубится,
лезет сквозь щели, грызет границы
всякая Тиамать.

Что там язык – осколки, відсотки,
наволочь, ржавые якоря,
тем, кто ушел на подводной лодке,
тем, кто доплыл до ковчежной лодки,
этой водой, исказившей глотки,
не собрать словаря.

Слов не хватает на разговоры,
снов – на отсчет с нуля,
но, погуляв по ничьим просторам,
голубь слетает, приносит «голубь»,
ворон приходит, приносит «ворон»,
кормчий гуляет по коридорам,
пишет на них «земля».

памяти М. Кузмина

Он встретил сфинкса летом, случайно, над или под Невой
И перспектива быть стремительно съеденным на плаву

Оказала огромное влияние на него,
Привила привычку к точности и летучему щегольству.

Потому что страсти наших властей оставляют слишком широкий след,
Подвернуться гуртом под колесо – небольшая честь.
Не то – египетская крылатая тварь, которой тысячи лет,
Тут кто ни выживи после встречи – шанс на долгую память есть.

Ну а сфинкс и в прошлом людей не ел, и в тот раз не имел в виду,
Он большую рыбу ловил в Неве, не смотрел, кто там и где,
Но если спросить – что было в том году,
Припомнит скользкую ткань воды и чью-то тень на воде,

А затем увидит, проваливаясь с головой, ряд верных примет,
Указывающих тому, кто свой, кто живой дорогу на Уасет...
И домой полетит отсюда, домой, домой.

Понимаете, здесь проявляется существо,
рожденное до того,
как мы разошлись на млекопитающих и рептилий,
я не знаю, как это контр-эволюционное явление не запретили...
то есть запретили, но не полностью, не всего,
потому что когда сошел кислотный прилив,
открывая пространства бассейнов и танцплощадок,
там, где был организм, осталась фигурная выемка, пустота, отпечаток –
а потом этот воздух встал, оказался жив,
он, конечно, дышит не в такт, в неурочный час,
неучтенный газ,
плохо держит равновесие, видит не то и нечетко слышит,
ну а то, что он – этим, вторым противостоящим, когтем – по здешним базальтам
пишет –
не о нас оно, не для нас оно, не про нас.

Михаил ТОКАРЕВ

СОЛНЫШКИ, ЭТО ЧУМА!

Роман

Предисловие

Мне всегда казалось, что когда отрастут усы, то найдутся взрослые слова, получится ухватить свои детские воспоминания и написать про них так, чтобы все поняли. Усы отросли, однако у меня нет слов. Слов-то нет, надо было подготовиться, почитать Ожегова хотя бы. Поэтому вот, что касается детских впечатлений, они будут, но в ограниченном объеме. Роман же по большей части посвящен странным штукам, чуме и моей работе в издательстве. А это я уже взрослый, поэтому, сами понимаете, от детскости рожки да ножки. Читать бы роман рекомендовал людям, ничего не достигшим в этой жизни. Ведь все, кто младше, могут испытать некоторое негативное влияние на не сформированную до конца психику, большие надежды, маленькие трагедии, средние ожидания, долгие проводы, короткие встречи, Кира Муратова.

Отрадно сейчас возводить в степень зачинающийся бред. Плести полную окоlesiцу в данном предисловии. Роман еще не готов, а я уже начинаю с прелюдии. Кажется, все происходит с точностью до наоборот. С другой стороны, как говаривала одна женщина, размахивая перед моим лицом ножом: не начинай того, что не готов закончить, вот я готова это закончить! Мы жили с ней в садово-дачном товариществе, а могли там не жить, просто коммунальные платежи в садово-дачном товариществе ниже, чем в городе. И жили мы с ней, пока однажды у нее не произошел срыв покровов ночи и она все-таки не решила меня прикончить. – Почему ты кокетничаешь с нашей почтальоншей, у вас что-то было? – Нормально, – отвечал я и продолжал ошипывать курицу от перьев, чтобы сварить нам супчик. – Нормально, да ты издеваешься! – кричала эта собственница, схватила нож, наставила на меня. А я наставил на нее в ответ тщедушную тушку курицы. Вот тогда-то она и произнесла эти слова про «не начинай того, что не готов закончить».

Конечно же, роман я намерен закончить, правда, имеются кое-какие сомнения. Сомнения эти связаны прежде всего с тем, что мама и отчим говорят о необходимости бороться самостоятельно с искушениями, говорят, эти сущности, терзающие тебя, они конечны, как новогодние каникулы. Но я подозреваю, а также мы подозреваем: без вмешательства психиатра дело труба. Впрочем, нет поводов для грусти, радуйтесь, смейтесь! В конце концов, если происходящее вокруг помешательство реально, как размер минимального пособия, то терять нам уже нечего. А раз так, к чему пытаться уместиться в сомнительные паттерны общественного поведения, главное держаться в рамках закона, естественно. Кто знает, успеется ли дописаться история, которую вы читаете в данный момент, быть может, все прервет джентльмен психиатр. Он скажет: сынок, хорош уже концентрировать внимание на всякой ерунде, и так нервы расшатаны донельзя.

Михаил Токарев родился в 1996 году в Иркутске, переехал в Москву, окончил институт журналистики и литературного творчества в 2018 году, в 2020 году окончил магистратуру РГГУ. Публиковался в сетевом журнале «Литература». Превыдающая публикация в «Волге» – рассказ «Две рюмки дихлофоса» (№3-4, 2022).

И придется его послушать, ведь мы не хотим ступить на тропу острого психоза, на дорожку слез, которая находится в нынешней Оклахоме. Пусть наша литература, как и сама жизнь, подталкивает к этому. Сколь ни было бы трудно решение оставить ее, мы не можем этого сделать по той простой причине, что она и есть сама жизнь. Не в том категориальном смысле, патетически склизком, как вчерашние пельмени с семгой. Все несколько проще, любое событие, будь то поход в кожевдиспансер, новая работа, старые друзья – есть литература. Литературоцентричность сегодняшнего дня не оставляет иных вариантов развития событий, кроме как фиксировать.

Так вот, речь пойдет, а потом полегит о моих знакомых, притянувших за уши в этот мир кое-что инфернальное, кое-что дикое. И в этой дикости автор истории, люди, с которыми встретится автор, его работа в книжном издательстве причудливым образом будут взаимодействовать с читателем, по крайней мере, очень хотелось бы, чтобы взаимодействие произошло. Также хотелось бы отметить, что автор абсолютно никак не будет дистанцироваться от рассказанных событий. Ведь значение сегодняшней писанины, как мы считаем, заключается непосредственно в самой писанине о том, что было, о том, что было бы, если бы, но на отрезке реальных событий. В общем-то, скажу, как однажды сказал Миша Токарев, мужская литература это зачастую, чисто теоритически, ощущение ложной беременности. Отсюда же смена пола, кстати, они хотят писать так же чувственно, как женщины, но, милый мой, у тебя ничего не получится. Поэтому прекращай выдувать носом некрасивые пузыри, а возьми, наконец, свое сердце, и намазюкай что-нибудь им. Отсюда та страшилка, помните, отдай мое сердце! Сердце мы, конечно, отдавать, не намерены. Но повеселить читателей новой историей очень даже расположены. И для этого у нас даже имеется сердце.

Глава 1 **Спиритическая пятиминутка**

Один мой знакомый предпочитал принимать ванну, не снимая одежды. Его спрашивали: Валера, у тебя шуба намочка, зачем ты это делаешь? Валера, который был мужчиной впечатлительным и экзальтированным, отвечал в таких случаях: не суй свой нос, дорогая Лерочка, не в свои дела! Лерочка была его женой, поэтому подобное общение не выходило за рамки приличий. За рамки приличий, как правило, выходит надевание платьев жены, ее колготок, вот это вот все. Дело не в этом, а дело в том, что Валера изучал опасные виды плесени. В частности, в сфере интересов Валеры входил гриб спорынья. И кто знает, являлось подобное поведение следствием стремительно размножавшейся на пшенице плесени. Или же в их квартире и вправду происходили паранормальные вещи. Пшеницу мужчина выращивал в шкафу, как и остальные злаковые. Шкаф был своего рода плантацией, он занимал целую комнату. В нем не было задней стенки. Заходя в него, вы сразу попадали в уютную теплицу. С металлоалогенными лампами, развешанными по периметру комнаты, грядками, тонной целлофана. Внушительная площадь трехкомнатной квартиры, доставшейся Лере в наследство от бабушки, позволяла творить подобные непотребства, как выражалась полоумная престарелая соседка снизу.

История этой молодой семьи началась в стародавние времена. Сто лет назад, когда на дворе стояли особенно кусачие морозы, где-то минус 40, Валера с Лерой, будучи еще детьми, поцеловали металлические ворота воинской части. Их поцелуи провисели на воротах аж до самой весны, напоминая проходим, что маленькие люди тоже умеют любить. Частички губ отрасли, законы физики усвоились. Школа закончилась, а Лера с Валерой поженились. Юноша – а молодые люди, закончившие школу, по обыкновению, зовутся не иначе как юноши, – поступил на исторический факультет. Еще одной страстью Валеры, помимо истории, была микология; конечно же, Лерочка тоже входила в список важных для парня тем. Но как же все-таки Валерий любил историю и грибы, как же любил. Бывало, встречает свою молодую жену после пар и дарит ей картину Эдварда Мунка «Крик», составленную из частичек мухоморов, опят, рыжиков, сыроежек. Потом забудет,

что дарил такую картину, встречает, дарит опять. А сам все рассказывает да рассказывает про VI век и первую пандемию, приключившуюся в Центральной Азии. Подружки Леры, с которыми та училась на филологическом факультете, посмеивались над чудакватым Валерой. Говорили: посмотри на него, он же странный, посмотри на него, у вас же нет будущего, посмотри на него, – говорили.

Однако Лерочка, эта рыжеволосая, худенькая любительница поэзии во всех проявлениях жизни, целиком и полностью верила в гениальность своего мужика. Верила, как верит черно-белый бездомный котенок руке, протянувшей сосиску на улице. Едят ли кошки сосиски – вопрос, не требующий раздумий. Лерочка даже не думала уходить от мужа, совсем наоборот. Она полагала, что их связь является, чисто теоритически, самым ценным в ее бытии. Порой девушка чувствовала себя переводчицей с заумно-возвышенно-дурацкого языка мужа на земной, понятный окружающим: и таксистам и министрам, шахматистам, продавщицам, и тупицам, даже птицам. Откровенно говоря, а говорить откровенно это в высшей степени благо, ведь стремительная, психически нестабильная реальность совсем-совсем не уместается в канцелярском языке. Откровенно говоря, Валера был человеком, не приспособленным к быту. Мужчина мог забыть поесть, с легкостью откусить кактус, на секунду отвлекшись от написания научной статьи. А потом сидел, не замечая боли во рту, а во рту, как вы понимаете, происходил апокалипсис сегодня, а Валерий продолжал писать, а по бороде стекали капельки крови.

Странности в поведении мужа Лера заметила, когда Валера решил связаться с духом Шарля Бодлера. В начале осени мужчину выгнали за систематические прогулы из института, где он преподавал историю средних веков. Валерий Николаевич, как называли Валеру студенты, вздохнул с облегчением. Освободившееся времечко мужчина посвятил написанию монографии, посвященной XVIII веку, безумию, плесени. Также историк не забывал уделять внимание своей плантационной шкафу. Он уделял и уделял, сеял рожь, поливал ковыль, разговаривал с грибами, осоку власовидную тоже выращивал, фонтанную траву, почему бы и нет. Валерий Николаевич по обыкновению начинал свой день с того, что облачившись в прорезиненный синий плащ, наливал в пластиковые двухлитровые лейки воду. Свесившись из окна на пятом этаже, где, собственно говоря, они проживали, ученый поливал проходивших мимо людей, чтобы росли здоровенькими. Если никто не приходил разбираться с Валерием Николаевичем после этого, он отправлялся напрямик на плантацию, проделывая то же самое, только уже с растениями. Садился за коричнево-медовый дубовый стол в зале и настукивал на компьютере текст.

Именно осенью Лера начала ощущать своим тонким, беленьким носиком гнетуще-сыроватый запах. – Что это, плесень? – вопрошала она, когда чистила зубы. – Нет, это плесень! – кричала девушка, рассыпав речь с макаронами во время приготовления обеда. – Нет, нет, все в порядке! – уверял Валера, а потом громко чихал, и снова и снова чихал. – Да, плесень же, это из твоего шкафа, наверное? – робко спрашивала Лера, намазывая на губы селедочный сок из пластикового контейнера с рыбешками. Стоя в коридоре у зеркала, которое было не зеркалом даже, но постером с Джеком Николсоном. Лицо Лерочки сияло улыбкой, рыжая макушка, казалось, горит синим пламенем. Валера, присмотревшись, заключил, что волосы, действительно, горят. – Дорогая, что с твоей головой? – спросил он, вставая из-за стола в комнате. – А что такое, голову я мыла сегодня, – ответила девушка, скидывая шелковый халатик с китайскими драконами. Ее обнаженное бледное тело, какое же обнаженное, да еще и бледное. Валерий прикрыл глаза, а когда распахнул, в комнату влетела бабочка-капустница, а пламя на голове Леры исчезло, как не бывало. Может, и не было пламени-то, привиделось.

Валерий почувствовал, что исторический культурный код, который содержится в жене, требует немедленной разгадки. Код бултыхался в ней, бурчал, прямо в животе Лерочки. К тому же эти огненные, непростительно расчудесные волосы вызвали у мужчины сердечный приступ. Как он любил свою жену ведьму, как любил. Лицо исказилось, в груди покалывало, мужское начало в брюках топорщилось. Близились конец, Валера не понимал в тот момент, чего он жаждет больше, секса или сожжения. Все-таки ведьма в доме не к добру. Мужчина, опираясь на спинку стула,

тяжело дышал, глядя на супругу влажными от слез глазами. А Лера шагала к нему, нет, не шагала, она парила над полом. В комнате мигал свет, по батарее стучали соседи. Супруга приблизилась к Валере, поцеловала в губы. И они занялись меланхоличным сексом. То есть без особого энтузиазма, то есть почти и не занимались, просто полежали на коврик, потерлись телами.

Но вернемся к Шарлю и его Бодлеру. В начале мая мужчина дописал монографию. Он закричал в шесть утра во все горло, длина которого составляет у взрослого человека примерно 12–14 сантиметров: я дописал ее, дописал! Жена, посапывающая в постели, от неожиданности гавкнула, упав на пол. Протирая заспанные глазенки, она с опаской озиралась по сторонам. Валера искал что-то в комод. Девушка сонно спросила: что, что там ищешь? – Как что, свою праздничную рубашку! – ответил супруг, продолжая копошиться в комод, как янтарная волосогрызка копошится в копне волос молодой Софии Ротару. Почему именно Софии Ротару? А потому, что Лера уловила еле слышное: только, только, только этого мало – звучащее у соседей. В шкафу чихнули, и это вызвало крайнее непонимание у девушки: – Ты слышал, там кто-то, кто там?! Супруг воскликнул, надевая мягкую белую рубашку, черные брюки: это все неважно, ведь я дописал монографию!

Нарядный супруг расхаживал по комнате, заложив руки за спину, жена наблюдала за похождениями мужа сквозь пальцы. По просьбе Валеры она тоже вырядилась подобающим случаю образом, на ней было сиреневое свадебное платье. – Что ты сейчас делаешь? – спросила Лера. – Думаю, какое бы название дать своему исследованию, вот, мне нравится «Грибы зла», только это, кажется, у кого-то было. – Тебе не помешает отдохнуть, давай ты съездишь в санаторий, мне вообще неуютно в этой квартире, – робко сказала девушка. – Нет времени, ты же понимаешь, где мы находимся? – супруг явно был на взводе, у него искрились глаза, поэтому Лера достала из-под дивана полено, кинула мужу в глаз. Чтобы было теплее. Валерий крикнул ей: дура, ты не понимаешь, я занимаюсь наукой! Лера ответила на эту реплику сдержанно: мама мне говорила, что когда-нибудь твоя кукушка улетит в теплые страны. – Насмехайся, дорогая Лерочка, но помни, все пройдет, и печаль и радость, все пройдет, так устроен свет! – запел супруг.

– Валера, может, мы все-таки обратимся за помощью? – поинтересовалась девушка. – Несика ты масло подсолнечное! – ответил Валерий. – Зачем, зачем тебе такое масло? – Лера погрустнела, внезапно вспомнилась работа в начальных классах, хорошая была пора. Коррекционный класс, такие сообразительные детки, даже не скажешь, что попугай столица Молдавии. Сразу после института девушка преподавала два года, пока муж не решил, что домохозяйкой быть интересней. Он помедлил с ответом, размышлял, нежно поглаживая дверцу шкафа. – Валера, зачем тебе масло? – не выдержала такой эротики с деревом Лера. – Чтобы смазать голову, чтобы лучше думалось! – очнулся мужчина. Девушка принесла из кухни бутылку с желтой, как пятна на матрасах в домах престарелых, жидкостью. Валерий полил себе на голову, белые как лебяжий пух волосы сделались жирными, блестящими. Он втирал масло, массировал шею, капли утекали за воротник, грузно падали на паркет. – Мне надо связаться с духом Шарля Бодлера, спросить у него разрешения, спросить, могу ли я назвать свою монографию грибами зла! – пугал своим более чем неадекватным поведением супруг. – Что же ты масло разлил, а если трамвай, что же тогда делать? – тихо спросила девушка.

Валерий Николаевич изволил брусок хозяйственного мыла. Он закатал рукава рубашки и пиджака до локтей, сосредоточенно намыливал руки. В раковине было много пены, пузырьки надувались, как будто невидимые гномы дули в невидимые ручки без стержня. Потом пузырьки лопались, тонкая струйка воды их уничтожала. В дверях стояла жена с карандашником и блокнотом, она фиксировала Валерины тезисы. – Для того чтобы связаться с Шарлем, необходима хорошая погода, буря нам не нужна, записала? – спросил муж. – Записала! – подтвердила Лера. – Далее, общаться мы будем ближе к ночи, детей из процесса общения мы исключим! Девушка возразила: так у нас и нет детей! – Замечательно, – продолжил мужчина, – звать медиумов не будем, они дорогие. Теперь я прошу тебя раздобыть бумагу, карандаши, бристольский картон, на котором по кругу надо будет написать буквы русского алфавита. Супруга задумалась: а вот я не знаю, я, конечно, ничего об этом не знаю, но, по-моему, для этих дел нужно еще блюдце, стрелка

из черной бумаги, овальная дощечка. Валерий Николаевич, наконец, прекратил терзать мыло. Он сказал недовольно: Лера, ты вообще, чем слушаешь, о блюдце и стрелочке и о дощечке я уже сказал! – Нет, не сказал! – возразила девушка. – Сказал, сказал, сказал! – зататорил, как несносный ребенок, Валера. Он выключил воду, стал вытирать руки полотенцем, вспомнил: да, чуть не забыл, надо достать с антресолей колокольчики.

Забегая вперед, хотелось бы отметить, что ни с кем связаться ребятам не удалось. Сеть была занята, как 11 сентября 2001 года в Нью-Йорке. И, слава богу, мять своими живыми пальчиками, как тесто, тонкие материи чреватого. Молодые и шуточные декаденты, чародеи с Новых Черемушек, пророки, учащиеся в выпускных классах, всем вам хотелось бы напомнить – придет время, сами все узнаете. А пока влезать туда, куда собака не решится засунуть хвост, совершенно не стоит. Вам что, жить надоело? Потом пишете на форумах: спасите, помогите! Однако уже поздно, и напоминает ситуацию с адвокатом и девочкой, расправившейся со своей семьей. Адвокат говорит: товарищ судья, проявите снисхождение к моей подзащитной в связи с тем, что девочка сирота. В общем-то, полагаю, что мысль эта вам понятна, не нужны вам никакие подселенцы и пивячки. Тем более что пройти достойно жизнь не поле перелететь, сложновато будет.

В десятом часу, когда стол ожидаемо не полетел по комнате, а колокольчики совсем не зазвенели сами по себе, Валера крепко призадумался. – Ну, давай попробуем в другой раз, милый! – утешала жена. – Нет, Лера, это знак, надо думать другое название для монографии! – отвечал решительно мужчина. Он сидел за круглым столиком, откопанным из-под советского плюшевого мишки, цветастых тряпок, проржавевшего ведра в кладовке. Стрекотали неправильные цикады, ведь они стрекочут в самое жаркое время дня. А тем вечером не сказать что было жарко, пожалуй, всего лишь душно. Душно, как напутственная речь выпускникам литературного института. Все у вас сложится, ребяташки, вы станете великими программистами человеческих этих самых душ, а кое-кто даже редактором, но речь не о том. – Надо полить пшеницу, – вспомнил мужчина. – Полей, я пока приготовлю ужин, – поощрила желание полить пшеницу Лера. И они разошлись каждый в свою сторону. Муж скрылся в шкафу, подобно лучшему роману в мире, а как мы помним, лучший роман тот, который еще не написан. Девушка встала перед зеркалом, на этот раз перед настоящим, а не перед постером Джека Николсона.

Ватными тампонами, вымоченными в женских маслах. В том, чем женщины смывают обычно косметику, признаться честно, я не силен. Частенько в рекламе по телевизору фигурируют некие масла, молочко, пенка для снятия макияжа. К такому важному событию, как встреча с поэтом Шарлем, Лера нарядилась, надушилась, все как полагается. Она стояла перед овальным зеркалом, смывала косметику. Румяные щеки, темно-синие ночные тени, напоминающие синяки под глазами, ярко-красную помаду с губ. Мужчина не возвращался из шкафа. Косметика благополучно скрылась, как преступники с места событий, так же скрылась с лица Лерочки. Девушка погрузилась, она высунула язык, как бы дразня свое отражение в зеркале, отражение не приняло правил игры, поэтому язык в ответ не высывало. Лера думала о том, что жить с мужем становится все труднее и труднее. Нет, в бытовом отношении супруг, конечно, лапочка. Однако не хватало, чего-то не хватало, а чего, девушка не понимала. Валеру, когда уволили, сразу начали приглашать, Валера специалист, преданный своему делу, он молодец. В Берлин позвали преподавать, в компанию, которая занимается составлением генеалогических древ, позвали. – Я чувствую себя словно кукла Оскара Кокошки, – сказала вслух девушка. Отражение запоздало показало язык. Лера печально улыбнулось ему, мол, что ж ты, не поспеваешь. И пошла на кухню к мусорному ведру, чтобы избавиться от использованных материалов. Ватные тампоны впитали в себя краску, набухли.

У мусорного ведра почудился неприятный запах. Не просто сладковато-пропащий аромат помойки, но пахло, как будто сдохло живое существо. Девушка заглянула в ведро, наклонилась даже к нему, понюхала своим аккуратным носиком, пахло не от ведра. Мысли вернулись в прежнее русло. – Я же как постельное белье, которое выдает проводник в поезде, я то самое постельное белье для Валеры, – делилась переживаниями с ведром Лера. Соседка из нижней квартиры включила

телевизор, прибавила громкость до максимума, соседка хотела привлечь к себе внимание, ох, артистка. В молодости она играла в театре, потом сошла с ума. Но с ней мы обязательно встретимся, а сейчас вернемся на кухню. – Нам срочно нужен ребенок, спасибо, ведерко! – обрадовалась Лера, вдохновленная побежала в комнату, вызволять мужа из шкафа, делиться с ним решением проблем. Нет, проблем как таковых и не было, просто девушку тяготила вот эта ситуация, где она предстает в качестве приложения к своему мужу. Как говорила еще Лерина мама: доченька, жизнь с мужчиной это коробка конфет птичье молоко, никогда не знаешь, какую конфетку вытянешь. Девушка порядком устала, выражаясь метафорически, лопать птичье молоко и запивать холодным чаем. На всякий случай, ежели метафора будет непонятна: рутинная жизнь, где наша героиня любит мужа, муж любит ее, у мужа кукушка иногда улетает, но это даже забавно, а вот ребенок, ребенок, подобно горячему чаю, добавил бы пикантности всему происходящему, скрасил бы Лерину жизнь чудом материнства.

Из шкафа ничего не доносилось, словно там наступил карачун всему человечеству. А что если человечество живет в таком шкафу, размышляла, как лучшие философы современности, Лера. Она прислонилась к дверце, слушала. От напряжения ее рот скривился, как у ребенка, увлеченного разделкой курицы. В тот момент девушка была особенно милой, словно письма Достоевского, которые он писал о своей скорой кончине. Писал он эти письма лет с тридцати пяти, начиная со слов: вот и наступает конец, чувствую. В сорокалетнем возрасте начало писем сменилось на «кажется, скоро конец». Не помню, в каком возрасте, но письма однажды стали такими: конец в любом случае когда-нибудь настанет! И вот милая Лера, как эти письма Достоевского, стояла и слушала, что происходит в шкафу. Ей показалось, что там гуляет ветер, и матча гнется и скрипит. Не выдержав, – девушка все-таки была не шпионом, подолгу вслушиваться, затаившись, прерогатива шпионов, – она распахнула дверь. А за ней оказался поздний зимний вечер, промышленные строения, женщина с девочкой в синей шапочке с вязками, болотного цвета комбинезоне. Женщина была никакой не женщиной вовсе, а была мамой, а девочка, соответственно, была Валерией. Детская Лера громко говорила своей маме, плача: я видела собаку, у нее ребрышки торчали! Мама ей отвечала: спасем твою собачку, спасем, я завтра позвоню в приемник, ей помогут! – Нет, в собачке был еще червячок, как быть с ним?! – всхлипнула доведенная до отчаяния Лера. Мама задумалась. У нее не было решения этой задачи, задачи по спасению и собаки, и червячка, который проживает в собачке. – Девочка моя, всех спасти нельзя, к сожалению, это так! – наконец ответила мама. И женщина вместе с маленькой женщиной пошли дальше. Их путь, как помнила взрослая Лера, пролегал мимо психиатрической больницы и скотобойни. Близость этих двух заведений порой рождала причудливые симфонии, состоящие из криков животных и криков пациентов.

Наваждение завершилось ожидаемо быстро, как строительство Транссибирской магистрали. Если бы наваждения длились продолжительное время, то психика гражданина, испытывающего подобные видения, быстро бы истощилась. Лера обнаружили себя зареванной, лежащей на кровати. Суетился муж: как ты себя чувствуешь, наверное, ты перенервничала с этим сеансом, лежи, лежи! Он тараторил, тараторил. Лера думала, когда же ты догадаешься оставить меня в покое, мне нужно побыть одной. Но Валера не оставлял супругу в покое, он сбегал на кухню, принес кружку с кипяченой водой, вновь сбегал на кухню, вернулся с пузырьком валокордина. На третий заход Лера не отпустила мужчину: я хочу побыть одна, просто дай мне это сделать! Девушка умылась, надела пальто, сапоги, вышла на улицу. Она подозревала, что Валера не сумеет оставить в покое, поэтому бегство из квартиры виделось Лере достойным решением. А дальше в этой истории начинаются совершенно необъяснимые события. Например, почему девушка решила позвонить Миши Токареву, с которым не общалась с институтских времен? Каким образом она нашла номер его мобильного телефона? Почему девушка посчитала, что Токарев может ей чем-либо помочь? Зачем на проводах висит обувь? Почему арбуз ягода? А также, почему красная книга красного цвета?

Глава 2 Трехрукый боксер

Однажды я перестал быть одной крови с коровами, устроился в издательство, гематоген чудовищно подорожал. Пришлось довольствоваться шариками рыбьего жира, чтобы витамины хоть как-то поступали в организм. Когда дорожает гематоген – это значит, в стране наступают сложные времена, привезут ли ножки Буша, вопрос. И вот я поехал в редакцию в свой первый рабочий день. Диктор после станции Сокол внезапно сказал сметана. В вагоне сидело два человека, девушка, которая походила на Марину Абрамович после своего шестичасового перформанса, она выронила предмет, завернутый в белый носовой платок. Платок развернулся, подобно детской машинке, в робота. Поезд остановился в тоннеле, свет мигнул, диктор попросил сохранять спокойствие, когда вязнешь в сметане, сложно сохранять спокойствие, но мы сохраняли спокойствие. По полу покатылся стеклянный шприц, рассыпались одноразовые иголки. Девушка смущенно улыбнулась. И я подумал, что ж ты, Марина, не выбрала виноград или печенье. – Будьте осторожны! – сказал диктор, сказал как-то неуверенно. Девушка собрала в платок баян, но играть не решилась, прикрыла глаза. Я тоже прикрыл глаза. И мы, как две панды с большими черными мешками для мусора, поехали дальше в абсолютно холостячком вагоне метро.

На улице было много-много желтых листьев. Казалось, они вымазались клеем, прочно сцепившись с тротуаром. Выйдя из метро, я ожидаемо поскользнулся, ведь в то утро мало каши ел. Вокруг сновали прохожие, ни один из них даже не помог подняться, с другой стороны, гематоген дорожал, и у всех были свои заботы. Издательство, куда я устроился, печатало научно-популярную литературу. Если бы у меня тоже было издательство, я бы печатал рассказы и верлибры разных ребят на освежителях для воздуха. Или на стиральных порошках, например. Читающий человек проводил бы времечко с пользой, это уж точно. Но другое издательство, в которое я шел тем утром, оно находилось в жилом пятиэтажном доме, и ни о каких освежителях для воздуха речи и быть не могло. Отряхнув свою зеленую куртку и штаны с нашивкой Микки-Мауса от приставших к ним листьев, пошел наугад в сторону магазинов. Потом окончательно заплутал, ведь своего телефона, такого, чтобы с навигатором, у меня до сих пор не было. У магазина на скамейке сидело несколько понурых мужчин и одна женщина. Она улыбалась своим краснот-перекошенным ртом, на голове у нее была синяя беретка. Подходя к ним, я спросил: где тут издательство в переулке? И тогда женщина показала свой оранжевый язык. А мужчина, чье лицо скрывал кашпошн с мехом, кашляя, сказал: ближе не приходи, мы опасаемся за свое здоровье! Я спросил его вот так: а в чем дело, товарищ? А он ответил: да, сейчас зараза какая-то каверзная, не хотим рисковать, издательство вон за тем домом. Женщина хихикнула, товарищи засобирались, взяли свои жестяные банки, пошли во двory.

Выданный накануне ключ от редакции вошел в замок, словно мысли об ультранасилии в голову буддиста, легко. Дежурить предстояло три раза в неделю, отвечать на звонки, собирать книжные заказы, выдавать их, составлять накладные для библиотек, разное, в общем, предстояло делать. Ключ повернулся на один оборот, застрял. И так и сяк я его пытался крутить, даже вытащить назад его не получалось. – Милая дверка, ну, пожалуйста, откройся – унижался я перед обитой фиолетовым дерматином дверью. В подъезде пахло формальностями, вроде кошачьей мочи, чьих-то духов, сигарет. Этажом выше открылись двери лифта, по ступенькам кто-то спускался. Если бы у меня было свое издательство, я бы вместо жилого дома предпочел организовать его в домашнем шкафу. Там в определенной степени комфортней существовать и ни от кого не зависеть, только от коммуналки и клопов. Подошел мужчина в расстегнутой коричневой дубленке, под ней виднелась вязаная кофта. Кофта была такая, как бы красная в синюю полоску. Я еще отметил про себя, что все полоски не уникальные, качество-то заводское, хотя все-таки одна из полос, та, что ближе к воротнику мужчины, пожалуй, заслуживает внимания. Она прерывалась ровно посередине, а потом продолжалась как ни в чем не бывало. Из отверстия с рваными краями на

меня смотрело подобие глаза, вытатуированный, выцветший глаз моргнул. Мужчина рассмеялся, потом спросил: новенький сосед? У него были седые волосы, зализанные назад, густые черные брови, тонкий белый шрам от пореза на лбу. – Да, дверь что-то не открывается, – ответил я, еще раз посмотрел на глаз у него на груди. Мужчина сказал, снимая дубленку, а потом и кофту: гляди, какая. Там была рыба, хвост которой лежал на плече соседа, а профиль как раз и был с глазом. – Красивая, – подтвердил я. Он оделся, сказал: послушай, тут лет двадцать назад сектанты жили, с тех пор дверь просто так не открывается, надо ее ногой вот так пнуть. Мужчина саданул головой в середину двери, сказал: теперь попробуй. Я провернул ключ на второй оборот, получилось. Только хотел сказать спасибо, но сосед уже вышел на улицу, не прощаясь. На двери проявилось подозрительное темное пятно, прямо там, куда ударил головой мужчина.

В самой редакции было уютно, узкий коридор, несколько комнат. Я шелкнул выключателем на стене, по ней, быстро перебирая своими ложноножками, побегал бегемот. От неожиданности я вскрикнул, не как девчонка, скорее впечатлительный мальчик. Осмотрел комнаты. На складе вдоль гипсокартонных стен стеллажи, на них книжки по рубрикам. Висел плакат с трехруким чернокожим боксером и надписью «я всегда на шаг впереди». Корешки книг: «пиратские истории», «все, что вы хотели знать о чайном грибе», «интимные глубины души, а также дети». Я повторно вскрикнул, тут уж как девчонка. С потолка прямо за шиворот упала холодная капля, потолок протекал, видно, наступил сезон дождей. А надо мной было еще четыре жилых этажа. Где-то там включилась танцевальная музыка, это в девять часов-то утра. Пошел к своему рабочему месту. А рабочее место находилось во второй комнате, рядом с туалетом. Как будто плакатное место рядом с туалетом, но в целом ничего страшного, в туалете был освежитель для воздуха с ароматом хвойного леса. На всякий случай заглянул туда, чтобы быть в курсе обстановки вокруг. Когда не интересуюсь политикой, однажды сядешь в тюрьму, как говаривал мой дедушка.

В комнате, где предстояло провести какое-то время, – я еще не знал, насколько придется задержаться в издательстве, – пахло кофе и сыростью. Самое долгое, по-моему, год, да, самое долгое год, когда мне довелось поработать на телевидении, о чем это говорит? О чем это может говорить, кроме как о невозможности литературным работникам в нашем с вами мире основательно закрепиться. Мое новое рабочее место представляло собой крутящийся стул, у которого не было спинки, стол, у которого были жилистые руки с синими венками трудолюбивой девчонки, предыдущей служащей, и компьютера. В телефонной книге были номера так называемых контрагентов, то есть представителей магазинов, продающих наши книги. И я начал обзавивать их, надо было познакомиться, обозначить себя. Даже в тюрьме есть такой обычай, или не в тюрьме, в любом коллективе: как ты себя поставишь сначала, так и будет складываться твоя жизнь. С двумя тетушками поговорил складно, не сказать чтобы душевно, но мы познакомились и договорились сотрудничать в дальнейшем. С третьей произошел следующий диалог. Я: алло, доброе утро, меня зовут Миша, теперь я ваше новое связующее звено с издательством N. Она: добрее видали, позови лучше взрослого человека к телефону. И тут стоит добавить, что голос у меня все-таки детский, а когда я волнуюсь, там вообще детский-детский, там начинается словесная абракадабра. Я: нет, вы не поняли, вы уже говорите со взрослым человеком. Она: не зли меня, засранец, у меня приехали книги на склад, я спешу. Я: что сделать, чтобы вы поверили? Она: подрасти, а потом звони, скотина. С этими словами женщина положила трубку, а я остался сидеть под пальмами в больших коричневых горшках.

Еще в этой комнате было четыре таких же рабочих места, еще там был дополнительный кабинет директора. А еще там был первичный бульон, ведь по стенам время от времени пробегали бегемоты, шевелили своими усами. Значит, некие процессы все же происходили. А я сидел под пальмами без движения, эта спесивая женщина с голосом Надежды Бабкиной расстроила. Прозрачный чайник на столе привлек взгляд, и я пошел набирать воду. В дверь неожиданно постучали. Это пришла девушка в леопардовой шубе с фиолетовыми волосами. Она спросила, заикаясь: вы собрали мой заказ, мой заказ очень важен, в моем заказе самое нужное? Я перебил ее: номер заказа, а иначе ничего не случится, как в том анекдоте про конфеты и ручки. – В каком анекдоте?

– переспросила она. Проигнорировав, развернулся и потопал в туалет, чайник-то сам себя не наполнит. Струя из-под крана не бежала прямо, она бежала зигзагами, как будто рядом была зона энергетической активности. – Вы скоро? – спросила девица, заглядывая в туалет. – Нигде от вас не спрятаться, вы как алкоголизм в компании трезвенников, – ответил я, завинчивая кран. – Пойдемте, соберу ваш заказ! – продолжил я.

И мы зашли на склад, но перед этим я худо-бедно распечатал товарную накладную, ведь когда объясняли, что нажимать, прощелкал ушами. – Изо рта в рот, получается микроб, – сказала барышня. – Что, что вы там говорите? – спросил я, доставая с четвертой полки книгу «Очерки древнего секса». – Вы новенький сотрудник? – она постучала своими длинными кислотно-зелеными ногтями по корешку «Чумы, от которой не скрыться». Мне пришлось рассмеяться, второй человек, заметивший это маленькое недоразумение, ведь категория новенький не предполагает серьезного к тебе отношения. Новеньким быть это как мечтать сделаться Гарри Поттером с его волшебной палочкой, но все уже знают, что единственная палочка, доступная тебе, кишечная. – Новенький, он самый, – подтвердил я, глядя «Математику для самых дебильных» в общую стопку заказа. Девушка закашляла, у нее изо рта вылетела эктоплазма. С эктоплазмой я в своей жизни однажды сталкивался, в прошлых произведениях об этом вполне можете почитать. Полупрозрачные ниточки, словно ловчие щупальца медузы, колыхались в пространстве. У покупательницы закатились глаза, она стала часто вдыхать, вдыхать, вдыхать, чихнула. И наваждение прошло, белесое облако втянулось обратно. – И давно это у вас? – спросил у нее. – Ой, не говорите, – скривилась девушка. И мы вышли с ней в узкий издательский коридор.

Покупательница с фиолетовыми волосами расплатилась за книги, ушла. Неудобная девушка, подумалось мне, как будто камешек в валенке. Наличные деньги лежали в пластиковом конверте в столе у нашей бухгалтерши. На ее столе валялся пузырек с таблетками от высокого давления, градусник, карманный календарь с молодым Леонтьевым. Календарь был 99-го года с кучерявым автографом. Четыре книжки в килограммах вышли на две тысячи рублей, но я догадывался, почему печатная продукция стоит так дорого, догадывался. Это ж надо было платить зарплату сотрудникам, за аренду помещения, обеспечивать перевозки с основного склада, тут не отделаться себестоимостью одной книжки в сто пятьдесят рублей, тут, товарищи, необходима наценка и четкая гражданская позиция, лезть в книгопечатание – ответственное дело. Чайник закипел на столе, пузырьки забурили, неожиданно я захотел написать роман, который когда-нибудь напечатает. А если все-таки не напечатает, тогда и смысл писать? Нет, нет, смысл есть. Здесь как с чудом, ты рассказываешь про него, и оно перестает быть чудом. Здесь просто садись и пиши, не распространяясь. А то начнется: Миша, как там с романом, Миша, пришли почитать хотя бы главу, Миша, а посоветуй кино, Миша, а как ты справляешься с депрессией.

Завонил телефон, там помолчали, тут помолчали. – Кто молчит? – спросил я, жуя ворот своего красного комбинезона, страсть как полюбил комбинезоны в последнее время. Когда ты в комбинезоне, подкожные черви не такие активные, меньше испытываешь желание содрать свою кожу, чтобы размахивать ей потом, радостно покрикивая: я поборол тело, я обновился! – Вас не слышно, алло! – смущенно прощентал в телефонную трубку. На том конце провода послышались потрескивания, как будто разговаривает костер, на том конце провода. К потрескиванию добавился шум хворого телевизора. – Мне придется положить трубку, – заверил я. Тут все и произошло. Женский голос, пронзительный, непонятный. Она тараторила в мое правое ухо так, что в левом неприятно покалывало, закладывало, как будто летишь на самолете. Скверное чувство, ладошки вспотели, похолодели, онемели, посинели. И мне даже показалось, что некоторые слова понятны, вот они, абсолютно прозрачные, словно лапша фунчоза, но смысл всего монолога барышни не складывался. Это какой-то плохой робот-машинка, подумал я, вспомнив нехстати утреннее происшествие в метро, вспомнив платок и шприц. Кое-что все-таки удалось разобрать: тяжелеют, дозвониться, напечатать. Моя голова чудовищно разболелась, но положить трубку что-то мешало, положить трубку я не мог, казалось, физически. Некто в моей руке копошился

невидимой иголкой, капли, стекающие со лба, попадали в глаза. Щипало, как от желтого шампуня с зайцем, щипало, как если бы вы нарезали лук. Луку, полагаю, неприятно, когда его режут, нервной системы у него нет, поэтому луку больше обидно, чем больно.

Спустя некоторое время девушка прекратила балаболить, взялась за ум, у нее родились дети, она вышла замуж, перестала читать книги, жизнь сделалась прекрасной. А у меня помутился рас-судок и поднялось давление. В трубке зашипело, как если бы шипели, впрочем, нет времени на метафоры, поэтому перейдем к делу. В трубке пошли помехи, сквозь которые виднелись чьи-то ноги в брючках, юбочках, джинсах. Помехи как будто навеивали ложные воспоминания. Комната качнулась, потом принялась тягать гантели, став культуристом. – Милая комната, не качайся, – унижался я перед ней. И тут раздался стук в дверь. Только благодаря стуку мне удалось поборо-ть подступившую тошноту, в телефонной трубке пропали шумы, послышались кроткие гудки. Комната вернулась в норму, комната была дистрофична. За дверью стоял Павел Вениаминович, директор издательства. Он снял круглые темные очки, под которыми были еще одни, поменьше. Спросил меня: ты дашь мне зайти, у тебя все в порядке? Почему он так спросил, подумал я, пошатываясь в дверях. На директоре была черная шляпа, с полей которой свисали вареные макароны, покачивались в такт словам Павла Вениаминовича. И откуда у вас только макароны берутся, у вас неужели в голове происходят процессы варения? Размышляя я, фокусируя взгляд на его тонких седых усиках. – Э, братец, ты никак не стоишь на ногах! – сочувственно сказал директор, вошел в редакцию, подвинув мое тело в сторону. Тело, состоящее из пятидесяти девяти кило мяса, плюс кило мыслей и воспоминаний. Точность, как в аптеке или на рынке у честного продавца.

Мы переместились на кухню. Издательство-то занимало жилую квартиру, пусть и перестро-енную, там была обычная кухня с холодильником, плиткой. Мы сидели с ним друг против друга, как отец против сына, а сын против собаки. Директор в красной клетчатой рубашке и подтяжках напоминал – впрочем, это заблуждение, – что все маньяки носят клетчатые рубашки. Однако на фотографиях из зала суда мы видим разных Пичушкиных, Головкиных в неизменных клет-чатых рубашечках. Под шляпой на голове мужчины оказались каштановые волосы с проседью. И я так залюбовался этими серебряными паутинками, что чуть не рухнул с табуретки. Комната по-прежнему кружилась, подташнивало после телефонного разговора. Микроволновка дзынь-кнула, мужчина взял свой контейнер с гречкой и сосисками, отвернулся к столу, начал питаться. Напитываться. Спросил у меня: а ты не взял с собой, что ли, тут мы сами себе еду приносим и обе-даем. Я ответил ему: в первый рабочий день предпочитаю не кушать. Вообще-то, ни в первый, ни во второй, никогда. Горлом ком не идет абсолютно, когда рядом незнакомые люди. Что работал почтальоном, что мыл полы в школе, обычно старался позавтракать дома сытно, чтобы хватило на целый день. Хотя мамочка всегда-всегда вручала в дорогу бутерброды, котлетки, пирожки.

Челюсти директора работали, как будто загнанные в тупик ипотекой люди, отчаянно. Я не решался заговорить, просто сидел там, слушал, вникал в обстановку. Из уха моего собеседника несмело выглянула мордочка мухи, цепляясь лапками за торчащие, словно иголки на елке, во-лоски, выбралась на свет. Вспорхнула, жужжа, полетела по кухне. – Когда будет зарплата? – спро-сил я. – Мм, зарплата, тридцатого числа, дружок, – ответил он. – Хорошо, а можно уйти сегодня пораньше, раз вы пришли? – не унимался я. – Мм, нет, – сказал директор, вылизал серебряную ложку, спрятал в карман брюк. Затем он встал и направился мыть чашку. Напор воды был сла-бый, как второклассник. В дверь постучали, кто-то зашел. Мы с директором вышли в коридор, увидели человека в милицейской форме. Он с улыбкой сказал директору: Павел Вениаминович, мы с вами договаривались. О чем они договаривались, я не узнал, директор спешно выпроводил мое пятидесятидевятикилограммовое тело. – Миш, ты на сегодня свободен, иди, иди домой! – по-торопил он.

На улице моросил дождик. Я шел мимо большущего здания иностранных дел. Оно, казалось, парило над тротуаром, хотя и время было раннее, но уже начинало темнеть. В этом возрасте су-точного времени начинаются гоголевские превращения. Пройдя вдоль сетчатого забора, врзал-

ся в человека-рекламу, человека, призывающего купить средство от заложенности носа. Потом стоял у метро, размышляя о первом рабочем деньке. Как это хорошо и здорово, – думал, – что меня взяли на работу, простой был долгим без работы-то. В основном удаленная, по интернету, сценарии для женских телепередач, расшифровки многочасовых интервью. Ладно, думаю, поеду, пора. Спустился в метро, а там началась мясорубка. Усиленный работягами с предприятий людской поток, и мы моросим, моросим, моросим. Моросим на перрон, как дождик на улице. Поезд подошел быстро. Утрамбовались.

Приехал домой, голова нездоровая. Гудит немного, не так чтобы как трансформаторная будка, но гудит. Заварил на кухне чай, подогрел пирожок с капустой. – Миш, подойди-ка ко мне! – позвал отчим из комнаты. Отчим занимается биополями, у него на столе множество книжек. Анатомия, химия, маятники лежат. Он меня зовет, значит, говорит, не отводя взгляда от большого деревянного круга с разными обозначениями. Говорит: тебя сегодня атаковали. Я смущенно ему: вполне возможно. Он спрашивает: как думаешь, кто? Узор на красном ковре, который висел на стене, задрожал, кошка на окне зашипела. – Да, я говорил там по телефону, непонятно было, – проблеял жалостливо я. – Представь этот разговор у себя в голове, – сказал он. И я начал представлять, левое ухо вновь заложило, вспомнился женский голос, который тараторил и тараторил. – Достаточно! – остановил отчим. – Я все почищу, – заверил он. – Спасибо тогда, – сказал я.

Кушал пирожок с капустой и запивал чаем у себя в комнате. И вот о чем размышлял, глупость, конечно, но что-то в этом есть. Такая старая шутка. Мол, дети в подростковом возрасте выбирают себе фильм, в соответствии с которым будут строить свои жизни. У кого-то Горбатая гора, у кого Золушка, Побег из Шоушенка. А у меня какая-то Ведьма из Блэр получается. И неспроста, что мой отчим подобные вещи чувствует. Он говорит: ты человек божий, но подвержен разным плохим влияниям. В пирожке очутился длинный рыжий волос, красивый. Почти такой же, как у моей бывшей жены, работающей психиатром. Конечно же, у нее волос не один, а много, просто попадались они чаще всего по одному вот так же в пирожках, супе, плове. Зазвонил телефон, незнакомый номер высветился на черно-белом экране. Не стал отвечать, потянулся в кресле. Ухо разложило, то есть оно было заложено, как я подумал о том разговоре, о том, кто мне шептал в другое ухо, пока я слушал этим ухом торопящийся и непонятный монолог девушки. Потянулся, зевнув, ухо разложило назад, голова перестала гудеть. – Прошло, лучше?! – крикнул отчим из комнаты. – Лучше, спасибо! – крикнул ему в ответ. И подавился последним куском пирожка, который при кашле – стремительно вылетел из меня, шмякнувшись на подоконник.

Телефон вновь зазвенел, и я, не сдержавшись, ответил. Там был женский голос. – Миша? – спросили. – Слушаю – крикнул я в ответ, подошел к окну. На подоконнике помимо частичек капусты из пирожка лежали три резиновые уточки. За окном пролетал самолет, в самолете сидели два пилота. Один другому говорил: посмотри, что это там так мерцает? Но второй ему ничего не отвечал, ведь на мгновение телом второго пилота завладели, пальцы, вцепившиеся в штурвал, свело. А вот за окном, за большим шоссе в форме восьмерки сразу находится мусорный полигон. Многоэтажная гора спрессованных фантиков, бутылочек. Вспышка, на самой вершине горы загорелся пионерский костер. Почему пионерский, а потому, что в соседней комнате отчим отвлекся от своих маятников, включил телевизор и канал Ностальгия. Ничего себе, разбился, наверное, подумал я, и отошел от окна, за которым стало светло, как будто бы днем. – Миша, это ты? – спросил еще раз женский голос. – Привет, Лера, я тебя узнал! – ответил ей, действительно ее узнал. Если бы даже не узнал, сказал бы, что узнал, бабушка еще говорила, что я малахольный, говорю всегда то, чего ждут.

Лера была тоненькой, рыжеволосой, прямо солнышком была. Когда мы учились в институте, солнышко мне нравилось, и если бы тогда я не пил и не мыслил себя трагическим поэтом, возможно, наша дружба мутировала бы в романтические клетки ДНК. И даже Валера, с которым Лера тогда съехалась обустроить свой семейный и такой взрослый быт, не помешал бы, о, нет. Однако примерно курсе на третьем я стал отчаянно пить, в связи с тем, что пубертатный возраст

никак не желал проходить, первая девочка, с которой мы дружили по-серьезному, бросила. И я вот, сидя на последней парте на лекциях, мешал в кружке коктейль с названием триединство. Это когда вы берете пустырник, боярышник и валерьянку, в равной пропорции смешиваете, но не взбалтываете. Лектор, помнится, рассказывал о Москве и Петушках, а Лерочка сидела на передней парте такая красивая. Мы потом и до этого тоже просто разговаривали о всяком разном, о литературе, кино, о том, как лучше солить огурцы. Я приходил к ним в гости, пьяный, приставал, читал стихи. Валера переводил все в шутку, но чаще переводил на немецкий язык. Науки, которыми он занимался, требовали знания именно немецкого языка. Еще забавная подробность, алкоголические эксперименты окончились перед самой сдачей диплома, тогда же, помнится, я впервые съездил на каникулы в наркологию. Мы защищали дипломы так же, как вьетнамцы защищали свои земли от американских солдат, а потом разбрелись, кто работать, кто жениться, кто погостить у родственников на Камчатке. Я поступил в магистратуру в другой институт. И с тех пор в гости к Лере с Валерой не заходил. И трагическим поэтом быть перестал.

– Что-то случилось? – спросил, чувствуя, как поднимается давление, холодеют пальцы. Волнение дело такое, никогда не предполагал, тем более о чем вообще речь. – Случилось, ты не мог бы приехать к нам? – кажется, Лера волновалась не меньше, у нее дрожал голос. – Когда мне приехать? – Приезжай зимой, мы уехали к родителям Валеры, Валера сошел с ума! – заплакала она. – Я сейчас работаю, давай приеду в первый день зимы, – неуверенно пообещал ей. Отчим в соседней комнате покашлял. – Я не вовремя? – спросила Лера. Ответить ей не успел, у нее там послышался голос мужа: с кем ты разговариваешь, сколько раз я тебе говорил, не доверяй никому! – Я перезвоню! – пообещала девушка и положила трубку. К пионерскому костру устремились десятки улюлюкающих мерцающих точек. Отчим крикнул из комнаты: скоро мама придет, давай сварим суп! В дверь заскреблась кошка, впустил ее, она подбежала к окошку, прыг на подоконник, хватя уточку. Но мы пошли уже варить суп, поэтому до кошки не было никакого дела.

В завершение данной главы не лишним будет рассказать о том, чем пришлось заниматься. Ведь свидание с Валерой и Лерой произошло спустя несколько месяцев, произошло, как я и сказал, в первый день зимы. Я по-прежнему кушал рыбий жир, чтобы витамины поступали в организм, однако гематоген спустя непродолжительное время стал дешеветь. И поэтому я вернулся к нему, полагая, что сложные времена приостановились. Три раза в неделю ездил на дежурства в редакцию, отвечал на звонки, составлял накладные, по которым осуществлялись отправки в разные библиотеки, книжные магазины, также редактировал тексты. И понял одну вещь, современный книгопечатный рынок подобен игре с отцом в Ленина и мавзолей. Отец обычно ложился спать, совсем как вождь, а ты охранял его сон. Холдинг-монополист, включающий в себя множество издательств, все они, как ты в детстве, оберегают сон Ленина, выпускают свою книгопечатную продукцию, кормят. С другой стороны маленькие издательства, не входящие в холдинг, к примеру, такое, как наше, они вернулись почти что к советской системе самиздата. Тираж одной книги редко достигал тысячи, а бывало даже, что речь шла о трех сотнях экземплярах. По поводу охраны сна Ленина – стоит добавить, что сын все-таки не перестает быть зависим от своего папки, поэтому они образуют симбиоз, в основе которого лежат взаимовыгодные условия, я тебе деньги, а ты печатаешь то, что я скажу.

Зарплату перечисляли на банковскую карточку, я совсем отвык от подобной системы. Бывало, приходишь за кефиром и булочками, протягиваешь карточку, а за тобой длинная очередь, все ждут. А продавщица не может с карточкой управиться, а все ждут. Поэтому наличные деньги, они надежней. Но подобные лирические отступления, кажется, излишни. Я работал целую осень, проживал свою литературу. Впервые, осенью, пришел авторский гонорар от журнала с советским названием. И я заплатил за коммуналку, купил продуктов благодаря поэтическим текстам. А в целом ничегошеньки экстраординарного в осенний период не происходило. Лишь всепоглощающая тишина вокруг, в метро, алло, вас не слышно, алло, заказ на десять книг уже на складе, алло, к сожалению, я не успеваю доставить ваши учебники по географии, алло.

Глава 3 Ясный мой свет, ты пахнешь керосином

Безъязычный декабрь мычал, мычал, а потом заговорил. Было холодное утречко, выпал первый снег, у соседей сверху отвалился кондиционер. Сначала прогнулся под тяжестью килограммовых снежинок, а потом и вовсе полетел с двадцать пятого этажа, прямо на проезжающую мимо дома милицейскую помощь. И опять и опять в голове заиграла песня: белые снежинки кружатся с утра, выросли сугробы посреди двора. Запах елки, неизвестно с какого перепугу взявшийся в моих ноздрях, понравился. То есть по спине побежали мурашки, даже глаз задергался. Это, знаете ли, воспоминания о позапрошлом Новом годе, когда я сам был невесомой снежинкой, когда было хорошо и покойно. Однако четыреста дней чистоты и трезвости, в определенной степени, обязывают соблюдать правила приличия.

В комнату зашла кошка, а вместе с ней шахтер Стаханов на четвереньках. Они потерялись своими телами о кровать, замурлыкали. И шахтер здесь был неслучаен, ведь работать по выходным я не собирался, директор издательства предупредил, что иногда придется этим заниматься. Он позвонил и сказал тем утром, о котором сейчас рассказываю: Миша, сегодня выходить не надо, сегодня бухгалтерша подежурит. Ответил ему: вообще-то, я не собирался. Он уточнил: вообще-то, здравствуйте. Я сказал: вообще-то, говорят – однако здравствуйте. Директор подтвердил: ты прав. И положил трубку. А я вычленил свое тело, как из сложносочиненного предложения, из кровати. Пришел на кухню, а там испеклись оладушки, но не сами по себе, в таком бы мире, если бы они пеклись самостоятельно, жить было бы сплошное удовольствие. Мама пожелала доброго утра. Неожиданно запахло денатуратом, в составе которого преобладает керосин, денатурат ли это тогда? От запаха закололо в боку, ощутил себя истыканной ножами Шерон Тейт. – Мам, колет в боку! – пожаловался Наталье, которая испекла оладушки. – Сходи в больницу, ты собирался сегодня в гости? – спросила она. – В гости, – подтвердил я. А потом сел за стол, выпил чай с лимонными шкурками, поел оладьи, подавился, но выжил.

Валера с Лерой жили на окраине Москвы, а мы в свою очередь жили в песнях, которые нужно петь стоя. Но такие песни не приходят в голову, вроде бы гимн принято петь стоя, а больше я не знаю, поэтому метафору о том, что мы живем в песнях, предлагаю признать несостоятельной. Перед тем как сесть на маршрутку и поехать к Валерии с Валерией, отправился в нашу поликлинику. Иногда я захожу туда без повода, ведь могу себе позволить, тем более в некоторых ситуациях необходимо действовать на опережение. Никогда не знаешь, почему зрение резко ухудшилось или зачем в печени покалывает. Поликлинику построили новую прямо рядом с домом, люди теперь ходили в нее, в старую не ходили. Я шел мимо детского садика, когда из окна полетел горящий мужчина, вот от него и пахло керосином. Он приземлился в сугроб, встал, отряхнулся и пошел к подъездам. А звали его Коля, как начиналась зима, сосед любил проворачивать этот фокус, таким образом он выражал свою радость приближающемуся Новому году. В новой поликлинике врачи обращались к людям исключительно на вы, улыбались, спрашивали: что у вас произошло? И в тот раз девушка в регистратуре спросила: вы пришли на прием, к какому врачу? Я смутился, у нее были красивые глаза, не помню, какого цвета, поэтому от волнения крикнул что-то неразборчивое и выбежал из поликлиники. Началась метель.

На остановке мужчины в черных пуховиках вызывали маршрутку. Они закуривали сигареты, быстро тушили о мусорный бак, прятали в пачки, закуривали новые. И так несколько раз подряд. Наконец очертание маршрутки показалось на горизонте. Она как будто растекалась по всей ширине дороги, ледяной ветер выскабливал слезки, глазки болели. Мутно-желтая, она казалась деформированной, болезной. Один мужчина издал победоносный вопль, какой издают аборигены в Африканских племенах, судя по научно-популярным фильмам. Из кармана он достал отвертку, ручка которой была перемотана синей изолентой. Маршрутка ехала чудовищно медленно, слов-

но никто и не ждет ее. А я заметил, что к остановке из близлежащих дворов стали брести люди. Снег кружился, не таял, тонны снега, столько снега не выпадает за целый век. Люди переставляли свои ноги, утопали в сугробах. Два, три, десять прохожих, всем нужно куда-то ехать, двадцать, тридцать смельчаков, решивших покинуть уютные квартиры. Мужчина с отверткой приготовился, клинок выставлен по направлению к оккупантам. Однако кое-что воин упустил из вида. Он не учел прочие стороны света, дед, чье лицо было замотано шарфом, только красный нос торчал, вышел из магазина «24 часа» и зашел за спину конкистадора с крестовым или шлицевым мечом. Маршрутка, заскрипев, словно панцирная кровать, остановилась, в салоне, судя по всему, не оставалось сидячих мест. И что тут началось, что началось.

Прохожие ломанулись к двери, они толкались, пинались, кусались, хрюкали, даже упала какая-то бабка, которая тут же вцепилась в ногу мужичка в черном пуховике. Со стороны аптеки бежала другая старушка, словно пингвин, она нелепо семеняла, но валенки скользили, она взмахивала ручками, балансируя. Подбежав к остановке, прыгнула на живот, покатилась. И подобно первой бабке, схватила мужчину в черном пуховике за вторую ногу. Он выкрикивал что-то ругательное, пытался отбиться, но ничегошеньки не выходило – женские узловатые пальцы, закаленные морозами, крепкие от ношения очень тяжелых сумок с продуктами. Отношение к этим узловатым пальцам у меня самое уважительное, не подумайте. Так вот эти пальцы надежно удерживали ноги мужчины в черном пуховике. Я заметил, как второй гражданин, тот, что с отверткой, оседает на белоснежно-желтый снег, красноносый дедушка душил его сзади. Гражданин беспомощно тыкал отверткой в толстый овчинный полушубок нападающего, но противопоставить ничего не мог. И тут я увидел проталину в ледяной глыбе человеческих тел. Такой как бы ручеек, где обнажилась тропинка, и я, прыгая по ней, словно зайчики под седативными препаратами, устремился прямо к дверям маршрутки.

Врезался во что-то внушительное и мохнатое, пахнущее рыбой, это была иссиня-черная шуба, вокруг лишь черные пуховики, черные брюки, черные, черные, почему все такое черное, черный цвет это депрессия! В спину толкали, вдавливали в салон. Водитель с гладко выбритым голубоватым лицом, глубоко посаженными на цепь глазами, достав короткий револьвер, стал кричать тем, кто пихался на улице: мы уезжаем, не вынуждайте меня стрелять! В него полетели ошметки снега, снег был недостаточно мягким, чтобы скооперироваться в шары, а шары это, извините меня, цельность. Наконец дверь с усилием закрылась, зажав чей-то клетчатый баул. Дышать стало тяжело, духота опять же. Сквозь запотевшее окно я разглядел время, когда деревья были большими, а также тех, кто не стал великанами. Маршрутка поехала. Женские ноги в радужных шерстяных колготках, кожаных сапогах – лежали на плечах водителя, туловища хозяина ног нигде не наблюдались. Выезжая на шоссе, мы на чем-то подскочили, стремительно мимо лица пролетела лыжная палка. Она вонзилась в спинку кресла. Кто-то сказал: хорошая примета. И мы поехали дальше, не вынимая из кресла палки, все-таки хорошая примета.

Волосики шубки, пахнувшей рыбой, щекотали лицо. Я нервно посмеивался, но не слишком, чтобы не волновать пассажиров. Маршрутка заехала под мост, а выехала уже подмышкой. В ухо шептались горячие слова, рассмотреть, кто это делает, не получалось. – Сколько до метро осталось? – меланхолично спросила женщина, повисшая на металлическом поручне. – Мне что-то нехорошо, – промямлила она. И начала заваливаться на пожилого мужчину с каструлей на голове. Мужчина пытался отпихнуть гражданку локтем, приговаривая: уйди на Федота. И я подумал, куда уходит икота, если Федота нет поблизости, кому еще передают люди свою тревожность, расстройство, меланхолию. Наверное, они передают все это своим детям. Меж тем гражданка сделалась бледной, как помидор. Длинный пояс её зеленого пальто на синтепоне, длинного, словно расстояние от Камчатки до Смоленской области, словно 12 часовых поясов. Длинный пояс разматался и полетел по салону, связывая пассажиров общей проблемой. – У нее приступ, она не дышит! – возопила молоденькая девчушка. – Никто не умрет в мою смену! – кажется, так отреагировал водитель, вдавив педаль газа. Маршрутка, царапая бортами другие машины, побежала, теряя тапки в сторону метро, до которого оставалось «плюнь, да ни фига». А там уже подоспели

медики, там уже подросли спасатели, которые вычерпнули нас большущим половником, как сухофрукты из компота. В морозное позднее утро.

Насчет бедняжки с длинным поясом ничего не скажу, что с ней да как. Я отвлекся на праздничную елочку, поставленную в огромное жестяное ведро. Елочка подмигивала своими лампочками, стояла на развилке, выезжая из области, вы могли ее видеть, может быть, даже и видели. Медики, тоже подмигивая своими лампочками, укатили в закат. Падал снег, в музыкальном ларьке играла песня: страшный лейтенант, мальчик молодой, не хотят играть с тобой! Я спустился в метро, а потом вспомнил, что Валера с Лерой жили не в метро, и маршрутка довезла почти до их дома. Поэтому смысла ехать на метро – его как бы не было. И уже на выходе из так называемого метро я столкнулся с девушкой, которая на меня оказала воздействие. Столкнувшись в дверях, мы не смогли разойтись, она все шептала что-то, шептала. И мне пришлось сказать ей на этот ее шепот: все, что посылается, пусть вернется, откуда пришло. Других форм возврата я не знал, в конце-то концов, это не акты приема, накладные и счета фактуры, нашептывание дело тонкое. Она посмотрела на меня с сожалением, у нее была мамина помада и сапоги старшей сестры, она была красива, как праздничная индейка, правда, шептала разную чушь. Но этот магический реализм в определенной степени нервировал, поэтому ничего романтического у нас не вышло.

Выйдя из метро, столкнулся с домашним насилием. Девчонка десяти лет вела своего братика, одетого в синий комбинезон и в синюю же курточку. При этом девочка строго говорила этому мальчику, грубо дергая за руку: ох, и соплежуй, какой же ты соплежуй. Допускаю, что мальчик не был ее братиком, но в любом случае история грустная. Он плелся за ней печальный, никем не принимаемый, как литература Сигизмунда Кржижановского. Снег перестал барабанить по енотовой шапке мужчины, стоящего на перекрестке. Через дорогу, через годы, через расстояние, в сером доме жили Валера и Лера. Пока дошел до перекрестка, несколько раз чуть не упал, скользкий пол, чудовищно скользкий пол. Светофор, кажется, сломался, все три кругляшка горели синим. Мужчина в енотовой шапке нервничал, переступал с ноги на ногу, синий светофор его не устраивал. А машины все неслись и неслись, не думая останавливаться. Лицом мужчина походил на Громыко, в руках держал коричневый портфель. Снял перчатку, достал черно-белый телефон, кому-то позвонил. Говорит: как это понимать, светофор, кто поломал светофор, немедленно включите мне светофор! На противоположной стороне загорелся зеленый. И мы благополучно перешли дорогу.

Явил на свет божий из кармана мятый листок с адресом, написанным мной от руки. Помимо адреса листок содержал косую линейку и клетку, дихотомию, подумал я. И получил обжигающе холодный поцелуй прямо в висок. Предположительно во дворе дома моих знакомых, где из декабрьского снега росли жирафы, черепаха, песочница, где росла ржавая Нива, а вот дети уже не росли, минусовая температура. Мне даже показалось, что подштанники, надетые под брючки, совершенно прохудились, и я застудил там все на свете, тут уж не до детей. Во дворе слюнявый выстрел в висок совершила девушка с пухлыми нежно-розовыми губами, скорбным взглядом, длинной челкой. – Ой, простите, я перепутала! – спохватилась она, сделала шаг назад. – Путайте, сколько хотите! – проявил инициативу. Она с интересом посмотрела, раздумывая, что сказать дальше. – Ты похож на моего друга, – начала она издалека. – Все мы на кого-то похожи – многозначительно сказал я. Девушка показала синий язык, развернулась и пошла прочь. Из подъезда вышел человек, из подъезда вышел человек.

А я зашел туда, где цвели акации и клены на голубых стенах, вдоль лестницы, что поднималась ввысь, наскальная живопись. Лифт был поломан, дверцы открыты, мерцал свет в кабине. Слышались потрескивания из переговорного устройства, как будто шепот сумасшедших фей. Поднимаюсь один пролет, второй, третий поднимаюсь пролет, везде подозрительная тишина. Не кашляет никто, не чихает, лишь гудят линии электропередач, стоящие то тут, то там, хаотично, прямо в подъезде. Валера с Лерой жили на пятом этаже, но уже на четвертом я встретился с одной пожилой дамой, которая помешала подняться к знакомым. Тапочки с мордочками котиков, вечернее платье с блестками, дама молча смотрела. Я попробовал ее обойти, застеснялся. – Мне нужно наверх, можно пройти или пройти нельзя! – деликатно сказал ей, так говорят, например,

учителю контрольной про поход в туалет. – Сначала отгадайте загадку! – развеселилась дама. У нее были седые кудрявые волосы, лицо в белилах, как у английской королевы Елизаветы. Царственная особа ждала согласия, однако давать его я не спешил. Инфантильный человек тем и отличается от взрослого, что даже примерно не представляет себе последствий своих поступков. Загадка, вдруг не отгадаю, тогда неизвестность. – Нет проблем! – сказал соседке, чувствуя, как в животе закипает котел, а в этом котле интенсивно танцуют, словно паралитики, червячки, крошки еды и прочие непотребства.

Женщина выставила свою обнаженную, покрытую магистральями варикозных вен, ногу вперед. Из небольшой сумочки цвета ночи живых мертвецов она достала тонкий белый мундштук, сигареты. – У вас не найдется огонька для дамы? – спросила она кокетливо. – Это вся ваша загадка? – переспросил я. – Хам! – бросила женщина и стала копаться в своей сумочке дальше. Извлекла коробок балабановских спичек, как извлекают мидий из раковин. Правда, я не совсем помню, как это делается, но мне кажется, так же, как соседка извлекла коробок спичек, манерно, двумя пальчиками. Она зажгла сигарету, прокакала, закашлявшись: вот моя загадка! На каком-то этаже хлопнула рама окна, повеяло свежестью, свежестью альпийских гор. – В чем эта загадка? – спросил у нее нетерпеливо. – Ну, как же, сколько спичек содержит в себе этот коробок! – с чувством, с толком, с расстановкой объяснила дама. Так, подумал я, в пятидесятых годах прошлого века на спичках не экономили, там их было штук семьдесят, сколько же сейчас? Пожилая соседка по-прежнему стояла с выставленной ногой, то есть центр тяжести у нее перенесся на другую ногу, то есть, предположил я, сейчас у нее сведет опорную ногу, и она упадет. Не падала, пускала колечки, дымные медузы плыли по лестничной клетке, распались на лоскутки. – Ну, мне долго ждать? – спросила она, скривив недовольно лицо. Видно, ногу и вправду начало сводить. – Отвечать будет, отвечать будет... – промямлил я. Этажом выше скрипнула дверь, и мне на помощь подоспела Лера. – Отстаньте от него, Альбина Игоревна, там сорок спичек, иногда меньше! – подсказала девушка, стоя на самом верху лестницы. Соседка цыкнула языком, спрятала ногу под платье, заковыляла к себе в квартиру, что-то бормоча. Нога, надо полагать, все-таки затекла.

В квартире Валеры и Леры царил полумрак. В просторной прихожей пахло чем-то, чем-то таким, напоминающим аммиак. К аммиаку примешался робкий запах жареной картошечки с грибами. Верхняя одежда на вешалках подрагивала, как будто ее трясли невидимые пальчики. Готов поспорить, что детский смех, который я услышал, войдя в их квартиру, вы бы тоже, несомненно, услышали. Но загвоздка была в том, что у пары отсутствовали дети. Отсутствовали так же, как порой отсутствуют двоечники на занятиях. Лера не изменилась, хорошенькая, тоненькая, похожая на подростка, только синяки под глазами, подростка, который не спит по ночам и вызывает Эдгара Алана По на разговор. Ее муж не вышел меня встречать. В ванной закружилась голова, запахло весной с ее кислотовато-приторным воздухом. Стены и потолок были исписаны мелкими-мелкими словами, цифрами, загогулинами неясного толка. На месте зеркала над раковиной висел огромный, полуприкрытый веком деревянный глаз. И чем больше я в него всматривался, тем интенсивнее мерцал свет в ванной. Как будто бы врубили стробоскоп. Заглянула Лера, поинтересовалась: ты помыл руки, руки-то помыл? Я спросил у нее: что это такое? Она, хмыкнув, ответила: это что, это что, это глаз.

Она провела меня длинным коридором на кухню. Пока мы шли, под ногами что-то хрустело, словно печенье или тараканьи тушки, словно мы зашли на тараканью ферму. На ферму, где их откармливают, чтобы подать в лучших ресторанах Парижа. Но тараканы это не лягушки, поэтому забудьте о ферме. Среди читателей могут попасться французы. Ее ладошка была мягкой и холодной, Лера Вергилий держала меня за руку, присутствия Светы в коридоре не предполагалось. Девушка вела за собой, петляла. На кухне мы очутились внезапно, тьма прекратилась, как будто ее выключили. Мы сели за стол, на нем стояли пиалы, но не с картошечкой. В глубоких голубых пиалах был налит суп. В молчании мы гребли ложками, плыли к берегу, на котором нас поджидали темные силуэты. В самом углу, под потолком колыхалась паутинка. На бежевом пузатом холодильнике не колыхалось радио, кажется, оно еле слышно шипело. С обратной стороны окна

висел белый пакет-майка, в нем содержалось что-то съедобное. Я спросил у Леры, чтобы поддержать наше молчание: что там висит? – Почва, – ответила она, бросила ложку на стол и заплакала. Ложка некоторое время звенела, потом не звенела. Я деликатно продолжил хлебать супчик.

На плите в кастрюле начало что-то бурлить. – Ой, – сказал я, – у вас плита совсем, что ли, автоматическая, сама кипит! – Спиритическая! – разозлилась ни с того ни с сего Лера. Она перестала плакать, резко встала из-за стола. – Пойдем, пойдем, покажу! – сказала девушка, увлекая меня за собой к раковине. Ладонка, как я уже говорил, была мягкой и холодной, однако мне очень нравилось, с какой нежностью Валерия держит меня за шею. Так, должно быть, держат котенка, раздумывая, топить ли его. Я даже почувствовал некоторое возбуждение, если можно так выразиться. Под раковиной обнаружилась черновато-зеленая пушистая плесень. Сплошным ковром она тянулась вдоль стены. – И это не все! – истерично воскликнула Лера, ее пальчики как будто вошли в мою шею глубже, она тыкала меня в это мохнатое полотно под раковиной. Затем потащила к холодильнику, за которым так же обитала плесень. Не сдержавшись, я схватил ее за плечи, поцеловал. Она не сопротивлялась, тут не до сопротивления, когда рядом живет плесень, где-то читал, человек теряет волю к жизни. Мы целовались, обмениваясь кристалликами слюны некоторое время. Прекратили, когда из соседней комнаты послышался скрип. У девушки горели щеки, она, тяжело дыша, сказала: пойдем, поздороваемся с Валерой.

В комнате на шкафу сидел ученый. Он выглядел как человек, занимающийся важными делами. Обнаженный, но не совсем, на нем был желтый полиэтиленовый плащ, на голове белая кастрюля. В руках он держал пластмассовую плетку, к ней на малярный скотч был примотан штык-нож. Своим щупом Валерий чертил в воздухе непонятные геометрические функции. Мужчина был хорошим ученым, поэтому подобные действия не вызвали у меня удивления. А вот Лерочка за моей спиной произнесла так, как может произносить только жена, утомленная семейной жизнью: посмотри, он опять прогоняет кого-то. – Валера, привет физкультурникам! – бодро поприветствовал я, но вместо встречного физкультуривета услышал комариный писк. Он зародился в углу комнаты, у батареи, робкий, звук шел к нам, усиливаясь. Хор комаров выуживал из моей грудной клетки вздохи, должно быть, ужаса. Но как бы не так, я только недоуменно оглянулся на девушку. И подумал о том, что неплохо было бы ее увезти, проживать вдвоем, рожать детишек. А потом сойти с ума, как Валера, и передать ее дальше, новому смельчаку. Да, Лера напоминала знамя победы, а жизнь напоминала Рейхстаг.

Писк сконцентрировался у правого уха, из левого комариная песня вылетала. Из шкафа поступали. Ученый посмотрел на меня вполне осознанно, вполне для того, чтобы пропеть уставшим голосом: видно, прожитое прожито зря, не зря, но не в этом, понимаешь ли, соль! И вы знаете, комариный писк ему вторил, то есть у него появилась некая осмысленность: видишь, капают дожди октября, видишь, старый дом стоит среди лесов! Лера повеселела, воодушевилась, приобняла меня за талию, заглянула в мое левое ухо. – Поют! – констатировала она. Стук из шкафа повторился. И я подумал, что не всякое повторение мать учения. – Лера, там стучат! – извиняющимся тоном сказал девушке, запуская руку под ее домашнюю длинную рубашку. – Войдите! – разрешила она. Из шкафа вышел пожилой гражданин. Если бы я писал сочинение на тему, кто вышел из того шкафа. Я бы начал его так: за окном была зима, темно, как темнеет хурма, пролежав вне холодильника несколько дней. Валерий выставил свой прибор, плетку, со штык-ножом, зажмурил глаза, что-то быстро-быстро зашептал. Видно, появление гражданина из шкафа порядком растроило Валерия. Отчего я называю гражданином человека, а не господином, к примеру. – Оттого, оттого, что ты мне просто улыбнулась! – пропищал отставший от своей компании комар. На выходце из шкафа был костюм-тройка, пушистый клетчатый пиджак напоминал кожу гусениц, которых мы в детстве жарили на костре, а наиболее смелые из нас даже поедали. Запах от незнакомца исходил интересный, можжевельник, картошка с грибами. Лицо гражданина было желтоватым, прищуренные хитрые глаза невнятного цвета, тонкие губы, мужичок улыбался. В руках он держал дорожную сероватую сумку из кожзаменителя. Отчего-то корейский захватчик, как я подумал в тот момент, остановил свой взгляд на ученом. Помотал коротко стриженной седой

головкой, как будто был недоволен поведением Валеры, сказал, обращаясь ко всем: ну, как вы тут, строите личную жизнь, а что у меня в сумке, что у меня там есть! Супруг Леры закричал со шкафа: нет, уйди, не доставай!

Я наивно спросил: что у тебя там, выкладывай! Лера прижалась ко мне своим телом, она дрожала, как может дрожать ребенок перед прививкой. Хотя, помнится, я не дрожал, вид иголок меня не пугал, это были двухтысячные, металлические жала встречались везде, в песочнице, в подъезде, где угодно. Незнакомец бережно поставил сумку на пол, расстегнул молнию. Валера брякнулся со шкафа, у него, кажется, случился обморок. Меня в детстве называли обмороком нянечки, но это не относится к делу, просто забавное наблюдение. Сердце девушки учащенно билось, словно канарейка в шахте, услышавшая рудничный газ. – Не надо, – прошептала она. Над посетителем из шкафа роились неизвестно откуда взвывшиеся насекомые. Комары, мошкара, черное облако, состоящее из точек и запятых. А гражданин глядел на меня, как будто чего-то ждал. – Не тяни уже, выкладывай, что там у тебя! – воскликнул я. Человек с глазами-щелками наклонился к открытой сумке, достал оттуда громадный с красной шляпкой и белыми пятнышками гриб. В комнате заиграл джаз, саксофон расслабленно плевался мелодией, слышанной ранее, но я не мог вспомнить, где именно. Быть может, вы меня с кем-то спутали, и я не слышал этот волшебный джаз.

Комната моргнула, смыв нас, как выпавшие реснички прозрачной солоноватой слезой. Я пришел в себя спустя некоторое время. За окном почернело, мигало звездное небо. Мы лежали с Лерой у батареи, мы были словно те зависимые люди, которых увозят в реабилитационный центр, приковывают наручниками к батарее. – Вставайте, голубки! – сказал Валера. На нем был махровый домашний халат, он сидел в кресле, закинув ногу на ногу, трусов под халатом не наблюдалось. Лера в полусне недовольно пробормотала: мам, мне ко второй. И отвернулась, утянув колючий плед. Мы пошли с ревноцем на кухню, он поставил кипятиться чайник на плитку. Достал из шкафа печенье, зефир, мандарин. Спросил, не глядя в глаза: как тебе? Я ответил ему: нормально, хотя азиат мне показался пугающим. Валера грустно усмехнулся, сказал: азиат, а я видел маленькую девочку в балетной пачке. Мы помолчали, потом еще помолчали, а потом засвистел чайник. Собеседник разлил по граненым стаканам кипяток, бросил второстепенные чайные пакетики. Мой пакетик выглядел посвежее. В стакане расцветала непонятная кракозябра. Валера поинтересовался, поглаживая указательным пальцем стол: ты же писатель, не хочешь написать об этом? Я, прихлебывая чай мелкими глотками, ответил: написать про азиата, так напишу, я про все пишу. Он сказал: не про азиата, никакого азиата нет и не было, как и девочки в балетной пачке, это все плесень, это все чума. Валера по-прежнему не смотрел мне в глаза. Печенье было засохшим, откусывалось не так, как должно откусываться здоровое печенье. – Ладно, напишу на новогодних каникулах, я сейчас работаю. Собеседник хмыкнул, потом предложил: знаешь, что, а давай ты проведешь новогодние каникулы в нашей квартире. – Надо подумать, это так просто не решается. – ответил ему о том, что это так просто не решается. – Подумай, подумай! – сказал он и выпил залпом кипяток из своего граненого стакана.

Глава 4 **Мысли пробудившихся от жизни**

На ярмарке бывших в употреблении слов мы торговали вчерашними мыслями разных умных людей. Наши книги продавались неплохо, но директору не нравилось, директоров мало, что вообще радует. Если, конечно, это не господдержка социально-значимой литературы. Я ощущал себя не круто, настолько не круто, как если бы стирал чужие носки, дедовщина явление скользкое. Скользкое как гололед, скользкое как некоторые люди, но для акушеров все мы по-своему скользкие. Начальник предположил, что работники его редакции нормальные люди, способные нести ответственность за сказанное, сделанное, проданное. Поэтому дни, когда мы должны были

торговать, Павел Вениаминович распределил на всех сотрудников поровну. Он полагал, что контроля с его стороны не требуется. Моя смена выпала первой. Накануне вечером, сидя в редакции, мы тянули спички, чтобы выяснить, кто же самое слабое звено и не заслуживает права выбирать, когда выходить торговать. Порядков игры я до конца не понял, однако два раза подряд вытягивал короткие спички. Видно, длинные спички ценились выше.

В ярмарке участвовали кроме нас другие издательства. Огромный зал, как несколько бассейнов санатория под Клязьмой, стеклянный потолок, рамки досмотра, пишущие, словно голодный тамагочи, коротко стриженные охранники в розовых комбинезонах с единорогами, лениво хлопающие себя по щекам ушами. А по всей территории, подобно структурной сетке, например, снежинки, были расставлены кабинки. Специально для нас, книгопечатников, установили небольшие кабинки-домики, правда, без передних стенок, чтобы с покупателями удобнее было конфликтовать. Нерадостные ожидания, я полагал, что конфликтовать придется. Все утро в голове пробуксовывала одна мысль, подслушанная у диктора, объявляющего станции. Утром перед ярмаркой он произнес электрическим голосом, голосом, напоминающим механические звуки, рождающиеся где-то в груди у болеющего Ерофеева. Вот этот диктор, а ехал я на ярмарку в подавленном, как фрукты в пакете, на который случайно наступили, состоянии. Вот этот диктор сказал: при выходе из вагона будьте свободны! Конечно же, я снова все недопонял, с удержанием внимания вечно какие-то трудности. Будьте свободны, от чего, во имя чего, вопреки чему. Будьте свободны, будьте свободны – вертелось у меня в голове, пока шел мимо прилавков, там стояли разные представители книгопечатного процесса. Молодые юноши, девушки в зауженных, словно жуки-щелкуны, джинсах, цветастых рубашках, с выбритыми висками, металлическими значками на груди. Значки «нет войне», значки «мы встретились в странный период моей жизни», значки «гражданская оборона». Значки значков носили эти дети детей.

Я шел к домику-кабинке нашего издательства, существенно косолапя, ведь когда рядом незнакомые люди, лучше не привлекать внимание, быть естественным и не строить из себя того, кем не являешься. Обувь, обувь сейчас ужасного качества, каждый второй, если не полторный имеет проблемы с ногами. И как-то необычно получилось, перед теми продавцами, первыми покупателями, с которыми я встречался взглядами, кланялся. Кланялся неосознанно, как будто и не я вовсе. Помните, Мамлеев однажды заметил, почему крестьяне кланялись друг другу? А кланялись они потому, что в проходе видели подобие Божье. А кланялись они не просто Василию, Петру, Марфе, насчет Марфы не уверен, все-таки женщина, а домострой, сами знаете, что такое. Кланялись, кланялись, я думаю, они же не дураки, мир без женщины несостоятелен, как бутерброд без плесени. Рядом со стендом «книги о карательной кулинарии» повстречался мужчина в свитере с барракудами, у него было лицо, измазанное зеленкой. Я кивнул ему, он кивнул мне в ответ. Наши книги занимали три стола, интеллектуально на них давили. На пол сбросил полупрозрачную скатерть, стопочка «отзвуки детства внутри царских ноздрей» полетела тоже на пол. Товарищ в зеленке, чей домик-кабинка соседствовал с нашим, грустно вздохнул, спросил: парень, тебе помочь? Я ответил ему: справлюсь как-нибудь сам. Из десятка упавших книг уцелели шесть. Края обложек погнулись, превратившись в элегантные панталоны. К нам подошел другой мужчина, поразительно схожий с тем, в зеленке. – Это брат, мы сиамские, – сказал тот, что в свитере с барракудами. Меж тем, возле рамок началось столпотворение, покупатели возводили столпы творения, иначе говоря, скопления межзвездного газа в туманности Орел. О, как они жаждали почитать новых книжек и пообщаться с издателями, а еще жаждали скидок. Но скидок тут не было, совсем-совсем не было. Даже наоборот, заказать на сайте ту же самую книгу – дешевле, чем покупать на ярмарке, вы уж поверьте.

Сиамские близнецы и остальные коллеги, насколько я видел, приняли боевую готовность. Вообще, я сейчас думаю, можно ли принять боевую готовность, вот занять осадное положение – да, но принять боевую готовность? Когда моешься в холодном душе после тяжелого, скажем, рабочего дня, а затем включаешь кран с кипятком, твой солдатик принимает боевую готовность. А продавцы книг за прилавками, мне показалось, насторожились, притихли, всем стало интерес-

но, какой пойдет клиент, платежеспособный, интересующийся или же такой, с придурью. А я чего-то напрягся, так напрягся, даже потерялись уши, даже нос юркнул в коробку с запасными книгами под прилавок. И стал я растерянным Джованни, желто-синим парнишкой прямоком из 69-го года. А таким быть не разрешалось на ярмарке, разрешалось быть решительным и доброт-но собранным, словно советские телевизоры, ракеты, поезда. – Здоровья вам! – раздался справа старческий голос, незнакомый дедушка с аккуратной седой бородкой поздоровался с близнецами. А затем все торговое пространство утонуло в звуках. Разговорчики покупателей, смех, шелест бумаги, скрип суставов. Множество пожилых людей. Я почти не поднимал глаз, чтобы ненароком не встретиться с теми, кто желает высосать жизненную энергию. Смотрел на проходящие ножки, ноженки. Начищенные до блеска коричневые туфли, серые сандалии, шерстяные носки, белые валенки, пестрые кроссовки. – Молодой человек, у вас есть «История борьбы девятого В класса»? – спросил дрожащий женский голос. Мне сделалось грустно, такими голосами спрашивают о том, куда девались все деньги, о том, почему продали квартиру без разрешения, о том, что значит это витиеватое заключение в медицинской карте.

Передо мной стояла девушка шестидесяти лет. Где-то рядом взыграл телефон Владимирским централом. На собеседнице было шерстяное коричневое платье, за плечами огромный поход-ный рюкзак. В руках она держала лыжную посеребренную палку. Покупательница как будто удивленно смотрела на меня своими большими черными глазами, под стеклышками очков они казались громадными. – Нет, у нас нету такой книги, такая книга встречается у тех, кто публи-кует художественную литературу, – ответил я. Она грустно вздохнула. И спросила такую вещь: тогда вы не подскажите, в каком зале сегодня презентует свою книгу «Репрезентация слабого мужчины в мифах Древней Греции» писательница-феминистка? – Интересуетесь таким? – пере-спросил я и почувствовал, как загорелись мои щеки. Происходил флирт, мне казалось, что наше общение значит несколько больше, чем рядовой диалог покупательницы и продавца. – Честно говоря, не очень, она моя внучка – ответила девушка, смущенно улыбнувшись. – А ваша внучка где-то здесь? – задал наводящий вопрос я, предположив, если у внучки презентация книжки, значит, она должна быть поблизости, внучка, само собой. – Ой, вон идет! – обрадовалась по-купательница.

И вправду, по соседней улочке, мимо импровизированных книжных домиков, гордо шагала писательница-феминистка. Она улыбалась своими ярко-красными губами. Она казалась такой счастливой, как будто сегодня был особенный день, мама сказала ей, наконец, код от домофона. И вот она идет в своем цветастом сарафане и кожаных лосинах, и вот она понимает, если мама назвала код от домофона, значит, сегодня можно будет переночевать в тепле, а не ютиться с кош-ками на теплотрассе. Писательница была в компании высокого юноши с голубыми волосами. Она украдкой посматривала на людей, узнают ли, не узнают. Моя покупательница заковыляла к ней, радостно крича: Нина, Ниночка, я здесь! Но внучка ее не слышала, со стороны буфета хлынула, словно вишневым компот за шиворот пацаненка, который довел повара в столовой, толпа людей. А пожилая девушка – я видел, как ей тяжело передвигаться, – она даже с лыжной палкой шла медленно. Она семеняла за своей внучкой, звала: Нина, подожди меня, подожди!

У меня есть свое мнение на этот счет, но я с ним, конечно же, не согласен, быть может, пи-сательница и правда не слышала свою бабушку. Однако все чаще и чаще замечаю, как молодые люди в некоторой степени стесняются своих родителей, которые приближаются к пробуждению от жизни. Которые вот так же бегут, спрашивая на ходу: а ты надел подштанники, у тебя же будет цистит, подумай о своих бубенчиках! А детки в клетке обособлены, я бы даже сказал, они син-кретичны в своем каком-то нагромождении самых разных вероучений, смыслов, они в поисках себя, боятся одиночества. Ну, пусть ищут, ведь это своего рода монада. Некоторые посетители ярмарки пошли группками по двое-трое в сторону комнаты с прозрачными стенами, туда, куда направила писательница с бабушкой и высоким юношей. Видно, презентация книги действи-тельно важное событие, видно, людям нравится встречаться с авторами.

Я зазевался, в рот залетел недавний разговор с Валерой и Лерой. Их реплики прошли по моей ротовой полости, подступили к горлу. Какая-то девчонка с кудрявыми белыми волосами, зелеными Серезками, Антошками, которые висели на ее ушах, спросила: почему книжки о древней магии? Я ответил ей: пятьсот рублей. И добавил для убедительности прописью: пятьсот рублей. Она взяла «процессы о ведьмах» и «магию древней Индии», расплатилась. Подошел близнец, что-то спросил. Я переспросил: что, что такое? Он наклонился к самому моему лицу, дыхнул чесноком: ты брата моего не видел? – Нет, – говорю, – не видел. И только тогда я обратил внимание на название издательства, которое они с братом представляли. Карточка участника, на ней значилось «Креативный дом Буквица», карточка болталась на шее моего коллеги. А на моей шее ничего не болталось, свою карточку-пропуск я спрятал в нагрудный карман болотистого комбинезона, чтобы лишний раз не отвешивать. Наблюдал в тот первый день, как покупатели специально выискивают служащих разных издательств, чтобы выпросить скидку. А скидок тут, сами понимаете, быть не может, тут аренда – будь здоров, не кашляй. Тут, понимаешь, определённый порядок ценообразования.

Дядька в свитере с барракудами поинтересовался: а у нас завтра презентация, вы никого из авторов не позвали? – Откуда я знаю, – ответил ему грубо. А потом поспешно, чтобы не показаться полным отморозком, добавил: а что за произведение представит автор? Он, крутя своей большой головой с ирокезом по сторонам, – видно, выискивал клиентов, – со значением ответил: а там про Горбачева, про Ленина еще тоже, в общем, историческое. Я почувствовал запах детской туалетной воды под названием Человек-паук, не резкий цветочный, в мягком флаконе. Подошли две нимфетки в коротких черных юбочках, как будто сбежали с последнего урока – и сразу на ярмарку. Одна, с металлическим кольцом в носу, с выбритым виском, спросила: у вас есть что-то про русскую женщину и угнетение? – Это вам на стенд с актуальной литературой, – улыбнулся этой девчонке со змеиными линзами. Подошел брат мужчины в свитере с барракудами, на его лице были пятна зеленки. И я совсем запутался в этих эманациях и перемещениях, свитер с рыбками носил как раз вот он, в зеленке, а тот был с ирокезом только что. Я не стал забивать голову такими несущественными вещами. Коллега-издатель-сиамский брат другого коллеги издателя спросил, опершись на стопку наших книг: завтра презентация нашего автора, вы никого не позвали? Переспросил его: а что за книга, о чем она? – Про Ленина, там название хорошее, жизненное, «Коммунизм и все-все-все», – воодушевленно сказал он. Тогда я спросил: а причем тут Горбачев, твой брат говорил про Горбачева? – Ну, Горбачев внедрился в систему, дошел до верхушки и все развалил, гнида, – погрузился мой коллега.

По громкой связи объявили, что начинается презентация книжки одной маленькой, но гордой писательницы. – Презентация пройдет в павильоне номер шесть, граждане, не забудьте, – механический голос закашлял, а потом и вовсе выключился. Людей возле нашего книжного домика не осталось, все они стекались, словно ограниченный контингент, в сторону шестого павильона. У меня возникло такое желание, нелогичное, честно говоря, тоже посетить эту презентацию. Я полагал, что больно на ней не должно быть, а все крики, эмоциональные удары этой писательницы будут такими же, как удары в индийском кино. То есть читателям и зрителям только это и надо, глядеть на маньяков, стрельбу, психические девиации – лишь со стороны наблюдателя. Не субъекта. Достав из-под стола огромное полиэтиленовое покрывало, укрыв наши книжки, кивнул братьям. Сказал: знаете, я все-таки схожу посмотреть одним глазом, укрыв наши презентацию. Мужчина с пятнами зеленки на лице сказал: я приглашу за вашим прилавком, сходи, сходи.

О, видели бы вы эту писательницу. Столько витальности в ней было, просто закачаешься. Завороженные люди слушали ее, не отводя взглядов. Она напоминала мне Григория Распутина своими пылающими страстью глазами. Из них исходили такие как бы волны, но времени на метафоры нет, поэтому перейдем к сути. Над головой писательницы летали летучие птицы, которые назывались мышами. Она воодушевленно кричала, царапая ногтями пластиковый бежевый столик, за которым сидела. – Это немисливо, чтобы мне указывал мужчина, что делать, немисливо!

Я наблюдал за этим, стоя в стеклянных дверях, оловянных дверях, деревянных дверях. В основном там сидели другие женщины, одна в кожаной куртке на голое тело, из-под которой выглядывали, как будто нашкодившие котята из груди порванных подушек, выглядывали груди. Другая женщина, в строгом костюме, со строгим взглядом, строго сказала полупшепотом: постмондэрнистка. На нее тут же обернулась женщина в кожаной куртке: много вы понимаете, молчите, если не понимаете. – Ну, дела! – не сдержал эмоций я.

Писательница бросила на меня полный ненависти взгляд. Не знаю, как я определил, насколько взгляд полон, в чем измерялась эта ненависть, быть может, показалось. Все люди, которые находились в павильоне, посмотрели на меня словно на салат ритуальный, на оливье, подходящий и к Новому году, к свадьбе, проводам, салат на все случаи жизни. Вот только смотрели они с некоторым осуждением, видно, компоненты салата не совсем удовлетворяли их запросы. Писательница медленно встала из-за стола. Она обратилась ко мне, но, казалось, продолжая разговаривать с аудиторией: о, вот и благодарный читатель, как вам понравилась моя книга? – Примерно на процентов семьдесят, – соврал я, хотя, естественно, никакой книги не читал. – Отчего же на семьдесят, вам не хватило внимания, не хватило мозгов, чтобы дойти до финала? – издевалась писательница. Слушатели сначала не смеялись, а потом как засмеялись. Их лица чернели, напились моим раздражением, но не смущением. Смутить ветерана психических войн способна лишь мама или девочка, которая нравиться по-настоящему. – Что замолчал, нечего сказать, посмотрите на еще одного представителя...! – договорить она не успела. Что-то невообразимое произошло с читателями, да и с ней, пожалуй, произошло. Девушка кровожадно улыбнулась, затем с размаху ударила себя кулаком в нос, из которого заструилась любовь. Тонкая струйка любви, ее следовало бы держать внутри, а не делиться с ней направо и налево. – Видишь, чего ты добились? – закричала она. Посетители книжной ярмарки принялись так же истязать себя. Женщина в строгом костюме вырвала клок волос, вскочила, побежала, врезалась в стеклянную стенку, упала. И все они, эти милые люди, тянущиеся к литературе, вышли из себя, хлопнув дверьми так, что те слетели с петель.

Во рту появился тяжелый металлический привкус. Весь павильон наполнился цитатами доктора и пациентов из Медфильма. Люди действительно перегнули палку, палка с треском переломилась. Бабушки громко смеялись, этот язгающий смех выстудил во мне человека, на смену человеческому пришел животный ужас перед непознанным. Мелкими шагами, спиной я двигался в сторону выхода, но поскользнулся на липком и теплом полу. Обнаженная писательница царапала свою кожу, люди членовредительствовали, да там было как на поле сражения. А я продолжал отползать. За ногу схватила чья-то рука, потянула, мой комбинезон затрещал по швам, словно вселенная Властелина колец, когда туда добавили ежика в тумане. Огромная кудрявая голова мужчины, перекошенный нос и порезанные щеки. Он тащил меня к себе под стол, чтоб никто не уволок, словно серенький волчок, только без шерсти, только худой, с торчащими ключицами, с безумным взглядом и широкой улыбкой. Рядом падали любители книжек, кто-то из них, казалось, заканчивался как субъект российской федерации. Становясь гражданином бесконечно вечного хаоса. Я прикрыл глаза, кудрявый мужчина скрылся полностью под столом, лишь его крепкая рука оставалась видна, еще мгновение, и я оказался бы тоже под столом. Там кто-то громко чавкал, настольно громко, что всеобщий шум и гам, как на нетипичном утренике, был не в силах заглушить это чавканье. Я запищал как девочка.

– Эй, проснись, дружище! – тормозил меня за плечо коллега в зеленке. Дернувшись телом, я свергнулся с высокого стула. – Боже мой, да ты недосыпаешь! – изумился мужчина. Хлопая глазами совы, я посмотрел по сторонам. Но я вас обманул, глаза были не совы, глаза были прищуренные, как у хитрой лисы. Ничего не изменилось, мимо шастали покупатели, покупали, а продавцы продавали. – Слушай, презентация была писательницы-феминистки? – спросил я, отряхивая комбинезон от приставших к нему книжных ценников. – Нет, не было, ты уснул и все, – ответил он, отвлекся на посетителя. Мне позвонил директор, спросил, как обстановка и как вообще. Я сказал ему, что вообще никак. Первый день ярмарки подходил к концу. Поэтому Павел

Вениаминович решил отпустить пораньше, он, закашлявшись, произнес такую фразу: бери ручку, прячь в трусы, езжай домой, твоя смена будет через день. Я, зевнув, произнес ему в ответ: понял, до встречи.

Накрыл книги покрывалом, чтобы те не замерзли, чтобы их не дернули любители скачивать бесплатно. В гардеробе куртки выдавала девочка. За ее спиной росли металлические зеленовато-ободранные исполины вешалки. В своей белой рубашечке, белых перчатках она походила на симпатичное привидение. Несколько пуговичек было расстегнуто, удалось обнаружить лямку розового бюстгалтера. Обнаружить, как если бы криминалисты обнаружили на месте преступления важные улики, но это уже получается какая-то криминальная Россия, не романтическая. Волосы девочки, как вы уже догадались, рыженькие, собранные в пучок, привлекли мое внимание. – Внимание, внимание, не оставляйте детей без присмотра! – громогласно промолвил диктор. – Это ваше пальто? – спросила гардеробщица голосом, ради которого, мне кажется, стоит жить. Попробуйте как-нибудь встретить эту девочку, если с вами приключится депрессия. – Нет, у меня не пальто, вон тот полушубок песочного цвета, он мой! – ответил ей. Она вручила мою шубу, потом спросила, радостная: ой, а ты Миша Токарев, а я тебя иногда читаю, когда мне плохо. Руки заползли в рукава, из которых выпали рукавички, однако те были связаны длинной резинкой, резинка помешала рукавицам приземлиться на кафель. – Сходим куда-нибудь? – спросил у нее. Она, опустив взгляд, ответила: запиши мой телефон, и скажи своей, а то я нерешительная. И мы взаимно продиктовали телефоны. Осознав свою ошибку, продиктовали повторно. – Сначала ты диктуй, а то мы так одновременно ничего не услышим! – сказала девочка. С третьего раза все получилось.

В метро творилась, извините меня, галиматья. В вестибюле, а также на станции все было задымлено, порхали силуэты жирафов, антилоп, прочих животных. Эскалаторы прекратили служить человеку. Громкая связь объявляла: сохраняйте спокойствие, сохраняйте спокойствие! Светя фонариком телефона, я пробирался в недра этого живого, пульсирующего организма. – Куда прешь по ногам! – Стой, как остальные! – Ты самый умный, что ли!? – Вы не видели моего ребенка? – Поезда не ходят, и ты не ходи! – Когда там решат ситуацию, я домой опаздываю? Люди выражали свое недовольство, но кое-кто пытался сохранить спокойствие. Например, те, кто все-таки был не согласен, они так и говорили, то есть нецензурно выражались, а те, кого все устраивало, молча топтались на месте. Я спускался по экскаватору, экскаваторщик кричал: куда ты идешь, мальчик, там же ничего нет! Я прокричал ему в ответ: как это ничего, там поезда! Наконец-то включилось аварийное освещение, дымка слегка просеялась сквозь сито, словно мука. Оранжевый, приглушенный свет показал мне, что на платформе ситуация не лучше. Прохожие, такие же взвинченные и нервные, как их коллеги по прохожему цеху наверху, стояли, ожидали поезда. Где-то далеко заиграли пожарные сирены. По громкой связи объявили: уважаемые пассажиры, движение восстановлено, ложная тревога! – Фух! – с облегчением выдохнула некая женщина, потом добавила: кажется, поезд едет.

Добравшись до дома, встретил знакомую. Стемнело, зажглись фонари. Снег блестел под ногами, ледяная корка нервировала, как может нервировать ребенка диатез. Проходя вдоль бежевого забора с ромбиками, разглядел Сашу. Она курила, стоя по пояс в сугробе, подсвечивая что-то фонариком. – Александра, ты что там забыла? – спросил у нее. Она посмотрела на меня, потом, звонко рассмеявшись, ответила: здорово, а я кошку выгуливаю. Да, моя знакомая Саша, которая делала татуировки разным, разным людям, не только морякам и сидельцам, любила свою сибирскую кошечку. Бывало, они вдвоем отправлялись в походы. Саша и ее кошечка. Девушка легла на живот, на ней был желтый длинный пуховик, болоньевые синие штаны, она выплыла ко мне, как гимнастка с перебитыми конечностями, так же неловко, полагаю. И тут же вслед за хозяйкой из сугроба выскочил огромный взъерошенный кот.

Саша подошла, лизнула мою щеку, язык у нее был шершавый и холодный, и мокрый. – Что, новая железка? – спросил у нее. – Ага, ты подстричься, кстати, не хочешь? – знакомая иногда меня стригла у себя дома, нас что-то связывало еще помимо этих стрижек, однако что именно, я

не помнил. Александра была настоящим металлистом, пирсинги, кольца, прочие проявления свободолюбивого нрава. Татуировки опять же, да, Сашенька напоминала школьную парту, которая обычно стояла где-нибудь на Камчатке. В той области класса, куда не всякий учитель решился бы забрести. – Хорошо, если тебе не сложно, можем и подстричься, – сказал я. Зажигались все новые фонари, тьма рассеивалась. Как будто гражданка, способная управлять компьютером нашей жизни, что-то нажала, а потом все исчезло. И эта гражданка позвала на помощь гражданина, который починил ей компьютер нашей жизни. Так и эти фонари проявляли нечто из небытия. Мы жили с Сашей на одной улице; когда подходили к ее дому, в окнах я заметил миллионы алых глаз. Они все что-то замышляли, поинтересовался у знакомой: ты тоже видишь эти глаза? – А, это соседи, они в последнее время слетают с катушек, – невозмутимо сказала Сашенька. – Что, все разом, что ли? – продолжал приставать с расспросами я. Но девушка только фыркнула, мол, глупости. И мы зашли в шестой подъезд шестого дома примерно в шесть часов вечера.

Сашенька жила с папой. Он встретил нас в прихожей, на нем была майка в сетку, он спросил нас: опять стричься пришли? Мы ответили ему, что не помешает подстричься. И тут я понял, что размышляю о себе во множественном числе. Происходят странные дела. Такие же странные, например, как наша страна. Вот где-нибудь в Химках двенадцать часов ночи, а, предположим, в Воркуте только заканчиваются девятые. Саша сказала отцу: пап, мы подстрижемся, а потом поужинаем. Она подмигнула мне, пропела на неясном языке. Я предположил, что это эзопов язык. В свое время наш учитель географии рассказывал, что когда он проживал в Америке, то совершенно не знал американского, лишь какие-то слова и словосочетания. И вот ему приспичило посетить кладбище. У прохожего учитель географии спросил: как мне пройти на стоянку для тел? Понятное дело, что иносказательность, она хоть как-то прочитывается, однако Сашенька пропела совсем-совсем непонятно. Мы и девушка умыли руки, прошли в комнату студии. В шутку она называла свое рабочее место салоном красоты шрам. Там Саша колола татуировки, делала пирсинг и прочее, прочее тоже делала с людьми.

Я присел на высокий крутящийся стул, знакомая укутала меня голубым покрывалом, чтобы волосы не падали за воротник. Зажужжала машинка, защелкали ножницы. – Да ты открой глаза, смотри в зеркало, а то снова будешь ныть, что плохо подстригла! – сказала Саша. С кухни пришел папа, на плече у него сидел попугай. В комнате стояли непонятные приборы, лампы светили фиолетовым светом, неонем, если не ошибаюсь. Вместо обоев стены покрывали поролоновые конусы, звукоизоляция, если не ошибаюсь. Папа расположился на диванчике перед нами. Пока знакомая стригла, заговорил: – Послушай, ты вот не замечаешь странного на улице, в метро, в магазине, там? Мужчине было лет пятьдесят, его карие глаза слезились, лицо гладкое, череп тоже гладкий. Он занимался живописью, если не ошибаюсь. Нет, пожалуй, ошибки быть не может, в соседней комнате у него находилась мастерская. Он даже выставлялся в галереях, как и каждого серьезного художника, его запрещали одно время. По телевизору выходил сюжет про скандальную выставку Сашиного папы. Выставка называлась, она называлась. По-моему, название было такое: мир существует лишь тогда, когда вы на него смотрите. – Странное начал замечать, сложно сказать конкретней, – ответил я. Девушка продолжала работать над моей головой, ножницы чирикали, чик-чирик. – Ну, как же, видишь, я лысый? – спросил отец знакомой. Я ответил ему: вижу, но это не повод, чтобы грустить. Он почему-то рассмеялся: ты не понимаешь, я лысый, а иногда мои волосы развеваются, шелестят, как листва на деревьях. Девушка остановилась, должно быть, осмысляя, как лучше обстричь за ухом, можно ли обойтись одними ножницами. – То есть у вас фантомные волосы? – спросил у него. Завибрировала машинка, поехала по виску, посыпался снег на покрывало, в которое я был спеленат. Захотелось взглянуть, что у девушки там получается, но ее папа загородил зеркало. В блестящем черепе папы я никак не мог отразиться. – Ладно, пойду, поставлю чайник, закончите когда, приходите! – сказал он, принялся снимать накладную лысину, под ней оказалась довольно-таки густая шевелюра, как у лошадки. – Я-по-шу-ти-л! – расчленил фразу мужчина, словно заправский мясник, и скрылся в коридоре.

– Александра, твой папа здоров? – спросил я, глядя на себя в зеркало, которое больше никем не загораживалось. – Он какой-то чопорный в последнее время, а вот с тобой повеселел, – ответила знакомая, начала стричь второй висок. Она проводила машинкой, как газонокосилкой. Чопорно – перекатывал во рту это слово, ЧОП охранное предприятие, серьезное, не шутивное, а также порно, дурацкое и комичное. Прическа выдалась дождливой, с такой прической, когда вы бриты виски, челка составляет сантиметра четыре, вы будете неизменно потеть, если серьезные люди будут смотреть на вас. Размышляя, ну, что за несерьезный человек, ему же не тринадцать лет, чего он достиг, с такой молодежной прической он ничего не достигнет. Саша сняла с меня покрывало, достала небольшой, примерно как собака спиц, черный круглый пылесос-робот. Он поехал по комнате, всасывая волосы и снег. В комнату зашел отец, предложил мне побороться: давай поборемся! Его дочь отговорила мужика: папа, мы с ним не встречаемся, не надо с ним бороться! – Тогда пойдёмте пить чай, – не растерялся он. И мы дружно направились распивать чайные напитки.

Однако позвонила мама и поторопила с возвращением нас домой, время было позднее. Чай так и не попили. Напоследок Сашин папа дал нам кое-какие рекомендации. Уже в дверях он нехотя сообщил: сынок, странно, не странно, мне кажется, тот, кто первый решится поделить на ноль, тот перестанет бояться, у того все сложится в целостную картинку. Саша закатила глаза, мол, прекрати нести чушь. А я как будто снова стал одним человеком после его слов. Позитивная фраза про нолик оказалась точной, хлесткой. Выйдя на улицу разбитых фонарей, мною были замечены алые глаза, мелькающие то тут, то там. Видно, владельцы таких глаз устали просиживать дома, с приходом ночи Сашины соседи приняли решение выйти, побить фонари, проветриться. До своего дома я дошел, не сочинив ни одного приключения капитана Врунгеля. Впрочем, это совсем другая история, история, в которой совершенно ничего не происходит.

Глава 5 (отступление)

Танец квелых молекул

Вы что-то чрезвычайно раздражены. В то же самое время раздраженность не способствует инициативе, вы безынициативны. Вы переменчивы в своих ощущениях, страх неизвестности сменяется апатией, возможно депрессией. Ваша работоспособность снизилась, снизилась. Вы больше не верите своему окружению, бывало, они вас обманывали, а вы потом им верили, не надо этого делать. Однако мы поспешили с выводами, есть кое-что, чему вы уделяете внимание, кое-что, чему уделять внимание вам было несвойственно, магические ритуалы, хиромантия, метафизическая хреновень. Вы слышите переговоры в розетке, или не в розетке, или не переговоры. В сущности, это не столь важно, ведь галлюцинации, зрительные или слуховые – явление малоприятное. Меж тем настроенческие полюса от эйфории до астении стремительно чередуются. Вас бросает в жар, бросает в холод, вас бросает на прикроватный столик, когда вы, перевозмогая очередной приступ судорог, идете, так сказать, в туалет. Не поздравляем, у вас психоз!

Какую природу имеет ваш психоз дело второе, абстинентную, органическую, соматогенную и так далее. Незменно одно, качество жизни, если оценивать ее по пятибалльной шкале, так или иначе ухудшится. Ухудшится, словно успеваемость юного токсикомана, вдыхающего пары от по-этической книги Луизы Глюк. И здесь возникают вполне логичные вопросы, что делать, как лечить, к кому обращаться. Если, допустим, вы уже состоите на учете у психиатра, тогда вопросы эти, в сущности, несерьезны. Однако тем, кто столкнулся с психозом впервые, наиболее ценным, как нам кажется, шагом будет посещение участкового терапевта. Ведь причины возникновения психозов, как мы заметили выше, могут быть самыми разными. В том числе в связи с нарушениями работы щитовидной железы, гормональными сбоями, нередко такие сбои в работе организма служат катализатором подобных психических процессов.

Как раз об одной из причин полета кукушки мы бы и хотели порассуждать в данном тексте, а также о возможных последствиях. Ряд психиатров считает овец, и замечательно спит по ночам. В то время как другой ряд считает, что психоз индивидуума может быть вызван массовым психозом. Иными словами, весь негатив, накопленный окружающими, преобразуется в волны, которые поражают людей, не испытывающих никаких негативных эмоций. То есть массовое безумие способно приобретать характер, к примеру, холеры. В истории есть немало подтверждений тому, что заразность психических заболеваний явление поистине пугающее. Мы знаем о таких происшествиях, как коллективные галлюцинации, теории заговоров. Внушаемость и подражаемость граждан, во многом, способствуют массовому психозу. Порой вспышки полетов кукушек напоминают самые настоящие эпидемии, охватывающие целые города.

Далее нам бы хотелось привнести некоторую конкретику. Проиллюстрировать озвученные тезисы непосредственными примерами. И вот с чего можно было бы начать. А начать можно с города Страсбурга, а именно с танцевальной лихорадки летом 1518 года. Когда некая женщина пустилась в пляс, а спустя несколько дней, изможденная, упала на мостовую. Примечательно, что к женщине присоединились прочие жители Страсбурга. Спустя неделю их насчитывалось 34, спустя месяц, танцующих горожан было 400. Часть граждан отправилась на цокольный этаж бытия в результате сердечных приступов, вызванных переутомлением. Врачи того времени не могли дать точных ответов о причинах танцевальной лихорадки, так же со стороны врачей не последовало какой-либо помощи, ведь не зная первопричину, помочь не представляется возможным. Впрочем, представители церкви так же не в силах были прогнать сущности, терзающие горожан. Постепенно танцевальная лихорадка прекратилась. Что это было, особый вид эпилепсии, отравление, тайная религиозная церемония – среди версий ученых называлась, в том числе, тайная церемония. Ответить четко, с толком, с расстановкой никто не смог и по сей день.

Движемся далее. Не менее странный по своей сути эпизод массового безумия, так называемый процесс по делу Салемских ведьм. Произошло это знаменательное событие в 1692 году, когда у девочек Эбигейл, Бетти, Анны и Элизабет начались припадки, которые трактовались местными жителями как одержимость тем, кого мы предпочитаем не называть. Учитывая менталитет проживающих в штате Массачусетс граждан, где, собственно говоря, находится город Салем. Чрезмерная религиозность, радикальный протестантизм, пуританство, присущие людям, которые населяли эти земли, а также вера в то, что ранее эти места были прибежищем того, кого мы предпочитаем не называть. Все это определенным образом повлияло на мировосприятие, суждения, можно сказать, исказило картину мира жителей. И те психические отклонения девочек, к примеру, неестественные позы, судороги, решились бы в современном обществе походом к соответствующему специалисту, а также медикаментами. В то время девятнадцать человек все-таки были повешены, а один старик даже раздавлен камнями.

Если у читателей возникло впечатление, что массовые какие-либо эти самые, психические наваждения присущи определенному времени. То спешим заверить, что случаи, когда группы людей подвергаются ментальным атакам, они продолжаются, и продолжают, и продолжают. Например, история двух женщин из английского города Галифакса в 1938 году. По их утверждениям, на барышень было совершено нападение некоего мужчины с молотком. Отличительной чертой нападающего были яркие пряжки на обуви. Так называемые нападения в дальнейшем ощутили на себе соотечественники женщин. Правда, вместо молотка жертвы заметили у мужчины нож. В связи с паникой, царившей в Галифаксе, полиция Скотланд-Ярда никого не нашла, ни мужчину с молотком, ни мужчину с ножом. А нападения списали на массовую истерию. Ведь яркие пряжки на обуви предмета весьма относительная.

Завершает сегодняшнюю подборку массовых полетов кукушек случай, произошедший в 1962 году. Именно тогда на одной из американских текстильных фабрик работники столкнулись с вообще непонятным расстройством. В частности, люди испытывали тошноту, рвоту, вспышки мигрени, онемение конечностей. Позже специалисты в области психологии обосновали страдания работников фабрики июньской жарой и налетами насекомых. Изматывающий труд, обезвожива-

ние, укусы кровососущих. Иными словами, произошла массовая истерия на фоне стресса. В любом случае, как мы можем заметить, переработки, бесправие – никого до добра не доводили. Поэтому нам кажется, что обращение в профсоюзы действие правомерное. Однако это не совсем относится к теме сегодняшнего текста.

Меж тем пылливый читатель вместе с пылливymi нами подошел к оглашению возможных причин возникновения массового безумия, что там безумия, натуральной чумы. Конечно же, называние данных причин относится к разряду гипотез, и что-то нам подсказывает, безоговорочных доказательств не последует. Так или иначе, поговорить хотелось бы о паразитическом грибе спорынье, который содержит весьма токсичные алкалоиды. Преимущественно растет этот подлец на колосьях злаковых, пшенице, ржи. Именно из спорыньи Альберт Хофман умудрился выделить лизергиновую кислоту, хотя, стоит заметить, что нечто схожее по составу с этим веществом попадало в пищу людей задолго до синтеза ЛСД, вызывая поистине страшные коллективные психоделические переживания. Также, несмотря на свою разрушительную силу (может ли паразитический гриб обладать силой, могут ли грибы обладать силой), с древнегреческого слово спорынья означает «изобилие», «избыток», созвучное с плодородием, а не с безумием. Склероции гриба, то есть некое количество затвердевшего мицелия, выглядят как черно-фиолетовые продолговатые, удлинненные образования, редко с белым или желтоватым налетом. Если представить пшеничный колосок, то гриб спорыньи будет напоминать темные рожки, как у быка, олицетворяющего, скажем, ночь. Ночь, когда снятся кошмары.

У недомаганй, вызванных отравлением спорыньей, имеется свое название. Согласно статье из советской энциклопедии, поражение человека или животного алкалоидами спорыньи именуется не иначе как эрготизмом. Преимущественно в организм селян или горожан с хлебом. Примечательно, что инфицированная пшеница, став мукой, а впоследствии хлебобулочными изделиями, то есть пройдя стадии обработки, выпечки, не теряла своих наркотических свойств. Этот поистине негодяйский гриб паразит способствовал возникновению галлюцинаций, различных бредовых состояний, способствовал также зуду, конвульсиям, спонтанным болям в теле, а еще тому, что мы не хотели бы называть. Как правило, врачи выделяют две формы эрготизма. Для описания первой формы все-таки придется назвать то, что мы не хотели бы называть. Так вот, к первой форме относится гангренозная, или огонь святого Антония, или огненная чума. Ко второй форме принято относить конвульсивную, она же ведьмина корч. Огонь святого Антония, как правило, сопровождается психическими помояками, происходит сокращение мышц, случаются почернения конечностей. Об этом пункте нам бы не хотелось говорить более предметно, так как нам кажется, что лишнее упоминание подобных явлений – негативно влияет на нашу собственную психику. Можем лишь отметить, что название, в котором присутствует словосочетание «священный огонь», действительно, обугливает конечности несчастных. Что же касается ведьминой корчи, то здесь мы видим схожую симптоматику. Однако ко всему прочему добавляются сильнейшие конвульсии, бредовые мысли, тревожные состояния, сопряженные с галлюцинациями, в том числе слуховыми, визуальными.

Не лишним будет заметить, что вспышки эпидемий эрготизма, как правило, упоминаются в контексте Средних веков. Причины кроются в недостаточном знании, как ухаживать за сельскохозяйственными культурами. Европейская почва была как будто не требовательна ко ржи, которую сеяли крестьяне. Как бы то ни было, сорняки, мелкие вредители являлись не основными, как оказалось, проблемами средневековых колхозников. Заражение посевов спорыньей происходило преимущественно в связи с климатическими особенностями. В частности, высокий уровень влажности, низкая температура – данные факторы приводили к печальным с точки зрения здоровья людей последствиям. Также не следует забывать, что в определенной степени голод, присущий самым разным временам, Средним векам особенно, в силу ряда причин, заостряет внимание на которых мы не будем, толкал людей употреблять отравленный хлеб. Таким образом, эпидемии эрготизма распространялись от деревни к деревне, от города к городу, и спорынья вершила свои грязные делишки. К примеру, в книге «Яды прошлого: плесени, эпидемии и история», изданной в 1989 году, профессор

Мэри Килбурн подтверждает данную мысль, говоря о том, что спорадические вспышки неадекватного поведения, а также высокие показатели смертности в период с XIV по XVIII века, вполне вероятно, были вызваны пищевыми отравлениями хлебом с грибком.

Обратимся к недавней истории, которая замечательным образом описана в Томских губернских ведомостях. Некий врач по фамилии Воронов в 1865 году в этих самых Томских губернских ведомостях говорит об эпидемии. В частности, рассказывает Воронов о деревне Вагановой, в которой проживала безымянная крестьянка, – однажды крестьянка захворала. И, когда произошел один из приступов так называемой корчи, данная крестьянка «выкликнула имя» другой крестьянки, уже не безымянной, Волковой. Что значит «выкликнула имя»? То есть происходило самое настоящее кликушество, иначе говоря, была продемонстрирована бесноватость. Согласно советской энциклопедии, кликушество это поверье о порче, что, в принципе, является первопринципной последующих злоключений с шепотом в голове, бредом и т.д. Однако, если это вера в то, что некто совершил подселение к тебе чужой сущности, должен быть тот, кто, собственно говоря, виноват. Безымянная крестьянка, а она по-прежнему безымянная, ведь имени мы не знаем, в приступах так называемой корчи поведала, что Волкова ее испортила, подсадив в живот не к ночи упомянутых Ч. Прочие захворавшие крестьяне, услышав такую убедительную версию событий, поверили, причин не верить попросту не было. Более того, заболевшие стали вспоминать места, обстоятельства, когда Волкова могла их испортить. Мы не знаем точно, виновата ли Волкова, или дело только лишь в спорынье, поэтому делать какие-либо выводы не беремся. Вскоре начался судебный процесс. О дальнейшей судьбе предполагаемой ведьмы доподлинно ничего не известно.

Каким же образом галлюциногенное воздействие спорыньи коррелирует, вернее, через что происходит это воздействие в современном социуме. Казалось бы, зернообработывающие предприятия сейчас вполне научились бороться с различными видами плесени. Однако нам стало известно, правда, мы додумались до этого не сами, а прочитали в энциклопедии грибника. Существует высший класс грибов из четырех возможных, способных жить в контакте с корнями древесных растений. И в этой связи вспоминается научная статья, опубликованная в 1995 году в издании под названием *Lancet*, что переводится, судя по словарю, не иначе, как «скальпель». В этой статье миколог Р. Дж. Хэй вводит термин «синдром библиотечного недомогания». Ученый предполагает, что посетители библиотек нередко подвергаются отравлениям, порой незаметным, а порой очень даже заметным. Книги, как правило, производятся из деревьев. И в этом случае токсичная сила плесени, если мы не отрицаем возможность симбиоза между деревом и грибом, а мы не отрицаем, – данное предположение имеет право на жизнь. Ранее мы говорили о том, что крестьяне подвергались интоксикациям исключительно при употреблении зараженного хлеба. Но, как вы можете заметить, существуют также иные каналы передачи хвори гражданам. В частности, речь как раз-таки о вдыхании спор плесневых грибов. Читатели, посещая библиотеки, предположительно дышат. Дышат они, соответственно, спорами. Р. Дж. Хэй предполагает, что любители книг, испытывая внезапно возросшую работоспособность, креативность, пугающую ясность сознания, подобно той, какую испытывают потребители стимулирующих препаратов, становятся жертвами грибов.

Помимо предположений господина Р. Дж. Хэя у нас имеются результаты исследования о влиянии микотоксинов на человека. А именно статья психиатра-невролога Л. Д. Эмптинга «Неврологический и нейропсихиатрический синдром особых воздействий плесени». Помимо теоретизации, Эмптинг, являясь действующим сотрудником в частной нейродиагностической клинике, неоднократно сталкивался с гражданами, подвергшимся нападению спор. В своем исследовании, обнародованном в 2009 году, ученый связывает нейропсихиатрическую и неврологическую симптоматику с воздействием грибов. Данный вывод психиатр делает на основании длительной работы, проведенной с пациентами, которых направляли к нему специалисты самых разных направлений. Эмптинг заостряет внимание на том, что влияние микотоксинов, будь то вдыхание спор в библиотеках, в зданиях, употребление зараженной воды, пищи. Ошибочно может быть принято за клинические признаки прочих, схожих неврологических расстройств, диагностируемых ежедневно в

поликлиниках. В том числе имитировать болевую симптоматику, расстройства, связанные с опорно-двигательным аппаратом, с прочими проявлениями, к примеру, слабоумием, делирием.

Как бы то ни было, психиатр настоятельно рекомендует покинуть место, которое предположительно населено плесенью. В дальнейшем, при обращении в соответствующие органы, пациент обязан получить квалифицированную помощь. Важное дополнение: Эмптинг, опираясь на результаты нейродиагностических исследований, акцентируется на том, что необходимо четко различать недуги неврологические, являющиеся развитием имеющихся патологий. С расстройствами, вызванными микотоксинами. Для полноты клинической картины, следовательно, для наиболее правильного подхода к лечению. Собственно, вопросом, касающимся исцеления, целиком и полностью должны заниматься специалисты, никакого самолечения. По словам ученого, комплексный анализ пострадавшего и выявление в нем агентов плесени минимизирует риски оказания неправильной помощи. Эмптинг не исключает, что при обнаружении в пациенте агрессивных видов грибов нужно заняться их устранением прежде, чем бросать врачебные силы на лечение сузубо психиатрических отклонений. По опыту психиатра-невролога, большинство пациентов, при условии, что в будущем те вновь не посетят зараженное здание, не прочитают ни одной инфицированной книги, возвращаются к своему нормальному состоянию. Естественно, при должном уходе. А еще Эмптинг утверждает, что при работе с людьми, страдающими Альцгеймером и прочими нейродегенеративными недугами, он обнаружил в тканях центральной нервной системы следы грибковой инфекции. Нам не удалось найти подтверждение данной гипотезе, поэтому мы оставляем ее без должного внимания и не пытаемся развить.

Наконец, мы переходим к части нашего текста, где произойдет пространное рассуждение на тему, имеется ли связь между плесенью и паранормальными явлениями. Забегая вперед, мы говорим свое неуверенное да. Субъекты, испытывающие на себе воздействие так называемых беспокойных духов. К примеру, самопроизвольное возгорание предметов в квартире, движение мебели, необъяснимые шумы, вполне вероятно, как вы можете догадаться, сталкиваются с активностью микотоксинов. Так или иначе, сценарии, связанные с отравлением не следует исключать. Как и в случае с нейродиагностикой Эмптинга на предмет наличия грибов у пациентов. Сотрудниками санэпидемстанции осуществляется диагностика домов с привидениями, и при обнаружении плесени принимаются необходимые меры по ее устранению. Гражданам, испытывающим подобного рода дискомфорт, будь то электрические голоса, которые издает давно не работающий телевизор, или, к примеру, левитация посуды с последующим крушением, следует контролировать этот вопрос. И не стесняться обращаться к дезинфекторам.

Любопытным с точки зрения выявления зависимости полтергейста от плесени является исследовательский проект, запущенный профессором гражданской и экологической инженерии Шейном Роджерсом. В 2015 году мужчина инициировал исследование воздуха в «неспокойных» постройках, где предположительно происходят паранормальные явления. Роджерс заинтересовался этим еще в школе, когда смотрел телевизионные шоу, повествующие об охотниках за привидениями. По замечаниям будущего профессора, здания, которые посещали любители выводить на чистую воду нечисть, зачастую показывались грязными, захлапленными, пораженными плесенью. И поэтому юный Шейн задался вполне логичным вопросом, способен ли воздух в этих местах влиять на сознание людей. Ученый предположил, что переживания, встречи с призраками, искажение реальности подобны симптоматике психических или неврологических расстройств. К тому же Роджерс провел аналогию, изучив и сравнив показания граждан, подвергшихся влиянию токсичных форм плесени, с теми, кто предположительно контактировал с потусторонними силами. Мужчина пришел к выводу, что ряд грибов, например, спорынья, способны провоцировать у людей возникновение психозов. Некоторые респонденты сообщили также ученому о глубокой депрессии, тревоге, галлюцинациях. Что впоследствии трактовалось профессором как побочные эффекты от знакомства с микотоксинами. Проект, запущенный Роджерсом, насколько нам стало известно, действует до сих пор, а мы пишем эти строки в 2022 году. Профессор с группой своих студентов посещает художественные музеи, заброшенные ангары, квартиры, где предположительно были зафиксированы беспокойные

духи, – анализируют найденные виды плесени, берут образцы воздуха, каталогизируют полученные результаты.

Существует ли угроза вспышки эрготизма в России. Способна ли спорынья и прочие микотоксины спутать сознание наших граждан сегодня. Юрий Дьяков, биолог, профессор МГУ, предположил, что агрессивное поведение в очередях на почте, потасовки на рабочих местах, в пробках, нежелание уступать места лицам пожилого возраста в троллейбусе – может быть связано с отравлением грибными токсинами. В пользу этой версии говорят наблюдения историков. Различные военные кампании в Средние века, в частности в Европе, начинались примерно в то же самое время, когда фиксировалось массовое отравление спорыньей. Именно в такие моменты сознание граждан было затуманено, терялась связь с реальностью, а главенствующей эмоцией становилась немотивированная злость. Нечто схожее, замечает Дьяков, разворачивается в данный момент «благодаря» грибу фузариуму. Фузариум в свою очередь вредит народному хозяйству, его патогены способны вызвать заболевания, токсикозы у растений и прочих живых организмов, в том числе у граждан.

Нам кажется, что версия с токсинами, которые выделяет фузариум, как одно из возможных объяснений агрессивного поведения не только наших соотечественников, но людей на всей планете, вовсе не лишена смысла. С другой стороны, мы ощущаем определенные сомнения, странно винить только лишь плесень, вам так не кажется? Химическими ли процессами обуславливается наша перманентная злость. Быть может, дело обстоит несколько сложнее, и всему виной не к ночи упомянутые Ч. В таком случае, что дает им силу властвовать над нами. Мы ли – граждане, увлекающиеся гороскопами, эзотерикой, хиромантией, заплутавшие, какие угодно еще, предоставляем возможность сесть в наших сердцах, совершая опрометчивые действия. Любопытно, что в активной фазе ненависти нельзя находиться год, два, десять лет, сгоршишь и не заметишь. А если по каким-либо причинам не сгоршишь, то в период затишья-опустошения существует опасность возникновения депрессии, печали. И в этой связи вспоминаются слова священника Павла Гумерова: «Опасность печали, депрессии в том, что она является страстью, а значит, действует как любая из 8 страстей. С одной стороны мучает человека (страсть – значит страдание), а с другой стороны доставляет массу приятных ощущений, иначе никто не попался бы на крючок дьявола. И страдающему печалью тоже, как не странно, в чём-то нравится сладостный плен страсти». Что же предпринять в таком случае, где искать утешения. Павел продолжает: «...повторяю, выйти из печали непросто, это труд, и для иных легче плыть по воле волн. Вот почему очень часто депрессией, меланхолией страдают люди ленивые, не приученные к труду». Во труде спасемся, дорогие читатели.

Глава 6 Небесная тележка

– Ах ты, собачий депутат, да как ты посмел, у нее же помятый корешок, помятый! – не сдержала эмоций клиентка и принялась отоваривать меня длинной металлической ложкой для обуви. На конце ложки было круглое отверстие. С каждым взмахом я мог на доли секунды разглядеть перекошенное от злости лицо, высокие скулы, прическу под синего ежика. У меня не было сил сопротивляться, куртка, шапка, ботинки, все было мокрым от слез, слез, падающих с неба целое утро. Как пели однажды в передаче Фабрика звезд, плачут небеса, однако сомневаюсь, что плакали они по некой мифической любви. Скользкая манная каша на улице заставляла людей рыдать, заставляла их произносить следующие вещи. – Ох, мой копчик, как же больно! – Позвоните в жэк, пусть пришлют дворника! – Ай, нога, что они сделали с моей ногой! – Как-нибудь надо тут аккуратненько, вот так, вот так, ох, ты ж! – Лежите, лежите, бабушка, у вас может быть переломан хребет! – Дети, не ходите здесь, сосулька прилетит с крыши, будете потом ходить мычать!

Еще в редакции, собирая заказ в картонную коробку, сорок одну книгу я туда собирал, подумал, как же мне это везти клиентке. Бухгалтерша, женщина с грубым, словно речь дембеля-

садиста голосом, посоветовала взять тележку. На столе у нее стояло небольшое ведерко с мясным фаршем, еще была расстелена клеёная скатерть в зеленый горох, на которой лежал большой комок теста, скалка, формочки для вареников. Женщина совмещала несколько работ сразу, готовила выпечку для столовой, где проводили свадьбы. А параллельно сверяла цифры в отчетности, закрывала кварталы, перечисляла сотрудникам зарплаты в издательстве. Иногда выходило так, что бухгалтерша не успевала, как тем утром, слепить нужное количество вареников для очередного торжественного события. Хотя ничего торжественного тут нет, брак – он и есть брак. Тележка жила на складе, тележка была так себе. Двухколесная, маленькая, скрипучая. Поставив на нее коробку, я сразу понял, что далеко мы не уедем.

Покатил эту развалюху по улице, потерял где-то варежку. – Одна варежка потерялась, а вторая не знаю где. – Я тебе дам, потерялась! – закричала мама в телефонную трубку. Отвлекся на этот звонок, и тележка перевернулась. Рядом скользили по замерзшим лужам детишки, они засмеялись моей оказии. – Mam, все, я на вызове, потом перезвоню! – сказал я и нажал красную кнопку пуска ракет. На узенькой, как мировосприятие субкультурного подростка, улочке начали падать сосульки. Мужчина в оранжевом комбинезоне сбивал их лопатой. Все нормальные люди перешли на другую сторону, там, где не летели бомбы, а Хиросима была не тронута никакими Мальшами. Решил последовать примеру тех граждан, тем более мужик стал кричать: уберите дебила, он сейчас получит! Переходя дорогу, я очутился на капоте серебристой машины. Перепуганные глаза дамочки с большими-пребольшими розовыми губами. Она вдавила педаль тормоза, вопреки законам физики я никуда не слетел, так и остался лежать на капоте. Мгновение, мы смотрим напряженно друг на друга, и я вспоминаю, что у меня была коробка с книгами. – Бог ты мой! – вырвались такие слова, соскакиваю на скользкую проезжую часть. Мужчина со спиной аристократа, в тот момент я видел именно его спину, клетчатое коричневое пальто, в желтоватых пятнах, черную шляпу, серовато-белые джинсы. Он схватил наши книги, он убежал с нашими книгами. А я следовал за ним по пятам, словно красная учительская ручка, не пропускающая ни одной буквы в сочинении «как я провел жизнь». А за мной следовала водительница серебристой машины, она кричала: стой, кто мне заплатит за ремонт, стой! Не останавливаясь, бросил через плечо, надеясь никого не зашибить: потом, все потом!

Похититель коробки, видно, не ожидал, что слова в килограммах весят настолько много. Он замедлился в подворотне, затем вовсе остановился, присел у кирпичной шербагой стены. – Мужчина, верните мои книги! – сказал я, доставая из кармана куртки перочинный швейцарский ножик. Лезвие давно затупилось, поэтому ножницы подходили больше к этому случаю насилия. Он посмотрел голубыми водянистыми глазами, грустными-грустными. Насколько грустными, что я заплакал, накатила неуместная тоска. Ощущения были такими, как будто пришло понимание, что все мы скафандры для душ, бороздящие просторы Земли. Попадающие в передряги, теряющие здоровье на теплотрассах, на производствах собачьего корма, в маршрутках, в кинотеатрах, на первых свиданиях. – Ты это, хочешь поесть? – спросил у него. Похититель велосипедов оживился, сказав: простите, я не специально! Ну, конечно же, не специально, подумал я. А ведь он даже не знает, что происходит сейчас, начинается чума, мы проходим одним маршрутом с нашими предками из средневековья. И это ни в коем случае не предположение, это самая настоящая действительность. Бедный гражданин в клетчатом пальто с желтыми пятнами. Мы пошли с ним в кафе у метро, на колесную тележку никто не позарился. Она лежала там же, куда меня подвезла неаккуратная водительница.

Коробку тащил похититель, кряхтел, исправлялся, хотя мы и не были в исправительно-трудном лагере. На месте происшествия собрались прохожие, бабка с внуком, милиционер, женщина-убийца. – Кости целы, мясо нарастет! – услышал, как говорит такую вещь своей бабушке лопоухий мальчуган без шапки. Бабушка посмотрела на него, закричала: Сережа, ты же заболел, что маме скажем, ну-ка шапку свою, шапку, я сказала! Милиционер с опечаленным лицом, щеточкой

усов. К примеру, у меня, уж простите за физиологические подробности, после мастурбации делается подобное лицо. И я размышляю, к чему эти ненужные трения, механический балет с комбайном вместо балерины, в общем, делается тоскливо после первого же акта. Моя убийца в шубке из каких-то животных стояла возле стража правопорядка, тыкала в нашу сторону своим пальцем, говорила: вот этот подонок, вот этот мерзавец, арестуйте его! Улочку, на которой мы все пребывали, осветило солнышко. Своими лучиками оно согревало, оно было похоже на осетинский пирог, такое же сочное и желанное. Мы говорим, само собой, о свежем осетинском пироге, а то найдутся сейчас те, кто возразит: Миша, а если пирожок засох, как его можно желать! Милиционер, нахмурив брови, спросил: ваши документы? Я ему ответил, что документы мои. Водительница воскликнула: слышите, он издевается, он издевается! Дамочка порядком утомила своими инсинуациями. Когда она в очередной раз взмахнула ручками, из кармана шубы на серо-буро-малиновую кашу зад ногами вылетел прозрачный пакетик. В нем был некий голубоватый порошок. Блюститель законного хода вещей переключил свое внимание на эту мымру. А в нашу с похитителем книжек сторону бросил, слава богу, никого не зашиб: свободны!

Позади нас раздавались совершенно безумные выкрики: вы не имеете права, я требую адвоката, сейчас не 37-й год! – Барышня пересмотрела фильмов – констатировал я. Мой новый знакомый сказал на это: каждому свое, как было написано на одних чудовищных воротах. – Кстати, меня зовут Константин, – продолжил он. Я вез тележку с коробкой, Костя плелся позади, придерживая книги, которые норовили улететь опять в лужу. Либо эта женщина любительница понюхать запрещенные вещества, либо порошок был предназначен для миниатюрной шкурки какой-нибудь норки, из которых водительница сшила себе шубу, в любом случае, мы осуждаем оба этих процесса. Кафешка у метрополитена имени Владимира Ильича Ленина называлась: чебуреки в шалаше. В зале ненавязчиво играла музыка, парочка уважаемых мужчин, они стояли за столиками, к которым не были предусмотрены стульчики. Они с ленцой потягивали желтовато-бледное пиво. В их пиве содержалась толика димедрола. В «чебуреках из шалаша» именно так и поступали с напитками, добавляя в них таблетки, чтобы клиент быстрее пьянел, терял счет времени, заказывал больше. Не помню, откуда мне известны эти подробности, быть может, я там уже выпивал.

Константин положил свою шляпу на высокий круглый столик. На голове у мужчины оказалась прическа озеро в лесу. Щebetали на своем диалекте птички, рыбак в красной клетчатой рубашке сидел в лодке с мотором, ожидал появления рыбы. – Мальчики, вам нужна рыба к пиву? – спросила отличница по химии в белом фартуке. В ее волосах запутался бы даже Тесей. – Нет, будьте добры, нам два чебурека и два пива, – ответил я. Официантка скрылась на кухне. – Вы простите еще раз, просто, как увидел, само получилось! – жалостливо говорил мой новый знакомый. Вместо того чтобы сказать ему, что все нормально, мол, с каждым бывает, я поинтересовался: Константин, а какие книги вы любите читать? Отличница принесла поднос с чебуреками и пивом. Костя придвинул мне один, но я отрицательно помотал головой, утром нет аппетита. Он ответил на вопрос: стыдно признаться, я больше люблю поэзию, Малларме, Верлена уважаю. И принялся терзать чебурек, оказалось, что у Константина вставная челюсть. Розовые подкрашенные десна, серые от непогоды зубы, челюсть выпала на стол. Собеседник поспешно вставил обратно, прошамкал: простите, клей закончился. Я выпил залпом стакан пива, в голове приятно застучали молоточки. Вы знаете, чашечка пива на завтрак, в самом деле, весьма бодрит. Это не кофейная бодрость, но бодрость с эндорфинами. Понедельник вы превращаете с таким завтраком чемпионом в воскресенье. Черчилль, например, попивал эль, когда вставало солнышко. А Мартин Лютер вообще говорил, что человек, который употребляет пиво на завтрак, меньше грешит.

Позвонил мой начальник, а в кафе было так тепло и уютно. Позвонил начальник, а коробка с книгами до сих пор не оправилась от встречи с лужей. Позвонил начальник, а я совершенно

выпал из происходящего, как причиндалы деда из брюк в переполненном троллейбусе. Павел Вениаминович начал кричать: Миша, ты где, клиентка второй час пьет валокордин, переживает, куда пропали ее книги! Я заверил его у нотариуса, теперь директор стал официальным. Я заверил его, что нет поводов для грусти, что погодные условия задержали. Посмотрел на Константина, не без сожаления попрощался: бывай, может, свидимся еще. И вышел на улицу. В метро с этой тележкой, естественно, остановили архаровцы, пригласили пройти на досмотр. Я поднял коричневый, влажный ком, крикнув от тяжести. Ящичек, в котором происходило сканирование рентгеновскими лучами, не показал ничего подозрительного. Зеленое свечение выглядело излишним. Зеленое радиоактивное свечение встречается лишь в мультсериале Симпсоны. – Тебе бы обсохнуть! – произнес, почесав переносицу, служитель метро в синем кафтане. – Обсыхать нельзя, начальник такого не потеряет – ответил сдержанно я.

Клиентка проживала на самой окраине, туда даже не летали поезда и, возможно, не ходили птицы. Выйдя из метро, я очутился в сумрачном лесу, который благополучно рос в неблагополучном районе. Там, по-моему, рядом находилась скотобойня, а также завод по производству каучука. По-прежнему шел снежок вперемешку с дождем. Трамвайные пути тянулись до самого леса. С десятков синих палаток, в них торговали белорусскими мясными изделиями. По самочувствию, хотелось бы отметить, что я ощущал себя тем человеком, который проник ночью спустя 40 лет в школу, чтобы вернуть вещи, отобранные учительницей. И вот он бродит по классам. Заглядывает в шкаф, где предположительно лежит украденное, а там ничего нет, кроме учительской мази от геморроя. Ладно, думает человек, мазь так мазь, пригодится в хозяйстве. На трамвайной остановке сражались между собой подростки. А у меня тут коробка на тележке, как бы не зацепили, они молодые, горячие, в спортивных костюмах. Ожидая трамвая, до клиентки на нем добираться около получаса. Подростки перешли все возможные границы, бьются стенка на стенку, человек пятьдесят. Нахожусь в гуще событий, мимо лица пролетает чей-то стоптанный кроссовок. Грязь вокруг меня окрасилась томатным соком. – Гаси, гаси его! – кричит престарелый подросток с лицом Аль Пачино. И вдавливая ногой голову с зеленым ирокезом в мутный снег.

Подъезжает ярко-алый трамвай с номером двадцать два. Как я успел подсмотреть в редакции, именно такой мне и нужен, двадцать второй, не меньше, не больше. Потасовка прекращается, когда из салона вылезает круглая тетушка в зеленом бархатном пальто с воротником из лисы. Она краснеет от возмущения, пытит, как недовольная кошка, обращается к толпе: все завтра ко мне с родителями, я вас всех сожру, как китайские пирожки! На подростков ее вопли оказывают чудодейственное влияние, словно правый боковой Майка Тайсона, нанесенный своей жене Робин. Развязки потасовки между женщиной и подростками не увидел, зашел в трамвай. Зашел – это громко сказано, в два этапа взгромоздился, сначала тележка, коробка упала, коробку закинул, тележка скатилась. Водитель не выдержав, покинул свой закуток, взял меня подмышки, рывком затащил, спустился, правой рукой подхватил коробку, левой рукой тележку. Атлетически сложный водитель, напоминающий лысиной и усами Чарльза Бронсона, и ручищами. Транспортное средство, чхая и кашляя, видно, книги добавили веса, поехало в сторону леса. В совершеннейшем восторге крутил своей вспотевшей головой по сторонам. В окнах виделись сплошные кустарники, деревья, сугробы. Пассажиров было немного, в основном пожилые господа и госпожи. Они как будто являлись с утра пораньше неотъемлемыми атрибутами троллейбусов и трамваев со своими пакетами, котомками. Их старость опережала мою молодость на десятки световых лет. В их старости угадывалось будущее, которое непостижимым образом тянется из прошлого. За размышлениями о том, насколько все плохо с книгами, я задремал. С книгами, действительно, дела обстояли печально, закрывающиеся типографии, подорожание бумаги, вымокшая коробка.

Меня разбудила капля за шиворот, как в свое время, только не капля, но целый бассейн манной каши, который насовала воспитательница в приступе страсти. Неравнодушная к юным маль-

чикам воспитательница, о времена, о нравы. Где-то на трамвайном потолке была брешь. Удачно проснувшись, поспешил к выходу, ну, как поспешил, истощенный событиями того дня, покатил тележку с коробкой без особого энтузиазма. Бронсон-водитель поторапливал: шевелись давай, тут пожилые люди вообще-то, все спешат по своим очень важным делам! Он все-таки понял, что не взял с меня деньги за проезд, спросил: а ты платил? А я не платил, отсыпал силачу монетки, пять десятирублевых блинчиков. Мимо пролетела огромная муха, зимняя муха бессмертная какая-то. Я уже выбрался из трамвая, а за спиной развернулся диалог водителя с насекомым. Он говорил: ну, это не повод, чтобы не платить за мои услуги, плати! Муха в ответ бормотала что-то несвязное. Бронсон негодовал: ты заплатишь все до последней копейки! Затем успокаиваясь: ладно, залетай, разберемся.

На улице пришло осознание тщетности бытия, ведь адрес клиентки благополучно забылся. Но пронизательный Павел Вениаминович интуитивно распознал упаднические настроения, присущие мне как сотруднику издательства. В телефоне послышался надсадный кашель, а потом директор глубоко вдохнул, как перед нырком в речку, закричал: клиентке уже скорую вызывали, ты где, ондатра, ты, что такое вообще, ты человек или как? Я ответил ему голосом юноши, по-видимому на своем веку немало дерьма: вы знаете, я забыл адрес, напомните, пожалуйста. Павел Вениаминович на том конце назвал улицу Суматошную, третий дом, пятую квартиру. И тщетность бытия вроде бы попрдержала свой пыл, перестав душить, как могут душить проценты по ипотеке. В отдалении была площадка с желтыми турниками, на ней молодые котлеты тягали гири. Киевские поджарые котлетки с голыми горсами, выпирающими синими венами на бугристых руках. Я сначала направился к ним, чтобы спросить про улицу Суматошную. Но тяжелый взгляд исподлобья меня остановил. Один из трех спортсменов покачал отрицательно лысой, словно кожура лимона, головой. Со стороны остановки, где я только что высадился, по-прежнему находился лес. Район, куда я только что высадился, как Нил Армстронг на Луну, напоминал городок из кинофильма «Лиля навсегда». Недружелюбные серые пятиэтажки, белье сушится на веревках. Убедительное местечко для того, чтобы начать писать пугающие сочинения, как Стивен Кинг, убедительней только мальчонка с автоматом Калашникова.

Такой парнишка попался мне, когда я отошел от спортсменов на почтительное расстояние, пар, который они выдыхали, скооперировался в буковки, такие буковки, как правило, мы наблюдаем в лапше. Тележка скрипела, я отвернулся от угрюмых атлетов, но чувствовал, что они провожают мою спину тяжелыми взглядами. У кафе с заколоченными окнами повстречался мальчишка в белой шапке с надписью спорт, в бесформенном серебристо-красном пуховике. На плече у него висел тот самый автомат, не знаю, настоящий или просто игрушечный. Я спросил у него: дружище, где тут улица Суматошная, дом три? Ребенок ответил звонким, как мелочь в игровом автомате, голосом: пятьдесят рублей! Подул ветерок, запахло жженым сахаром, как будто где-то пригорели петушки. Я стал шарить по карманам в поисках пятидесяти рублей. Парнишка смотрел на меня пренебрежительно, оттопырив нижнюю губу, щелкнул затвором Калашникова. Над нами стремительно пролетели голуби, как истребители. Пять медных червонцев нашлись в заднем кармашке брюк. Я протянул их проводнику. Он смотрел на них, смотрел, в детской ладошке было пятьдесят рублей, но ребенок, кажется, не умел считать, хотя на умственно застылого не походил. – Это пятьдесят рублей, точно! – на всякий случай сказал я. Парнишка сложил монетки в целлофановый пакет, в котором было, по меньшей мере, очень много денег. Удовлетворенный платой, мальчишка развернулся и потопал. Мы шли мимо длинного строения, распахнутые окна на первом этаже, облупившаяся белая краска. Ребенок шагал впереди, потом остановился, вскинув руку. Мимо нас пролетел инсулиновый шприц, пустая бутылка. Проводник продолжил движение, ведь движение это маленькая жизнь. На улицах было пустынно, хотя звуки, детские крики, звон стекла, музыка, казалось, доносятся отовсюду. Возле здания милиции послышался животный смех. Это были гиены, особой двадцать. Полукругом в своих желтых шубах с черными

пятнами они приближались к нам. Но парнишка быстро взял ситуацию под контроль, выпустив длинную очередь из автомата. Фонтанчики замерзшей почвы вздымалась, гиены, почуяв раскаленных смертоносных пчел, бросились врассыпную. Следующий дом за поворотом оказался домом клиентки. Мальчишка, не прощаясь, исчез во дворах.

А я попал в гости к нашей покупательнице. – Ах ты, собачий депутат, да как ты посмел, у нее же помятый корешок, помятый! – бушевала гражданка, металлическая ложечка больно ударяла по лбу. В круглом отверстии на конце ложки виднелись синие короткие волосы, высокие скулы, пирсинг в носу. Не было сил, чтобы элементарно выставить руку, хоть как-то защититься. Очень скоро у женщины иссякли физические возможности, активничать она перестала. Женский организм, как ни крути, устает быстрее моего организма. Примерно так я подумал в тот момент. Клиентка устало спросила: хотя бы все книги привезли, ничего не потеряли? – Все, можете пересчитать! – ответил ей. Но женщина пересчитывать ничего не стала, она сказала следующее: что-то я погорячилась, попьешь со мной чаю, и мы забудем об этом инциденте. Ни о каком инциденте забывать я не собирался, поэтому решительно сказал: вообще-то, на работе не принято пить чай. Синеволосая любительница поскандалить продолжала настаивать: пожалуйста, мне бы хотелось хоть где-то сделать вам приятное. – Ладно, хорошо, выпью с вами чай, кружку, не больше! – сказал я. Она, кажется, поняла, что мой характер был мягкий, точно холодец.

Стена в коридоре выглядела странной. Когда мы шли умываться перед чаепитием, я остановился, всмотрелся. В обоях с ромбиками была проплешина размером с младенческую голову. Там виднелся еще один слой обоев, за ним еще один слой, словно кто-то методично вырезал и вырезал. Я посмотрел вопросительно на клиентку. Она сказала: это я по количеству обоев считала поколения жильцов до меня. – Как будто кольца на спиле дерева? – проявил сообразительность я. – Как будто кольца на спиле дерева! – согласилась женщина. Умывшись, мы переместились на кухню. Чай был майский, печенья, соответственно, летние, с кусочками земляники, малины. Неловкое молчание сопровождало нашу церемонию, словно надоедливые журналисты, сопровождающие принцессу Диану. Клиентка метнулась кабанчиком к холодильнику, достала оттуда батон докторской колбасы, положила передо мной. Колбаса еле слышно зашипела. – Почему шипит у вас колбаса? – спросил я. – Не волнуйся, болеет! – рассмеялась синеголовая читательница. – Будешь сыр с плесенью? – продолжила она наступление. Все эти расспросы порядком нервировали. Допив долгим глотком чай, рассовал по карманам печенья, поспешил расстаться с женщиной. Но у дамочки было игривое настроение, она, поглаживая свою шею, сказала: никуда ты не уйдешь, пока я не разрешу. – Хорошо, тогда предлагаю побороться на руках! – проявил смекалку я, полагая, что женская сила меньше моей. Интуиция не подвела. Клиентка достала из-под стола табуретку, ножки табуретки скребли пол: скрыл, скрыл. Мы поборолись секунд тридцать, ее рука была твердой, на кисти выступили фиолетовые змейки вен. От напряжения у женщины вспотело лицо. Ухищрение в виде плевка в мой глаз не помогло, победа осталась за нами.

Обратный путь сложился благопристойно, без чрезвычайных происшествий и криминальной России. Правда, выйдя на улицу, слышал звуки ожесточенной перестрелки. Десятки металлических глоток болтали на своем разрушительном диалекте. Заскрипели тормоза серых жигулей. Водитель, мужчина сорока лет в черной водолазке и кожаной куртке, выглянул в окно, крикнул: шеф, тут у нас бывает что стреляют, садись в машину! И мне повезло, потому что самому бродить по тому небезопасному району без проводника – это надо родиться в свинцовых кальсонах. Случайный таксист взял триста рублей за пять минут поездки, зато, как он сказал, живой остался. И это замечательно, считаю, что живой остался.

В редакции Павел Вениаминович, отчего-то нарядный в тот день, попросил написать эссе про недовольную клиентку. Директор, сидя в большом клетчатом кресле у себя в кабинете, объ-

явил по громкоговорителю: Миша, зайди ко мне! Мы сражались некоторое время взглядами, но лазерные мечи умудренного жизненным опытом директора оказались острее. Я опустил глаза на лакированные коричневые туфли мужчины, его ноги лежали на столе, где подобает лежать ногам, которые переносят наделенное властью тело. – Напиши, пусть это будет объяснительная с твоей стороны, – попросил он. В тот день на нем был темно-зеленый пиджак из крокодилов. А голову мужчина перекрасил в бордовый цвет. А усы он сбрил. А надушился чем-то французским, возможно, одеколоном Саша. Одеколоном Саша, где ударение идет на последний слог. Редакторша постучала в открытую дверь. – Да, что такое? – спросил Павел Вениаминович. – Понимаете, такое дело, я сама не ожидала, я, кажется, снова беременна, мне нужен отгул! – обескуражила всех присутствующих в кабинете сотрудница издательства. – Что, вам же пятьдесят лет, когда же это закончится, чтоб в последний раз! – строго сказал ей Павел Вениаминович. Затем достал из верхнего ящика стола чью-то рукопись, увлекся чтением.

Видели бы вы, как самозабвенно я настукивал свое объяснительное эссе, клавиатура под пальцами сначала хорохорилась, выдавала опечатки. Но специальная техника щипкового массажа сделали клавиатуру сговорчивей, она похрюкивала от удовольствия, опечаток больше не случилось. Рассказ о клиентке и книгах начинался как мистическое произведение. Спустя две страницы я задумался о том, что не хватает кофе. Вскипятил чайник. Директор закрылся в своем кабинете на ключ, бухгалтерша ушла на свадьбу с налепленными утром хлебобулочными изделиями. Буквы сами бросались на проезжую часть. Синеволосая женщина обрела несчастную любовь, потом эту любовь потеряла, потом обрела любовь к сериалам, литературе. Все заканчивалось широкими, как русская душа, выводами о фригидности. Подспудно я понимал, что погодные условия тоже сыграли свою роль, поэтому ввел новое действующее лицо: мерзость. Мерзость символизировала лужи, мокрый снег, гололед. От выпитого кофе поднялось давление, пальцы похолодели, затряслись. Десять страниц объяснительной я посчитал достаточным количеством страниц для хорошего литературного высказывания. – Ты сам это написал? – спросил директор, который незаметно подошел. Мужчина стоял за моей спиной и читал. – Написал самолично! – ответил я. – Слушай, распечатай-ка, хочу от начала прочитать, – сказал Павел Вениаминович, пшикая себе в рот освежителем дыхания. Его дыхание сразу сделалось легким, мятым. Перед тем как разойтись по домам, наш руководитель обратился вот с какой просьбой. Он попросил написать что-нибудь интересное. – Ты напиши что-нибудь интересное, мы прозу не публикуем, как знаешь, но, может быть, сделаем исключение.

Куртка, шапка, ботинки обсохли. Правда, обсохли как-то совершенно неправильно. Теперь куртка и брюки топорщились, хрустели. Случается, вешаешь белье после стирки на балконе, а на улице дремучая зима, а белье потом стоит колом. Скованность в паху, шел как паралитик, хрустел весь. Мама дома, конечно, высказалась на этот счет. Ты же не нанимался курьером, тем более за такую смешную зарплату. У тебя здоровье слабое, чтобы так ездить, мокнуть. Я ответил ей: ладно, разберемся. Во время ужина пришла мысль написать про Леру и Валеру, написать про шкаф, в котором происходила абракадабра. Но тут же возникло сомнение, кого это сможет заинтересовать. Но возникшие сомнения мало кто послушал, когда возникают подобного рода сомнения, я даже не обращаю на них внимание, чего и вам желаю, солнышки.

Глава 7

Елочка и мухоморы

Подозреваю, что неизреченное слово уходящего года было матерным. Но вот приближался праздник, во время которого изнеженные дети вроде меня будут испытывать панические атаки. Десятки тонн салютов в тротиловом эквиваленте прогремят над городом. И вновь мама скажет

мне, что же ты за человек такой, рефлекслирующий нытик, как и все вы, рожденные в девяносто шестом году под знаком водолея. И опять и опять по телевизору покажут мужчину, поздравляющего нас от всего сердца, и опять и опять я испугаюсь его, ведь к незнакомцам лучше не садиться в машину и не вступать в зрительный контакт. Но что поделаешь с нами, рожденными в девяносто шестом году под знаком водолея. В сущности, глупо третировать какао, разлитое по кружкам в столовой. Какао в столовой это результат мастерства, итог ее жизни, буфетчицы, сварившей какао. Вы, конечно, вправе не считать себя какао, просто вот я себя им время от времени ощущаю.

И вот мама отпустила праздновать Новый год в семью Леры и Валеры. Трогательное явление, если честно. Вы приходите в гости к друзьям, чтобы посмотреть на салюты, отожраться оливье. В некотором смысле, если вы, конечно, пришли к семейной паре в одиночестве, а дома никто не ждет, в некотором смысле они как будто вас усыновляют на одну ночь. Еще мама сказала: если ты хочешь, можешь у них погостить несколько дней, если ты, само собой, не любишь свою мать и тебе плевать на то, как она тут будет сидеть и волноваться, а она будет, поверь мне, тут сидеть и волноваться! Накануне Нового года я поехал в редакцию, предстояло выпить несколько бокалов шампанского со своими коллегами, выпить во славу книжного божества. Чтобы в следующем цикле наши тиражи вернулись к тому значению, когда трава была зеленее, а пепси вкуснее, а фенибут продавали без рецепта.

Морозец на улице тем утром был обжигающим, как сталь самодельного ножа, присланного из колонии моему дружку. Дружок сам не сегодня завтра отправился бы вослед за своим братцем, поэтому с детства он обучался премудростям лагерной жизни. И этим ножом он угрожал всем ребятишкам во дворе. Как-то раз приставил к моему горлу, будто собирался вскрыть этот сосуд с барахтающимся в нем настоящим Токаревым. Тем утром я чувствовал небывалую ажитацию, словно Алиса, хряпнувшая сто грамм волшебного зелья из пузырька. Я стремительно рос, крутило суставы. Настроение было прекрасным, шел по улице, напевая о пропавшей собаке Шаинского. И даже угрюмый дворник, похожий на советского штангиста Василия Алексева, тем утром не хмурил свои кустистые черные брови, он улыбнулся впервые за долгое время моим раскосым глазам. Предчувствие благостных перемен, вот что чувствовали прохожие тем декабрьским утром тридцать первого числа.

В связи с подобными праздничными обстоятельствами в редакцию решил добираться на электричке, а не как обычно на автобусе и метро. Стоя на перроне, удалось подслушать разговор двух парней. Один другому рассказывал: вчера снял ту проститутку, ту, которая тебе еще понравилась. Второй ему нетерпеливо: и как она, как в итоге-то? Паренек докладывал: ну, занимаемся мы с ней этим самым в машине, и тут она начинает плакать. Товарищ рассказчика удивляется: неужели. – Да, сказала, что никто до меня не обнимал ее так нежно! – хвастается парнишка. Электричка стремительно преодолевает нарратив, становясь необыкновенным символом алкоголизма, когда из нее вываливается компания граждан навеселе. Они поют песни, обнимаются с теми, кто заходит в электричку. Я тоже захожу в электричку, в ней слышатся ёлочные, мандариновые ароматы, дыхание крепких напитков, напитков тяжелоатлетов, слышится храп неких людей. Двери закрываются. И я уезжаю в противоположную от работы сторону, чтобы доехать до редакции обходными путями. Ведь то утро было наполнено праздничными обстоятельствами, хотелось сделать что-нибудь необычное, сумасшедшее.

Безудержное веселье в редакции сопровождалось судьбоносными танцульками. Павел Вениаминович, заведенный, как шелкунчик, горлопанил, широко раскрывая рот: я вам сейчас покажу брейк-данс, что в переводе означает ломаный танец! – Может, не стоит в шестьдесят лет, расклеишься, калоша? – сомневалась бухгалтерша, попивая мелкими глотками шампанское из кружки со снеговиком. Приглушенно мурлыкали колонки, слившись с ландшафтом комнаты. Музыка прямоком из начала двухтысячных как бы уравнивала сотрудников издательства. Что я хочу сказать этим. А я хочу сказать, что служащих было пятеро, директор, редакторша, бухгалтерша, они относились к старшему поколению, некогда проживавшему в советском союзе. Мы же с на-

парником, так уж вышло, родились в середине девяностых. Музыка давала возможность разным поколениям одинаково качать в такт головами, отбивать ногами ритм, синхронизироваться с новым временем. На излете песни Аквариума «мама, я не могу больше пить», Павел Вениаминович как раз предложил продемонстрировать нам свой ломаный танец. Зазвучала композиция «Relax, take it easy». В моей кружке с озером Байкал бурлили пузырьки шампанского. Две кружки назад я подумал о том, что пить сегодня не буду, но, как видите, не пить не получилось.

Директор взгромоздился на длинный лакированный стол из ели. Бухгалтерша и редакторша спешно убрали со стола тарелки. В тарелках лежала закуска, колбасные нарезки, сыр, помидоры, огурцы, икра. Мы с напарником начали хлопать в ладоши, подбадривая раскрасневшегося мужчину, бухгалтерша не могла перекричать музыку, но я услышал: слезай оттуда, это самоубийство! Павел Вениаминович был не Павлом Вениаминовичем в тот момент, но роботом, движения которого казались автоматизированными. Спустя проигрыш директор начал водить руками вокруг своей головы, занимательная пантомима. – Похож на Киану Ривза из Матрицы! – сообщил на ушко напарник. Потом Павел Вениаминович решил покрутить гелик. Песенка почти закончилась, мужчина встал на четвереньки, неловко завалился набок, выставил вперед ногу в кожаном сандале. Стол потряхивало, как будто человек занимался любовью с деревом. Слова новой песни сделались неразборчивыми, вот было-то веселье. Директор крутанулся особенно сильно, не удержал равновесия, полетел со стола, как японский камикадзе-летчик на Перл-Харбор. Напарник выключил музыкальный центр, чтобы все мы могли как следует расслышать жалобные стоны Павла Вениаминовича: ох, спина, ох, умираю, братцы!

До травматологии домчались на такси. Зеленоглазый санитар в голубом кафтане курил у подъезда, на нас смотрел недобро. Мы на него никак не смотрели, потому что экстренно транспортировали по воздуху директора в приемное отделение. Время от времени мужчина терял сознание, охал. Мы с напарником изрядно вымотались, держа импровизированные носилки с Вениаминовичем. В редакции на шкафу лежали цветастые транспаранты с обложками книг нашего издательства, напечатанные специально для того, чтобы продемонстрировать на ярмарках, что наше производство не хухры-мухры. По случаю поломки директора было принято решение в срочном порядке использовать транспарант как носилки. Застывшие лужи напоминали аквариумы, под толщей льда по-прежнему бурлила жизнь, плавали мелкие оранжевые рыбки. – Натуралист, э, юный натуралист, не урони! – бляял раненый директор, заметив, что я отвлекся на лужи. Бухгалтерша за нашими спинами призвала быть осторожными: будьте осторожны, любознательные кретины! Напарник, долговязый парень в квадратных очках, тоже заинтересовался рыбками после слов «любознательные кретины». Мы дружно поскользнулись, рухнули на стильную землю, причинив директору страдания, к сожалению.

В приемном отделении собралась команда молодости нашей. Граждане, чьи травмы, преимущественно, были вызваны предновогодней суетой. Резали салат, резали, вот, пальчик. Шли за подарками, шли, сосульки, знаете ли. Люстру вешали, вешали, но электричество помешало довешать. С горки с ребенком решили проехать, с ветерком чтоб, но ничего, зубы и так должны были выпасть, молочные ведь. Наша бухгалтерша расхаживала по длинному коридору взад-вперед, оперев руки в бока. На ней была желтая шубка с черными пятнами, как у гиены, но бухгалтерша была совсем не гиеной, скорее фрекен Бок в шкуре гиены. Редакторша на дух не выносила человеческих мучений, поэтому предпочла остаться в редакции. Директор лежал на транспаранте, спрашивал нас: вам понравился мой брейк-данс? Мы с напарником кивали, мол, понравился. Павел Вениаминович, удовлетворенный ответом, прикрыл глаза. В очереди перед нами сидело человек пять. Бухгалтерша сетовала на директора: что ж тебя земля-то сегодня двумя руками обнимает.

Позвонил Валера, я отошел от коллег, чтобы поговорить без свидетелей. Возле туалетов слонялся без дела, лучше бы пошел на завод трудиться, мальчонка семи лет. Он наставил на меня свой пластмассовый пистолетик, сделал вид, что стреляет. Свидетелей рядом не было. – Слушаю, Валерий Николаевич! – сказал я. – Миша, приезжай сегодня пораньше, надо будет елку купить,

– муж Леры хотел произнести что-то еще, по крайней мере, я так почувствовал, но не произнес, положил трубку. Несовершеннолетний господин в черных брючках и белой, расстегнутой до пука рубашке, под которой виднелась серая майка, повторно выстрелил в меня. Свидетелей не было, поэтому он безнаказанно скрылся в туалете. Подошел напарник, сказал, что поедет домой к жене, директора, скорее всего, увезут куда-то без нашей помощи. Еще сказал, что Ельцина прикончила водка, а я как раз волен пойти домой тоже готовиться к Новому году. Ну, я с ним, конечно же, согласился, тем более Павел Вениаминович с бухгалтершей взрослые люди, сами как-нибудь разберутся.

Таким образом, корпоративное мероприятие завершилось. А я поехал к ребятам домой, чтобы не на шутку оттопыриться. К тому же мама разрешила оттопыриться, она не часто позволяла это делать. Направился к метро дорогой, которой никогда не ходил, все-таки праздничные обстоятельства. Правда, не получилось дойти с первого раза. Подле серебрястой, как зубы уважаемого человека, теплоотрассы, понял, что заблудился. Там же повстречалась компания мужчин и женщин в черных длинных одеждах, их лица были бескровными, как будто зимние комары-призраки высосали всю кровь, напитались гемоглобином людей и улетели по своим грязным делишкам. Во дворе с двухэтажными желтыми домами незнакомцы стояли кругом, на что-то глазели. Проходя мимо, я тоже поглазел, в центре круга сидела рыжая кошечка, она умывалась. Сосредоточенно вылизывала свою лапку, мурлыкала. Мои скрипучие шаги по снегу прервали данную идиллию, в данной идиллии, как показалось, люди с бледными лицами особенно ценили кошку, которая на мое приближение отреагировала побегом из круга. Животина ускакала по сугробам, а незнакомцы посмотрели на меня своими безжизненными глазами. А глаза у них были как будто подернутые пленкой, возможно, это были наркоманы, организовавшиеся в преступную группу. Ближайшая ко мне девушка с фиолетовыми губами положила свою руку на мое плечо, даже сквозь пуховик я ощутил холод ее пальцев. Мне показалось, что сладость губ ее нежных, если дойдет до поцелуев, не повредит. Ее товарищи безмолвно пожирали меня глазами. Непроизвольно, словно против своей воли я произнес отчетливое: мяу! Странный возглас заставил Чужих в моей грудной клетке заклокотать. Испугавшись как следует, сбросил ледяную руку с плеча, развернулся и зашагал прочь, не оглядываясь. Вспомнился анекдот. Анекдот такой: как-то раз живодер напоил кота бензином, кот прошел два метра, упал, живодер подумал, что у кота закончился бензин. Согласен, совсем не смешно.

Валерий Николаевич встретился у самого метро. После свидания с вампирами я, в общем-то без происшествий, поплутал еще некоторое время, да выплутал, куда нужно было. Серая шапка-ушанка на голове знакомого выглядела как у Арнольда Шварценеггера в фильме, где говорили на ломаном русском: какие ваши доказательства. Доказательства при нашей встрече не требовались, то есть мы примерно знали, что я это я, а он это он. Но все же для проформы Валера спросил: ты какой-то потерянный, все хорошо? Вокруг сновали звинченные предстоящим празднеством граждане. Малышня чиркала зажигалками, их потребность поджечь снеговика с поломанной морковкой вместо носа была похвальна, хорошо, что малышня не поджигала утомленных бомжей. Я ответил: разберемся! – Тогда пойдем за елкой и продуктами, если не передумал встречать Новый год с нами, конечно! – сказал мужчина. И мы, лавируя между прохожими, как уклоняется вич-инфицированный человек от неудобных вопросов своего партнера, двинули к гастроному.

В гастрономе был аншлаг, не хватало только Геннадия Ветрова. Прилавки, украшенные пушистой мишурой, напоминали гусениц, протяженность которых ставила под сомнения биологические эти самые. Скажем так, не бывает настолько длиннющих гусениц. Скользкий-прескользкий пол, покрытой толстым слоем снежной крошки, норовил убежать из-под ног. А еще в гастрономе топили будь здоров, словно топили ядерными реакторами, закидывая их в печь. Поэтому наши сограждане раскраснелись, точно крабовые палочки. Они ходили от прилавка к прилавку, покупали говяжьи языки, докторскую колбасу, пельмени, красную рыбу. Необъятные продавщицы в синих передниках меж собой переговаривались. Продавщица 1: я хочу поменять пол. Продавщи-

ца 2: Клава, не надо, это же такая ответственность! Продавщица 1: зато прав больше, мое мнение будет учитывать, зарплата будет выше. Продавщица 2: а что скажут дочки? Продавщица 1: а что скажут, они вегетарианки. Продавщица 2: ну, смотри, тебе жить.

Валера спросил меня: а ты работаешь, да? А я и говорю ему: работаю, это да. А он извиняющимся тоном просит: у нас в данный момент сложности, не мог бы ты приобрести мяса на праздничный стол. – Несерьезный вопрос! – без лишней суеты киваю одобрительно головой. Однако мясом дело не ограничилось, также в гастрономе были приобретены салаты, оливье один контейнер, селедка под шубой два контейнера, гранатовый сок пять литров, креветки три килограмма. Повеселевший Валерий Николаевич, когда мы покинули гастроном, сказал: елочку я куплю сам, с елочкой никаких проблем нет. Прохожие на улице успели чрезвычайно потемнеть. Черные силуэты, подобно теням Шварца, искали свое место. – Дяденьки, дяденьки, дайте десять рублей! – обратился к нам негритенок перед самым елочным базаром. – Мальчик, у нас ничего нет, мы потратились! – ответил Валера. Мальчику не понравился такой ответ, поэтому он невозмутимо лягнул Валерия Николаевича в коленку, отчего Валерий Николаевич пораженно вскрикнул: что за манеры, ты что себе позволяешь! А я для усиления высказался матом, однако атаковавший нас вымогатель уже был далеко и ничего не услышал. Широкая желтая вывеска «елки» подсвечивалась гирляндой. Лампочки мигали в такт беспонтовой музыке, играющей в машине с тонированными окнами.

Валера ощупывал деревца, как студент старших курсов может ощупывать зазевавшихся первокурсниц. Из машины вылез коренастый мужчина в белой дубленке и клоком шерсти под носом. Пропустив предисловие, он сразу перешел к сути: три тысячи и по рукам! – Вы же даже не знаете, какую мы возьмем! – удивился Валера, великое множество удивлений от Валеры прозвучало в канун праздника. А ведь как встретишь, так и проведешь, а как проведешь, так уже и не надо. Я стал путаться в показаниях, накатила сонливость, глаза, слипшись от сладкого, перестали показывать нарядный елочный базар. Пакеты с продуктами тянули резину. Мой знакомый отчаянно торговался: тысячу рублей и батон колбасы, последнее предложение! Я встрял в разговор: колбасу не дам, колбаса дорого стоит! Валера сказал торговцу радостью: колбасу он даст, она дорого стоит, поэтому за колбасу ты нам отдай две елки! – Не, пацаны, колбасу не приму, три тысячи! – был непреклонен бизнесмен кислых щей. Знакомый выложил все карты на метафорический стол: тогда, может, вам интересны мухоморы? – Мухоморы? – оживился неживой продавец. – Мухоморы, пантерные, хорошие, у меня шляпок десять с собой, будете? – спросил Валера, понизив голос почти до шепота. Продавец ответил: надо, а комсомол ответил: есть, давай свои шляпки! И мы заимели куцую елочку, не потратив на нее ни копейки. Гордый своим умением торговаться, Валера завалился вместе с деревом, когда мы переходили проезжую часть. Гололед это навык балета.

К моменту, когда мы добрались до квартиры Леры и Валеры, колбаса укоротилась почти в два раза, нам захотелось перекусить, мы остановились во дворах, купили пивка, пило это пивко, покусывали колбасу. Елка, и без того не самая обаятельная представительница хвойных, сделалась похожей на любительницу побаловаться кокаином порно-актрису. Даже салаты, салаты попробовали. Единственное, что не пострадало, мандарины, килограмм пять, их мы успели купить в стремительно закрывающемся ларьке. Седой грузин с грустными глазами спаниеля сказал нам: слушай, мы закрываемся, выбирать давай побыстрее, пожалуйста. Валерий Николаевич захотел ананас, потом передумал, выбрав манго, но купили мы все-таки мандарины. Кружились манные комочки, ноги проваливались в сугробы, было часов семь вечера.

На пороге нас встретила Лера, нарядившаяся в костюм солнышка. Желтая короткая юбка едва прикрывала белые трусики, все-таки не прикрывала, трусики норовили явить себя миру. Желтая маечка, плоский рельефный животик. Должно быть, знакомая не брезговала заниматься физкультурой, а может, генетика. Дух испеченной курицы летал по прихожей, завывал, пугая впечатлительных детей. Жена Валеры сказала: где вы так долго, мне нужна помощь с салатами! Валерий Николаевич ответил, когда мы отправились мыть руки: салатов не надо, купили уже.

И девушка вздохнула с облегчением, ведь нарезать бревна моркови, натирать булжники сыра занятие малоприятное. На праздники, заметил такую особенность, граждане суетятся, драят до блеска пол, готовят как перед концом света, в общем, создается ощущение не праздника, а как-то торги. Это как рекламный перевертыш в интернете. Помните, навязчивая реклама? Фотография рук, зажигалки, ложки, на которой что-то бурлит, надпись: вспомнил про десерт из девяностых, рассказываю, как его готовили в то время. А ведь праздник к нам приходит, праздник к нам приходит, и веселья вкус всегда настоящий, вот это вот все, где?

Ближе к девяти часам Валера и Лера с Токаревым сидели за столом, пили чай. На черной улице, такой же черной, как если бы вы очутились в желудке котика, началось буйство. Салюты взрывались, азбукой Морзе освещая окно. Началось, подумал я, затряслись поджилки, в горле пересохло. Знакомая долила в мой граненый стакан в металлическом подстаканнике, как в поездках, еще чаю. Вкус напиток был необычным, отдавал он невнятной затхлостью, не знаю, как будто вкус болота, но с приятными нотками имбиря, мяты, лимона. Валера придвинул блюдец с зефиром, пастилой, сказал: ты сладкое ешь, со сладким мухомор лучше идет. Особо мощный заряд петарды обрушил некое строение, послышались крики: пошла помидорка, кто будет гараж восстанавливать, вы, мужики, офигели? Возмущающемуся человеку резонно возразили: Кузьмич, не кипишуй, зато красиво же, посмотри, такая писюлька, а как бабахнула! Разрезая вечернее небо, полетела цветная каракатица, заискрилась, зашипела.

Я метался по комнате, причитал: как вы посмели подмешать в чай мухомор, вы же даже не предупредили, вы же даже пластилиновые! Супружеская парочка казалась слепенной из цветного пластилина. Лера успокаивающе сказала, ее губы при этом не двигались: не волнуйся, просто мы подумали, что это тебе не повредит, праздник же! Валера поддержал супругу: да, там совсем немного, скоро все закончится. Внутри моего тела бегали микроскопические гномики, кричали: больше тепла, больше! Щеки горели, как сибирские леса в жару. Тело совершало причудливые движения, руки дрожали, ноги приседали. Шея девушки стала удлиняться, удлиняться, какая гибкая Лера, гимнастка. Рыжая голова легла на мое плечо, при этом животик, ножки, ручки – находились на диване, остальная Лера сидела на диване. И та часть, которая лежала у меня на плече, имеет в виду голова, лицо, возжелала романтики. Знакомая поцеловала своими горячими губами мои губы. Язык девушки внедрился в ротовую полость Токарева, романтика куда-то испарилась.

Валера закричал голосом крайне недовольного Валеры: не смей уводить чужую жену! Шея Леры вместе с головой моментально покинула мое плечо, вернулась к телу. За окном гремела тяжелая артиллерия. Товарищи празднующие горланили: ура, ура, с новым счастьем, ура, ура, вам того же! Знакомая невозмутимо сказала мужу: а я сама уйду, надоед ты мне. Подобного отношения к себе Валерий Николаевич стерпеть был не в силах, поэтому заплакал как девчонка. Он согнулся в три погибели в кресле, закрыв лицо ладошками. Лера не спешила его успокаивать, она удалилась из комнаты, ведь я нажал delete на воображаемой клавиатуре. Внезапно на столе возникли салатика, курица, морс, рис. Маленькая, незаметная девушка умудрилась принести блюда, оставаясь невидимой. Как это трогательно, что, будучи незамеченной, эта хрупкая Лера тянет на плечах семью, новогодний стол, страну. Мне стало грустно, зачесался хвост, лапки выпустили когти. С ужасом заметил, что превращаюсь в кога. Слух обострился, услышал, как соседка из квартиры этажом ниже хрустит затекшими суставами, словно хлопьями на завтрак. Потом она, шаркая тапками, подходит к стене, подставляет кружку, тяжело дышит, слушает.

Приходит ее величество паническая паника. Я шиплю, ношусь как угорелый от дивана на шкаф, от шкафа на штору, по шторе к потолку. Валера забывает о своем несчастье, он кидается грудью на амбразуру, но утихомирить паникующее животное меня мужчине не удастся. Тогда он зовут супругу: Лера, он сошел с ума, помоги мне! Валерия прибегает с кухни и решает проблему чтением стихов Юнны Мориц, про букет котов, про замечательных котов и прочих других. Я снова человек, сижу на диване, мелкими глотками пью холодный морс. А за окном расцветает долиной тысячи огней очередной фейерверк. Девушка спрашивает: попустило тебя? Глазам не

удаётся сфокусироваться, однако состояние организма приходит в норму, слегка дистрофичную. Мужчина вклинивается в разговор: ох, и напугал ты нас, кто же знал, что так будет. Никто, конечно же, не знал. Поэтому, не заостря внимание на глупостях, мы включили телевизор, уселись за стол, наяранный в еду. До боя курантов оставались считанные годы. Людмила Гурченко вошла, пять минут это много или мало, я сказал ей: достаточно. Лера обратилась к мужу, когда тот наливал мне чай: слышал, ему достаточно. Валера недовольно пробурчал, как ежик, которого разбудили раньше времени: я обычный чай наливаю.

Гурченко в синем огоньке сменилась на Ельцина, на голове у политика был ободок с зелеными усиками. Лерон и Валерон сидели справа и слева от меня, шампанское в их бокалах сочиняло пузырьки, пузырьки не сдерживались границами высоких позолоченных бокалов. Пузырьки нелегально пересекали границу с Мексикой, летели к потолку. Девушка закурила тонкую сигаретку. Мы пребывали в маленькой комнате, где было великое множество старых книжек, они высились вплоть до самой планеты Тивит, сотни названий, притон для библиофила, зачитаешься. Прошлогодний президент приветственно поднял руку, я поднял свою в ответ. Зеленые усики пошевелились. Мне подумалось, раз усики шевелятся сами по себе, значит, мухоморы еще не отцепились. Семейная пара с умилением глядела на правителя. Неправильным показалась новогодняя речь, ее, как будто проиграли задом наперед. Кажется, ребята этого не заметили, ведь они не были поклонниками лингвистики. – Модог мывон! – объявила огромная голова жука, насекомое моргнуло голубыми глазами. Картинка сменилась, теперь мы могли наблюдать зимний вечерний двор. – Вы наблюдаете? – спросил я у супружеской пары. Послышалось гнетущее молчание. Вместо живых людей справа и слева сидели манекены в одеждах моих знакомых. Ах, этот дворик, это же мой дворик из детства.

Сюжет в телевизоре был про ночь с девяносто девятого на двухтысячный год в городе Ангарске. Там даже присутствовал маленький я в сером зимнем комбинезоне, купленном в комиссионном магазине, на ногах были валенки. У проржавевшей Волги без колес вернувшийся с войны сосед пытался засунуть бенгальский огонь в жопу Павлику. Мальчик кричал, пугал ветерана мезью со стороны брата, но это звучало неубедительно, еще бы пугал мезью по линии партии. Сосед в зеленом бушлате, серой шапочке, казалось, ничего не видел вокруг своими воспаленными красными глазами. Мужчина упорно пытался стянуть с моего дружка такой же комбинезон, купленный в комиссионном магазине. Однако там было хитрое крепление, и ему никак не удалось лишить Павлика чести. Телевизор этого не показал, но я вспомнил, отчего возникла данная ситуация. Мы выстрелили петардой «убийца две тысячи» в сторону возвращающегося из магазина соседа. Пакет с бутылками упал, все там разбилось. Я маленький обратился к ветерану: вытащите, пожалуста, бенгальский огонь из жопы Павлика, за это вот мои валенки вам, они очень, очень теплые. Сосед прекратил экзекуцию, поставил на место товарища, а потом расплакался, и сказал, что ему привиделись какие-то моджахеды. Экран телевизора явил куранты.

Валера, ставший обратно человеком, накричал на мое чуть заостренное ухо, пока стрелки часов тикали к двенадцати: ты чего уснул? Лера не манекен, улыбаясь, плялилась в мерцающий экран, в поднятой руке она держала бокал с шампанским. Ее супруг зажег бенгальский огонь, тот искрил, искрил, фонтанировал. Пробило полночь, за окном обрушилась добрая половина города, и Лера не пострадала. От чудовищно громких «ура» бокал в руке девушки лопнул. Но она, кажется, этого не заметила, слишком была увлечена празднованием. А я вспомнил, что через два года после ночи с девяносто девятого на двухтысячный сосед, вернувшийся с войны, взорвал подъезд. В тот день он вставил окровавленные тампоны своей жены себе в рот, пугал нас вампирскими штучками, а потом несильно подорвал, никто, кажется, не пострадал. А Павлика на утренник, помнится, нарядили Ельциным, то есть обошлись простым костюмом-тройкой. А меня никак не нарядили, я с ангиной валялся дома, как забытый всеми плюшевый медведь в кладовке. Елку в гостях у семейной пары так и не нарядили, все равно будет стоять до лета, успеется: подумал я перед тем, как уснуть.

Глава 8 Алтуфьевская Нарния

Пробуждение первого января сопровождалось тяжестью в солнечном сплетении. Лежа с закрытыми глазами на ком-то мягком и живом, я логически вывел у себя в голове, что все хорошее в жизни, как правило, связано с детством и находится в солнечном сплетении. Именно поэтому в армии стараются пробить в душу, чтобы порушить твою детскость. Чтобы ты сам впоследствии выстрадался в такого бездушного мужичку, которому чужда сентиментальность. С другой стороны, рассуждал я, а лежащий подо мной человек издал недовольный стон, с другой стороны, не у каждого выдалось счастливое детство. Однако детская психика, она подвижна. Субъект подо мной болезненно прошептал: воды, дайте воды. Однако детская психика, она подвижна, и многим вещам находятя вполне логичные объяснения, которые невинны, и в определенной степени даже забавны. К примеру, это всего лишь воронки от прививок, а не ожоги от родительских сигаретных окурков. Или, к примеру, энурезу поспособствовали клипы Мерилина Мэнсона, а не окунание в ледяную воду за двойку по русскому языку. Бедные ребятишки с посттравматическим синдромом, вернувшиеся с психических войн. Мне стало невыносимо грустно, поэтому я открыл глаза, чтобы встретиться с тем прекрасным, что подготовил новый день.

И увидел огромную бугристую голову, лицо с маленькими маслянистыми глазами, вздернутым носиком. Любокой другой человек, проснувшись на этом Весельчаке У, тот час растратил бы последние капли детства, но только не я. Мужчина, не моргая, следил, как может следить пёс за коровьими потрохами в руке хозяина. Так мы и лежали с ним друг на друге, толстый, словно роман Война и мир, живот гражданина не давал соприкоснуться нашим лицам. Лицам старшего возраста, которым обычно рекомендуется сидеть дома, когда дело касается массовых мероприятий, конфликтов, мертвых проституток. Собрал волю в кулак, воля потекла сквозь пальцы, слишком сильно жгал кулак, бывает. Скатился с живота гражданина, как скатился бы в своем творчестве Вуди Аллен, если бы не взялся за голову. Оказался на черной, как усы Гитлера, мягкой, как свежий хлеб, земле, пахнущей какими-то кореньями, влагой. На грузном пассажире, а называть людей пассажирами, ведь в некоторой степени мы все пассажиры этой планеты, называть людей пассажирами с недавнего времени вошло в привычку. На пассажире был латексный темно-синий костюм, который обтягивал огромное пузо, напоминающее арбуз Каролину.

Мы валялись с Весельчаком на каких-то грядках, вдалеке улиткой тащился трактор. Дым из печных труб на крышах маленьких пряничных домиков коптил небо. Странное сравнение, не правда ли? Например, в странах вроде Голландии пряничные домики вполне уместно смотрятся на фоне фабрики по производству шоколада. Наши же домики были скорее не пряничными, они могли бы строиться из хлебного мякиша. И получилось бы так же изящно, как, скажем, порой получаются шахматы и четки из хлеба. Мирное небо над нашими головами было так высоко, что даже закружилась голова. Незнакомый толстяк на удивление резво поднялся на ноги. Он нелепо засеменил в сторону домиков, даже не поздоровался. Я ему кричал: эй, подожди, где это мы? А он даже не поздоровался, был слеп, глух и нем, как полнейший идиот. Солнце нещадно поджаривало мозги, которые были совсем не яичницей, пот застилал глаза, отчаянно чесался хвост и шерсть на спине. Тучный мужчина простил след, простил Алису, укравшую милофон, простил всех. Я доковылял до ближайшей избушки, обессиленный, прислонился лбом к шершавой калитке. Во дворе зарычала собака. Но это была не собака, я встал на цыпочки, увидел огромную улитку, которая настроженно следила за мной своими глазами-рожками.

Набравшись у хулиганов из школы наглости, я зашел во двор, а потом и в домик. Обстановка внутри была соответствующая произведениям в мировой культуре про деревню. В красном углу иконы, в печке трещат дрова, ловушки для мух, в количестве двух штук, качаются под потолком. За столом сидел тот самый субъект с узкими глазами. Вместо костюма-тройки на нем был длинный шелковый халат, расшитый золотыми финтифлюшками. Он отхлебнул из пиалы,

произнес такую вещь: мы, кажется, так и не познакомились. Я спросил: что, собственно говоря, происходит? Мужчина рассмеялся: что происходит, что происходит, твой дружок-пирожок выростил плесень, вот что происходит! – А вы кто такие? – я продолжал задавать вопросы, как ученик ПТУ, которому больше всех надо. Азиат помедлил с ответом, он рассматривал меня, словно решал, пойму ли я. Наконец субъект произнес: а я агент спорыньи. Ответ явно меня не порадовал, я присел на грубо сколоченную табуретку возле порога, спросил: а почему вы такой? Мужчина ответил: а я никакой, это ты меня таким видишь. Трактор за окном остановился. Огромные, словно токийские небоскребы, ноги в спортивных синих трико подошли к маленькому трактору. Рядом с местом, где стояло транспортное средство, вонзилась лопата-великан. Ступня в зеленой калоше надавила, лопата вскопала кубометры земли вместе с трактором.

Агент спорыньи покашлял, предложил выпить чай из второй пиалы на столе. – Нет уж, последний раз, когда пил чай, все окончилось полной дурью! – откасался от употребления неизвестных жидкостей я. – И куда теперь? – задал волнующий вопрос. Субъект покачал головой: а куда захочешь, это же твой бред! Ну, если куда захочешь, тогда ладно, подумал Токарев. И оказался на Черном море в августе. По каменистому пляжу разгуливал торговец горячей кукурузой, катил позади себя тележку. – Горячая кукуруза, горячая кукуруза! – вопил он, как срезанный полковник в рассказе Шукшина. Острые камушки кололи поясницу, рядом загорали дамы. Голый мальчик лет шестидесяти мочился из своего краника в море. На мне был закрытый фиолетовый купальный костюм. Закрытый, как военный город. Влага на коже блестела. – Света, жри медузу, Света! – прокричала барышня, покрытая таким черным загаром, что это даже не было похоже на загар, а было похоже на чайку, которую окунули в нефтяную лужу. С клюва барышни капали шарики пота, попадая на камушки, шипели. Света, девчушка, облепленная соплями-медузами с головы до ног, подбежала к барышне. Сквозь толщу тел морских гадов проглядывался беззубый ротик, который силился что-то сказать. Но вместо букв и предложений слышались только бульканья.

На мое плечо легла широкая, словно река Обь, рука. Руку покрывал шерстяной ковер, в ковре копошились пылевые клещи. И вот я уже среди ужасающих неровных картофелин с тонкими ножками. Стою в кратере на коже, держась за стебелек рыжеватого волоса. Клещи наползают со всех сторон, полагаю, попал впросак, у меня же аллергия на все, я же аллергик, так сказать. В пять лет даже врач весьма удивился, когда имеющиеся в наличии аллергены показали положительную реакцию. В пять лет я чуть не захлебнулся в собственных выделениях, вызвали даже сантехника, чтобы он разобрался, он и разобрался, подкрутил, где надо. Глаз у клещей не было, но клещи как будто чувствовали мое местоположение и так. Как будто клещи были прозорливыми женами, способными прочесть мысли мужей, которые собрались в пивную. И вот они ползли, нагоняя страх на меня. Однако я вышел сухим из ситуации, вычихнул сам себя обратно на пляж. Взглянул на руку, поднялся до локтя, увидел выцветшую татуировку Крым 1980. Долго не решался взглянуть на лицо, как бы чего не вышло, как бы чего не вышло. Загалдели чайки. Девочка с медузами так и стояла, пытаясь объяснить барышне, что выход из постмодерна невозможен, так как упадок это единственная концепция, созвучная нашему времени.

И как бы ни было трудно, но я посмотрел на лицо владельца руки, преодолев стеснение. Мужчина пятидесяти лет, с длинным, словно произведение «В поисках утраченного времени», носом, из которого торчали, как мы когда-то на поэзии Агнии Барто, из носа мужчины торчали волосы. Он ехидно улыбался, золотой зуб в верхнем ряду блестел на солнце. Я опустил взгляд ниже, обнаружил круглый живот с русалкой на этом самом животе. В правой руке она держала кружку с пивом, левой придерживала обнаженную грудь. Я перевел взгляд обратно на лицо пассажира, он улыбался еще шире, показался второй золотой зуб в нижнем ряду. – А пойдем в баню, девочек еще возьмем! – предложил отдыхающий. – Зачем? – удивленно спросил я. – А чтобы помыться, очиститься душой и телом! – не растерялся мужик. Свете удалось, наконец, отлепить медузу от лица, барышня, измаранная нефтью, воскликнула: фи, почему ты у меня получилась такая страшенькая! Девочка размахнулась, засандалила медузой в лицо матери. Чумазая женщина пронзительно

закричала, потом ее вырвало на каменистый берег. Десятки чаек слетелись на кремовую кашу, возбужденные, они принялись трапезничать. Я посмотрел еще раз на мужчину, сказал ему: ну, пошли.

И мы очутились в общественной бане, стоило только моргнуть глазами, очутились, не сомневайтесь. Вместо девочек нас окружали мужчины в синеве, одежду им заменяли вафельные желтые полотенца. На спинах, руках кресты, купола, звездочки, коты, слоны, розочки, кинжалы. Я рисовал в детстве похожие вещи, только цветными фломастерами, это относится к тому периоду моей жизни, когда бабушка любила повторять: давай отморозь уши назло бабушке. А потом она надевала на меня три пары шерстяных колготок, брючки, два свитера, шубку, и катила полувившийся шар, словно жук-навозник, в детский сад. Новый знакомый уже с кем-то обнимался, стучаясь животами, как будто яйцами на праздник. В большом светлом помещении мужчины по-ливали друг друга водой из алюминиевых тазиков, при этом издавали такие звуки: ой, а, хорошо, у! Из парилки выходили все новые и новые товарищи, их кожа напоминала каляки-маляки. Прислонившись к холодной стене, на которой была мозаика в виде красной птицы, я стоял и не знал, что делать. Лоснящиеся тела вызывали оторопь, чтобы дойти до парилки, предстояло с кем-то из них обняться. Пахло сушеной рыбой, пахло свежим венником, травами, человеческим потом. Да, чтобы дойти до парилки, предстояло с кем-то из них обняться, ажиотаж в бане, наверное, был связан с выходным днем.

Первый же шаг оказался ложным, я наступил на салатную мочалку. Мочалка была намыленная, кафель был и без того скользким. В данный момент на запрос «скользкий» в компьютере появились только статьи, к примеру, «пять признаков скользкого мужчины», «пройдите тест, скажите ли вы муж». Поэтому на что походил пол в своей скользкости, я не в силах озвучить. Мочалка напоминала женщину, которая вышла из-под контроля, перестала быть удобной для мужа, начальника, детей. Такая женщина, взбаламутившая бытовую зазеленевшую речку с лягушками, недаром эта мочалка была салатной. И вот я скользил, как мысль одаренного математика из третьего В класса по двойному листочку. Пока не врезался в необъятное туловище. У туловища, казалось, не было головы, вот я сижу на полу, а перед лицом волосатые ноги буквой икс, живот с глубоким круглым пупком, с косым зарубцевавшимся шрамом. Субъект хватается меня за купальный костюм, поднимает, точно сына, который лихо отпраздновал выпускной, и теперь его надобно поднять и пожурить. Мужчина поинтересовался на удивление высоким, почти женским голосом: ну, видал или нет, как трахаются в мае жуки? Наш диалог, но пока еще монолог, я, как помните, ничего не ответил, как будто продолжился. То есть как будто он когда-то начался, а сейчас продолжается с того же места, где прервался. Я сказал собеседнику: насчет жуков не подсказу, не подсказу. Маленький рот скривился, прищуренные черные глазки, мне кажется, выражали скрытую агрессию. По коротким, точно песня группы «Смерть от напалма» под названием «твое терпение», волосам, перебирая лапками, карабкалась муха. Незнакомец шмыгнув картофельным носом, носом-баклажаном, нет, все-таки носом-картофелиной. Потянулся своей пятерней, этими пальцами-сосисками к моему лицу, схватил. От руки пахло чипсами, вкус был невразумительный. Мужчина трепал, трепал, при этом ничего не говорил, безмолвствовал. Долго вы будете безмолвствовать, вы что, идиот? Пытался проговорить я, однако вместо словечек вышло мычание. Что это за абсурд, где меня могут поколотить, неправильный абсурд получается. Чужак-человек стал увлекать меня куда-то, приговаривая: сейчас, милоч, я тебе покажу баньку, подожди. Показать гражданин ничего не успел, пятерня отлипла от моего лица. Мужчина поскользнулся, полетел вместо Гагарина, приземлился в место, где стояли пивные бутылки. Стеклянная тара побилась. Послышались возмущенные возгласы. Мужики стали подходить к нам, обидчика, поднявшегося на ноги, вновь на пол приземлили. Кажется, намечался джихад в связи с пролитым пивом. Мне же не оставалось ничего другого, кроме как похлопать невинно глазами.

Следующий бред не заставил себя долго ждать, ведь он был не прекрасным далеко. Картинка сменилась, я увидел девушку в белом халате, с желтоватыми короткими волосами, она строго произнесла, зубки у нее были маленькие, голубоватые: кого ждем, тебе особое приглашение нуж-

но, я могу и повторить! В помещении, куда Токарева перебросило, было прохладно. На длинных коричневых скамейках валялась одежда: трусы всевозможных расцветок, серые кальсоны, майки. На пожимол линолеуме, с дырочкой в правом боку, образуя живой организм, ползали черные носки, две пары, десять, сто. Данные носки казались домашним питомцем, который ждет хозяина с работы, слоняется по квартире, скучает. Лампы в плафонах жаловались на обстановку, кряхтели, электричество подавалось порциями. У девушки были расстегнуты верхние пуговики на халате. В связи с этим я возбудился, стоя перед ней, всматривался в бледные груди. Конечно, двух пуговок было недостаточно для того, чтобы, так сказать, полностью осмотреть этот двухкнопочный калькулятор. – Ты считаешь, что это нормально, я считаю, что тебе следует намылить шею! – закричала внезапно новая знакомая. Она считает, считает она, калькулятор, а не женщина, подумалось мне. В соседнем помещении бежала вода, шутили, смеялись мужские голоса. Девушка принялась забрасывать вопросами: сколько тебе лет, как фамилия, снимай трусы, снимешь? – Триста двенадцать месяцев, – был мой ответ, шуточный. Про фамилию ничего не успел сказать. Почемучка округлила свой ротик, из которого стали доноситься тревожные звуки, предупреждающие о ядерной опасности.

В комнату забежали два серьезных человека в зеленых кителях, на руках у них были красные повязки дежурных. Девушка, тыкая в мою сторону пальцем, с неровным бордовым ногтем, причитала: вот он, нарушитель, насильничает! Ребята грубо схватили меня за руки, потащили куда-то, мимо душевой. В душевой, как мы заметили, плескались бритоголовые парни, они недоуменно глядели, пока дежурные выполняли свой нелепый долг перед желтоволосой девушкой. Глаза призывников, а купались именно призывники, не сомневаясь, были грустными. У человека, державшего мою правую руку, развязался шнурок на кроссовке, поэтому он остановился, предупредил: я сейчас тебя отпущу, без глупостей. Его коллега подтвердил, больно сжав мой локоть: без глупостей. Человек завязывал бело-синий кроссовок, призывники молча смотрели на нас, голенькие, в пене. Я подумал, что самому старшему из них месяцев двести сорок, какие же молодые, рассеянные. Все мы такие сейчас, товарищи по рассеянию. Почему-то живем, к подвигам не стремимся. А ведь как оно было? Реактор тушили, на танк с лопатой прыгали. Все потому, что жили себе, жили, не думали о том, что какие-то уникальные, обыкновенные ребята, коих целая страна. А потом случай, от которого все зависит, представляется, ты – раз, подвиг совершаешь. И перестаешь быть обыкновенным, наполняешь свою жизнь чем-то, не знаю, смыслом, не смыслом. В общем, жертвуешь собой во благо чего-то великого, много большего, чем ты сам. Человек завязал кроссовок. Меня поволокли дальше, такого не помывшегося, потного всего. Когда же, наконец, будет возможность помыться, что за абсурд, где нельзя даже помыться.

Очувтившись в темном коридоре, провожатые неотвратимо провожали меня на гауптвахту. Пол скрипел, шестиногое существо ковыляло вдоль плакатов гражданской обороны. Однако это могли быть и не плакаты гражданской обороны вовсе, в коридоре были сумерки. Лишь одинокая, словно некрасивая девочка на сельской дискотеке, настольная лампа светила где-то там в дали. За столиком сидел лопухий сержант, почему же он был сержантом, отчего не лейтенантом, полковником. Все очень просто, один из державших меня обратился к нему: товарищ старший сержант, вот поймали нарушителя. Я гляжу на этого сержанта, а вместо лица у него маска из папье-маше. Локомотивы черных букв тянутся через весь лоб, нос. Мужчина, как будто сотканный из немолдых, повечеревших газет, лишь контуры человека, да желтые чайки на погонах, палка, палка, огу-речик. Дежурные вообще, про дежурных даже и говорить не хочется. Я посмотрел на них, сначала на того, что слева, потом на того, что справа. А вместо взрослых людей уже дети груднички, лежат во взрослой одежде, плачут, мамок зовут. Повязки рядом красные, как червячки уползли, уползли куда-то во тьму. И я решил, что пора сматываться, пора говорить во всеуслышание, чтобы обозначить свое настроение: прощай, оружие, здравствуйте, игрушки.

Коридор афроамериканец пожелтел, как будто в мои глаза, в левый и в правый, прилетело по желтку. Суставы начало крутить, но мои суставы не были мокрым бельем, поэтому я начал возмущаться, но возмущаться всю жизнь было глупо. Припекало солнышко, щебетали птички. Где-то

бежала река. А я сидел на зеленой траве под окном деревенского домика. Далеко на поле паслись божьи коровки. Их красные спинки в крапинку виднелись с трудом, приходилось прищуриваться, зрение было неважным. В окне женщина уговаривала мальчонку скушать суп. По телевизору шла передача «битва цивилизаций с Игорем Прокопенко». Женщина говорила: вот съешь ложечку, будешь таким же сильным, как Игорь Прокопенко, сможешь тоже бороться с цивилизациями. Отрок, должно быть, ей поверил, отложил в сторону ложку, стал пить супчик через край. Низко пролетел самолет, я отвлекся на него, наверное, то был кукурузник, ведь с неба посыпались зубчики кукурузы. Где-то журчала река, и мое грязное тело нуждалось в омовении. Где-то журчала вода, так называемый водород с кислородом. Мимо колосков пшеницы, мимо рыжей колонки, мимо рощицы, где кукушка произносила ку-ку. Я шел туда, где буль-буль. На мне был фиолетовый купальный костюм, на ногах шлепанцы. И я шлепал в сторону речки по следу гигантской улитки. Или же мне только казалось, что улитка когда-нибудь существовала?

На берегу, на песчоне была разбита, словно китайская ваза из Италии, палатка. Речушка шириной напоминала, что же она могла напоминать? Маленький, в общем, водоем, над которым роилась мошкара. Рыбки выпрыгивали из штанов, ныряли обратно. Двое мужчин играли в шахматы. На мужчинах плавки, у одного темно-синие, у другого светло-синие. Я подошел к ним, они сидят, играют в шахматы за складным столиком. Один вышагивает слоном, его оппонент отвечает: выкидывает из веера карт даму, прямо на шахматную доску. Первый хмурится, чешет лысую голову, потом отвечает: рыба. Второй чешет свою не менее лысую голову, спрашивает: где рыба? Я смотрю на игроков и понимаю, что игроки-то безволосые, ни бровей, ни усов, ни бород, ноги гладкие. Мужчины глядят на меня, один говорит: тебе, мальчик, чего? Зашелестели кроны деревьев, чешская валюта. Я сказал: мне бы искупаться, а там посмотрим. Другой мужчина предостерег: а ты не купайся здесь, тут речка радиоактивная, видишь, какие мы голые. И засмеялись они, противно так, точно две бабы яги костяные ноги. Костяная нога, зачем ей она? Это потому, что человеческой ногой бабка еще в этом мире, а второй уже в постчеловеческом – пришла нечаянная мысль. Но, несмотря на этот детский сад, я направился к воде. Рассудив, раз мы уже родились, чего нам бояться. Лодыжки обожгло холодом, стоило только войти в эту мутную лужу. Сплошной обман кругом, куда подевалась речка. Заколело в пояснице, как будто комарики вонзали свои хоботки. Зыбучий песок, ступни увязли, я потерял равновесие. Ушел с головой, в нос, в уши набились куски неправильной воды.

Спасли меня из этого щекотливого положения, такого же щекотливого, как упоминание фамилии Чикатило в присутствии впечатлительных мамочек. Спасли меня женские руки, сильные и независимые ни от каких обстоятельств. Буквально выдернули из-под толщи воды. И вот я сижу напротив женщины Алисы, с которой мы когда-то проживали в садово-дачном товариществе. В необъятной чугунной ванне, обнаженный. Помещение было утоплено в Свете, комната с большими окнами, в них забыли поставить стекло, в них забыли поставить раму. А комнату не забыли окунуть, точно пряник, в кружку со Светой. Я смотрю на женщину, а это не совсем та женщина. Будто черты разных других, воспитательницы, одноклассницы, учительницы, причудливым образом наслоились одна на другую. Алиса в пластиковом комбинезоне, как на сотрудниках биологических лабораторий, склонилась надо мной. Резиновые уточки, крякая, плавали у ног. Ноги, почерневшие от земли, торчали наружу, пенное покрывало скрывало мой стыд и срам. Алиса говорит ласково: тебя надо помыть, а то воняет, как от скотины. И начинает намыливать, шоркать мочалкой, на которой я поскользнулся в бане.

А вокруг меня грязь, грязь кракозябрами отскабливалась с тела. Некогда-то прозрачная вода, пахнувшая знакомыми с детства, милыми сердцу желтым шампунем, хлоркой стала походить на бесформенное ничтожество. Пока женщина исполняла свои супружеские обязательства, я спросил у нее: я совсем ничтожество или только иногда? Алиса безмолствовала, точно селедка. Желтые уточки плавали брюхами кверху, не выдержав мерзости, которая от меня исходила. За окном, лишенным стекла, дымили трубы завода. Также перед заводом, на поле расхаживали лошади. Завод специализировался на производстве яблочного повидла. Женщина окончила драить мою

грудь, перешла к шее. Внезапно я ощутил бритвенный станок, приставленный к сонной артерии. Зарежешь, неужели ты меня нарежешь, подумалось мне. – Дурачок, ой, дебил, это же безопасная бритва! – посмеялась она, продолжая сбивать сучки и задоринки на моем подбородке. Водные процедуры подходили к своему логическому завершению. Мне стало тепло на душе, прямо как в детстве, когда ты возвращаешься летом с кирпичом горячего белого хлеба из магазина. Надкусываешь его, надкусываешь, а каникулы только начались, и все так легко и непринужденно. Это потом начинаются килограммы ваты, не сейчас, не тогда.

Алиса плеснула в мои веки раскаленный свинец из эмалированного ковшика с оранжево-желтыми цветочками. Веки налились свинцом, склонность ко сну проявилась внезапно. Я погрузился с головой в учебу, на самое дно. Поразительно чистая вода поражала, ведь мгновением ранее грязи, спавшей с меня, было в избытке. Лимонного цвета мурена, изящно дрыгая телом, пронеслась перед глазами. Ее кожа напоминала кожу корейца Виктора, у которого барахлила печень. Виктор, Виктор, где ты сейчас, любитель острой моркови. Парадоксальность водного мира обескураживала. Тут и там плавали медузы, черепахи, мужчины из бани, призывники. Бурые водоросли, морской мох, кистеперые рыбы цвета ночного неба, иссиня-черные с желтыми пятнами звездочками. Я погружался все ниже, и ниже. Встретились два лысых красавца, они по-прежнему играли в свои шахматы за складным столиком. Барышня с клювом, как у чайки, душила свою дочь Светочку. Пяточки соприкоснулись с белым песком. Взглянув на проделанный путь, обнаружил огромную коричневатую рыбу-удильщика. Яркий фонарь на ее голове покачивался. Освещал внезапные в своей несуразности вещи, разбросанные вокруг. Угольный старинный утюг, кабина самолета, юношеский трехколесный велосипед, чьи-то пожелтевшие фотографии. Помимо вещей в белом песке я заметил резиновую пробку, какие, по обыкновению, используют, когда принимают ванны. Стоило потянуть за цепочку, пробка вышла со свистом, мое окружение с пугающей быстротой начало затягивать в обнажившееся отверстие. И я вместе со всеми, чтобы не отставать от коллектива.

Глава 9 Седьмая печаль

Выкорчевали меня из квартиры знакомых, как своего рода молочный зуб. А кто выкорчевал, я так и не понял. Оказавшись на скамейке в парке по окончании уроков сюрреализма, предположил, что скоро закончатся каникулы и придется возвращаться на работу. Вокруг лежал пушистый снег, в пушистом снегу встречались куски пушистого хлеба. Зеленые пятна на хлебе напоминали йод. Голуби ворковали, клевали, не прекращали клевать. Прохожих вокруг было раз-два и обчелся. У аптеки дежурили мужики в аляповатых пальто, с бородами. Фунфырики, содержимое которых они бережно переливали в бутылки из-под минералки, отражали утренние солнечные лучи. Одежда на мне была зимняя, то есть не получилось так, что вышел от знакомых в беспамятстве, а вернулся в уме. Попробовал вернуться раза два обратно к Валере и Лере. Но каждая попытка подойти к дому оканчивалась вспышкой белого света, скамейкой.

Порядком устал это делать, ходить как лошадка на шахматной доске. Мужики у аптеки совещались. Хрумкая снегом, побрел к ним. Они посмотрели на меня, покачали своими косматыми головами. Тот, что в сером пальто и свитере с оленями, сощурился, сказал: а мы тут празднуем завершение Светы. Я спросил: что, конец света? Он ответил: его самого. Потом хлебнул из бутылки амброзии. Его товарищ, похожий на поэта Бориса Усова, показал на небо со словами: вон висит, думаю, все уже заметили. Высоко в небе, поверх голубоватых облаков виднелись белые печатные буквы. Заглавная, крупная П, помельче И, следующая З как змея, далее Д, меньше чем Д буква Е, а завершилось слово небольшой Ц. – Ого, – произнес я, протянул руку за бутылкой, поэт поделился своей. Сделав глоток, закашлялся, стало приятно. Для кого-то свободы вкус это пепси, а для меня,

пожалуй, коктейль, который был у ребят. Кивнул им головой на прощание, отправился к себе домой, тем более не представлял, что можно еще тут ловить.

Метро было закрыто по техническим причинам. Табличка на входе сообщала о том, что поезда ушли на обеденный перерыв, вернуться в течение часа. Я побрел домой пешим способом. Дома ждала мама, ждал ее оливье. По шоссе почти не ходили машины. Надпись на небе как будто бы приближалась, плыли облака, и буквы вместе с ними плыли. Быстро вспотел, обливался соленоватым потом, вязкие сугробы, как вязки в диспансере, мешали движению. Показалась автомобильная заправка, решил купить водички, других магазинов вокруг не наблюдалось. Кассирша за стойкой смотрела видео в телефоне. Я попросил продать газированную, но без газа. Блондинка сказала: хорошо, в газированной воде как раз газ весь вышел, она же прошлогодняя. Зашел раскрасневшийся мужчина с широкими зрачками, протянул девушке металлическую зажигалку, попросил залить полный бак. Кассирша удовлетворила его запрос, достав из-под прилавка заправочную станцию в миниатюре. Пистолет-лилипуп смочил бензином ватку, на зажигалке была гравировка с лицом Хантера Томпсона.

Смеркалось, но хливкие шорьки не пырялись. Зато кололо в брюшной полости, поэтому было принято решение перевести дух на английский. Возле своего дома остановился с этой целью, но лавочки были заняты, на них посапывали граждане, уставшие праздновать Новый год. Мама выглянула в окно, с двадцать первого этажа накричала: где ты шляешься, что у тебя с телефоном, все нервы вымотал! Однако при личной встрече она не была такой словоохотливой. Лезла обниматься, я не сопротивлялся. Поужинали оливье, курицей, картошкой в мундирах. Один картофельный генерал даже выразил свое уважение, был мягок и обходителен. – У тебя глаза красные, ты там алкоголь, наверно, камелью? – спросила рожавшая меня женщина, которая сидела напротив, поедая мороженое с карамелью. Я ответил ей: может быть. Зазвонил телефон, звонила девушка. Я спросил ее про то, кто говорит. Она ответила: это Арина, помнишь, на книжной ярмарке встретились, я принимала одежду в гардеробе? Помню, помню, действительно, такое событие имело место быть на ярмарке. Мы договорились встретиться на следующий день, сходить куда-нибудь. Куда-нибудь сходить вдвоем это мило, куда-нибудь сходить полезно для поддержания хорошего настроения.

На следующий день я побрился синим пластиковым станком, принял душ. Готовился, как будто к экзамену по сопромату, ответственно. Одеколон с названием «конструктор красного цвета», попал на шею, которую я только что брил, раздражил кожу. Запах от меня исходил теперь яблочно-земляничный. Долго выбирал рубашку, хотелось нарядную, но в то же самое время не очень-то и показывать, что нарядился специально к свиданию. В итоге выбрал тельняшку и бордовый джемпер. Отчим еще вручил свои наручные часы с якорем на циферблате, заверил, что мужчина с часами выигрывает у мужчины без часов. Выйдя на улицу, посмотрел на природный потолок. Там слово изменило цвет, черные буквы стали прописными, как в тетрадках маленьких людей на уроке чистописания, а в конце появился восклицательный знак. На помойке десяток бродячих собак терзали огромную коровью ногу. Вспомнилось одно свидание, там, в комнате у девушки, было много чучел животных. Она сразу призналась, что занималась таксидермией бесхозных собак и кошечек после того, как собственноручно ловила их, а потом умертвляла. Не хотелось бы в этот раз с Ариной столкнуться с подобной жестокостью. Психопаток в наше время хватает.

Во всяком случае, впечатление Арина производила благоприятное. Мы встретились у памятника Дзержинскому, я подарил полкило конфет грильяж. На девушке была шубка цвета коровьей кожи, армейские высокие ботинки, темная беретка. Арина напоминала члена группы Черные пантеры. Но глаза у нее лучились добротой, поэтому в Черных пантер я не поверил. Мы обнялись, как два фронтовых товарища, она предложила пойти на ретроспективу Бергмана. – А что за фильм показывают? – поинтересовался. Девушка ответила, пританцовывая от холода, около памятника Дзержинскому всегда дубак: Седьмая печать. – Ну, если Седьмая печаль, тогда да! – передразнил ее, почувствовав, что контакт удался. Есть контакт, как говорил в Чечне снайпер, высмотревший в оптику противника. Маленький кинотеатр открывался поздно, но еще до передачи

Владимира Познера. Предложил девушке зайти в кафе и похлебать кофе: давай я угощу кофе, согреешься заодно. – Ой, давай, ты тоже согреешься, – проявила заботу гардеробщица.

После двух чашек крепкого, словно зависимость от антидепрессантов, капучино, моя спутница рассказала одну любопытную историю. В кофейне мигали голубые гирлянды, мальчики и девочки пришли на свидания, употребляли пирожные, хихикали. Под шубкой у Арины был мятный сарафан с белым воротником. Рыжие волосы она собрала в пучок укропа и лука. Девушка радостно произнесла: ты даже себе не представляешь, что произошло на прошлой неделе! – Не представляю, что там произошло даже, – честно сказал я. Пенка на губах гардеробщицы рифмовалась с эпилептической вечеринкой, которую я наблюдал в детской больнице, когда там включили стробоскоп. – На прошлой неделе мне пришло письмо, написанное от руки, весьма старомодно, стоит заметить, написано было печатными буквами, как будто ребенок писал! – спутница рассказывала, при этом водила своим розовым язычком по губам, слизывая пенку. Она рассказывала, что писал некий Виталик, писал про мультфильм Утиные истории, про свою гимназию, про ангину. Мальчик интересовался, в каком классе учится Арина, спрашивал про мультфильм Утиные истории, про ее гимназию. – И начала я думать, где он взял мой адрес, как будто письмо из прошлого, блин! – эмоционально повышала голос Арина. Посетители кафе на нас поглядывали с интересом. Спутница поведала: а потом я вспомнила, что лет двадцать назад писала в детский журнал, наверное, ты помнишь, были всякие, где подаешь объявление, что ищешь друзей, а тебе отвечают.

Началась вьюга, ветер усилился. Памятник за окном, ларьки, кинотеатр стали невидны, рой белых мух скрывал. Сквозь помехи в кафе зазвучал мужской голос: «...родился на улице Герцена, в гастрономе № 22. Известный экономист, по призванию своему – библиотекарь. В народе – колхозник. В магазине – продавец. В экономике, так сказать, необходим. Это, так сказать, система... эээ... в составе 120 единиц. Фотографируете Мурманский полуостров и получаете телефон. И бухгалтер работает по другой линии – по линии библиотекаря. Потому что не воздух будет, академик будет! Ну, вот можно сфотографировать Мурманский полуостров. Можно стать воздушным асом. Можно стать воздушной планетой. И будешь уверен, что эту планету примут по учебнику. Значит, на пользу физики пойдет одна планета. Величина, оторванная в область дипломатии, дает свои колебания на всю дипломатию. А Илья Муромец дает колебания только на семью, на свою. Спичка в библиотеке работает. В кинохронику ходят и зажигают в кинохронике большой лист. В библиотеке маленький лист разжигают. Огонь... эээ... будет вырабатываться гораздо легче, чем учебник крепкий. А крепкий учебник будет весомее, чем гастроном на улице Герцена. А на улице Герцена будет расщепленный учебник. Тогда учебник будет проходить через улицу Герцена, через гастроном № 22, и замещаться там по формуле экономического единства. Вот в магазине 22 она может расщепиться, экономика! На экономистов, на диспетчеров, на продавцов, на культуру торговли...»

Арина перебила шизофазический монолог своим монологом: и что ты думаешь, в письме был адрес, я позвонила туда! Я перебил ее монолог своим вопросом: ты не слышала сейчас что-то странное? Девушка, видно, не слышала ничего странного, продолжила рассказывать свою замечательную историю: на письмо значился проживающий в квартире Виталий Юрьевич, я позвонила, спрашиваю про сына Виталия Юрьевича, может, сын его написал, нашел где-то тот старый журнал и написал. Я заметил, что в кафе остались лишь мы вдвоем, даже официанты куда-то запропастились. Нога под столом самопроизвольно начала дергаться, мышцы задрожали, испугавшись, как перед соседским котом-каннибалом. Арина продолжила: он говорит, что у него нет сына, голос был такой, как у психически больного человека, ему пятьдесят лет, прикинь, он спросил, кому он написал, мальчику или девочке. К витрине с пирожными подошел официант, официально предупредил: молодые люди, мы закрываемся, просьба уходить отсюда.

Морозный воздух на улице, казалось, его постирали порошком с мятными добавками. В ноздрях защипало, на глазах выступили слезы. Девушка вцепилась в мою руку, не отпускала, держала так, как может держать очень неуверенная в себе женщина единственного сына. Никуда не

спеша, словно Дублинцы Джойса, мы шли в сторону кинотеатра. Арина молчала. Я хотел как-то пошутить, но все шутки были прямым из тысячи девятисот девяносто шестого года. Обратил внимание на небо, покрутил головой в поисках слова. Оно все так же висело, буквы светились зеленовато фосфором. Спутница посмотрела туда же, усмехнулась: так это давно уже, какой ты невнимательный. В кинотеатре Арина купила билеты, она смешно выказывала обиду, надувала губки, говорила: я тебя позвала, поэтому я покупаю билеты, ты меня обижаешь! На нас глядел кассир в синем спортивном костюме, очках в черной оправе, что-то записывал в блокнот.

В зрительном зале царил полумрак. Возможно, парочки, которые были в кафе, переместились сюда. Мы с Ариной уселись на пятом ряду из пятнадцати возможных. Она рассказала еще одну замечательную историю. – Хочешь еще одну замечательную историю, однажды я работала в детском саду, – зашептала девушка, придвинув свое лицо к моему лицу. Ее теплое дыхание щекотало щеку, но щека не смеялась. Молодые люди все поголовно целовались. Я подумал, что с Ариной мы тоже можем поцеловаться, но когда начнется фильм, не надо торопить события. Спутница, продолжая волновать мое юношеское сердечко, рассказывала: и к нам в группу как-то пришел мужчина пятидесяти лет, привел другого мужчину, лет двадцати, сказал, что хочет сделать возврат, мол, в двухтысячном году, когда забирал, не ожидал, что вырастет именно такой мальчик. – И что, ему поменяли? – спросил я. Девушка ответила: да, Анжела объявила громко, девочки, у нас возврат, ему обменяли. На экране начались вступительные титры. Нам показали серое-серое небо, птицу, пляж. Мужской голос заверил, что то был день гнева. Особо впечатлительная мадемуазель перед нами вскрикнула, уткнулась в плечо своего ухажера. Арина положила чью-то ладошку на мою коленку. Отчего-то мне показалось, что ладошка не принадлежит девушке. На ощупь ладошка была мягкой, влажной. Рыцарь на экране играл в шахматы с той, чье имя не принято называть таким хроническим ипохондрикам, как я. Арина решила на долгий поцелуй, закончившийся лишь на финальных титрах. Вместо традиционного слова конец присутствующие в зале могли наблюдать слово, которое матерное.

Вечер располагал к тому, чтобы уединиться. Помчались, как зайчики в трамвайчике, но не в трамвайчике, а на троллейбусе в гости к девушке. Она жила с матерью в районе Красных партизан, а в том районе участились случаи краж органов. Никто не мог понять, ни следователи, ни детективы, кто ворует у граждан их органы. Поэтому с наступлением сумерек местные жители старались не казать носа на улицу. За окном кружились снежинки, подмигивали фонари под глазами приподнявшихся мужичков. Томный вечер обещал стать томатным вечером, таким же бордовым и густым. Я поздно спохватился, ощутил панику, ведь поехать с незнакомой девушкой в место, где тебя могут поделить на ноль, мероприятие волнительное. Арина как будто прочитала мои мысли, поцеловала, сказала, что нет поводов для переживаний, если что, останешься на ночь. Троллейбус на чем-то подскочил, в салоне отключилось освещение. Водитель грустно заметил: кажется, усик соскочил. Пассажиры высыпались, словно малосольные овощи на январский морозец. Огромный усик троллейбуса дергался на проезжей части, разбрасывал искры.

– Мама может показаться странной, но ты ее не бойся, просто у нее характер широкий! – говорила Арина, пока шли вдоль крематория. Пахло мандаринами, я спросил у девушки: широкая, как кость? Она посмеялась, ответила, что да, как кость, только характер. Полнолуние отражалось в застывших лужах. За рекой виднелись приземистые домики. Спутница сказала: мы сейчас напрямик пойдем, лед крепкий, как череп боксера, нам надо к тем усадьбам. Я спросил: настоящим усадьбам? Девушка подтвердила: да, у нас пять комнат, целый этаж, это поселок, знаешь же поселок для писателей, а это поселок для художников. – Твоя мама художница? – брякнул я, поскользнувшись на реке. – Аккуратней, тут по ночам слышно русалок, нельзя оставаться на месте, мама художница, да. Лед под ногами вибрировал, может, это пели русалки, может, рядом находился завод, кто разберет. Усадьбы были похожими друг на друга, как фантастическая проза про попаданцев одного автора на другого. Входная тяжелая дверь, с резным орнаментом, открывалась металлическим ключом, как в сказке Буратино. – Это что за узор? – поинтересовался. Арина, вся такая умненькая, поведала: это кельтский, у нас мужчина на первом этаже краснотеревик, его

работы выставляли даже во Франции. Мы зашли в подъезд, там пахло чем-то съестным, вместо обычной лампочки Ильича под потолком висел кованый фонарь. Широкая скрипучая лестница, стены лимонного цвета, черный кот на подоконнике.

– Мама, а вот и мы! – крикнула прямо в лицо женщине Арина, крикнула ориентировочно матери. Женщина была тоже рыжеволоса, с морщинками в уголках глаз. Они, как я заметил, были разного цвета, один голубой, другой зеленый. Она приветливо спросила, хочется ли мне селедку под шубой. Я сказал, что можно. Квартира и вправду напоминала мастерскую, повсюду были развешаны картины с Микки-Маусом, Сталиным, Монро. Сюжеты картин сложно пересказать, пересказать подобные картины под силу лишь человеку с явным искусствоведческим отклонением. В комнатах чадили благовония, повсюду свисали ловушки для снов, колокольчики, птичьи перья. Бродя по жилищу, в рот норовила попасть разная шваль. Девушка скрылась в душевой. Я прошествовал на кухню вместе с женщиной. Там пыхла настоящая печка. Стены переливались пирамидками, спиральями. Вдоль кухни висели на веревочках сушеные куриные лапки, мумифицированные ящерики, мышки. – Зачем вам трупики? – спросил я, зевая. Лучше бы, конечно, не зевал, в рот залетел маленький птеродактиль. На помощь подоспела мать Арины, она зашла за спину, ее нежные руки обвили меня чуть ниже груди, надавили. И пищущий недовольно динозавр летит в кастрюлю с красными маками, стоящую на печке. – Начинается утро в деревне! – говорит с явно негативной коннотацией барышня. Большим половником вылавливает из борща птеродактиля. Кидает в мусорное ведро, из которого торчит лисья морда с остекленевшими глазами.

Арина заходит на кухню, на ней голубая пижама с желтыми жирафами. Я сижу на соломенном стуле, не пойми чего вдыхаю. Супчик, мясной дух, селедка под шубой, благовония, в общем, какофония, а не симфония ароматов. Девушка целует меня в макушку, говорит, что ее маму зовут Серафима, это на случай, если я до сих пор не в курсе. Женщина спрашивает, не поворачиваясь, она кашеварит у плиты: Миш, а ты останешься сегодня на ночь? – Останусь, – отвечаю ей, хотя и понимаю, что на работу ехать из гостей будет хлопотно. Серафима, накрывая на стол, говорит: вот и славно, тогда я постелю в гостевой комнате. В салате я обнаружил мутно-желтый глаз, у глаза был вертикальный зрачок. Арина, уплетающая за обе щеки борщ, заметила это событие, воскликнула радостно: это хороший знак, не бойся! Ее матушка подтвердила: да, Миш, встретить рыбий глаз после того, как я уже все перемолола, хороший знак! Она ласково потрепала мою голову, как дамочка в возрасте треплет голову юнца на собеседовании в фирму по производству консервов.

За трапезой слышались дежурные вопросы о том, есть ли у меня сменная обувь, зубная щетка, чего я хочу достигнуть в жизни. От борща склонило на сторону зла, очевидно, в супе было много перца. Мой отчим говорит, что когда человек чихает длинной серией, как я после того борща, приготовленного Серафимой, то это сигнализирует о наличии мелких пакостных сущностей. Сущности недолголюбивают перец, баньку, добрые поступки. – Ой, расчихался, давай-ка на ночь выпьешь чай с медом! – мать Арины казалась дамой заботливой. Мой отчим говорит, что я человек слабый, если мне доброе слово скажут, то все, потом как девица радуюсь. Где-то за пределами квартиры раздался истошный крик. На мой вопросительный взгляд женщина ответила восклицательным взглядом, сказала: это те самые похитители органов, поймать их никак не могут, но ты сегодня остаешься с нами, поэтому не пужайся. На кухне было душно, как при разговоре с исследователем творчества Марселя Пруста. Капельки пота, выступившие перед родителями в актовом зале, капали на стол, слава богу, не попали в тарелку с супом. Иначе сгорел бы на костре со стыда, кто бы потом тушил.

Комната для гостей соседствовала с обыкновенной Ариной комнатой. Серафима выдала безразмерную черную пижаму для сна, предупредила, чтобы с Ариной у нас ничего не было, для внуков, как выразилась женщина, она еще недостаточно зрела. Лежал на пожилой кровати, кровать охала каждый раз, когда я ворочался, смотрел на потолок. Неуверенное освещение прикроватного светильника в форме яйца страуса позволяло различать происходящее на потолке. А на потолке росли сталагмиты мишуры, первые признаки Нового года. Шкафы недоброжелательно

смотрели своими полуоткрытыми дверцами. По подоконнику гулял черный кот, вернувшийся из подъезда, он держал в пасти голову рыбы. Я прочитал ночную молитву, но этого показалось недостаточным, присутствовали невнятные переживания. Сводило ноги, как если бы мы с вами нырнули в холодную речку без разминки. Стал бубнить глупые песни, вы знаете, что в трудных ситуациях подобные хитрости помогают разгрузить перегревающийся мозг. И вот началось: запахло весной, потом: метелям отбой, теперь все вместе: начальник седой, только Камчатка: пусти нас домой! С кухни послышались звуки, упало что-то железное, включили кран, вода полилась.

Босиком по чужой квартире я шлепал куда глаза глядят. А глядели они в разные стороны, потому что закружилась голова от невыносимой легкости января. Откуда-то поддувало, слышались завывания доброго привидения Каспера. Кот мешался под ногами с рыбной головой в пасти. Туалет не был обнаружен, а посетить его хотелось, это да. Переться к Арине, чтобы вместе отыскать туалет, не решился. На кухне тихонечко пели, полоска света выявила морду животного, кот бодал мою ногу, кот-носорог. Заглянув на кухню, я увидел голую Серафиму, она напевала незнакомую мелодию. В кастрюле что-то бурлило, валил пар. Груды женщины колыхались, пока она мешала поварешкой свое варево. На бедрах были веснушки, сначала я не понял, что это веснушки, просто какие-то рыжие пятнышки, а потом я понял, что это все-таки веснушки. Распущенные рыжие волосы доходили до белого каления, настолько кудрявые, пышные волосы были длинными, горячими. Стоя у порога, я совсем позабыл про туалет, про судороги в ноге, про бессонницу.

– Ой, а ты чего не спишь, я тут компот, понимаешь ли, варю! – заметила меня Серафима, вполоборота посмотрела, прикусив губу, игривая. Я чувствовал себя школьником, которому преподавательница ставит двойку, но пока карандашом. Она так же смотрит, смотрит на тебя, играет, ждет, что ты предпримешь. Вскочишь со своего места, подбежишь к ней, сорвешь одежду, овладеешь на учительском столе или стерпишь, потупишь виновато взгляд. Крошка птеродактиль пропищал что-то ругательное, пролетая над гнездом кукушки. Серафима, видно, догадалась о моем статусе школьного лоха, поняла, решительных действий с моей стороны не дождешься. Она предложила похлевать компот: попей, уснешь как миленький, у нас в семье рецепт компота еще прабабушкин! Женщина зачерпнула половником варево, из кастрюли вылетела шаровая молния. Молочная, искрящаяся сфера устремилась в открытую форточку. Волоски на руках встали дыбом, по позвоночнику пробежал табун мурашек. Хозяйка квартиры в районе Красных партизан плеснула синевато-красный компот в пузатую кружку с маками. Усадила меня за стол, оставаясь при этом все такой же голенюшкой.

– Ты увлекаешься каким-нибудь спортом? – проявила нешуточный интерес женщина. Это я так говорю, что интерес нешуточный, на самом деле, казалось, мать Арины прошупывала почву своими длинными, узловатыми пальцами. А какая на ощупь почва Токарев, с кем предстоит иметь дело. А дело, доложу я вам, шло уверенной походкой человека с нервным тиком к свадьбе. Во всяком случае, ощущения сложились именно такие. Правда, непонятно было, к моей свадьбе с Ариной или Серафимой. Я проигнорировал вопрос, сидел и хлюпал компотом, во вкусе компота угадывались малина, груша, яблоко, мята. Кот ластился под столом, терся лбом, чего-то выпрашивал. Серафима, глядя своими озорными голубым и зеленым глазами, сказала: а я была чемпионкой по игре в карты Таро, даже занимала первые места в областных соревнованиях, но это было еще в школе. Попалась косточка, она проскочила в мою глотку, что-то там порезав, сделалось неприятно, но беседу я поддержал: это заметно, что вы занимались спортом, форма не обманывает. – Ой, какой же ты лстец! – засмеялась матушка Арины, но голенюшкой быть не перестала.

На подоконнике стояла трехлитровая банка, в ней лежали засушенные мухи. Я допил компот и выплюнул в надувшееся, как пузырь, молчание свою речь: зачем в банке мухи? – Мухи? – женщина слезла с холодильника, на котором висели магнитики. Магнитики-ежики, магнитики-ангелочки, магнитики. Не имею ни малейшего представления, зачем Серафима туда залезла, ведь табуреток на кухне было две штуки, поэтому странный поступок, конечно. Женщина, облизав свои губы, это важное уточнение, губы облизала она не мои, сказала: мы их продаем одной любительнице насекомых. Я спросил: почему берет эта любительница? Серафима ответила: тысяча

рублей за килограмм. Ого, подумал я, существенная прибавка к зарплате. – Кстати, чем вы зарабатываете себе на жизнь? – поинтересовался, разжевывая похожий на грушу плод, а по вкусу напоминающий яблочко. Хозяйка квартиры не удовлетворила моего любопытства. Если бы она все-таки удовлетворила его, то тогда, конечно, больше вопросов я не имел бы. Помыл бы кружку из-под компота, отправился спать. Однако женщина сидела на подоконнике, а, как мы помним, на кухне имелось две табуретки. Женщина сидела на подоконнике, держала в руках банку с мухами. Смотрела на меня, молчала. И я подумал, что уходить, не договорив, невежливо, кто знает, возможно, это моя будущая теща.

В коридоре показалась Арина, она поспешно скрылась в туалете. Я дожрал последнюю ягоду, не подавившись. Серафима тихонечко напевала, что-то ритуальное, что-то непонятное и пугающее. Быть может, и не пугающее, просто я впечатлительный. Девушка дернула стоп-кран, вода забурлила в туалете, поезд остановился, встал как вкопанный. Потом Арина зашла к нам, шурясь от красноватого света, налила в стакан воду из-под крана, выпила. Обратилась к присутствующим товарищам: вы смотрели на время вообще, перестройка прошла? Женщина прекратила песнопения. Моя подружка пристыдила ее: мама, где одежда, у нас гость, вообще-то. Серафима сказала: ты как с матерью разговариваешь, топай спать! В голосе женщины скрывались, как партизаны в лесах, шуточные нотки. Арина не стала вступать в конфронтацию, она выполнила просьбу матери, ушла спать. И наш плацкарт превратился в тыкву.

Хозяйка Арины, а подозреваю, что родителям принадлежат детишки, которых те породили. Хозяйка Арины накинула темный халатик с белыми лебедями, который лежал, не замеченный мною на подоконнике. Обратилась с просьбой: давай я помогу твою кружку, топай тоже спать. Я заверил ее у нотариуса: не стоит, не стоит, я сам. Тогда Серафима великодушно разрешила помыть самому. Намыливая средством для мытья посуды с запахом ромашковых плодов кружку, ощутил прикосновение теплых пальцев к лицу. Пальцы, словно ножки краба, перебежали от подбородка к щекам. Женщина сказала: вот побреешься, женишься, потихонечку втянешься в эту нормальную жизнь. Я даже подумал, что возможная теща шутит, какая такая нормальная жизнь, меня устраивает имеющаяся. Но я не стал озвучивать вслух эти умозаключения, просто домыл посудину с маками, поставил на стол. Раньше посудинами называли корабли, а я сейчас назвал посудиною кружку, филологические глупости, да и только. Направился, словно телевизор Рубин от удара отцовского кулака, направился к порогу кухни. Серафима успела чмокнуть меня в щеку, как персик, щечку, вроде бы в этом жесте я не увидел ничего предосудительного, но все-таки сделалось волнительно, участилось сердцебиение, во рту пересохло. Буркнул невразумительно: ночи доброй, снов добрых. И поспешил к спальному месту, ведь на следующий день мы с коллегой должны были ехать в библиотеку. Они заказали множество книжек, они время от времени так поступают, когда им выделяет государство денежки. Каникулы завершились, запятая, точка.

Глава 10 Путешествие в почву

Чернявый усатый водитель, с пронзительным взглядом, как у Дудаева, спросил меня и напарника: ребята, а вы патриоты? В кабине грузовика было накурено, дым щипал глаза, напоминая шаловливого педиатра, который щиплет ребятенка, пока бабушка отвернулась. В кузове лежали коробки с книгами, библиотека получила бюджетные средства, заказала у нас четыре сотни единиц. Напарник сонным голосом ответил водителю: они самые, мы патриоты. Наш перевозчик крутил баранку, грузовик выехал на шоссе. Мужчина спросил такое: раз вы патриоты, то у вас должны быть родинки? Напарник, вставший не с той ноги и ходивший так всю жизнь, ответил: следи-ка лучше за дорогой! Водитель ненадолго перестал разговаривать. Потом все-таки заговорил: меня Леня Психоделический зовут. Мой коллега вздохнул так, как будто нашкодил чей-то отпрыск, сказал таким же тоном, как если бы говорил нашкодившему отпрыску: а это тут при-

чем вообще, мы не хотим с вами беседовать. За окном было понуро, буквы, как мне показалось, выросли, наверно, много каши скушали. Нынче они увеличились в размерах, как будто женская грудь при беременности.

Водитель причалил к зданию с колоннами в виде атлантов. На плечах атлантов лежали гипсовые глобусы, тетрадки. Гиганты помимо школьных принадлежностей умудрялись удерживать козырек дома. На крыльце был расстелен красный узорчатый ковер. Психоделический Леонид откинулся на кресле, запустил обе руки себе в вельветовые темно-синие брюки, принялся там шурудить. Напарник не сдержал осудительных криков: вы что делаете, мужчина, у вас что-то не в порядке с головой! Перевозчик положил на глаза пятирублевые монетки, приговаривая невозмутимо: сейчас, сейчас. Мы с коллегой спешно покинули кабину, сами открыли кузов, стали разгружать десять коробок. Одна стандартная коробка вмещает в себя примерно четыре десятка книжек, это если стандартная. Спина заныла, как человек, которого поколотили ни за что ни про что. Я посмотрел на небо, слово на нем разбрасывало слова поменьше, струйками букв. Идентичные большому слову-матке, они летели на крыши домов, на землю, мне даже попало в глаз. Маленький П, маленький И, маленький З, маленький Д, маленький Е, маленький Ц.

Закружилась голова, мы с напарником разгрузили кузов, построили на крыльце две пирамиды из коричневых коробок. И тут у меня случилась неразбериха. Коробки перестали быть коробками. Я видел квадраты, заполненные белым шумом, поверх белого шума было написано: коробка один, коробка два, коробка три, коробка четыре и так далее. Взглянул на коллегу, а некоторые предметы его гардероба пропали. Например, на месте шарфа лишь сероватое мельтешение с надписью, как маркером: желтый шарф, мужской. Из дверей вышла барышня, у нее отсутствовало вообще все. То есть перед нами предстало мерцающее очертание, внутри которого значилось: добрая библиотечарша. Женщина открыла широко дверь, сказала нам: ребята, заносите. Напарник взял квадрат с надписью коробка два, прислонил к двери, чтобы та не закрывалась. И мы бодро перетасили ненастоящие книги. В библиотеке пахло Шанелью с порядковым номером пять, жасмином, бергамотом, розой, ландышем, один из силуэтов дамочки читал Мастера и Маргариту. Я смутно помнил, что там упоминаются такие духи, хотел блеснуть познаниями, однако не был уверен, как обращаться к этому очертанию. В какой-то момент случайно посмотрел под ноги, коробки почти закончились, мы заносили последние с улицы, на полу вместо паркета или линолеума была черно-белая пирамидка. Как будто бы объект не найден или еще не прогрузился. Мой коллега, шедший позади, поинтересовался: все нормально, ты какой-то смурной?

Корешки некоторых книг, я заметил, так же не прогрузились, просто черные буквы на сером безжизненном фоне. Библиотечарша, которая встречала нас, обрела лицо. Остальное тело было по-прежнему сокрыто неизвестной заразой. Женщина нас благодарила, улыбаясь своими очень тонкими губами. Я спросил коллегу на ушко: ты тоже видишь, что у нее ничего кроме лица нет? Кажется, дамочка услышала, она недоуменно взглянула на свое тело, потом истерично закричала: на помощь, у меня пропало тело! Барышня с Мастером и Маргаритой прибежала на крики, стала успокаивать: Людочка, успокойся, успокойся! Людочка переключилась на свою подругу: Вера, а у тебя вообще ничего нет, ты мельтешешь, Вера! Мой коллега проявил трезвость ума, спокойно произнес: так, всем сохранять спокойствие, Вера, несите валокордин, кружки и воду! Где-то на улице запиликали мигалки, как будто кузнечики на скрипках. Было такое ощущение, что великое множество спасательных машин кружит в окрестностях. Начинается, подумал я, начинается что-то странное.

Валокордин отсутствовал в библиотеке, как может отсутствовать совесть у черных риелторов. Зато Вера нашла полулитровую бутылку коньяка, заварила чай. Мой напарник по-хозяйски разлил по кружкам принцессу Яву с коньяком. Правда, вместо жидкости я видел только мельтешение помех. Коллега, библиотечарша, ее подруга и Токарев сидели полукругом на коричневых креслах. О цвете кресел сообщали надписи: коричневое кресло стандартное один, коричневое кресло стандартное два, коричневое кресло нестандартное три с деформированной ножкой. Тело Людмилы

наконец-то было явлено миру. Клетчатое платье, строгое, как взгляд молодой девчонки, лишенной ласок мужчины. Брошь в виде веточки рябины. Чулки, как на головах грабителей. У Веры проступило лицо, веснушчатое, с курносый носиком. Она возмущалась: Люда, почему твое тело появилось, а мое нет, это нечестно! Людмила ответила ей расслабленно: ой, придумаешь тоже, лучше выпей, у тебя тоже все появится! Мой напарник почувал, что женщины употребили лишнего, сообщил во всеулышание: дамы и господа, раз все хорошо закончилось, предлагаю пойти по домам. Вера запротестовала: куда, мы же только начали разбираться в ситуации, мальчики!

Но мы предпочли покинуть библиотеку, подобно тому, как покидает семью отец, вероломно. Напарник обратился к дамам: дамы, мы вынуждены вас оставить, дела, дела, но мы обязательно вернемся. Вера с прояснившимся телом икнула, кивнув головой. – Купите хотя бы хлеба! – попросила Людмила. Мы, как Зоя Космодемьянская, промолчали, ретировались. На проспекте творилось совершенное безобразие. Машины, состоящие из белого шума, врезались в здания. Прохожие, чьи тела шли помехами, в панике метались из стороны в сторону, просили о помощи, вы не видели, куда они дели меня всего, вызовите службу спасения! Коллега сказал мне: езжай домой, я тоже поеду, надо проверить домашних обитателей и прочих тварей, созвонимся потом! И спортивной ходьбой отправился в сторону метро. Неужели маленькие слова попали в глаза всем людям, размышлял я, когда дорогу перегородил неадекватный гражданин. С длинными кучерявыми волосами, с бородкой клинышком, он размахивал своими причиндалами. Причиндалы, как и торс, ноги – не были явлены миру, лишь знакомые нам контуры с белым шумом. Незнакомец кричал: и что вы мне сделаете, что, вы не сделаете! Из отделения почты вышла девушка в черной агрессивной форме, достала пистолет из кобуры, наставила на вуайериста. Крикнула: ах ты, подлый сексист, спрячь свои причиндалы! Мужчина предпочел ничего не прятать, он побежал на представительницу правопорядка, улюлюкая. Но пуля остановила наглеца, потом еще одна, контрольная, как финальная точка в диктанте, подергивания на земле прекратились. Девушка посмотрела на меня, спросила: ты тоже сексист, тоже пулю захотел? Я ничего не захотел, поэтому побежал во двор, где жители близлежащих домов развели костер в щербатой бочке.

Они были цельные, не мельтешили, в руках держали палки, концы которых обмотали тряпьем и подожгли. Главный из них, наверное, управдом, седовласый капитан со шрамом на лбу, сосед нашего издательства. Я даже подумал, что он всеобщий управдом. Издательство находилось в трех станциях от описываемых мною мест. Я подозревал, что это не простой пассажир, его татуировка на груди, рыба. У тех, у кого на груди рыба, те, как правило, знают о море не понаслышке. Курительная трубка, которую он держал во рту, выплювывала облачка дыма. Соседушка узнал меня, бабки, подростки двинулись угрожающе, однако капитан их осадил: стой, братва, это свой! Сердце ухало в груди, давление подскочило. Стресс не хотелось переносить на ногах, сдерживать в себе переживания, от этого все болезни. У нас так и происходит, что мужчина всю жизнь молчит, молчит, на крики жены не отвечает, на унижения от начальника не ведется, а потом тихо в кладовке – раз, ищи-свищи потом душу в закоулках небытия. Меж тем на проспекте, судя по звукам, происходила заварушка, достойная экранизации. Там кричали в громкоговоритель: граждане, похоже, это конец, похоже, мы в жопе! Другой громкоговоритель ему возражал: не слушайте провокаторов, всем сохранять спокойствие, службы уже работают! Редко постреливали, редко кричали люди, редко взрывались автомобили, редко, но метко.

Сосед нашего издательства обратился ко мне и к своим пожилым девчонкам так: давай с нами, с нами безопасней, правда, девчонки?! Семидесятилетние женщины с алыми губами поддакнули: правда, там сейчас начнется канныализм, а с нами безопасней, у нас канныализма не будет! Парочка подростков не вмешивалась в разговоры, они напряженно следили за подступами ко двору, сжимали арматуры, им бы учить тригонометрию, а не заниматься сегодня апокалипсисом. Порой случаются огорчения, главное не огорчаться понапрасну, хотелось подбодрить подростков. Капитан сказал: парнишка, прекращай летать в облаках, давай с нами в убежище! Делать было нечего, близился вечер, я попытался дозвониться маме, со второй попытки ответила, предостерегла: не пытайся добраться до дома, залезь в какой-нибудь подвал и переждидай! Мною было принято,

как показалось, стратегически верное решение, проследовать с группой выживших из ума в безопасное место. Решение далось с трудом, ведь у девчонок был кровожадный вид. Они облизывали губы, клацали челюстями, засматривались на меня, как на комплексный обед. Но все-таки в компании пяти старушек, соседа и девчонки с мальчишкой шансы на победу возрастали. Как если бы к футбольной команде присоединился Диего Марадона в свои лучшие годы, они как раз и были этим Диегой Марадоной, все разом.

Таким образом, наша футбольная команда отправилась бороздить новый дивный мир. Можно ли бороздить пространство, да, можно. Насчет дивного нового мира не уверен, хотя это тоже пространство, а если это тоже пространство, тогда и бороздить его, кто запрещает, о чем вообще разговор. Седоволосый капитан был предельно сосредоточен, он вел граждан вдоль строений, иногда останавливался, посылал на разведку и на три буквы подростков. Они возвращались, говорили, что все чисто, или говорили, что впереди засада. Тогда наш предводитель менял маршрут, размышлял вслух, что так мы не пойдём, мы пойдём на Е2-Е4, а иначе нам поставят мат. Пройдя три дома, старушкам сделалось худо. Одна тяжело дышала, держась за грудь, прислонилась к горке на детской площадке. Я заметил, что в небеса улетел синий шарик. Словно на картине Сергея Лучишкина, только у него был красный шарик, а в окне виднелся повешенный гражданин, но у нас ничего подобного не было, у нас шел конец света, ничего, короче говоря, серьезного. Другие бабушки великодушно предложили оставить уставшую старушку на произвол судьбы. Предложила совершить данное предательство женщина, у которой постоянно выпадала челюсть, у которой были фиолетовые короткие волосы, сказала: а раньше в племенах самых беспомощных добывали, я, конечно, не предлагаю, тут уж, как решит коллектив. Сосед не сильно хлопнул ее по плечу так, что в очередной раз вылетела челюсть, строго произнес: никого бросать мы не будем, если суждено, то сдохнем все вместе!

Отряд продолжил движение, никого, действительно, не оставили, дамочка с недомогающим сердцем быстро восстановилась, выпив кружляшок нитроглицерина. С ума сойти, миллионная доля взрывчатки спасла ей жизнь. Синий шарик добрался до слова, его буквы теперь мерцали цветными лампочками. – Сохранять концентрацию, не отвлекаться, почти пришли! – раскрылся командор. Шарик лопнул, резиновая кашка спикировала на крышу серого девятиэтажного жилища. Свет не горел в окнах, гниющая темнота, промелькнула нерадостная мысль, вспомнить, какая именно, сейчас не удастся. Жильцы как будто стали жильцом из фильма Полянского, единым человеком, ощутили панические настроения, задернули свои шторы, погасили светильники, притаились. Подросток женского рода высказал некоторые опасения касательно спасения: послушайте, а если там, куда мы идем, там уже занято? На эти опасения наш предводитель ответил следующим образом, он резко развернулся, быстро подошел к подростку, залепил тому оплеуху. Потом строго-строго сказал, впрочем, не повышая голоса: да таких, как вы, чтоб вы знали, Хармса помните, эх вы! Бабушки поддакнули: правда, правда, что за поколение вырастили, мужчиной надо быть! Подросток жалобно пискнул: я девочка. Старушка в бежевом дождевике, с красными короткими волосами, все пять бабушек, следовавших за решительным соседом, имели короткие цветные волосы, синие, розовые, красные, фиолетовые, серебристые. Та, у которой голова напоминала пролитое на кошку малиновое варенье, возмутилась: как это девочка, когда мальчик! Товарики красноголовой заговорили: это не девочка, это не девочка, давайте проверим, какая это девочка, а заодно и второго проверим! Дамочки обступили с разных сторон подростков, подростки с ужасом глядели, поднявшийся ветер сорвал капюшоны с их головешек. Длинные челки ребят, как будто языки у коров, тоже колыхались от порывов январского ветра.

Сосед не допустил членовредительства, у соседа были четкие жизненные принципы, к примеру, не следовало поколачивать слабых, не способных за себя постоять хлюпиков, как наши подростки. Факелы в руках старушек угасли, их использовали теперь как дубинки, кто-то постукивал о зелено-облезлый бордюр, у которого мы остановились. А кто-то перебрасывал из руки в руку, а кто-то держал наподобие бейсбольной биты. Я видел, что капитан медлит, не бросается в гущу событий, потому что гуща событий порой похожа на приторно-сладкую сгущенку, существует ве-

роятность превратиться в диабетика, стоит лишь бездумно нырнуть в нее. Видно, мужчина знал о человеческой жестокости не понаслышке, кивнув мне, он поднял с земли несимпатичного метрового гномика. Гномик был деревянным, его лицо расписали настоящие психопаты. Вообще, метечко, где мы остановились, словно сердце Эдуарда Срапионова, казалось не менее пугающим, чем конец Светы. Возле ближайшего к нам панельного дома находился палисадник, на деревьях были навешаны белый плюшевый медведь с розовыми пяточками, голубовато-кислотный заяц, лица которого я не видел, желтая обезьянка, прочие неопознанные животные. Неопознанные, потому что время, непогода, грехи – нещадно потрепали плюшевых зверят. Также во дворе стояли в карауле шесть пугающих своими белыми лицами с кровавыми пастями гномиков. И вот одного из них взял мой сосед, чтобы, как несложно догадаться, проломить черепушку самой агрессивной старушке. К счастью, все обошлось, к счастью, происшествие не успело попасть в официальные сводки криминальных новостей. Один из подростков, предположительно мужского пола, уткнулся в плечо подростку, предположительно женского пола, зарыдал. Он приговаривал, всхлипывая: за что так с нами, мы же ничего им не сделали. Старушка с фиолетовыми волосами в стеганой черной куртке воскликнула: а, так этот мальчик хочет в Тамбов!

Сосед поставил гномика не место, мы не могли расшифровать эту фразу, даже Мурат Насыров вряд ли бы смог объяснить, в чем тут дело. Но после этой фразы хищницы с фиолетовыми волосами случилась психическая атака, нас атаковали неизвестные. Темное небо вдруг осветилось, свет был такой, как бы грязный, сероватый, с помехами. Такой свет бывает на старых киношных пленках. Звуковые эффекты соответствовали, то есть послышалось невыносимое для барабанных перепонки шипение. Старушки схватились за головы, упали на колени, представительницы старшего поколения, судя по всему, испытывали мучения. И что-то мне подсказывает, что мучились они не потому, что потеряли такую страну. Подростки вставили в уши наушники, поэтому воздействие на них было не таким заметным. Хорошие наушники, заметил я, вакуумные, когда оседал, как плохое тесто без дрожжей, на тротуар.

И вновь на помощь пришел капитан нашей футбольной команды. Он дал мне ошутимого леща, хотя и подозреваю, что это была камбала. После такой затрещины я, конечно же, не взялся за голову, не завел семью, не переехал жить от родителей, однако затрещина помогла взбодриться. Мужчина что-то кричал, показывал в сторону лесопарка. Бабушки не пришли в норму, наверное, им было сложно сопротивляться всепоглощающему слову. В силу технических причин, когда подростки, я, сосед побежали, с нами поспели только две старушки. Они поспели, словно яблоки богатый в сентябре. Дыхание сбилось, как костяшки пальцев драчуна, в глазах прыгали черные точки. В голове пульсировала сиротливая мысль: только бы запятая, только бы не точка. Иррациональный страх, явных причин, по которым сосед, подростки, бабушки, я могли бы физически закончиться, не было. Пожилые барышни, само собой, не поспевали за нами, они же все-таки не молодые козочки. В лесопарке я наступил на кошку, которая в панике металась, пытаюсь сохранить свою кошачью жизнь. Газета прилетела в лицо, под ногами хрустела земля, ведь все-таки январь это не август, валялись бутылки, доски. Где-то вдалеке тоже бежали граждане. Наконец мужчина остановился. Мы оказались у навеса из тонкого металла, навес был выкрашен в серый цвет, под навесом обнаружили створки дверей, за ними решетка с замком. И дверь, и навес, и решетка, все воспринималось мною какими-то стоп кадрами, не хватало плавности, не хватало. Сосед вставил в замок ключ, отомкнул. Подростки, единственная уцелевшая старушка, я спустились по бетонным скользким ступеням вниз.

На удивление, лампочка в круглом плафоне загорелась. Ещё до того, как мы попали туда, в этот бункер, до того, как преодолели тяжелую аквамариновую дверь, звуки с улицы приглушились. Выяснилось, что подросток предположительно мужского пола тоже пропал. Мужчина в кожаной коричневой куртке, под которой виднелась футболка с Микки-Маусом, спросил: еще одного, где потеряли? Сохранившийся мальчик или девочка, старушка с посеребренной головой взглянули на меня. Но я не был причастен к исчезновению, поэтому пожал плечами. Предводитель с усилием отрыл дверь, за ней оказался предбанник, еще одна дверь. На полу хлюпала вода,

просачиваясь в ботинки сквозь дырочки на пятках, вода холодила ноги. Кряхтя, сосед отворил последнюю гермодверь. Пред взором горящим, как Жанна д'Арк, предстала длинная комната с низким потолком. Вернее, сначала ничего не предстало, когда мужчина щелкнул выключателем, только тогда я увидел двуюрусные кровати. Пахло сыростью, еще бы не пахло, ведь кисельные реки разлились по всему периметру комнаты. На стене висела красная, в цвет губ старушки, доска, при пожаре звонить, ломик и лопата. Понизу тянулись узкие трубы, некоторые из них впадали в широченную темно-зеленую трубу, которая находилась под выбеленным потолком. На торце главной трубы я увидел такую надпись: полтора кубических метра, для питьевой воды.

Внезапно захохотала старушка. Мы посмотрели на нее недоуменно. Сосед поинтересовался: как вы себя чувствуете, сейчас я проверю вентиляцию, наверно, вы задохнулись? Женщина расстегнула толстую зимнюю олимпийку, присела на раздолбанную тумбочку без дверки. Отсмеявшись, ответила: молодые люди, мне вспомнился чудный анекдот. Подросток снял свою парку, под ней оказалась водолазка, под водолазкой проступала маленькая, но женская грудь. В помещении помимо тумбочки, кроватей с панцирными сетками, трубы с питьевой водой была также вешалка. Девочка потопала к ней. Влага под ногами по-прежнему издавала хлюпы, как если бы домоправительница толкла на кухне пюре. Сосед произнес: так анекдот вы вспомнили, какой он. – О, анекдот, мальчик приходит в магазин, спрашивает, сколько стоит жвачка по рублю, продавщица отвечает, что рубль, мальчик опять спрашивает, сколько получится жвачек на сто рублей. Женщина не успевает дорассказать, ее душит синяя борода смеха. Мужчина в сердцах сплевывает, тьфу ты, открывает деревянную дверь со следами плесени, скрывается за ней, точно негативный подтекст в рецензии на очень плохую диссертацию дочки проректора.

В бомбоубежище мы были убеждены в том, что нам ничего не угрожает. Наш командир чем-то гремел в подсобном помещении, звук напоминал удары поварешкой по трубам. Подросток совершенно не разговаривал, к тому же девчонка была носительницей великого русского молодежного языка. И подозреваю, что беседовать на нем с представителями страшного, старшего поколения – было для нее мучением. Спертый воздух, который, очевидно, кто-то спер до нас, кружил голову. Бабушка упала с тумбочки, засмеялась. Я помог ей подняться по карьерной лестнице, она сказала: меня зовут Лидией, молодой человек, теперь мы с вами братья по обстоятельствам. Чудесное определение нашим взаимоотношениям. Послышались приглушенные взрывы, с потолка полетели пылинки побелки. Лидия взгромоздилась на первый этаж двухъярусной кровати, она болтала ножками, мечтательно улыбалась. Девочка прогуливалась вдоль стены, она явно не была душой ритуальной компании. А вот старушка была, я считал удары судьбы. В лужах на полу плавали белые частички потолка. Лида спросила: а кем вы работаете, я смотрю, у вас, знаете ли, журналистский взгляд на происходящее, вы цепляетесь за детали? В подсобном помещении забурчал некий прибор, как будто двигатель машины. К нам пожаловал сосед, лицо у соседа было испачкано, синяя клякса на лбу, черная полоска на щеке. В руках мужчина держал дефективный металлический чайник, с мятым боком. Предводитель спросил, устроим чаепитие или не устроим. И мне не пришлось отвечать на глупые вопросы Лидии. Я ответил на разумный вопрос мужчины: будем.

В другой комнатенке нашли консервы, две банки, правда, еще советских времен, цикорий, чай не обнаружили. В неработающем по специальности холодильнике сохраняла спокойствие мутная вода. Стены в этой комнатке были зеленые, как глаза девочки-подростка, которая несмело предложила напечатать объявление о пропаже чая. Старушка грустно вздохнула, но промолчала. Что там происходит с лицом земли, подумал я и ударился лбом о перекорёженный стеллаж. Этот стеллаж напоминал физкультурника с большой спиной, потянулся вперед, а потом его заклинило. Лидия, потрясая желтым пластиковым брикетом с цикорием, крикнула соседу: а где вы найдете плитку, а как вас, простите, зовут? Мужчина зашел в нашу комнатенку, ответил: а я уже поставил кипятиться, а зовут меня Спартак. – Спартак, ничего себе! – обрадовалась женщина. Девчонка ушла в гостиную, то есть в помещение, где стояли кровати, то есть в главную комнату. Мужчина обратился к Лиде: да, Спартак, а что в этом такого? Женщина сказала: просто моего мужа тоже

так звали, он был очень успешным человеком, правда, потом перестал успевать. Я не удержался и спросил: что с ним случилось, с вашим мужем? Лидия цокнула языком, нехотя ответила: понимаешь, он польстился, в общем, он продал нашу с вами Родину за кроссовки. Такой ответ показался мне грустным, в гостиной закричал подросток, потом, судя по звукам, упал в лужу.

На шум и гам прибежали мы. Сублинная девчонка каталась по полу, летели повсюду брызги дурно пахнущей воды. Лида бросилась из всех своих старушечьих сил к подростку. Она придерживала голову несчастной, потом принялась дуть в ноздрию утопающей, к нашему со Спартакoм удивлению. Болезная пришла в себя, перестала дрыгаться, села на полу. Мужчина сказал, что чайник, наверное, вскипел. И ушел в неизвестном направлении, полагаю, за чайником. Женщина попросила помочь положить девчонку на кровать. Еще сказала: надо поменять мокрое белье, там я видела какие-то тряпки, сходи, принеси. Я спросил ее перед тем, как пойти за тряпками: где вы научились так вызывать эпилептиков? Она ответила: муж, когда мы жили в Чертаново, когда он продал Родину за кроссовки, на радостях тоже это самое. Я сказал: понятно. Хотя до конца и не понял, но все-таки ребенка необходимо было переодеть, ведь в бомбоубежище дули ветра. На складе, где стоял холодильник, на стеллаже в деревянном ящике Токарев нашел старенький, но добротный зеленый, как крокодил Гена, костюм химической защиты. В него мы нарядили спящую девочку.

Пили цикорий из белых одноразовых стаканчиков. Спартак раздобыл где-то баночку сгущенки. Банка была с пятнами ржавчины. Как будто ей играли в пятнашки роботы, которые вот-вот отправятся на свалку истории. Как будто они кидались ей друг в дружку, и весь налет ржавчины перекинулся на сгущенку. Содержимое жестянки цветом напоминало клей момент с примесью молока, тягучая хреновенькая капала в стаканчик целую сотню лет. Вкус показался игривым, таким, знаете, хулиганским. Вроде бы сладость как таковая ощущалась, однако мерзопакостные нотки все-таки присутствовали. Лидия засмеялась невпопад. Мы, забравшись с ногами на первые этажи кроватей, чаевичали. Мужчина спросил: что еще вы вспомнили, что вас так рассмешило? Старушка ответила: анекдот вспомнила. И замолчала, как в море корабли. Я предложил рассказать, но Лидия ответила, что он с матами. Потом все-таки стала пересказывать другой: есть один, мне дочка еще рассказала, когда после Афганистана приехала. Подросток задремал, в прорезиненном плащике девчонка напоминала инопланетянина, такого же чуждого планете Россия, такого же загадочного. Лидия продолжила говорить: когда еще я не обросла морщинами, моя дочь только вернулась, она у меня служила санитаркой в горячей точке, я тоже умела искренне смеяться. Спартак зевнул. Женщина, наконец, перешла к сути. – Приезжает солдатик оттуда, идет в парикмахерскую, его спрашивают, как обстановка в Афганистане, он говорит нормально, его стригут, потом опять тот же вопрос, он говорит, нормально, и так несколько раз. Наш главнокомандующий сквозь подступивший к рубежам сон что-то промямлил. Я тоже принялся отчаянно засыпать, видно, с вентиляцией все-таки были проблемы, а может, мы просто устали. Хорошая бабушка Лида заплетаящимся языком закончила эту историю. – Парикмахерша говорит, говорит, что, когда она у него спрашивает про Афганистан, у него волосы на затылке дыбом встают, стричь ей удобней. Освещение в бомбоубежище потускнело. И мы погрузились в хорошенький такой, словно Мирей Матьё, сон.

Глава 11 Переспелые граждане

Когда еще жизнь не износила Валентину Николаевну, подобно тому, как изнашивают валенки младшие братья за старшими, она любила говорить своему внуку, если тот противился идти в школу из-за гриппа: чума, в мое время чумой завтракали! Эта фраза повторялась осенью, зимой, весной, осенью, зимой, весной, потому что гриппом внук болел часто. Также Валентина Николаевна виртуозно материлась и была недовольна всеми людьми на земле вне зависимости

от времени года, то есть была живой, потом инсульт эту живость победил. Женщина перестала напоминать лимонад Живчик, ведь Живчик был напитком сильногазированным, а пузырьки в этом девяностолетнем враче-эпидемиологе закончились, порой так заканчиваются обретенные внезапно летние каникулы. Старушке перестали нравиться уроки французского, которые проводил китайский беженец в Доме культуры по воскресеньям. Ее больше не интересовало происхождение надписи «порошок, уходи» в торговых центрах. А танцевать фламинго с шестидесятилетним юным красавцем Педро Гавриловичем стало казаться Валентине Николаевне полной чужью. Впрочем, кое-что старушка по-прежнему любила, эпидемии.

При наступлении чумных времен у бабки висел за спиной тяжеленный рюкзачок, в котором позвякивали медалки за предотвращенную черную оспу в шестидесятом, за избавление города Свердловска от сибирской язвы в семьдесят девятом, а также почетная грамота за неплохо воспитанного внука Валеру. Правда, грамота не позвякивала, в отличие от медалек. Валентина Николаевна была родственницей Лериного мужа. Забегая вперед, как если бы мы с вами шагали от ворот психоневрологического интерната, а впереди, где-то в кустах акации промелькнула собачка, и вы, конечно же, умилились, устремились к этой собачке, чтобы погладить ее. Забегая вперед, хотелось бы сообщить, что потерявшая всякий интерес к учебнику окружающий мир Валентина Николаевна обрела интерес к учебнику русского языка, когда граждане стали мельтешить и сходить с ума. Мельтешение и схождение с ума прекратилось, в том числе благодаря Валериной бабушке, но это мы вновь забегаем вперед, а собака в кустах акации оказывается мужчиной в шкуре животного. – Нет! – кричите вы. Когда мужчина тащит вас в чашобу. А я говорю: я же говорил, не надо бежать впереди паровоза, вагончик тронется, а тебя заберут в дурдом.

Поговорим о возвращении так называемого интереса к жизни. Валентина Николаевна сначала громко, потом все тише и тише, теряя энтузиазм, призывала, просыпаясь по утрам на протяжении многих месяцев: вернись ко мне, интерес к жизни, вернись ко мне, ты, кусок дерматина! Но интерес не возвращался, то есть абсолютно. В свой девяносто первый день рождения, в день одного из семидесяти трех совершеннолетий, бабушка Валеры увидела на небе те самые буквы. Пенсионерка возвращалась из продуктового магазина, рюкзачок за спиной, и без того весомый, нынче тянул к земле пуще прежнего. Нынче в нем помимо всего прочего лежали консервы, сосиски, молоко, хлеб. У самого подъезда женщине повстречался Эдуард, который был даже не Эдуардом, а Николаем, известным пророком Западного Дегунино, временно безработным. В желтых очках, синем строительном комбинезоне, с шапкой Спартак на голове, мужчина, расставив руки в стороны, мешал пройти Валентине Николаевне. Старушка остановилась перед ним, сказала: пошел-ка ты знаешь куда, знаешь? Пророк, шмыгнув красным, как у дедушки мороза носом, произнес такую вот речь: ах ты, старая, сейчас я тебе покажу кое-что! И мужчина принялся показывать кое-что, достав из кармана с заплаткой в виде Дональда Утки пассатижи. Валентина Николаевна моментально почувствовала: пассатижи не к добру. Поэтому нащупала в своем кармане кожаного плаща пробирку с бактериями африканского гриппа. Эта и многие другие, честно говоря, небезопасные для хранения в квартире пробирки бабулька хранила в своем жилище, как память о временах молодости. Неизвестно, во что бы переросло данное противостояние, если бы не заглавная П, прописная И, прописная З, не менее прописная Д, соответственно, Е, а в конце Ц.

Подобно мухе цеце, а также дряни, которую лупоглазая переносит на лапках, липкое и разное сумасшествие, показавшееся перед старушкой и пророком, не оставило ни для кого из них сомнений, вражду необходимо прекратить. Пробирку в кармане уже держали пухлые, но цепкие пальцы Валентины Николаевны, когда собственный дом пошел помехами. Оппонент пожилого эпидемиолога притих со своими пассатижами, замороженно глядя на здание. Он даже прикусил язык, покрытый белым налетом. И этот белый налет причудливым образом рифмовался с коркой льда на луже, то есть был таким же молочным, неоднородным, с темными и светлыми пятнами, впадинами, выпуклостями. Николай и Николаевна поглядели на небо, словно искали ответа, что делается-то, словно на небе находилась регистратура, в которой регистраторша молодец, всез-

нающая. Из подъезда стали выходить обеспокоенные жильцы, они обеспокоились, конечно же, вопросом помех. Едва слышимое шипение нервировало, почему бы ему не шипеть громче, громче, громче. Николай замычал, как умственно неполноценный, присел на корточки, заткнул уши. У соседки, вышедшей из подъезда первой, были широченные, словно широкий жест моего папы, когда он великодушно разрешил как-то раз не сдавать кровь, широченные бедра. На ее голове была шапка из пены, как будто белая глазурь на куличе. Гражданке, видно, не дали подмыться. Дубленка норовила распахнуться, женщина мешала ей распахнуться, однако розовый, как у поросенка ушки, розовый живот – нет-нет да показывался миру. Другие соседи тоже выглядели обескураженными.

Пока они обсуждали степень своей обескураженности, соседствующие с домом Валентины Николаевны дома тоже заразились. Белый шум стал напоминать звуковые эксперименты Дзиги Вертова, помните, когда он еще записывал композиции, состоящие из шумов лесопильного завода. Женщина с пеной на голове, тараша водянистые глаза так, что казалась, соседка страдает болезнью Базедова, кудахтала. Она в самом деле кудахтала, точно курочка, которую вот-вот должны зарезать к праздничному столу. Несколько мужчин, чьи лица постоянно смазывались, словно их снимал фотограф с нервными тиками, переговаривались: шушушу, шушушу, шу, шушу, шу. Валентина Николаевна, несмотря на нервную дискотеку начинающих шизофреников. А ведь еще до всяких голосов, бывает, слышится шипение в голове, Валентина Николаевна обрадовалась. Она предельно ясно поняла, эпидемия. Старушка улыбнулась, зашагала уверенно к подъезду, минуя распластавшегося на асфальте Николая, шушукающихся соседей, соседку, чья пена успела раствориться в этой всепоглощающей меланхолии.

– Да, Шурочка, а что за слово, а что плохо вижу? – спрашивала Валентина Николаевна эбонитовую телефонную трубку. Черная трубка отвечала тихим голосом гномика. Старушка внимательно слушала, потирая свой лоб, с выступившими синими венками. Потом продолжила говорить: значит, зови своего лингвиста, как его, Василия Васильевича Барагозова, далее, далее. Бабушка замолчала, на улице послышались хлопки, хрустальные бокалы, стоявшие в серванте, затряслись. – Шура, у нас все трясется, как холодец, да, как хо-ло-дец! – продолжила разговаривать с трубкой Николаевна. Во входную дверь громко постучали, хотя зачем было стучать, в самом деле, ведь имеется звонок. Звонок имеется хороший, птички, кто ж не любит птичек. Женщина сказала невидимой нам Шурочке: пришел кто-то, надеюсь, лаборантки пришли, все, давай, Барагозова ко мне в штаб, не кашляй, привет! Летящей походкой Валентина Николаевна вышла в коридор из комнаты. В коридоре на стенах висели африканские маски, маски чумных докторов, противогазы, это внук Валерка-фанерка, как ласково называла его бабушка, любил собирать разную чепуху. За дверью, действительно, стояли две лаборантки. – Валентина Николаевна, Валентина Николаевна, внизу такси, в штабе вас только и ждут! – затараторили девочки. Тараторки у них уже выросли, все-таки не зря заканчивали биотехнический факультет. Старушка скривила лицо, как будто жевала зубной порошок, а у порошка срок годности прошел, и больше никакой тебе мяты, лимона, только привкус мерзкого сиропа от кашля. – Так, варежки свои не распаивайте, вирус залетит! – то ли пошутила, то ли не пошутила бабушка Валеры. Она взяла желтый чемоданчик из советских времен в наше не советское время, и вышла на лестничную клетку. В этом добротном чемодане из желтого заменителя кожи проживали склянки, банки, реактивы. Мы, конечно же, не сильны в химических штуках, у нас даже химии в школе не было. Поэтому содержимое чемоданчика остается на совести Валериной бабушки.

Члены так называемого штаба собрались в столовой Березка. Там обедали все служащие НИИ, лаборанты, доценты, охранники, все, в общем, там обедали. Такси, в котором сидела Валентина Николаевна и две говоруньи-стрекозы, подъехало к одноэтажному, но широченному, поэтому столь малый рост никак не сказывался на вместимости столовой, зданию. Прохожие ходили по земле, припорошенной стеклянной голубоватой крошкой, угрюмые прохожие, не улыбочивые прохожие. Дамочки вышла из такси, направились к столовой. Крошки под ногами хрустели, словно куриные косточки в собачьей пасти. Странности в устройстве вселенной, которая

была тут, возле НИИ, на подступах к столовой Березка – не наблюдались. Ничего не мельтешило, белый шум не звучал, прохожие сами по себе были такие угрюмые. Зайдя в пластиковые двери, барышни очутились в заведении, множество запахов – пюре, рис, рыба, говядина – ударили в нос. Ударили не слабее хулигана в подворотне. У одной из лаборанток даже пошла кровь. Девчонка ойкнула, смешно пуча свои глаза, которые и без того были увеличены стеклами очков. Валентина Николаевна, протянув жертве нападения запахов серый платок с вышитой уточкой, сказала: в мое время такие снежинки давно бы растаяли! Лаборантка пробубнила что-то благодарственное. А бабушка Валеры уже мчалась в другой конец столовой, углядев членов так называемого штаба.

За длинным, как на партсобраниях, столом, почему как на партсобраниях? Лаборантка, у которой недавно брызнула из носа юшка, была слишком юна, чтобы помнить партсобрания. А вот такая мысль все-таки возьми да возникни. Девчонка оглядела присутствующих, лингвиста Барагозова, руководителя отдела вирусологии, своего научного руководителя, младших сотрудников. Никто из них не обращал совершенно никакого внимания на лаборанток, товарищи оживленно спорили. Не тронутая ничьими пальцами, языками, зубами еда на столе. В длинной очереди граждане с подносами. Пожилой мужчина подавал кассирше надежды, но та отказывалась их принимать в качестве оплаты за котлету по-киевски, пюре, салат мимозу и три ломтика бородинского хлеба. Стрелки на его коричневых брюках показывали двенадцать по полудню. В дрожащих руках мужчина держал бумажный советский рубль. В очереди уже слышалась чья-то недовольная реплика: вы долго еще, вас все ждут! Лаборантка не могла разглядеть, разглядеть не могла лица мужчины, только этот рубль да седые усы. А кассирша ему и говорит, этому несчастному: мы голодающим в Поволжье не помогаем. Валентина Николаевна громко спросила: какие ваши предположения, коллеги? И все обратили свое внимание на женщину, сочувствующая голодному гражданину девушка тоже обратила, отвлекшись от очереди. А в очереди подающий кассирше надежды мужчина заплакал, и никто ему не помог, совсем-совсем никто.

Первый держал ответ за оголенные провода под напряжением Василий Васильевич Барагозов. Кругленькие очки расцветки тигровой шкуры норовили соскользнуть с длинного носа, носа госпожи Шапокляк. На нем был серый пиджак, под пиджаком синяя мастерка. Лингвисту, должно быть, нравилось мероприятие. Отвечал он с улыбкой, не стесняясь, поглядывал на лаборанток, приценивался. – Похоже, коллеги, мы имеем дело с самой настоящей языковой эпидемией! – докладывал лингвист. Особо занудный и въедливый руководитель вирусологии, въелся в кусок пирога с мясом. Чавкая, он перебил Барагозова: мм, мм, прелестно, прелестно, хотя ничего прелестного и нет, а вот по части языка, вы можете говорить на языке фактов? Научный руководитель лаборанток, дедушка, впавший в маразм, возразил: необходимо лишить родительских прав, я возражаю. Этого дедушку кормила с ложечки пшенкой чернокожая нянечка в белом халате. Младшие сотрудники загомонили: кто пустил сюда Иосифа Богдановича, он же ничего не соображает, правильно, мы тут занимаемся наукой, а не помощью старикам! Чернокожая нянечка вклинилась в беседу: как вы сметь говорить такой вещи, этот человек спасти науку! Дед ехидно засмеялся, его клетчатый шерстяной пиджак показывал окружающим, что дедушка франт. Лингвист сказал: вы худший коллектив, с которым мне доводилось работать. У одной из лаборанток зазвонил телефон, присутствующие зацыкали, укоризненно глядя на глупышку. Хотя она могла быть и не глупышкой вовсе, этого мы не знаем. Лаборантка упорхнула из-за стола, направилась к туалетам.

Подружка стрекозы с телефоном вспомнила кое-что. Вот лингвист сказал про худший коллектив, а девочке подумалось: а ведь данная характеристика меня преследует. В садике вы худшая группа, в школе вы худший класс, в институте вы худший курс. В чем дело, товарищи женщины, ведущие в светлое позавчера худших детишек. С какой такой стати вы осуждаете, ну, родились эти ребятишки не Альбертом Хофманом, чего уж теперь, работайте с тем, что имеется в наличии, скоро и этого не будет. Лаборантка удовлетворенно хмыкает своим умозаключениям, а из носа вновь показывается головка кровяного червячка. Видно, мыслительный процесс. Валентина Николаевна заметила приключившуюся с девчонкой оказию, протянула ей другой носовой платок,

с уточкой, запеченной к праздничному столу. Сказала укоризненно: что же ты, деточка, ведешь себя, как незнамо что. Василий Васильевич Барагозов привлек всеобщее внимание к своим языковым фокусам: господа, у меня соображение, а что если нам с вами, вернее, вам, химики, биологи, не провести анализы данного, гм, слова? Иосиф Богданович, эта развалина человека, правда, уважаемая научным сообществом, сказал: Барагозов, Барагозов, пять лет расстрела и тысячу лет ГУЛАГа вам! Вскочивший из-за стола лингвист бросился к старику: ну, знаете! Чернокожая нянечка преградила ему дорогу, выставив перед собой вилку с нанизанным на нее кусочком котлеты. Амазонка, кажется, была злой, словно целая очередь в поликлинике, она произнесла: стой, я убить за этот человек другой человек! Все замерли, гадали, что же произойдет. Из туалета вернулась лаборантка, уселась за стол, начала поедать, как саранча, селедку под шубой. Все глядели на нее, ничего не говорили.

Валентина Николаевна первая подала реплику в сложившейся безмолвной ситуации: слушай мою команду, руководителям отдела химии, вирусологии собрать группы реагирования, разбить передвижные лаборатории в непосредственной близости к эпицентру! Лингвист подавился собственным языком, покраснел. Валерина бабушка обратилась к нему: а теперь, товарищ Барагозов, обращаюсь непосредственно к вам! Щеки мужчины перестали краснеть, начали бледнеть, он выпрямил спинку, принялся внимательно слушать, ситуация и впрямь была напряженная. Женщина продолжила говорить: Барагозов, после того как будут взяты соответствующие пробы, произведется анализ, вынесется заключение, вам, как главному специалисту по языку, необходимо будет достать свой язык и как следует им поработать. За столом воцарилось еще большее молчание. Лингвист поинтересовался, волнуясь, оттого заикаясь: что, простите, что мне надо сделать? Валентина Николаевна, ничуть не смутившись, ответствовала: слушай, Василий, не включай дурачка, тебе это не идет. Лаборантка приснула со смеха, оросив каплями апельсинового сока престарелого Иосифа Богдановича. Нянечка с шоколадной кожей ухватила мерзавку за шиворот, сказала той: как это понимать, вы испачкать многоуважаемый переспелый человек! Коллеги засуетились, засуетились, лингвист предостерег сиделку: уважаемая нянечка, отпустите девушку, иначе я вырву вам кадык! – Что есть кадык? – поинтересовалась нянечка. Но барагозовский ответ заглушили, как рыбу динамитом, голоса Валентины Николаевны, руководителя отдела вирусологии, младших сотрудников из начальной школы.

Однако люди науки не были бы людьми, а уж тем более науки, если бы не пришли к консенсусу. И они пришли к консенсусу. И стоило это порванного уха нянечки, разбитых очков лаборантки, малахольной, у которой постоянно шла кровь из носа, другая лаборантка уцелела, ей вновь поступил телефонный звонок. Досталось на орехи даже Василию Васильевичу, правда, он заказывал сухофрукты. Стемнело на улице, солнце закаталось за горизонт, словно глазки девочки, которая получила на Новый год то, что хотела. Многие посетители столовой, расправившись с пищей, ушли с миром. Коллеги ученые увлеченно стрекотали, точно кузнечики, полная абракадабра. Лаборантка с телефоном пропала, никто не стал ее разыскивать, своих проблем хватало. Ее коллега, глядя на эту фантазмагорическую дискуссию ученых насекомых, пребывала в некотором замешательстве. Девушка забралась с ногами на деревянный стул, на котором некий паршивец нацарапал: нейрофизиолог Люда плюс физик-ядерщик Евгений, равно. Дальше спинка стула заканчивалась, поэтому чему была равна сумма этих людей неизвестно. Люди науки к чему-то пришли, к чему непонятно. Лаборантка уснула прежде, чем огласили результаты голосования, кто в итоге стал президентом, она не узнала.

К полудню следующего дня к месту предполагаемого эпицентра приехали две передвижные лаборатории, тяжеленный оранжевый кран. Примерно тогда же случилось массовое помешательство, а мы сидели со Спартаксом, Лидией и девочкой подростком в бомбоубежище. Несмотря на козни судьбы, голых граждан, размахивающих гордо своими причиндалами, крушений автомобилей, стрельбы, ученые самоотверженно изучали слово. Изучали, облачившись в желтые скафандры телепузиков. Внутри шлемов, собственно, где содержались головы участников операции, звучала музыка Римского-Корсакова «полет шмеля». Встроенные динамики позволяли не слы-

шать звуки внешнего мира. Именно Василий Васильевич посоветовал повернуть подобный фокус. Да, Василий Васильевич был тот еще Амаяк Акопян. Лингвист предположил, что воздействие буковок можно заглушить, в том числе при помощи хороших композиций. И это сработало, как срабатывает порой счетчик Гейгера, когда его подносят к старинным настенным часам в квартире бабушки. Ой, а почему это так трещит, неужели опасно? Ужели, ужели, женщина!

Помимо ученых мы могли наблюдать военных, однако не наблюдали, нас прятала уютная почва. Признаться, в этой самой почве нам было хорошо и покойно, как в кармане старушки, у которой живет десять кошек. В ее кармане пахнет валерьянкой, у нее в кармане постоянно лежат подушечки сухого корма. Комбинезоны военных были камуфляжными. Высокий, красивый, насколько позволяло разглядеть стекло шлема, мужчина с волевыми чертами лица предложил Валентине Николаевне: ну их, эти анализы, давайте мы с ребятами ракету запустим. Барагозов, услышавший это радикальное предложение, вставил свои пять копеек: вы что, а если пойдет цепная реакция! Голос лингвиста, искаженный микрофоном, звучал угрожающе. И транслировался непосредственно внутрь шлемов присутствующих, вклиниваясь в музыкальную композицию. Представитель силовых структур взглянул на лингвиста, сказал: не угрожайте мне, к тому же наша ракета совсем не кусается, она разведывательная, разведает, а потом вернется. Граждане ученые не поверили его словам, застрекотали, застрекотали. Меж тем влияние слова, зависшего над театром юного зрителя, универсамом, над районом, над городом в конце концов усилилось. Люди в зеленых скафандрах с трудом сдерживали обезумевших сограждан. Пятачок, на котором собрались Валентина Николаевна с учеными, ожидал Винни-Пуха, однако кроме неадекватного поведения Пятачок никого не дождался. И когда чаша терпения затрещала по швам, лаборантка вызвалась подняться на кране, чтобы взять образцы слова. Василий Васильевич похвалил девушку за такое решение: вы меня удивляете, вы как Валентина Терешкова, гордимся, гордимся! Так как лаборантка была впечатлительной, то в обморок от своего решения она брякнулась, когда металлическая рука подъемника начала подниматься в небеса. Юный ученый с отсутствующим сознанием лежал в люльке, а коллеги с земли наперебой кричали, чтобы она прекратила валять дурака и проснулась, дело-то серьезное. Она и проснулась, почувствовав нестерпимый жар. Вблизи заглавная П, помельче И, помельче З, помельче Д, помельче Е, и Ц совсем малышка – мерцали. От них исходила совершенно чудовищная аура, лаборантке вспомнились детские годы. Первая двойка, ремнем по жопе, отстала от матери в поезде, ремнем по жопе. Разное неприятное произошло в голову лаборантке. Вопреки обстоятельствам девушка пинцетом отщипнула от буковки П образец. Еле слышно выговорила: готово, приехали.

И на земле бравые ученые в передвижной лаборатории этот образец проанализировали. Выделили нужное, упустили не очень нужное. Василий Васильевич Барагозов, не смысливший в химии, рассказывал вдоль чудных приборов, суетящихся ученых, колбочек, микроскопов. Казалось, палатка вместила в себя добрую сотню людей, добро-злую сотню людей. Во фразах, проносимых телепузиками в желтых скафандрах, проскакивали слова: гелий, легче воздуха, фонит однако, любопытно. Лингвист бубнил: верной дорогой идете, подвиги это хорошо, да-да! Он хлопал по плечам ученых, панибратски, вызываясь. Валентина Николаевна обратилась к нему: что значит да-да, гелий, вы слышали! Барагозов отвечал: и это замечательно, и это здорово! Лицо женщины внутри шлема скорчилось, как если бы заболел зуб мудрости. И сказала ему сухо, как если бы она находилась в Африке, а лев покусал голову, а ползла она по жаре несколько суток. Сказала ему: какие ваши предложения, товарищ лингвист, отвечай, подлый трус! Юная лаборантка, которую допустили присутствовать в передвижной лаборатории, засмеялась, Римский-Корсаков изрядно нервировал, а тут все-таки пошутили смешно. Лингвист недобро посмотрел на эту пигалицу, возмнившую себя Марией Кюри, сказал: все признаки языкового вируса на лицо, Валентина Николаевна. Статный военный, услышав такое предположение, вступил в ряды сочинителей смысла: тем более считаю, что нужно запускать ракету, желательно немедленно, мороз и солнце, день чудесный! Валерина бабушка не разделяла уверенности андалузского пса, поэтому продолжила вести разговор исключительно с лингвистом: и что вы предлагаете в таком случае?

Василий Васильевич помедлил с ответом, видно, размышлял, шмель кружил в ушах присутствующих последние часа два, мешал думать. Наконец лингвист ответил: а вы сделайте на основании вот этих букв хотя бы, чтобы получилось похоже, сделайте заглавные Н, Е.

Все сразу закивали, словно пластмассовые кошечки, у которых болтаются головы, когда машина едет, одобрительно замычали: мм. И все тут же принялись эти новые Н, Е воспроизводить во благо близящегося евразийства. Ведь все мы в определенной степени эмигранты, родившиеся в депрессии, переехавшие в Монголию или еще куда-нибудь, где буддизм. Конечно же, нет, военный как следует напинал Барагозову под дых, еле разняли. Лаборантка рухнула без чувств, позже, спустя полгода, чувства обрела. Ее бездыханное тело выставили на всеобщее обозрение под стеклом в анатомическом театре. Бледненькая, прикрытая тоненькой простынькой, она лежала на кушетке. Один кандидат наук увидел ее, второй кандидат наук влюбился, ну, а третий кандидат наук взял и поцеловал, а потом женился. От поцелуя лаборантка проснулась. Валентина Николаевна похвалила лингвиста, пожурила военного: вы, генерал, хороший человек, но перегибаете палку, а вы, Барагозов, человек так себе, но методы решения проблем у вас великолепные.

Эпидемию удалось победить ценой нечеловеческих усилий, мозги, само собой, у всех работали будь здоров, спасибо, я не чихал. Граждане ученые сконструировали буквы Н, Е – в кратчайшие сроки. Состав данных литер нам совершенно неизвестен, у нас даже в школе химии не было. И когда они состыковались, те новообразованные буквы с теми, что были ранее. Произошла переоценка смыслов, и граждане перестали вести себя неподобающим образом. Валентина Николаевна нетерпеливо сказала: кто-нибудь может отключить этого Римского-Корсакова, коллеги? Главный военный поинтересовался: женщина, может быть, мы все-таки запустим ракету на всякий случай? Но никто не поддержал инициативы крушить. К тому же лаборантка, сняв шлем, радостно воскликнула: ой, смотрите, вы посмотрите, цвет меняется! И вправду, надпись на небе стала праздничной, как будто с новым годом написали. Буква П обзавелась желтой ленточкой в зеленую полосочку. Остальные буквы сделались красными, синими, оранжевыми. Шмель перестал летать во сне и наяву. Товарищи ученые, видя, что машины больше не взрываются, а прохожие, пусть и ошеломленные, не предпринимают попыток членовредительствовать, стали поздравлять друг дружку. Они обнимались, говорили: коллега, поздравляю, коллега, вы гений.

А мы, как вы помните, были сокрыты от глаз посторонних недоброжелателей почвой. Сутки, и утки, и голуби минувших событий улетели безвозвратно. Спартак храпел, храпела Лида, и девочка-подросток плакал, как сирота казанская, стоя у гермодверей в убежище. А я чувствовал голод, открыв глаза, принялся размышлять, чему же порадоваться в наступившем бытие, и причин совершенно не находил. Приглушенные взрывы на поверхности как будто бы прекратились. Я сказал подростку: не мельтешите, пожалуйста. Она ответила: а я не мельтешу. Я сказал: конечно, не мельтешите, вы же плачете. Подросток нахохлился: я больше не буду, просто все дорожает, а мы мельчаем, это печально. Проснулся Спартак, растолкал Лидию. Переспелые люди были неразговорчивы, точно камни в лесу. Мы все прислушивались, однако подозрительных шумов не расслышали. Поэтому приняли решение покинуть нору. И покинули, не сомневайтесь. На улице был кромешные день, мы совсем позабыли, как выглядит цивилизация, Спартак, прищурившись, оглядел поломанные деревья в лесопосадке, чьи-то ноги, торчащие из-под грязного снега. Синие лыжи на ногах причудливым образом контрастировали с изумрудными глазами Лидии, женщина попрощалась с нами: пойду я, дома животных еще кормить, до свидания. Спартак вызвался проводить девочку-подростка, он предложил проводить и меня, однако я засмутился. Сказал ему: что вы, как можно, мне двадцать шесть лет, а в армию меня не взяли, потому что я состою в ПНД. Мужчина удивился: неужели двадцать шесть, а выглядишь лет на восемнадцать, надо же. А я ответил на это замечание: просто ферма, где выращивались мои морщины, недополучает семена и удобрения, поэтому нас частенько путают с подростком. Собеседник отчего-то погрузился, сказал: вас, ну-ну. И они с девочкой подростком ушли в свою сторону, а мы, соответственно, в свою.

Глава 12

Крысы-голуби-любовь

Вот бы курс доллара исчислялся в падающих из окон старушках, а рубль исчислялся в мальчишеском, так сказать, естестве, когда тот подсматривает за танцами полуголых родителей в спальне. Размышлял Валерий Николаевич, лежа на разложенном кресле. Последние недели он только на нем и спал, супружеской кроватью единолично владела жена. Начался бракоразводный процесс. Девушка на кухне завтракала пшённым Кафкой. А супруг в семейных трусах и белой майке немножко грустил. Грустил не так чтобы очень, просто Лера по-прежнему нравилась Валере, однако жить с уставшим от твоей гениальности человеком изнурительное дело. Беспочвенные обвинения со стороны Леры, ее желание завести ребеночка, ее незнание того, сколько ангелов умедаются на кончике иглы, все эти обстоятельства казались мужчине существенными для развода.

Девушка сидела на кухне, завтракала пшенкой. Кашка лежала, отдыхала в керамическом синем блюде. Лера залезла с ногами на табуретку, острые белые колени выглядывали, точно крысиные мордочки, из-под сарафана. В окне показывали птичью стаю, летящую из левого края окна в правый, собственно говоря, стая улетела. Аппетита не было, аппетит как бы тоже улетел вместе с черными голубями. Девушка отодвинула блюдо в сторону, оно поехало на юг в отпуск, упало со стола, разбилось. Невидимая рука полтергейста щелкнула по носу Леру, та вздрогнула, слезла с табуретки, перешагнула желтое пятно, синие осколки. Из шкафчика достала двухлитровую банку с закатынным на зиму страхом. Вновь присела за кухонный стол. Из кружки зывал чайный дух. Страх в банках продавали бабульки вместе с клубникой, грибами, медом. Прошлым летом, когда Валера и Лера ездили в Крым, вдоль дороги колыхались тщедушные женщины, торговавшие разным. Девушка попросила остановить: остановись, смотри, какие несчастные, давай что-нибудь у них купим! Вышли, мужчина спросил: со страхом чего баночки? Бабулька, у которой хватало сил для разговоров, ответила: с разным, сынок, эта, например, страх второго Чернобыля, эта с дефолтом, эта с угрозой облысения. Купили со страхом развода, душа требовала романтики.

Лера намазывала ножом на белый хлеб серебристую массу, чай остыл. Страх напоминал зубную пасту, в которой содержались ценные металлы, слезы младенцев, апатичные мысли. Паста пахлавила нестиранными носками, остывшим ужином, прочими бытовыми штучками. Что-то расхотелось разводиться. Разводить детей, разводите кроликов, разводите на деньги, разводите ноги, разводите. Девушка перекаtywала во рту это слово. Но слово, в общем-то, не перекаtywалось, оно как будто стучало колесами, подпрыгивало на кочках. Не доставало гневного мужского выкрика: Иваныч, кто так водит, крепче за баранку держись, мы угробимся из-за тебя! Мама говорит, что я нашла себя далеко не на помойке, – размышляла Валерия. Если далеко не там, значит, близко здесь, когда все рядышком, тогда спокойнее, – продолжала накручивать себя девушка на сверло дрели. За стеной делали ремонт вот уже десять лет. В перерывах, когда затихал отбойный молоток, прочие звуки заполняли это пустое, тихое пространство. Хруст огурца, зубы клацали, что-то выпивалось, женщина причитала. Душа в душу жили соседи, это как тютелька в тютельку, только душа в душу. Лера откусила бутерброд, закашлялась, поспешно выпила чай. Затем произнесла вслух: значит, развод. Произнесла, и сразу стало покойней, и даже солнышко на улице вышло, вообще хорошо.

Процесс развода в русской культурной традиции, как правило, неразрывен со сжиганием вдовы, это если мужчина погиб на поле боя. Существует также и обратная сторона, с откусыванием головы самца самкой богомола. Валера с Лерой в этом смысле были не традиционалистами, но людьми, которым, наверное, и разводиться-то не следовало, слишком поспешное решение, решение эмоциональное. В поспешающей наступить весне угадывались признаки психического обострения у некоторых граждан. Детвора во дворе насмехалась над Витей, который расчесывал деревянной расчёской ломкую, неживую траву, проступившую из-под снега. Дети тыкали своими

пальчиками в соседа, пальчики напоминали мармеладных червей, дразнилки были чудовищно обидными. Впрочем, выйдя из дома, пока еще не разведенные по разные стороны баррикад супруги не проявляли никакого интереса к весне. Рыжая кошка унижала по очереди двух черно-желтых собак. Собаки припали к земле, а кошка ударяла лапой по их головам. Подле остановки тощие голуби срывали с прохожих шапки, прохожие негодовали, бубнили раздраженно себе под носы всякую несуразицу. Носы у прохожих были преимущественно красными, из них струилась влага. Хлюп-хлюп! – делали обманутые голубями люди. Что ж вы, голуби, взяли шапки, а мира не принесли? – подумала Лера, а Валера ничего не подумал, закурив сигарету. Два с половиной, два на ниточке, два молодых человека подошли к остановке, Валера и Лера.

Валера предложил в честь праздника поехать в загс на такси. Бракоразводный процесс не так часто случается, сказал он. Лера смотрела на детей, стоявших на противоположной стороне Луны, у детей в руках были плакаты с надписями: папа, где наши алименты? На противоположной стороне Луны располагался следственный изолятор. Подошел автобус, в него зашли прохожие. Девушка спросила: точно такси, ты же только устроился на новую работу? Валера, действительно, это мы подтверждаем, поступил на службу в исторический архив. Без пяти минут бывший муж ответил: не надо спорить. И махнул рукой желтому автомобилю с шашечками. Из выхлопной трубы такси повалил дым отечества, оно подружило к молодым людям. За рулем сидел мужчина, поразительно похожий на Михаила Боярского, правда, усища у него были ярко-синие. Лера обратилась к своему мужу: Валера, вызови уже, наконец, дезинфекторов домой, а то мы окончательно свихнемся! Вклинился в разговор таксист: ехать будем или не будем? Ему никто не ответил. Парочка начала процесс ругани. Они кричали друг на друга на непонятном языке, укоряли, острили злобно. Водитель заскучал, на капот приземлился голубь, походил взад-вперед, воркуя. Фальшивый Боярский грустно вздохнул, вышел из транспортного средства, затолкал бранящихся супругов на заднее сиденье своего такси. И машина помчалась вослед за автобусом.

Дом, улица, советский союз, ничто не было названо. Но таксист, немало повидавший на своем веку, определил, куда направляется эта парочка скандалистов. И поэтому повез их в ближайший загс. В салоне Валера и Лера не прекратили ломать комедию. Из осколков комедии робко выглядывала драма. Звучавшие взаимные упреки стали понятней, водителю слышалось: был бы ты семи пядей во лбу, а ты повзрослей, а не надо было, доволен! Автомобиль проезжал по улицам, где осинки рожали апельсинки, котики потешно умывались, ласкаемые теплыми солнечными лучами. Малолетние пассивари, голая похабные частушки, бежали по лужам. Пожилые мужчины и женщины стекались, точно шарики ртути под шкаф, мужчины и женщины стекались играть в домино, сплетничать во дворы. Таксист прозевал поворот, прозевал свою жену, не сошлись характерами. Бранящиеся пассажиры напоминали водителю о собственной, раздолбанной молотком, словно копилка, семейной жизни. Что за дурные люди, думалось таксисту, такие молодые, а уже разводятся. Машина объехала бригаду ремонтников, оранжевые человечки расчесывали шерстку асфальта, шурились от солнца.

Ругань прекратилась, в салоне сделалось тихо, лишь тяжелое дыхание водителя да мурлыканье мотора. Лера с Валерой больше не упрекали друг друга, помалкивали, таксист остановился перед кирпичным двухэтажным зданием загса. Три человека сидели в машине, никто не решался выйти. Наконец, Боярский произнес: а ведь развод это маленькая смерть, которую не всем удастся пережить. Лера сказала мужу: пойдем, надо это сделать. И первой ступила на зеленую ковровую дорожку, тянущуюся до самого крыльца храма любви. Валера сказал: ох. Потом еще раз сказал: ох. Таксист сообщил ему: парень, не делай ошибок, проверяй по словарю Лопатина. Супруга нетерпеливо переминалась с ноги на ногу. Ее муж не спешил вылезать из такси. Водитель тихонько запел про поле и коня и вдвоем идут. Лера закричала: где ты возишься! И Валера принялся вылезать из транспортного средства. На прощание ложный Михаил Боярский порекомендовал: не забывайте про словарь Даля! На улице с лужи дул пронизывающий ветер. В ней плескались две серые крысы с розовыми носиками, романтическое омовение, не иначе. Валера проходил мимо них, тварь, что была крупнее, прыгнула на него, укусила. Ощущения были как

тогда в детстве, когда его ужалил борщевик Сосновского. Ногу нестерпимо жгло, брючина светлых джинсов окрасилась, или окрысилась темно-красным. Ого, дело дрянь, подумала Лера, когда бежала к супругу на помощь. Возлюбленная крысы, вцепившейся в ногу, стоит заметить, также стремительно приближалась.

Ситуация разрешилась благопристойно. Фальшивый Боярский покинул такси с криками: голуби работают на КГБ! Он оторвал прицепившуюся точно банный лист крысу, отфутболил животное на проезжую часть. Искалеченного Валерия Николаевича загрузили, как фильм на флешку, на заднее сидение автомобиля. Лера второпях высказала нелицеприятные вещи подружке крысы, уселась рядом с водителем. И пока транспортное средство мчал в сторону больницы, Валера всю дорогу занудствовал. Кровь, кажется, прекратила поливать кресла, тем более что ничего путного из них вырасти не могло, ни георгин, ни будущих космонавтов. Пострадавший ныл: Лера, я, кажется, умираю. Супруга успокаивала, ее рука почему-то лежала на коленке водителя: милый, все будет хорошо, только не засыпай. Потом, словно ища поддержки, поинтересовалась у таксиста: правда же, врач ему поможет, поможет или нет ему врач? Однако усач за рулем ответил совсем не ободряюще: ну, может случиться геморрагическая лихорадка с поражением почек и мелких сосудов, потом еще чума, конечно. Валерий Николаевич застонал: пообещай, что ты не разведешься со мной. Жена не успела ничего сказать, ее опередил таксист: обещаю, парень, обещаю. Из-за угла стеклянного высокого банка выглянула больница. Показала свой желтоватый бочок, подмигнула хлопнувшей форточкой, вновь убралась с глаз долой из сердца вон.

Валеру оперативно приняли граждане в униформе цвета болотистой глади. Их лица были чрезвычайно грустны, как будто мужчины вспомнили рассказ о плотнике на кресте. На небо взгромоздились тучи, их силуэты напоминали сумасшедших животных. Медведь с четырьмя руками, зайчики сиамские близнецы. Пока санитары увозили мужчину на каталке, Лера смотрела на занимательные мутации зверей, а таксист глядел на Леру, полагая, что девушка немного того. У нее муж при смерти, она тучи разглядывает. Несмело стал накрапывать дождь, его холодные крапы бомбардировали рыжую макушку девушки. Она поежилась, фыркнула, и поспешила в больницу, как в театре боевых действий, не прощаясь с водителем.

Запах нашатырного спирта обескураживал присутствующих в кабинете инфекциониста, кроме, конечно же, самого хозяина кабинета. Многометровый Михаил Павлович Терентьев, как было написано на деревянной табличке, что стояла на столе, обширно зевнул. Иголки волос, щетина не внушали доверия девушке. Впрочем, ей ничего не внушало доверия, бандит какой-то, думала она. Врач подошел к столу, где лежал Валера, резиновые синие тапочки скрипели при ходьбе. И это было подозрительно, отметила Лера. Михаил Павлович расстегнул молнию на брюках. Валерий Николаевич простонал: вы что делаете, что это такое? Инфекционист поспешно застегнул свою молнию, расстегнул на брюках пациента. Оголил бледные худые ноги Валеры. Как у подростка, худенькие: загрузила супруга, глядя на веточки мужа. Специалист принялся чистить, как Мойдодыр, увечье. Поранившийся Валера куксился, сжал зубы, чтобы не застонать, все-таки ситуация не располагала проявлять признаки жизни. Он лежал на кушетке, пока товарищ доктор обрабатывал ватным тампоном следы укуса. И думал вот о какой штуке, и думал он о том, что разводиться нельзя, кто еще сможет вытерпеть меня такого, забота, прежде всего забота. Мои чувства к этой женщине, ох, дурак, не будем с ней разводиться, что мы, подростки какие-то. Погуляли, а к вечеру разонравились друг дружке. Мы серьезные люди, и в этой серьезности смысл вообще всего на свете.

Михаил Павлович прервал размышления, спросив: поставлю-ка я тебе, братец, прививку от бешенства, у тебя с щитовидной железой как обстоят дела? Лера ответила вместо мужа: с щитовидной железой нормально, а это зачем? Инфекционист сказал: прививка может ударить. Лера удивилась: ударить, как тайский боксер? Доктор пошутил: ударить, как тайский боксер женщину в шубе. Валера вмешался в разговор: но это нелогично, приемы тайского бокса не будут работать против женщины в шубе. Терентьев серьезно сказал: вот и щитовидка у некоторых пациентов не работает, как приемы тайского бокса против женщины в шубе, прививка у таких пациентов может

вызвать сплошное разочарование. В кабинет, постучав, вошла медсестра. На медсестре было тело сорокалетней женщины, она обратилась к присутствующим: патологоанатом на минус первом этаже. Лера вскрикнула: что вы такое говорите, нам не нужен патологоанатом, тьфу, тьфу, тьфу! Плевки приземлились на лоб медсестры, и это вызвало крайнюю степень агрессии у пухленькой, но симпатичной ассистентки Терентьева. Та набросилась на супруга Валеры с кулаками, завязалась драка. Чтобы победить, ни одной из женщин не хватало третьей руки. Мужчины наблюдали, делали ставки. Михаил Павлович говорил: все-таки ставлю пятьсот рублей на Зою медсестру, у нее опыта больше. Валерий Николаевич с кушетки возражал: да остановите вы это безобразие, понятно, что вы победите! В итоге товарищи женщины решили дело полюбовно. К тому же дождик за окном окончился, выглянуло солнышко, зачирикали птички, зачем же ломать друг другу косточки. Инфекционист поставил обещанную прививку, супруги расстались с медсестрой и Михаилом Павловичем если не друзьями, то уж точно не врагами.

Вечеру в семейном гнезде супругов царил покой, все было нормально. Лера с Валерой, обнявшись, сидели на кровати. Голенькие, разгоряченные тела помирились. Несколько зажженных свечей на полу, такой родной запах плесени, слышимый из шкафа. Девушка, поглаживая пальцами грудь мужчине, сказала: завтра вызови этих, пусть уберут огород, и в квартире пусть плесень того, сожнут, или что в таких случаях обычно делают. Валерий Николаевич не возражал, напротив, он всячески старался поддержать жену, главное не передержать, а то пережаренная супруга обычно была конфликтной. Валере хотелось поощрять работу надежды маленького оркестра под управлением любви. Соседка снизу постучала по батарее, привлекая внимание к своей персоне, привлекая внимание к персональной выставке двадцати четырех ребер, шестидесяти килограмм живого мяса и прочей начинки старухи актрисы. На подокознике два голубка ворковали, один кукарекнул, тогда голубка, не распознав шутливое настроения своего партнера, прогнала того с подокозника. Валерий Николаевич засопел, его голова лежала на коленях жены, изо рта тягуче капала нитка слюны. Прямо тутовый шелкопряд, подумала девушка. А потом начала кричать благим матом: аааааа! Чтобы не расслаблялся, к тому же это смешно.

Подозреваем, что читатель догадался, семья продолжила жить вопреки законам физики. Также подозреваем читателя в совершении правонарушения, которое влечет за собой ничего хорошего. Мужчина устроился на новую работу, теперь он как бы работал, но не совсем. Новая должность предполагала просиживание штанов в научном отделе с редким и мало кому понятным названием. Объявление о вакансии, зашифрованное, Валерий Николаевич обнаружил в газете, которую вручила печальная женщина в костюме медсестры. Они встретились в токсикологии, куда Лера отправила своего мужа. Как раз после визита дезинфекторов, уничтоживших напалмом плесень в их квартире, девушка озадачилась вопросом здоровья. Во время семейного чаепития она с улыбкой размышляла о способах суицида, а потом внезапно спросила мужа, увлеченно читающего «Сумму знаний по арифметике, геометрии, отношениям и пропорциональности» Пачоли. Спросила: а как ты думаешь, сколь клеток мозга у нас отмерло? Валера ответил ей: даже не знаю, надо бы подсчитать. Тогда супруга посоветовала: сходи в токсикологию, тебе там считают, точно, сходи сегодня! Птички щебетали, солнышко грело, на футбольном поле кричали дети. Лера, словно желая, чтобы до супруга точно-точно дошло, повторила: дорогой, тебе нужно сходить в токсикологию, провериться, сегодня же. Бутерброд с краковской колбасой лежал аппетитный на блюде белом в красный горошек. Муж, не глядя, потянулся к этому бутерброду, а жена отодвинула блюдо со словами: ты давай-ка, не агрессивуй на меня! Валера удивленно посмотрел на Леру, сказал: я вообще-то молчал. Супруга похвалила: молодец, будем бороться с патриархатом.

Тривиальные детишки привязывали консервную банку к хвосту котика. Во дворе кто-то пролил бензин, лужи блестели, лужи были фиолетово-голубыми. Валерий Николаевич шел в больницу сдавать анализы. Мужчина волновался, точно шел сдавать экзамены, казалось, от качества сданных анализов будет зависеть дальнейшая жизнь. Как будто положительный тест на ВИЧ отрежет дорогу на юридический факультет, или ужасающего качества зрение не оставит ни шанса

поступить на режиссуру. Валера усмехнулся собственным переживаниям, глупеньким, точно Болонская образовательная система. Фью-фью-фью! – говорили птички, нечистоты на улицах проступали из-под слоя мерзлой воды. Словно палимпсест, подумал Лерин супруг. Словно пергамент, бывший в употреблении, на котором что-то написали, а спустя века новые граждане стерли и написали свое. На остановке из-за угла гастронома в черных плащах возникли сомнения. Может быть, поеду в следующий раз, может быть, сяду в кабину вон того дальнобойщика, и потеряюсь, как мальчишка, перепутавший Африку с Камчаткой. Нет, Лера достанет, встал на правильные мысленные рельсы Валерий Николаевич, зашел в нужный троллейбус.

В регистратуре сестра, утомленная солнцем, перекладывала карточки из одной стопки в другую. Мужчина ей сказал, что вот он пришел, что дальше, дальше-то что. Медицинская работница подняла свои замутненные переработками, дурным поведением отпрысков дома глаза. Молча протянула Валерию Николаевичу некую газету, прикрыла окошко, выставила табличку: обед, плавно переходящий в завтрак. И Лерин муж, внук Валентины Николаевны, мой знакомый, был вынужден сидеть в коридоре, закинув ногу на ногу, изучать нелепую газетенку. Новости в основном были про детей. К примеру, про воспитанников юннатской станции, завершивших строительство вольера для семьи ежей. На черно-белой фотографии воспитанники юннатской станции совершенно не улыбались, имели скорбный вид. Кажется, ежики лежали кверху пузиками, мужчина взгляделся в снимок. Следующая статья была посвящена товарищу, который десять лет прожил в коллекторе. Местные жители прозвали его хранителем коллектора. Далее приводились цитаты неравнодушных граждан. Марина, 58 лет: вот я думаю, вы записываете, да? Владимир, пенсионер: герой нашего времени, чистит, понимаешь, популяцию рыбы возрождает! Денис, 10 лет: не знаю, а что сказать, как относиться? Вася, друг Дениса: классный дядька, только уважение! Валерий Николаевич взглянул на окошко регистратуры, но медицинская служащая не объявилась. Тогда он вернулся к прочтению этой шуршащей желтоватой газеты, пачкающей руки типографской краской. Рядом на скамейку присела пожилая дама тоже с желтоватым лицом, она улыбнулась металлическими зубками, стала поглядывать в печатное издание. Ее васильковый платок на голове приковывал взгляд, отвлекал, но мужчина рассудил, что невежливо прерывать чтение, пляться на соседку по токсикологии. Уже вдвоем они продолжили приобщаться к желтой прессе. Правда, время от времени дамочка клала зубы, как будто серенький волчок.

В следующей колонке говорилось о том, как правильно выращивать грибы в домашних условиях. Миколог-эксперт, в котором Валера заподозрил шарлатана, ведь свои размышления на тему того, как выращивать грибы в домашних условиях, черно-белый кучерявый товарищ начал с «однако». Его так называемое «однако» показалось избыточным, а также в определенной степени претенциозным. – Кто же так начинает статью, увольте, – пробубнил Валера. Дама на удивление приятным голосом, напоминающим голос Анны Шатиловой в телепрограмме Время, сказала: увольняю, не сомневайтесь. И тут же добавила: простите, откуда увольняю? Валерий Николаевич тяжело вздохнул и продолжил чтение. Колонка оканчивалась кроссвордом на грибную тематику, то есть кроме «однако» в ней ничего не было. Вопросы показались нелепыми, Валера сказал неопределенное: чушь какая-то. Соседка по чтению поддержала: увольняю, увольняю, нечего тут думать. Газета отправилась бы в первый класс, если бы не замеченная Валерием Николаевичем буквенная особенность. Ответы, загаданные редакторами, образовывали как будто название улицы с номером дома. «Я в красной шапочке расту среди корней осиновых, меня увидишь за версту, зовусь...» «Вот и модницы сестрички, и у них свои привычки, шляпки есть любого цвета, ты проверить можешь это». «Крепкий, плотный, очень статный, в шляпе бурой и нарядной, это гордость всех лесов, настоящий царь грибов!» И так далее и тому подобное, интеллектуально несложное. Настолько несложное, что Валерий Николаевич в уме ответил на поставленные вопросы, получив лицу Красноармейскую, дом 4.

Мужчина, кажется, произнес вслух: Красноармейская, значит, где-то в Лианозово, наверное. Дамочка радостно закричала: а теперь не увольняю, езжайте, езжайте. Повинуясь, Валерий Ни-

колаевич вышел из больницы и не посетил кабинет врача-токсиколога. Муж Леры был тем еще озорником, любившим прогуливать школу. И поэтому соответствующие анализы-экзамены он попросту провалил своим отсутствием. Однако невяку на столь важное мероприятие учений оправдал новой работой, которую он обрел, посетив Красноармейскую улицу. На ужин Лера подала плов, супруги трапезничали. Валера молчал, как рыба на сцене театра во фраке, загадочно улыбался. Девушка спросила: что такое, все в порядке? Мужчину ее огорошил: а я устроился работу. Жена переспросила, словно ученик, до которого с трудом доходит суть предмета: что, работу, погоди, у тебя на голове седой клок, откуда? Но Валерий Николаевич, к сожалению, не поведал, с чем ему пришлось столкнуться на собеседовании в научный отдел, название которого начинается на букву «П». Также и нам ничегошеньки неизвестно касательно подробностей, явок, паролей, сути нового места службы мужчины. Предполагаем, что просиживание штанов, как нам рассказала наша знакомая Валерия, чудесная рыжеволосая однокурсница, является отводом для глаз, а также напудриванием мозгов. Чтобы зазря не волновать нашу легко возбудимую нервную систему. Так или иначе, ребята продолжили свой крестовый поход за ребенком. Сменили квартиру на домик, поближе к засекреченной работе Валеры. Все шло своим чередом, все шло в домашних клетчатых тапочках, все шло.

Эпилог

Вот и лето прошло, но только зима. И мы с вами дописали ромашку, как говорит маман. Прямо так и говорит: для романа ты сочинил слишком коротенький текст, это получилась какая-то ромашка. И мы не можем не согласиться с ней, однако соглашения заключаются, как правило, таким образом, что сторона, которой больше всех надо, обязательно нарушит, вторгнется в обход договоренностей посреди ночи, сожжет все до основания, до корней, а также до сердцевины, словно женщина, прикончившая свои волосы осветлителем. События ромашки происходили осенью и зимой, в начале весны. События ромашки, как и угадывания с любит-не любит, основывались, прежде всего, на реальных происшествиях в моей работе в издательстве. В то же самое время, как в случае с любит-не любит, помимо эмпирических штук, были штуки гипотетические, то есть некий элемент фантастики все-таки присутствовал. Правомерно предположить, что впереди нас ожидает конец весны, трехмесячное лето, иначе зачем вообще тянуть ляжку, вставать по утрам, надеюсь, что лето все-таки объявится в наших краях. Поэтому что произойдет в дальнейшем, допустим, весной, или тем же летом, это загадка. Кроме того, в апреле нашим издательством предвидится книжная ярмарка, а там только держись за штанишки, столько событий, столько событий. Совершенно не знаю, если, опять же, что-то произойдет на моей работе необычное, напишу ли новую ромашку. Быть может, мы ограничимся рассказами.

Арина продолжает позвякивать оторванной дверной цепочкой, но я не жду ее всю ночь напролет, мне достаточно простых телефонных разговоров. Романтических этих самых между нами, кажется, не намечается. В последнее время, как раз весной, а сейчас начался март, а что такое март, если не весна, не собака же, в самом деле, в последнее время чудовищная усталость все чаще и чаще одолевает. Достаточно проснуться утром, ощущение, словно тебя накачали нейроролептиками за счет заведения. Мама Арины Серафима, к моему большому, уж точно не маленькому, удивлению, тоже звонит. Разговор с ней обычно напоминает своим ритмом полет шмеля. Она тебе: та-та, ты ей: та-та-та-та, она тебе: та-та-та-та, и так далее и тому подобное. Женщина рассказывает про магические ритуалы, я женщину в такие моменты стараюсь не слушать, чтобы не влезать в потусторонние дела. Время от времени Серафима сетует на свой возраст, будь она помоложе, говорит барышня, обязательно со мной вступила в романтические эти самые.

Начался пост, мы постимся, вся семья постится, мясо совсем не жрем. Оттого, оттого мне так светло, и ветер сдувает, стоит лишь очутиться на улице. Ножки как палочки эскимо, туловище с выступающими ребрами, что за красавец, ну, что за красавец, – говорят учащиеся ПТУ, когда

прохожу мимо курилки, где они в облегающих кожаных юбках, капроновых колготках проводят свои перемены. Потом я сажусь в автобус, у водителя играет Цой, играет убедительно, столько лет поет, а ему продолжают верить. В открытое окно задувает ветер, пахнет краской, землей, смолой. В издательстве полный бардак, там сегодня потоп. Так бардак или потоп, ты определись! А я определяюсь, бардак, случившийся вследствие потопы, учиненного соседкой сверху. Наша бухгалтерша звонила все утро, зазывала нас на работу в нерабочий день календаря: тут спасатели, тут какие-то бродячие собаки, тебя только не хватает, сейчас же приезжай, собака! Автобус глохнет, не успев раскрыться в полной мере, подобно мальчику-пианисту на секции бокса, куда по ошибке сдали родители. Я выхожу в мартовский день вместе с пассажирами, которые недовольно причитают, направляются к метро пешком. А кто-то из них отправляется пешком под стол, а я отправляюсь на набережную, пренебрегая работой. А на работе лебединое озеро в горшке с геранью, а на работе танки стреляют по белому гному на подоконнике.

Горячая, блестящая скамейка на набережной была подобна холодной войне меж двух стран. Она не сказать чтобы нервировала, но блестела как-то подозрительно. Я наклонился к ней, понюхал. Мимо проходил мальчишка лет пяти в сине-желто-красном комбинезоне. Маленький человек также принялся обнюхивать скамью. К нам подошла, цокая шпильками, девушка, сказала: Андрюша, фу, заведем собаку, заведем, не надо только самому превращаться в собаку! Дамочка взяла за капюшон Андрюшу и потащила прочь. Я же присел и основательно прилип. На противоположном берегу Мосводоканала двое мужчин распускали свои руки. Женщина за их спинами предпринимала несмелые попытки связать из распустившихся рук что-то путное, например, свитер. Ребенок в голубом демисезонном пальтишке подступил к драчунам, уперся ладошками в спины мужчин, и столкнул обоих в Мосводоканал. Огромная, словно сожаление за бесцельно прожитые годы, буро-зеленая голова вынырнула из воды. Пасть с редкими треугольниками зубов проглотила агрессоров без суда и следствия. Сом-переросток, наверное, много каши ел. Рыбина скрылась в глубине речной. Женщина с недоумением посмотрела на широкие круги, расхлывшиеся по водной глади, плюнула туда. Посадила себе на плечи ребенка вместе с его страхами, предстоящим переходным возрастом, возможной психопатией. И потопала к девятиэтажным домам.

Над этими девятиэтажными домами, насколько я видел, проявлялось слово. Пока даже не слово, так, словечко. Как будто переводная татуировка на бледно-синеватой коже ребенка, жующего приторную конфету-тянучку. По небу плыли облака. Зрение не позволяло различить семантику надписи. Коннотация ускользала, словно старообрядцы, живущие в тайге, ускользают от современных телефонов. У меня задергался глаз, буквы стали напоминать вполне себе логичный КОНЕЦ, написанный словно в титрах советского фильма. И я подумал, а почему бы, собственно говоря, им и не закончить свою ромашку. И закончил, это уж точно.

Геннадий КАНЕВСКИЙ

хочешь? – присоединяйся ко мне.
мы по нечётной пройдем стороне.
там все дома и проёмы непарны,
сны не цветны, города не бульварны,
и штукатурные трещины стен
служат нам книгою неперемён.

я поверх них напишу на стене:
«мы проживаем в нечётной стране.
три наша родина, семь наша слава,
пять наше лево, одиннадцать – право,
а произнесший на улице “шесть”
может годов на пятнадцать присесть»

так и проходят нечётные дни.
рано стемнело? остались одни?
как ты? давно тебе пуля не пела?
ты не забыл? – нынче день артобстрела.
при приближеньи железных ворон
нету опаснее чётных сторон.

по встрече, ответке, колючей стерне
холодным огнём
идёт человек, напевая себе
о звере своём,

который в белёную хатку ума
явился, незван,
и сел, будто перец, зира, куркума,
меж рисовых стран.

Геннадий Каневский родился (1965) и живет в Москве. Закончил Московский институт радиотехники, электроники и автоматики. Публиковался в журналах «Знамя», «Октябрь», «Воздух», «Новый мир», «Новый берег» и мн. др. Автор девяти книг поэзии, выходящих в издательствах Санкт-Петербурга, Москвы, Киева и Нью-Йорка. Стихи переводились на английский, шведский, итальянский, венгерский, украинский и удмуртский языки. Лауреат премий «Московский наблюдатель» (2013), журнала «Октябрь» (2015), специальной премии «Московский счет» за книги «Сеанс» (2016) и «Всем бортам» (2019). В «Волге» публикуется с 2009 года.

а прежние жители, евшие рис,
хранившие дом,
решили сражаться, телами сплелись
в подпольный обком.

в теряющем волю горячем уме
их гибнет отряд,
и мелкие боги роятся во тьме.
поют. говорят.

[памяти романа арбитмана]

жить в деревянном ковчеге – ты нас обещаешь спасти, ной? –
дом замыкая от черни и свет запирая в гостиной,

мыкая из угла в угол остаток земли прошлогодней –
букв порошок, ветошь пугал, лист дерева богоугодный.

тьнь отличалась от темени не выпадением слога,
а преткновением времени о придорожного бога.

спи же, песчаник поваленный, дом муравьёв и напева.
зря на тебе рисовали мы всякое справа налево.

из волхвования плоского, из завыванья и снега
выткалась блядь вавилонская (думали – библиотека).

солнце, приди же к нам утренним, а не покорным как нынче,
высвети в кухонной утвари все аппараты да винчи,

на посошок чтобы выбрать и, правой махнувши европам,
раз уж не выпало выплыть – хотя бы взлететь над потопом.

[памяти софии камилл]

песни твоих
ангелов дерзких
отрывистые

ангелов дерзких
усмешка

длинные ноги
сильные крылья

чёлки смешные
ангелов дерзких твоих

ангелов дерзких
сбеганье из дома

их автостопы
их жёсткий аплифтинг

их переходы
с языка на язык

тикает
тикает время
пока
ты не почувствуешь
что без них
больше не можешь
там в небесах
безвоздушных

где старые дачи всегда,
пролитые как из ведра
на холм и в овраги,
пять дней до субботы – среда,
черёмуховы холода
в кульке из бумаги.

где старые дачи – постель.
и гостю положено в щель
глядеть из купален,
как свет изменяется весь,
как спеет придонная взвесь,
как мир идеален.

где старые дачи – продрог.
там речь приبلудилась – шенок,
там люди-морфемы,
там чайник свистит, идиот,
там дождь перед утром пройдёт
рассказывать, где мы.

андрею чемоданову

мама любила хила.
папа любил джетро талл.
ты никого не любила.
я тебя обожал.
лежали с тобою голые.
играли в вождя и скво.
в то время как дэвид боуи
любил себя самого.

в юности
я бы бросил в тебя
снежком
чтобы хоть так
к тебе прикоснуться

и
не попав
затворился бы
в тяжком стыде
лет на сорок

питался бы
через трубки
подведённые к телу
с цветными растворами
витаминов

а потом
открыл бы глаза
а вы всё смеётесь
надо мною
с подругой –

«голова профессора
здравствуй!» –

две старушки
француженки

в небольшом городке
на водах

я бы бросил
ещё раз

но тут
не бывает снега

алексandre петровой

в риме жалость обнимает милость
и ведёт к подножию холма
где вчера косою удавилась
девка из улуса кострома

в риме светом разгоняют сумрак
а в заштатном городе изюм
дымом на исходе третьих суток
солнце ошалевшее грызут

в риме папе омывают ноги
а в москве (рифмуется с «тоске»)
говорят зачуханные боги
на глухом невнятном языке

пустота в гигантскую воронку
свёрнута и мы над ней стоим
сердце-камень засмоли в коробку
и пусти по водам в дальний рим

[ping DOS]

I.

в похожей на удлинённую каплю машине
с названием, например, вапорелла.
услужливой траекторией. и закат
(или восход) пусть будет не впереди, а сзади
для разнообразия. по отклонению линий
боковых отбойников от горизонтали
только и судить о том, как быстро

ты опережаешь нынче свое время
или отстаёшь от него. остальное – полночь,
или затяжной кашель, или странная музыка
родом из города акрон штат огайо,
которую гопники всего мира,
тамошние, местные, и из твоего родного
города gamon' штат voronezh –
сильно напоминает тех панков, правда? –
давили каблуками своих гриндеров
или кирзачей.
перемещённые лица –
повторяй про себя – перемещённая музыка,
перемещённые мысли,
перемещённый свет,
перемещённые тени,
перемещённые тэги,
перемещённые огни фар перемещённые огоньки болотных духов и
кладбищ перемещённые блики в глазах тамошних лис и здешних койотов
permit me
перманганат
калия
коли я тут –
время открыть цветочную лавку при конце света
с оригинальным названием «каллы юга на поле снега»
с одновременным приготовлением грога
и незаметным застыванием мига
на время, необходимое для отречения
и написания просьб об отставке
или отсрочке – кому как ближе

II.

когда ими
было основано всё на свете
в том числе треугольная площадка для танцев
(братья с холма недоумевали –
зачем треугольная танцевать неудобно – наивные)
там утром происходили встречи
совета тридцати трех
по одиннадцать в каждом углу
и всегда оставался решающий голос

так вот когда ими
было основано всё на свете
в том числе десять памятников ветрам
основным четырём и шести завихреньям
на фундаментах из десяти видов бетона
и когда десять из тридцати трёх

упомянутых выше их касались –
все вы знаете что происходило дальше

и когда ими
было основано всё на свете
из того что не было основано раньше
мир немного сморщился но в целом остался
таким же целым ради бога простите
за эту тавтологию а я ведь так старался
два месяца сочинения пять репетиций
перед зеркалом ну что же я готов
ко всему дальнейшему что мне знакомо
десять прикоснутся и поднимется ветер
сотня соберётся и начнутся танцы
тридцать три останутся и я исчезну
ибо мне принадлежит
решающий голос

III.

в той земле что навеки останется в книгах
в той стране что свернулась в бумажную трубку
с лестницы божьей гордой названием сьерры
сходит воздух какого не было раньше
спицы ноги его и ножницы руки
звонко задевший черту итога
он сострижёт бахрому твоего примиренья
и оставит грубую ткань твоего пониманья

крохотным почерком дня на бумаге пчелиной
миг расставания для на бумаге жужжащей
сотканной из скликанных сызнова звуков
после трёх поворотов на север
написав заранее неспетое песен
окончания снов и запах лисицы
приложение а без приложений
примечание б без примечаний

замыкающий круг
пусть рука твоя дрогнет
в самый последний момент перед закатом

этот ветер
кружит на месте

пёс руин
дервиш окраин

этот звук
становится
невыносимым
но говорят
и к нему привыкаешь

этот
или тот свет
стремительно
приближается
к точке на карте
где ты

эта тьма
она ползёт
по той же карте
по-пластунски

эта метафора
ничего не может
но пытается петь
пытается плакать

эта земля
лежит у дороги
уже мёртвая
но ещё улыбается

РАССКАЗЫ

Чётные числа

Паша шёл через лес. Можно было вокруг, огибая бесконечную колоннаду сосен, но собирался дождь, а в лесу будет где укрыться – того гляди польёт, полчаса от силы, как раз пересечь лес и поляну, а там до Полины рукой подать. Осадок от их вчерашней встречи горчил до сих пор. Всегда безмятежный, настолько, что это бесило Полину и вынуждало переходить на мат, сегодня Паша не мог отделаться от минорного чувства. Ещё утром хотел идти к ней, попытаться, что же вчера стряслось, но время нашёл только к вечеру. Теперь он спешил, мусоля в уме слово «обречённость», – нечаянно она обронила его в конце встречи и сразу опустила глаза, точно хотела подобрать слово с пола, пока Паша не разглядел.

– Обречённость? – переспросил он. – О чём ты?

– О чём-то... забей, – отмахнулась Полина и промяла пальцами виски, точно подступала мигрень.

– А саму воротит, если я так отвечу.

Не ответила, лишь выдохнула в лицо Паше винным духом, и он отвернулся, сдержав себя, чтоб не сморщиться – отпил из бокала, глянул на этикетку бутылки: больше такое не брать. До последнего Полина отнекивалась, не признавала этой «обречённости», словно той и не было, но лицо её холодело, и на Пашу смотрела, как смотрят на дно колодца.

Стемнело; кроны даже днём пропускали света мало, как крыша старого вокзала, да вдобавок набежали тучи. Ветки сплетали вокруг бледных звёзд окна, прочерчивали створки рам, заслоняли небо тюлем листвы. Благо далеко впереди, где стелилось поле, белел просвет. Если Полина шла к Паше, всегда собирала ему полевых цветов, совсем другая девочка в ней просыпалась – взращённая старыми фильмами, воспитанная бабушкой, а не мамой. Раза не было, чтоб явилась с пустыми руками.

Со спины подступала ночь. Паша обернулся и увидел огонёк в глубине леса, пучок лучей прожигал сонную листву. Он сильно отставал и двигался по соседней тропе – ещё один любитель вечерних прогулок, но с включённым фонарём в мобильнике. Вдалеке громынула гроза, словно залп одинокой пушки, а так хотелось опередить дождь.

Редкие цветы под ногами мелькали синими пятнами, всё сложнее было разглядеть их. Стараясь не думать о Полине, Паша представил, как много цветов в лесу, а на поле и того больше – число должно быть невероятное. Если бы в древние времена злой царь велел рабу сосчитать эти цветы, то раб ощутил бы именно обречённость. Гадкое слово.

Снова прокатился гром. В городе, должно быть, поливало. Небо там висело грязное, листва растворялась в нём, и деревья, словно перевёрнутые, вращались в небо корнями веток. Огонёк в

Александр Ливенцов родился в 1982 году в Москве. Окончил Университет связи и информатики, работал программистом, визуализатором в архитектурном бюро. Публиковался в журналах «Октябрь», «Новый Берег», «Юность» и др. В «Волге» печаталась проза и критика.

белом ореоле подступил ближе. Пушистый, как одуванчик, он сиял, совсем не освещая лес вокруг, и двигался плавно и быстро – значит, велосипедист, у пешего фонарик трясётся. Когда свет нырял за деревья, из мрака проступали их чёрные стволы, а выныривал – и Пашу слепило.

Полина тоже всегда просила зажечь фонарь телефона, не любила темень. Сколько раз Паша отговаривал её бояться ночи, особенно лесной, замшелой, но Полина жалась к его плечу и проклинала, что опять уговорил идти в темноте. Она навещала Пашу лишь днём, и вчера было так же – всё, кроме неё самой. Пришла не она, а испуганная старуха в теле Полины. И букет, который принесла, если его можно назвать букетом, – зачем она это сделала?.. Какая-то злая глупость. Разговор их не ладился, и Паша поддержал его в немой форме, раз Полине так легче. Паста и цезарь красовались на столе – он постарался; свеча, салфеточки; с прошлой встречи осталось полбутылки вина, кислятина, но рука не поднялась выкинуть – разлил по бокалам.

«Что случилось?» – спросил он глазами.

«Нормально всё», – качнула в ответ головой.

«Точно?» – прищурился.

Кивнула.

Видела бы она своё лицо. Спрашивать в третий раз было лишним, и Паша глянул на маки – те смотрели на него своими глазами весь остаток вечера. Полина проследила его взгляд и уронила голову, так что кончики волос угодили в тарелку с салатом. Поели, вышли на балкон, и ей стало ещё хуже: вид леса заострил лицо Полины, кинул в глаза беспокойные блики. Когда же Паша закурил, как всегда после ужина, – она вырвала сигарету, разломала, обжёгшись, и швырнула с балкона. Он закашлялся, красный, распухший, как павиан, глянул на Полину – долго, с чередой восклицательных знаков. Курить расхотелось, ничего не хотелось. Она плакала.

До поляны осталось всего ничего. Ветер трепал макушки берёз, а после взялся за сосны – на краю леса снова проступила их колоннада. Забухтел гром, прокатился слева направо десяток километров. Паша огляделся – не видать ли молнии? – но только этот фонарь мерцал позади, совсем близко, и не было слышно шелеста листвы под колёсами. На опушке меж двух старых могучих сосен, обозначивших парадный вход в лес, Паша остановился перевести дух и дать велосипедисту проехать вперёд. Напуганные грозой, птицы раскричались. Поле застелил сонный бархат, ветер гулял по нему, мял траву невидимыми руками.

«Обречённость» – что Полине втемяшилось?.. И её букет – совсем не смешно.

Когда Паша отдышался и поднял глаза, чтобы разглядеть своего велосипедиста, между ним и шаровой молнией было метров десять. Неспешно, как из комнаты выходят в прихожую, белый шар размером с голову вылетел из чащи и окрасил лес слабым холодным светом. Смотреть на него было больно, Паша отвернулся и сморщился – резко подкатил писк, такой высокий, такой острый, что казалось проникает в кожу. Пищало сразу во всём теле, громче и громче, а как стало невыносимо – Паша кинулся в поле.

Далеко справа поперёк неба сверкнула корявая нить молнии, вторая ответила ей слева. Из травы вспорхнула стая птиц, и в тот же миг порыв ветра принёс со спины запах гари. Паша на бегу оглянулся и увидел, что шар летит за ним и рисует в траве выжженный след. Писк опять нарастал в ушах, в глазах, в горле, в костях черепа, и Паша не вынес – схватился руками за голову. Посреди поля, у кустов шиповника, он обернулся в последний раз, тут слепой жадный свет нагнал его и тронул под левое ребро. От вспышки осветилась и побелела земля, и шиповник, и вялая, брошенная кем-то под куст ромашка.

Минутой позже хлынул дождь, охладил тело, сбил дым, вьющийся бледной душой. Гром смолк, лишь шелестели капли, да местами сновали жилки разрядов. Не обращая на них внимания, шиповник, как мог, накрыл Пашу, пригладил веткой растрёпанные волосы.

За день до того Полина смотрела с балкона на окраину района, на поле за ней, на лес за полем и не могла понять, отчего светит солнце, а на душе минорные гаммы. То мог быть воробей, залетевший утром на кухню и долго бивший в стекло, пока Полина не распахнуло окно настезь. Никогда не верила в приметы, как и мама; вот бабушка знала сотни, на каждый чих: кофе сбежит, дымом повеет – всё у неё было прозрачно, всё было помечено нужным образом.

Такая маленькая форточка, и он умудрился в неё залететь... именно в неё, поганая птичка.

Час Полина разгребала рабочую почту, сдерживая себя, что б не материться в каждом втором письме. Покончив с ней, заварила кофе и до обеда блуждала в соцсетях, рассылая по мессенджеру редкие самородки смешного – назад прилетали смайлики и другие картинки, менее остроумные, Полина добросовестно отвечала на них улыбками, а тоска не уходила, сочилась по капле, растекалась лужей. Также Полина томилась год назад, когда сдала кровь на треть зарплаты и трое суток ждала результатов. Но сейчас-то чего?..

Написала Паше, хотела ближе к вечеру и не стерпела, – пусть утешит её, охладит, прямая его обязанность. Ответ прилетел, когда Полина уже оделась: её ждали, обещали пасту с цезарем, даже вино осталось – полбутылки, дешёвая кислятина, вечно он экономит. Оглядев себя в зеркале, Полина осталась довольна, прихватила бечёвку с ножиком, закрыла в комнатах форточки, ушла.

На поле она срезала самые большие и яркие цветы, обычно хватало дойти до леса, и букет был готов, остатки выискивала вдоль тропы. Сегодня же кто-то расщедрился – уже на половине поля, у кустов шиповника, цветов набралось столько, что не помещались в руку. Даже два пышных огненных мака встретились и несколько тюльпанов, а васильков, ромашек и прочего – без счёту. Любуясь букетом, похожим на яркий, пёстрый шар, Полина развеялась, опустила нос в цветы и сладко вдохнула. Два мака под шевелюрой васильков смотрели на неё парой глаз.

«Жалко, что два, – подумала она, – лучше бы три или хоть один, но не выкидывать же второй».

И тут Полине пришло на ум, что она никогда не пересчитывала цветов, которые дарила Паше. Ни разу.

Вышло сорок четыре.

Достав одну ромашку, менее нарядную, чем сёстры, Полина кинула её под куст шиповника и поспешила к лесу. В пути ей попался ещё один тюльпан, и худенькая гвоздика, и мелочь, какую грех упустить, – ножик исправно срезал стебли. Пройдя часть поля, Полина остановилась и сосчитала цветы – оказалось пятьдесят. Снова пришлось пожертвовать одним и снова, войдя в лесную тень, она встала у сосны сосчитать для верности. Сорок восемь. Странно. Долой один – и букет готов.

Но, углубившись в чащу, Полина увидела такой бесподобный синий цветок, что, не раздумывая, срезала и приобщила к остальным, откинув одуванчик. А следом ещё несколько таких же синих вытеснили столько же одуванчиков, и она в последний раз пересчитала цветы, чтоб наверняка. Вышло сорок четыре... ошиблась где-то. Откинула крайний одуванчик и, к досаде, насчитала в букете сорок два цветка. Уже не стала никем жертвовать, а села на пенёк и спокойно один за другим разложила их – вышло четыре кучки по десять и два мака.

Лес вокруг пригляделся, прислушался. Стволы уходили вверх, как свечки на торте, кроны горели в полуденном солнце, колыхались под ветром ленивым пламенем. Встав с пня, Полина отряхнулась, собрала цветы и двинулась к Паше. Шагалось легко, мягко: то листья устилали землю, то мох. Считать цветы не хотелось, но невольно она достала из букета недавний синий и оставила на ближайшей кочке.

– Один, два, три... – шептали губы, а пальцы отделяли стебель за стеблем. – Одиннадцать, двенадцать, тринадцать... – взгляд прыгал с венчика на венчик. – Двадцать один, двадцать два... – Как сладко пахли, мёд, чистый мёд.

Сорок. Абсурд какой-то.

Полина опустила букет. Дважды она угодила в паутину и, точно сладкую вату, не могла считать с лица. Не выдержала, отшвырнула одну из ромашек и опять принялась считать. Тридцать восемь. На землю упал василёк, и счёт пошёл по новой. Лесная зелень поблёскивала на солнце, будто сахарная. Тридцать шесть. Долой ещё один василёк – они мелкие и быстро вянут. Один, два, три... тридцать четыре. А люди ещё в чудеса не верят. Новый цветок полетел за спину, и пальцы принялись отделять стебли по одному. Тридцать два. Настала очередь тюльпана.

– Один, два, три... четырнадцать, пятнадцать... двадцать семь, двадцать восемь, двадцать девять, тридцать.

Тридцать штук.

Пол-леса осталось позади, когда Полина оперлась рукой о берёзу, чтоб тут же залиться сухим, похожим скорее на кашель смехом. Ещё раз: один, два, три... Ветер трепал берёзы, листва кружила в воздухе мелкой крошкой. Тридцать. Замечательно! Полина отбросила цветок и взялась считать так медленно, как делала это лишь в первых классах школы.

Двадцать восемь.

– Какая-то ошибка... какая-то злая глупость, – шептала она и опять смеялась.

Как снова пошла, не помнила. За деревьями показался микрорайон. Дом Паши стоял торцом: белый, разлинованный на плиты панелей, он казался собранным из кубиков сахара. А Полина считала по новой и не могла себе запретить. Двадцать шесть. Прощай, гвоздика. Двадцать четыре. Прощай, вторая. Двадцать два. Канул очередной цветок. Двадцать. Маки так и смотрели парой глаз, и какие бы цветы ни теснились под ними, в их бутонах чудилась ухмылка. Когда лес кончился, Полина несла уже восемнадцать и зажимала рот рукой, чтоб не смеяться.

Шестнадцать... Четырнадцать... Ещё один синий упал и незримо увёл с собой пару. Двенадцать. Канул алый с мятыми лепестками и тоже обманул. Десять... Другой синий – восемь... Промокнув лоб рукавом, Полина поднялась по тропинке в район и пересекла детскую площадку. Веселые пацанята повернулись к ней, и их улыбки скисли. Полина и сама чувствовала своё тяжёлое, засохшее чёрствым печеньем лицо.

Сев на угол низкой ограды, она разделила в руках восемь цветов, чтоб видеть каждый, и дала одному упасть на землю. Мизинцы слегка расступились, и когда цветок полетел вниз, он на миг приковал к себе взгляд – этого хватило; опять их стало меньше на пару: два мака, два тюльпана, две ромашки.

Полина зажмурилась, закусила губу и просидела до тех пор, пока в кармане не зазвенел мобильный. Паша не мог понять, где она ходит, ведь просил – давай встречу.

Теперь, шагая к его дому, она держала в каждой руке по три цветка. Стоило уронить одну ромашку, и ненадолго цветов действительно стало пять, пока Полина не сложила их вместе, – тогда маки и тюльпаны поглотили без остатка вторую ромашку. Наконец, огибая клумбу, Полина усадила в неё тюльпан и неотрывно смотрела на оставшийся букет так долго, как могла. Но у подъезда в неё влетел мальчуган на самокате, чуть не сшиб, и вот в руке уже краснели одни маки, точно они и слопали несчастный последний тюльпан. Без сожалений Полина кинула их в урну, из которой дымил чей-то бычок, и долго стояла у двери подъезда, приходя в себя. Прогулка помнилась как в тумане – только разноцветные чётные числа, сладко пахнущие цветами, теснились в уме. Сколько Полина ни трёла ладони о кофту, те были мокрые и хранили прохладу стеблей.

Паша открыл не сразу – что-то кипело на кухне, а сам он был в заляпанном фартуке и с лепестком петрушки, налившим у виска. Побрился, на подбородке запеклась кровь. Увидев его, Полина облегчённо вздохнула. Усталая, она переступила порог и подняла руки, чтобы обнять Пашу, – в правой было два мака.

Я склонен преувеличивать

К началу лета расцвёл жасмин, кусты вдоль домов пухли, благоухали, а упрямые дожди распушили их ещё больше. Старуха в жёлтой куртке еле попевала за болонкой, собачонка выискивала цветы пониже, нюхала, но каждый следующий казался ещё вкуснее, и она тянула хозяйку дальше и дальше.

Прогулку портила тревога, липкая, неуместная: июньского начисто отмытого дождями воздуха я не замечал, шёл, теряясь в догадках. Но я склонен преувеличивать: забыл что-то дома и не могу вспомнить что. Такие мелочи хочется стереть, как лишние фото, а они копятя, копятя в неудалённых. Времени хватало, люблю дать себе полчаса форы и идти спокойно. Номер ячейки я даже в блокнот скопировал, хоть тот остался в переписке. Тягостная предстояла поездка, надежды остались лишь на долгую успокоительную прогулку после – до ночи буду бродить, вспоминать последние полгода, такие счастливые и короткие. Начну с того, как Ира наступила мне на ногу; а говорят – они сейчас каблук не носят... до сих пор эту боль помню. Овца.

Уйди тревога, уйди. Что ж я забыл? Память обрисовала прихожую, осколки света от стекляшек люстры, сигареты на углу комода – зажигалку я всегда кладу сверху пачки, так, чтобы края ее не выступали. Одно из радужных пятнышек легло поперёк пачки, я представил, как красиво это могло бы быть, и понял, что не вижу обоев на стене за комодом – элементарный узор, а забылся начисто, пяти минут не прошло, как я был там.

Мимо, заваливаясь набок, проехал троллейбус – только они так умеют. Я гляжу на автобусы, троллейбусы и трамваи с умилением, как на больших толстокожих животных. Это она привила мне любовь к ним: конфет купим, сядем в первый попавшийся, она у окна, я – у прохода, ей левый наушник, мне – правый; едем пока всё не съедим... пока она не скажет, что ей надоело.

Что я мог забыть? Мобильный с собой, ключи тоже, рюкзак за плечами. В прихожей он стоял бочком к комоду, правда, теперь я и комод видел сереньким, без намёка на текстуру – то ли дерево, то ли крашеный, память молчала. Ветер гнал вдоль улицы мелкий сор, будто разбитые войска. Я прикурил, струя дыма угодила в глаз. Пока тёр его, ветер смешал ноты жасмина с табаком – хорошие весенние духи, ей бы понравились, она тоже курила. Сука. Нет... нельзя так о ней, нельзя, это слабость, моя слабость.

Солнце разгулялось, слепило, пекло, к обеду над асфальтом повиснет марево. В детстве мама рассказывала про солнечный удар у подруги: тень дерева, подошвы туфель, просят воды, машут платком, ищут таблетки по сумочкам – ещё ребёнком я это представил и до сих пор помню, но я забыл, какой паркет у меня в прихожей. Или плитка... Аж голова вспотела, раньше не замечал, что она может потеть. Кажется, плитка, чёрная. Нет, серая.

Когда прошёл мимо дверей магазина, они разъехались и пахло выпечкой. Всегда, когда двери открываются, а я не вхожу, хочется извиниться перед ними. Мужик в костюме мобильного негромко приглашал в сотовый салон; другой, в костюме чашки кофе, курил, выдыхая из прорезанного впереди кружочка, и молча раздавал листовки. У них как будто тоже следовало просить прощения, что мне повезло работать в офисе с кофемашиной и перспективами.

Зайдя за угол, я встал в тени отдышаться и оперся рукой о стену, измазанную клеем объявлений. Пока оттирал руку, будто в шутку попробовал вспомнить домашний адрес, но и эти несколько слов и чисел канули. Я выглянул из-за угла посмотреть на свой дом, тот стоял, как положено, белый с торца – но где в очереди поездов мой? Какой по счёту? Код домофона поблек, раскрошился, лишь буква «К» наметилась в сердёчке.

Как же называется та болезнь на «П» по фамилии врача, когда всё забываешь?..

А у неё – какая у неё была фамилия? И ведь не важно, хоть Козьявкиной родись, но с большими глазами, и на тебя будут слюни пускать, бегать за тобой, глупеть: ты будешь выбирать, будешь решать, что надоело, а тебя будут помнить и со сладкой тоской смаковать в памяти, как ты отдала ногу при первой встрече... Козьякина.

Я кинул комок салфетки в урну, поправил рюкзак, спина под ним вымокла. Солнце не щадило; злой белый свет, тебя слишком много, тебя опять накажут дождями. Два серых ошмётка вылетели из мусорного бака – вороны завтракали, я помешал. Проплыл троллейбус, опять скособоченный. На таком же мы с ней сделали круг по центру – так же пекло солнце, а потом на пару минут пошёл ливень, даже тучи не успели сгуститься, и я целовал её, целовал, откусывал от неё понемногу... Самый счастливый день за последние полгода.

Как же быстро сейчас строят, совсем не узнаю эти новостройки, солнце спряталось за ближней, и я провёл по лицу рукой, с пальцев капало. Пока искал по карманам салфетку, обернулся и не нашёл свой дом – сплошь белые торцы да козырьки подъездов.

Повеяло цветами – навязчивая сладость.

В памяти мелькнула кабина лифта, я почти удержал её: долю секунды помнились подпаленные кнопки на панели и матерщина сажей по потолку, но всё меркло. Как были одеты те двое у супермаркета? Дурацкие костюмы типа хот-дога и стакана колы.

Но код ячейки и в блокноте, и в переписке. Кошелёк, паспорт – всё при мне.

Держась тени, я добрёл до перехода, на той стороне улицы серела лестница и в несколько маршей поднималась к дверям метро. Наверху что-то дымило, точно близилось извержение; ветер мял и рвал серые клубы, пахло гарью, а в магазине под лестницей вопил и колотил по банкомату коренастый мужичок. Как-то у неё заело карту, и она обматерила меня, словно этот кусок пластика застрял во мне и не лез наружу. Идиот, я не понимал за что, я возражал, я ещё не чувствовал своей вины, но всё-таки мне хватило мозгов извиниться, и я плёл следом и вымаливал прощения... и ты простила меня, тупую скотину.

Пока шёл по переходу, пытался вспомнить цвет рюкзака, не опуская взгляд на лямки, потом поднимался по лестнице и тоже вспоминал, вспоминал... На площадке первого марша пришлось стоять, дожидаться, пока из ног уйдёт дрожь. Народ внизу спешил, у каждого человечка маршрут, траектория, а я опёрся о перила и не мог объяснить себе, куда должен ехать. Я, кажется, не опаздывал, всегда закладываю минут пятнадцать сверху. Капля пота стекла за шиворот, горячая, и вторая следом. С верхней площадки падали клубы дыма, распадались, таяли.

Что-то важное записано в телефоне в двух местах... но я не опаздываю.

Злой белый свет – тебя накажут...

Надо подойти к кому-то, попросить помощи.

Внизу проехал троллейбус – синий, толстокожий; на таком же точно круг по центру... Мы выходили на остановке, она курила, отбирая второй наушник – и садились в следующий.

Ноги остыли. Давайте, ноги, шагайте вверх – вон ступеньки.

Надо подойти, попросить помощи. Даже говорить ничего не придётся – меня увидят и вызовут скорую. В паспорте, сбоку, лежит полис, надо его достать... надо подойти к кому-то... посмотреть имя в паспорте...

Чувство, с которым я забыл целиком всё, окатило на самом верху у дверей метро. Это чувство пахло гарью, было влажным, липло ко мне, и в груди от него колотилось. Прежняя тревога, уже лишняя, тотчас унялась – что-то одно, самое важное надо было забыть, и страх остыл, но я не помнил, что именно. Одна из урн горела, грязный дым валил из неё. Я смотрел на него, пытаюсь распробовать нежданное счастье, безвкусное и немое, но пустота заглатывала всё глубже. Единственное, что стесняло меня, – маленькая, взмокшая от пота книжечка в руке. Разметав дым, я швырнул её в урну, чем сделал себя ещё чуть счастливее, и повалился в обморок.

Меня зовут Олег Самарыгин, живу на Вавилова, пять, третий этаж, квартира одиннадцать. В прихожей на полу ламинат; комод из ДСП под берёзу, почти белый; обои без узоров, в пастель-

ных разводах с мелкой крапинкой. Подъезд первый слева, дверь тугая, лифты старенькие, изгаженные, код домофона 11К9203.

Нос чесался от нашатыря, ну и запашок – аж до слёз. Рюкзак мне подложили под голову, в руку сунули мятйй, измызганный в каком-то соусе паспорт, обложка с краёв обгорела. Один из докторов списывал в журнал номер полиса. Сперва меня хотели уколоть чем-то, но подождали и раздумали.

– Пишу кратковременную потерю памяти, – огласил врач, но в голосе звучало сомнение, будто я мог оспорить диагноз.

– Такое вообще бывает? – спросил я.

– Сплошь и рядом. Ковидом болели? Обследуйтесь. К неврологу ходите, не оставляйте просто так.

Я кое-как отряхнулся и отряхнул рюкзак, в ушах повис тонкий, протяжный свист, как от телевизора, который потерял сигнал.

– Из поликлиники с вами свяжутся, – предупредил врач. – Сейчас что с самочувствием? Помните, куда едете?

– В камеру хранения.

Он постеснялся расспрашивать, но продолжал глядеть на меня с вопросом. Я так и не убедил этого хмурого немолодого человека с седой щетиной – он смотрел на меня, приспустив очки, и не находил в моём облике чего-то важного, что успокоило бы его.

– Бывало такое? Только честно.

– Впервые.

– Сходите, проверьтесь. МРТ головы сделайте, лучше с контрастом. УЗИ сосудов шеи. Невролог назначит.

Кивать было тяжело, точно мозги качались внутри головы – долго, до тошноты. Медбрат вернул полис, трясущимися руками я наскоро запихнул его в паспорт и помял ещё сильнее, а телевизор всё свистел, и лёгкий снег дрожал перед глазами.

– Насчёт камеры хранения: если что-то важное, лучше отложить, – остерёг главный.

– Не особо, – отозвался я, прибавив лишнее: – Зарядка для телефона, тапки и бритва.

Врач почесал щетину, не стал вдаваться, вновь отвлекла писанина – бланки, бланки. Я поглядел на его ботинки: большущие, в пыли, в пятнах жёлтой краски; куда-то надо было глядеть. И вскоре он распрощался, оставив напоследок:

– Обследуйтесь, обязательно.

Полгода мы жили с Ирой. Вот, всё вернула. Ещё там были наушники. Это о ней я забыл до полного опустошающего счастья. Какой восторг – просто забыть.

В метро я не полез, даже уговоривать себя не стал, сел в троллейбус поближе к окну. Он покачивался, как паром, позвякивал, пах бензином и кожей кресел. Жарко. Куда-нибудь приеду – выйду, возьму такси, до камеры завтра доберусь, а сейчас буду вспоминать... не хочу, но буду – словно у меня есть выбор. Грозди жасмина белели на придорожных кустах, солнце выбелило улицу, подсушило после дождей. К остаткам лужи потянуло собаку, она поволокла за собой хозяина на натянутом поводке, но троллейбус катил дальше, и я потерял их из виду.

Ленон

Я понял, что опаздываю, в автобусе. И опять перекрыли дорогу именно сейчас! Жлобы думские, катите себе ровно, успеете, но нет – гаишник поперёк дороги, все подождут.

Пар жлобы подступил к горлу, обжигал, и я матерился сквозь зубы так, что на меня косились. Взять бы эти мысли, подышать на них, протереть тряпочкой, чтоб висели чистенькие, а я ненавижу дел правительство, водителя автобуса, всех людишек в их легковушках вокруг и... себя: проснулся

я вовремя, но минутку решил полежать, понежиться, всего минутку – классика. Совещание не задержат – ради меня-то! – значит, ломиться в закрытую дверь, скрипнут петли, навалится тишина, все будут пялиться, в воздухе застынет пыль, и только Львовна постучит карандашом по столу и сухо велит: «Проходите, Сергей». Реально барыня: ей кнут в руку да поместье – такие пойдут планёрки...

Восемь одиннадцать! Шанс, впрочем, был – маленький, но если в половине зайти в метро, можно успеть; на минуту припозднюсь – терпимо. Пассажиры автобуса измождённо переглядывались, все искали надежды, точно один из нас мог одуматься и снять заклинание, сковавшее пару километров трассы. Я кнул в мобильный – восемь пятнадцать. Беда-беда...

Наконец, вдали по реке крыш пошла рябь – дробясь, крыши стали отлипать одна от другой, и представилось, что кто-то могучий растянул всю дорогу, как резинку от трусов. Я пробовал подступить к окну, но было слишком тесно. Стоявший рядом мужик полез в карман, и я почувствовал его руку словно свою. В тот же миг автобус тронулся, пополз, все кругом облегчённо выдохнули.

Доехали. Проезжая часть ревел, над люками у бордюров белел пар, толпа валила к переходу. Я как раз нагнал соседей по автобусу – паренька вроде меня в кедах и пуховике и девочку, с головой заматанную в шарф. Мы вместе засемили по ступенькам перехода. Мобильный отсчитал восемь двадцать девять.

Я уже знал, что бумажник спёрли, – по дороге выяснил. Впрочем, он был привычно пуст – проездной да пара купюр не самого большого достоинства, разве что самого кошелька было жалко. Скорее всего, тот мужик и вправду полез в мой карман и именно когда автобус тронулся... умельцы. Ехать домой значило заявиться в офис под конец совещания. Вспомнились те редкие, на удивление опрятные ровесники, которые порой просят денег у метро, а ты идёшь мимо и удивляешься: «Вроде на бомжей не похожи». Страшный сон, конечно, но как не хотелось иного кошмара в кабинете Львовны: холоп провинился – нельзя спускать, пошлёт выпороть на конюшню...

Был и другой вариант – «велюровая шляпа», как я окрестил его про себя. В шмотках не разбираюсь, но эта всегда выглядела слишком дорогой и ухоженной, чтоб лежать на асфальте кверху пузом. В ней копилось моё спасение – на один конец в метро точно хватит. Уже слышалась знакомая гитара. Владелец шляпы, как обычно, стоял в метре от неё, перебирал струны и пел – фальшиво, надрывно. А стоило прислушаться к шестиструнке – порой я так спасался от вокала – и становилось ещё тоскливее. Кто-то мог решить, что сегодня уличный артист не в форме, что накануне он пил, не закусывая, что его прихватила простуда и бедняга мякнет в волнах озноба. Увы, я наблюдаю этот концерт каждое утро и всякий раз, проходя мимо, в лицах прохожих и в своей душе читал одно и то же: «Мы заплатим тебе – только умолкни».

Мужику было около полтинника – всегда выбрит, одет под стать шляпе: хорошее пальто, дорогие туфли – повторюсь, я в одежде не разбираюсь, но уж больно гладко на них лежали блики, а пальто темнело без лишней складочки. Ещё были круглые очки, как у Джона Леннона. Я и звал певца – Ленон, только с одним «н» в сердёжке. Уложив свою акустику на колено, он ставил ногу на усилочек «Маршал» – тоже не из дешёвых. Словом, несмотря на ужасное исполнение, этот самоподок умудрялся зарабатывать и был вполне упакован. Как говорится – талант найдёт дорогу.

«Не обеднеет», – решил я, остро чувствуя, что не имею права на этот вывод. В груди ёкнуло, и так нехорошо, так туго забилось сердце – тяготила его моя идея.

Половина перехода осталась позади. Гитарные аккорды вперемешку с куплетами кружили по тоннелю, будто не умея выйти наружу. Вот и Ленон – шляпа, туфля на углу «Маршала», два звонких круглых блика, скрывших глаза. А кругом лица, нагретые испанским стыдом.

Всё-таки это гнусно. Какой ни есть – стоит, зарабатывает, а я черпну из его миски.

За секунду до того, как пробежать мимо и схватить из шляпы сотенную купюру – есть же меценаты – я оглушил совесть тупым, ватным «Молчать!» Стыд обдал меня после, когда я нёсся к метро, когда стоял в кассу, ожидая, что Ленон не поленится и догонит. Все это было после, а под-

хватив вялую бумажку, я был решителен настолько, что понял, как поступить – на ходу обернулся и кинул опешившему, умолкнувшему наконец Ленону:

– Я всё верну! Сегодня же!

Первый раз гитара молчала под сводом перехода.

Втиснувшись в вагон, я перевёл дух и заключил, что во всём виновата скотская работа. Раб, натурально раб – вечно обязан нестись сломя голову. Удивительно, как быстро подмяла жизнь. А представить год свободы от офисного рабства – сколько можно сделать за целый-то год! Ведь я талантлив, пусть в издательстве тянут с ответом – это ничего не значит.

Кажется, те же двери того же вагона распахнулись передо мной вечером, когда я приехал на свою станцию. Достав занятые на работе пятьсот рублей, я брёл к турникетам, и толпа обгоняла меня. Не хотелось... ох, не хотелось смотреть в глаза Ленону, хоть я и обеспечил ему четыреста процентов прибыли.

«Моральные издержки точно окупит», – оправдывался я и всё равно еле плёлся.

Народ потёк к автобусным останкам, а я спустился в переход. Потолочный свет дрожал, сквозняк гнал вдоль стены пакет из «Пятёрочки», поторапливая невидимыми пинками. За редкими прохожими блеснули кругляши очков, точно в глазах Ленона было по серебряной монете. Он и вечерами стоял там же – целый день этой скверной песни, с утра до ночи врать ноту за нотой. Однако музыки слышно не было, и не было обычной стойки с ногой на усилке – Ленон сидел на своём «Маршале», гитара примостилась сбоку. Я подошёл к нему в надежде поскорее отделаться, протянул влажную мятую купюру и прибавил:

– Добрый вечер.

Ленон изобразил удивление – тоже довольно фальшиво – и озвучил мои недавние мысли:

– Четыреста процентов прибыли.

За спиной, хрустя, пролетел пакет.

– Я сто рублей у вас утром взял, из шляпы, – добавил я по инерции. Шляпа сидела на голове Ленона чистенькая, ни соринки.

– Помню. Я эту сотку сам кладу – на удачу. Весь день о тебе думал, – вполне ласково поведал Ленон и слазил в карман пальто за конвертом. – Бери, не комплексуй. От чистого сердца и всё такое. А эту я на память возьму, – и он принял долг.

– Что там? – я невольно взял конверт, сходу открыл и обнаружил внутри пачку валюты толщиной пальца два – доллары, сотки.

– На год хватит. Ты ж офисный? Бежал к девяти успеть, – пояснил Ленон и указал на мой портфель – кожзам изрядно шелушился. – Портфель и офисная выправка с перспективой на остеохондроз, сразу видно – боец корпоративного фронта. Слушай, плюнь на работу. Дарю тебе один год, там хватит. Сделай что-то толковое. Ты вроде порядочный – это уже немало. Я тридцать лет назад песни сочинял, но жизнь подмяла, не до песен, словом, – и Ленон пустил взгляд вдоль безлюдного тоннеля, а затем глянул мне в лицо так, что я заморгал. – А у меня талант. Как есть говорю. Сейчас-то я трейдер, спекулянт, четыреста процентов сверху – мой минимум. Но это разве жизнь?.. В венах-то не цифры. Вот, снова играть начал. Народ спадёт – ухажу, биржа как раз горячая, и до семи – купи-продай. Потом опять сюда. Какая-то отдушина.

С полминуты он просидел молча, затем размял плечи и, не снимая шляпы, пролез в лямку гитары. Чистый, гладкий блик лёг по туфле, когда та встала на угол «Маршала».

– Ничего, мы растопим этот лёд, – заверил Ленон. – Никто не обещал, что будет легко. Топай и спаси себя. Всё-таки целый год.

Я буркнул «спасибо» и с конвертом в руке зашагал к лестнице. Когда в спину полетели первые аккорды, я прибавил шагу и зарёкся спускаться сюда – через площадь был другой вход в метро, на десять минут дольше, но лучше так.

Алексей АЛЕКСАНДРОВ

В начале было много,
И снегом было слово.
Поймаешь осьминога
И плачешь над уловом.

В лесу гуляют звери,
Реки белеет скатерть,
Рыб золотые перья,
Чернила каракатиц –

Ни вслух сказать, ни в тайне
Раскрыть бумажный веер.
Случайность не случайна,
Нет ничего вернее.

Идет битва под Москвой,
Бойцы которые сутки не спят,
Стволы орудий выплевывают стихи.
Бог войны суров, но справедлив.

Идеальное государство построено,
Докладывает Сократ,
Важнее всего учебный план.
Делай раз! – командует Платон.

Гимнастические упражнения под музыку.
Зачем нам подражание подражанию,
Вторая и третья кровать?
Дальнобойщики прорвались,

Алексей Александров родился в 1968 году в г. Александров, Владимирской области. Окончил физико-математическую школу и физфак Саратовского университета. Публиковался в журналах «Волга», «Воздух», «Знамя», «Урал», «Новый Берег» и др. Редактор отдела поэзии журнала «Волга». Автор нескольких книг стихотворений, в том числе «Возвращение торпед» (2021). Живёт в Саратове.

Дорога идет сквозь гостиницу,
Фары светят прямо в лицо –
Вспоминай, чему учили в школе,
Заряжай и целься.

Вчера была Олимпиада,
А завтра вновь была война.
И если суждено и надо,
Опять вернуться времена

Тавтологиического ада.
Идет священная волна,
Сметая на пути преграды,
Чтоб склеить из осколков сна,

Весь мир насилья не разрушив –
До основанья, а зачем? –
Театр для брошенных игрушек,
Фигурку ангела с мечом.

Медведю в сугробе снится пчела,
А рыбаков всё больше на льду.
По мосту едут дети в автобусах,

И до всего им есть дело –
Даже на каком языке говорят
Деревья в чужом вишневом саду

Или из чего делают кирпичи,
Если они поплывут по реке,
Когда проснутся пчела и медведь.

Дети слышат, как трещит лед,
Как капает с крыши над козырьком
Здания, куда их теперь везут.

Птица ходит вдоль берега и молчит.
Висит плакат «Купаться запрещено!»
Рыбы здесь давно уже нет.

В наших реках вода с газом.
Пьешь ее, вспоминая вкус детства –
Кронос с серпом, серебряное яйцо
В пустом дворце в магическом кругу

Полулюдей – который из них?
Кольца всевластья его фигуристов.
Подпрыгивай, крутись, словно волчок,
Никто не утащит тебя во лесок

Единогласных рук. Неправильные часы
В прямом эфире, гордые от стыда,
Пока стрекозы атакуют жуков,
Нефтяное озеро, лебедь со звездой.

Стоит только спичку – и вечный огонь.
Олимпийцы сражаются, дерево молчит,
Ласточка летит в открывшийся портал.
Пей до дна, если хочешь забыть.

Таксист меня учил политграмоте,
Мокрый снег мешал дворникам чистить стекло,
Перспектива была еле видна:
Будет трудно, но нам иначе нельзя

Поллюбить этот мир, не разрушив его, –
Говорил Субхан. Яндекс вел нас проулками,
Петля по карте как мартовский заяц,
В спину дышала голодная весна.

Люди мешками раскупают сахар,
Но уже и так сладко вспоминать,
Что было с нами сорок лет назад,
Пока не стали один за одним

Исчезать гости за длинным столом,
Где теперь сидит бледная тень
Величия его сказочной страны,
Утонувшей во мраке нового времени.

Невозможно отмолчаться,
Даже если замолчать,
Защищая домочадцев –
На двери горит печать.

Тьма египетская ночью,
Утром тот же хмурый день.
Примеряя шубу волчью,
Шапку заячью надень.

Желтый глаз у светофора,
Царь выходит из хором.
Стадион, поющий хором,
Просит каши с топором.

Саратов

Море пришло и затопило город
С его Лукичом на площади возле театра,
Обглоданного, словно огромный кусок торта,
Капризным ребенком из Дворца пионеров.

Море хлынуло из батальных картин
Радищевского музея и залило
Вечный огонь у памятника, а монетки
Так и остались на дне к удовольствию рыб,

В которых мы все превратились разом.
Палуба большого десантного корабля
Хорошо видна тем, кто стоит над схваткой
И любит цветом Азовского моря

Откуда-то сверху с немислимо белых,
Похожих на взбитые сливки, медленных облаков,
Слушает донесения птиц, выживших и вернувшихся,
Разговаривает с непреклонными деревьями.

«Найди на карте
Ближайший контейнер» –
Написано
На бутылке пепси.

Как дальше жить
Подскажет куар-код
Шпионам, как мы.
Мусорные баки

Переполнены.
Город у реки
Пахнет гнилью –
Рыбы надышали.

Темные времена,
Ясные инструкции.
«Береги планету!
Утилизируй правильно»

Страну искусственно состарили,
И дети учат назубок:
Блажен, кто в этом серпентарии
Распутать пробует клубок.

Пустое здание с колоннами,
Портрет, и плачущий всерьез
Дракон на похороны клоуна
Несет букет багровых роз.

Чье сердце кровью обливается
И кто клянется не забыть?
А мир шатается и валится,
В него непросто гвоздь забить.

Сезоны пишут латинскими буквами,
Псы-рыцари на дне озера
Отправляют эсэмэски на родину –
Память переполнена, надо стереть

Какой-нибудь город с лица земли
Или купить новый дачный участок
Где-нибудь подальше
От этой жуткой спецмузыки.

Сырые спички, но в небесах
Громяхают победные реляции,

Одноглазое чучело лисы
Говорит облезшему зайцу –

Солдаты красят траву,
Пока не нашелся главнокомандующий,
По слухам, он все еще на охоте,
Это его ружье ты слышишь во сне.

К далеким звездам улетевшие
Теперь ракеты возвращаются,
И космонавты уцелевшие
С Землей по радио прощаются.

А марсиане, подарившие
Нам пирамиды бесполезные,
Глядят на души воспарившие
Над полною молчанья бездной,

Идут к себе домой уставшие,
Не в силах убирать обломки –
Грехи отцов, на них упавшие,
Сдадут в металлолом потомки.

На другой стороне
Написано «нет войне»,
А нам видны
Только воронки,
Высохшие моря.

Сразу ясно, что там
Прошла спецоперация
И успешно закончилась.
Жаль, что некому
Праздновать,

Потому что все
Скрылись во тьме
И отвернулись
От Земли, смотрят
В сторону звезд.

остаются занозы сезамы фотографий

изнутри участвовать
в артикуляции бытия

длений
тление

так трогаешь тревогой темноту
не зная что каждый всегда покидает

при мысли о том какими мы были
на стадии законченного эскиза
вплетая очередное прошлое

случайные матрицы снов

даже торопливый взмах руки
с той стороны улицы

трудно быть
заземлённым
голос ландшафта течёт
теплом плюшевого медведя

у этих зарослей тишины

ранние советские самолёты в облаках
как ласковые собаки наших ног
мы созданы чтобы наблюдать
друг друга

пожилое седеющее море

чуть-чуть не такая древность
в шершавости не
сказанного

размеренная растерянность предместья
на краю нового
тактильного мифа

в резиновых криках сумерек

сравнивая молчание мутации растений теней стен

вещая магма
вещей лоцин

убегать без страха

когда замирает одышка сущего

вечерний мерцающий рим
ложится снег на тревогу

диссипативных структур
прежде чем глаз успеет
трепещущей толщей

саботаж самого себя

немного пьяно и слабо тревожно
несмотря на видимость тепла
спрятано зерно распыления я
между никогда не завершаемых трансформаций

проснувшись от удара в стекло
отполированным временем
между двумя способами
нарративной легитимации
в этих зияющих прожилках света
лампа исполняет саму себя

пропитаны тишиной и палёной пылью

* * *

вечером или в бесцветные дни
пустынничество стынувшей воды
сплав чудес неведомого праха
лучше в кинотеатр где-нибудь в центре
в муравьином кишени прошлого

отдалённость отделённости
где мерцает призрак тавтологий
открывая выжженные
глаза
трогая звон этого ветра

скажем небо
подвешенность оседающей освещённости
оттого что наступает маленькая зима
называя пространство евклидовым
вручая себя наугад

итак
какая-то жестяная женственность
при отсутствии времени
где всё пройдёт
водянистым розовым цветом

мятная укоризна (ви)тающих снегов
защищая парящее сжатие

лимфоузлы ничем не определены
немного синевы

серебряной пустотой
стремиться к центру стаи
пересказывать ветер

на заре человечества

вдыхая холодный воздух
тихо скользил в осень
как быстрое грузное небо
в одно из наших мгновений

в лоснящемся коридоре дня
на лёссовидных карбонатных суглинках
незавершённой своей белизны
черепя приглушённых ударов

забвение обнажает поверхности
прощайте прощания
лучше всего ранним утром
смутное жидкое припоминание
вздрагивая окраинами

скажи
скажи
всё твёрдое растворяется в воздухе
снег служит сну
и танцы раздевают слепоту

когда вернёшься

напоминая тавтологические заклинания

тело существует
ничем не становясь
хрустящий пласт тишины
субстанций

в направлении утопического времени
в игры запинаящихся тел
что-то вроде древовидных графов
внутри вертикального неба
приглушённые голоса напряженья

бархатясь в полусвете
рисовать себя левой рукой

водил бы гулять по утрам
как попало
в растворимом супе тумана

Александр ВЕРГЕЛИС

НАПАСТЬ

Рассказ

Он так и не понял, когда *она* появилась – до его пробуждения или после. Скорее всего, не до и не после, а где-то посередине, на размытой, едва различимой границе сна и яви, в этом странном промежутке, длившемся, быть может, долю секунды, но по его собственным ощущениям – целую жизнь.

Она сложилась как-то сразу, вернее, явилась ему уже готовой – не только основным мелодическим рисунком, но всей россыпью полутонов, всеми своими дивными переливами и ещё чем-то, чему он, никогда не учившийся музыке, не мог подобрать названия. Он долго лежал в постели с закрытыми глазами, с плотно заткнутыми ушами, раз за разом проигрывая её в голове, стараясь запомнить, боясь, что утренний свет и посторонние звуки сразу разрушат её хрупкое сложное тело, чем-то напоминавшее кристаллическую решетку.

Наконец он вынул пальцы из ушей, и мутная волна привычного утреннего шума, состоявшего из криков расшалившихся в соседней комнате детей, грохота мусорных контейнеров под окном и ровного гула моторов, доносившегося со стороны проспекта, ворвалась в комнату. Он поморщился, откинул одеяло и сел, ощутив подошвами прохладу паркета. Мягкий осенний свет, отфильтрованный полупрозрачными занавесками, ложился на серый холмик из скомканной рубашки, брюк и носков, на разбросанные по полу игрушки. В любое другое утро ничего, кроме уныния, вид этой неприбранной комнаты у него бы не вызвал, но теперь весь этот житейский хаос рождал в нём какое-то смутное и счастливое беспокойство. Это было сродни тем утренним пробуждениям, когда он, только что сдавший вступительные экзамены, оказавшись в блаженном двухмесячном просвете между школой и университетом, первым летом взрослой жизни просыпался в дачной мансарде от птичьего свиста и солнца, прожигавшего насквозь тюлевые, надутые нетерпеливым утренним ветром паруса. Благодарность за подаренное неизвестно кем существование и безотчётная приязнь ко всему существующему наполняли его в те минуты, и что-то подобное он чувствовал сейчас, сидя на диване, на сорок первом году жизни. Он понимал, что все дело в музыке, столь неожиданно родившийся в нем – или каким-то непостижимым образом в него вселившейся, как будто летевшей сквозь ночь из таинственных надмирных бездн и сбившейся с пути, перепутавшей улицу, город, страну, и по ошибке, вместо того чтобы навестить какого-нибудь профессионального сочинителя концертов для фортепиано с оркестром, попавшей в его немзыкальный мозг, где теперь лилась и расплескивалась бесполезно-прекрасными звуками...

А что если это не случайность? А вдруг он просто не подозревал о своём истинном предназначении, не догадывался о том, ради чего должен был жить? И уже вскоре он был почти уверен

Александр Вергелис родился в Ленинграде в 1977 году. Публиковался как поэт, прозаик и критик в журналах «Аврора», «Волга», «Звезда», «Знамя», «Дружба народов», «Нева», «Новая Юность», «Новый Берег», «Сибирские огни», «Слово/Word», «Урал» и других изданиях России и зарубежья. Лауреат премии журнала «Звезда» (2006), премии имени Беллы Ахмадулиной «Белла» (Верона, 2013), победитель конкурса имени Н.С. Гумилева (2017). Автор двух книг стихов. Живет в Санкт-Петербурге.

в том, что жить должен был именно ради этого, вот именно этого *чего-то*, бегущего невидимыми пальцами по невидимым клавишам, скользившего вместе с невидимыми смычками по невидимым струнам. Дети всё громче кричали за стенкой, из окна продолжал рычать мотором и греметь пустыми контейнерами мусоровоз. А где-то внутри неистовствовал длиннопалый, взъерошенный, расфранный пианист, улыбался, показывая ровные белые зубы, успевая поглядывать в зал, где из темноты на него смотрел единственный слушатель.

Он сидел, впевнившись обеими руками в волосы. Внутренняя музыка поднимала его и несла куда-то, потом вдруг роняла, но в последний момент подхватывала и несла снова... «Неужели это я? – думал он, дрожа всем телом. – Неужели это – во мне?» Вот так дожил до сорока, всегда занимался совсем другими вещами, и не знал, кем был на самом деле, проживая другую, постороннюю, чужую жизнь! Инженер-химик, продавец радиодеталей, менеджер по рекламе, верный муж, терпеливый отец... Он поднял голову и увидел горькую усмешку на небритом, слегка припухшем со сна лице в зеркале шкафа. Какой странной показалась ему вся его прежняя жизнь, какими глупыми – все его представления о жизни, с которыми он эту жизнь проживал! И Бог бы с ней, пусть бы и дальше продолжалась она, эта странная глупая жизнь, но пусть в ней было бы еще и это – хотя бы в виде тайного увлечения, которое возвышало бы его над каждодневной скучной суетой, над невыносимым шумом бездарно умирающих дней.

Но уж нет, какое там увлечение (он вскочил на ноги), тут надо на всю катушку, по полной программе! В конце концов, этим можно было бы жить, зарабатывать деньги, которых вечно не хватает, например, писать музыку для кино, ну или для эстрады – почему нет? Но сначала, разумеется, необходимо научиться азам... Отражение в зеркале шкафа вновь усмехнулось. Кривоногий лысеющий человек в семейных трусах и майке, разбуженный посреди жизни мечтой о карьере композитора... А почему, собственно, нет? Бывает ведь и не такое. Ему представилась сияющая телестудия, внимательные глаза усыпанной агатовыми родинками журналистки с канала «Культура», почтительно задающей вопросы, ловящей каждое слово, понимающе и благодарно кивающей. Как же это началось? Как вы пришли к этому? Как открыли в себе своё истинное призвание? Вы не поверите... Это было одним осенним утром, самым обычным утром, я только что проснулся и понял, что в моей жизни произошло нечто невероятное... Понимаете? Лежу я, пардон, на диване совершенно счастливым, а сам в то же время думаю, что надо идти на кухню – ха-ха – готовить детям кашу. Хотя овсянки осталось с гулькин нос, придется бежать в магазин... А дети в это время бесятся в детской... ну, детская – это чистая условность, у нас тогда была, знаете ли, двухкомнатная квартира, вернее, полуторакомнатная, так вот, я спал в одной комнате, вернее, полукомнате, с сыном, а жена – с дочкой, там же стояло старое мамино пианино... Нет, нет, к чёрту эти подробности, кому они интересны... О, ну что Вы, пожалуйста, рассказывайте! Журналистке действительно интересно, она волнуется, теревит родинку, с обожанием смотрит на него, написавшего ту самую, ту прекрасную, ту знаменитую... О, никогда не отчаивайтесь, верьте в себя, пробуйте новое! Помните: жизнь щедра на подарки! – это он уже под занавес, завершая интервью, вещает с мудрой улыбкой человека, который не испугался, сделал шаг навстречу судьбе и изменил свою жизнь.

Но хватит раскатывать губу, к чёрту, к чёрту эти пошлые хотения, оскорбляющие дух музыки, главное ведь не успех и тем более не деньги – главное ведь – бескорыстное служение, главное – сама музыка, в ней-то и заключается весь смысл, и важнее всего сейчас, в настоящий, так сказать, момент – удержать, сохранить в целости, не дать рассеяться тому, что жило в нём, что взывало к нему, требуя немедленного воплощения...

Он толкнул дверь. В детской был обычный бедлам: хождение колесом, стояние на ушах. А ну-ка хватит! Прекратить! Но попе захотел? Не трогай сестру! А ты его не провоцируй, тоже мне, недотрога! Мама придёт – всё ей расскажу! И – марш умываться!

Оставшись один, он прикрыл дверь. Озираясь, как вор, сел за дочкин «Красный Октябрь». С волнением поднял крышку. Указательным пальцем осторожно попробовал одну клавишу, тронул другую. С белыми всё более или менее понятно, но вот зачем эти черные? Пока дети в ванной, надо успеть подобрать основную тему, казавшуюся довольно незамысловатой, состоящей из

нескольких простых звуковых комбинаций. Та-там, та-там, та-та-та... Раскрытая пасть пианино дразнила его белозубым оскалом. Он с нарастающим нетерпением давил на клавиши, пробуя нащупать хотя бы приблизительную последовательность звуков – как будто подбирал код от чужой двери, за которой его ждала новая, настоящая жизнь. Нет, ничего у него не получалось – ни одного созвучия, хотя бы отдалённо напоминавшего музыку, продолжавшую тем временем торжественно греметь в его голове.

Он опустил крышку пианино, порывлся в школьном портфеле дочери, откуда выудил испачканную красной гуашью нотную тетрадь, какие-то потрёпанные учебники – математика, сольфеджио, английский. Всю жизнь он испытывал тайную неловкость из-за незнания нотной грамоты и плохого английского. Дочка – та ноты, конечно, знала, но «музыкалку» ненавидела всей своей пылкой девятилетней душой, мучилась завистью к брату, ходившему на шахматы и тхэ... черт бы его побрал, тхэксондо, но не из-за шахмат, конечно, завидовала, а потому что сама имела бойцовский характер и любила подражаться, и в кого она такая, непонятно... Можно было бы попросить её помочь, но как бы это выглядело? Папа, ты серьёзно? Зачем тебе это, папа? Полистав старое, засаленное, готовое рассыпаться у него в руках пособие по сольфеджио, он вдруг понял, за что дочка так ненавидит музыкальную школу. Чёрные глазки с хвостиками, напоминавшие головастиков или простейших жгутиковых из школьного курса зоологии, лепились на пяти горизонтальных линиях, дразнили его своими отростками, направленными то вверх, то вниз, сцеплявшимися вместе, образуя омерзительные в своей непонятности двойчатки, тройчатки. Неужели нельзя было придумать что-нибудь попроще, неужели нельзя записывать звуки как-то иначе – например, чтобы каждая нота имела свой отдельный значок – как буква, как число...

В ванной что-то со звоном упало на пол – скорее всего, это был металлический стакан с зубными щетками, вечно он падал с узкой полочки под зеркалом. Сразу после этого наверху включили перфоратор – казалось, стальное сверло медленно входило в его темя, пока он запихивал ненавистные тетради и учебники обратно в портфель. Это был заговор. Против него, против его музыки. Окружающий мир как будто задался целью заглушить своей торжествующей какофонией случайно прорвавшиеся к нему сквозь мировой хаос божественные звуки.

Накинув пуховик прямо на майку, он, не переставая проигрывать в голове основную тему, спустился в магазин – взять молока и овсянки, но у кассы выяснилось, что ни банковской карты, ни налички у него при себе нет, а уже возле подъезда обнаружилось, что нет у него и ключей. Пришлось долго звонить в домофон, ритмично издававший протяжные стоны, и когда, наконец, трубку взял сын, чей роботический голос был едва узнаваем сквозь хрип ветхой аппаратуры, металлическая дверь упрямо отказывалась открываться, приходилось звонить снова и снова... Жены дома не было, она с утра пораньше ушла «делать ресницы» (что, в общем-то, было не так уж плохо, потому что после ресниц у нее всегда улучшалось настроение, но сейчас это было совершенно некстати, тем более что от косметолога она обязательно пойдёт по магазинам – в хорошем-то настроении). Он долго стоял возле двери, заткнув уши, и ждал, пока, наконец, не вывалилась на улицу выгуливать свою болонку усатая одышливая тётка, которую он впервые в жизни рад был видеть – равно как и вечно сердитую её собачонку, пронзительный лай которой, однако, ещё долго звенел у него в ушах, когда он поднимался в скрипящем и стонущем, как будто смертельно больном лифте на свой проклятый седьмой этаж. Семь этажей, семь нот: до-ре-ми-фа... Там его снова ждал детский гам, усиленный врубленным (без разрешения) телевизором. Время от времени вступал перфоратор, от адского соло которого, казалось, должна была треснуть черепная коробка, а панельный дом развалиться.

Он сунул в карман банковскую карту, ключи и повторил попытку сходить за продуктами. Попытка оказалась удачной, но легкомысленно поставленное на плиту молоко сбежало, пока он снова тайком пытался приручить пианино. С трудом отскоблив с варочной панели жёлто-коричневую корку, он вытащил мобильник и набрал номер человека, которому не звонил уже целую вечность, и после короткой прелюдии, состоявшей из необходимых формальностей (как дела, как семья) перешёл к цели звонка, человека на том конце провода немало позабавившей. Мелодию

записать? Дочке надо? Слышал где-то, а найти не можешь? Да, да, да, не могу! Так ты поможешь? Ну слушай... Сначала пам-пам, пам-папам... Улавливаешь? Потом – пам-па-па-пам... Вспотев от напряжения и стыда, он попробовал напеть то, с чем проснулся сегодня, но получалось как-то не совсем так, как он всё это слышал в собственной голове, и он, ещё сильнее потев и заикаясь, неуклюже свернул разговор, не забыв передать привет семье, произнеся обязательную скорбную скороговорку о том, как редко они стали общаться, выразив надежду на скорую встречу и так далее, и так далее...

Он закрыл окно – чтобы было тихо. Посудой старался не звенеть, дверцами кухонного шкафа не хлопать. Из остатков молока и стакана овсяной перхоти получилась вполне съедобная каша. Пока она варилась, он пестовал своё сокровище, разраставшееся вширь, выпускавшее боковые ветви, уходившее корнями всё глубже в его измученный мозг. Это и радовало, и пугало: он понимал, что чем сложнее, ветвистее дерево звуков, тем труднее будет его удержать в памяти, не говоря о том, чтобы записать...

Вернулась с ресницами жена, она была в хорошем настроении и что-то всё время говорила ему, рассказывала о чём-то, а он молча кивал, кивал, пытаясь одновременно слушать своего внутреннего пианиста, больше всего боясь потерять тайную связь с ним. Потом позвонил тесть – долго и скучно рассказывал о дачных делах, о необходимости вовремя поменять летнюю резину на зимнюю, затем как-то незаметно переключился на свою любимую тему, на «хороший алкоголь», понизив голос (чтобы не услышала жена, которую он неизменно обозначал словом «моя»), вдохновенно говорил о превосходности испанского хереса и чудовищности любого другого, особенно крымского, делился гастрономическими открытиями, советовал не мешкая приобрести в таком-то, известном одному ему месте такой-то вермут и ни в коем случае не брать такой-то, а ещё обязательно попробовать разбавить такой-то коньяк кока-колой в такой-то пропорции, и всё это говорилось уже в тысячный раз, и только природная деликатность, а точнее мягкотелость слушателя позволяла длиться всему этому кошмару.

День был трудный, как все выходные – их он втайне недолюбливал, предпочитая проводить время на работе, которую тоже, впрочем, не жаловал, но из двух зол, как говорится... Часы показывали половину первого. Выпив чашку некрепкого чая, он вдруг хлопнул себя по лбу и вскочил со стула. Решение было найдено: мелодию следовало записать голосом, просто напеть на телефон – хотя бы основную тему. Ну а потом – постепенно освоить всю эту китайскую дочкину грамоту и навсегда удержать при себе, пригвоздить к линованной бумаге с помощью всех этих булавочек и крючочков, именуемых нотами.

Он включил запись и в ту же секунду застыл в оцепенении.

Она исчезла. Её больше не было. Разбудившая его сегодняшним утром музыка перестала звучать. Он заткнул уши пальцами, сосредоточился, но снова проиграть мелодию в голове больше не смог. Что-то там у него внутри произошло, что-то сломалось, что-то захлопнулось, и разом прекратился весь этот громоздкий концерт, бушевавший в нём всеми своими скрипками, валторнами, тарелками и ещё множеством инструментов, названий которых он никогда не знал, но еще несколько минут назад внутренним слухом различал звучание каждого в его неповторимой звуковой особенности. Он заперся в туалете – единственном месте, где мог хотя бы несколько минут побыть наедине с собой. Но и там, в относительной тишине, нарушаемой разве что журчанием воды в бачке, эхом спорящих женских голосов с верхнего этажа и приглушенными криками детей, музыка не возвращалась.

Он долго не выходил. Жена осторожно постучала, спросила, всё ли в порядке, а когда, наконец, лягнула защёлку и дверь открылась, озабоченно потрогала влажный горячий лоб мужа, сказала, что у него совершенно больной вид и ушла искать градусник. Он добрёл до комнаты, лёг на диван, повернулся лицом к стене, и долго-долго лежал с открытыми глазами, чувствуя себя совершенно несчастным человеком.

Лариса СОНИНА

БЕЛОЕ И ЛИЛОВОЕ, ТЕМНЫЕ КАМНИ

Милые шхеры, серые небеса,
Белое и лиловое, темные камни...
Когда зацветает весна, колосится сосна,
Думаешь о празднике в марте.
Ходишь как в рясе в длинном пальто,
Думаешь всё о любви,
Напрочь забыв об известности.
Вглядываешься не туда, шепчешь не то,
И пропадаешь в забытой местности.
...О, эта тяга к аэропортам пятидесятих –
Бежевые колонны,
Хриплый диспетчер – прилёт-отлёт,
И все ещё живы,
И страшно красивы –
С косами вокруг головы,
В кирзовых сапогах,
и коротких юбках.

Мой грушевый пирог на самом деле из яблок,
Мое сердце остановилось и снова пошло.
Очень хочется завести чижику или зяблика,
Чтобы клевал, летал, иногда бился в стекло.
Птичкой божией чтоб окликали его с того света,
С этого – чтоб называли ангелом дня.
Груши, яблоки, ветки, дожди минувшего лета –
Ощечечены будут и рассказаны для меня...
Эта повесть из перышек и дождинок –
Простая на самом деле – как кухонная доска.

Лариса Сони́на родилась в Павловске Алтайского края, окончила Уральскую государственную юридическую академию и аспирантуру, кандидат юридических наук, доцент. Работала преподавателем, юристом и журналистом. Автор нескольких книг стихов и прозы. Публикации в журналах «Урал», «Волга», «Воздух», «Графит», «Уральская новь» и др. Лауреат (2017) и дипломант (2019) международного фестиваля-конкурса «Русский Гофман» (Калининград), дипломант международной премии им. Б. Ручьева (Магнитогорск). Живет в Екатеринбурге.

И просвистан, прощелкан, из сердца вынут,
Птичий рай, знакомый до прозрачного волоска.

Никогда не знаешь, кто едет с тобою
В соседнем вагоне метро...
Кто поможет тебе перейти
Из старого дома
В другой старый дом.
...И далекая выйдет родня
С рыжими вместо седых,
И скажет: просторно, просторно тебе,
Приходи, не журись, потеснимся.

Служивший у Колчака
Человек со смешной фамилией Черепахин –
Застрявший в Сибири, казалось, навечно –
Слушает венский вальс.
Ах, эта Урало-Сибирь!
Ах, эти студенты сороковых –
Их много, они недостаточно молоды
И неприлично высокомерны.
Они побывали в Германии,
Вот только не в Геттингене –
В берлинском апокалипсисе.
Теперь ничего не боятся
И смотрят с веселым прищуром...
Танцевать с аспиранткой Машей
(Маша была радисткой)
На годовщину Октябрьской революции.
Мечтать о возвращении в Питер
Или даже на родину – к белокрыницким вишням –
Только мечтать, проходя по вечному бездорожью
Вечной уральской улицы Малышева...
Думать о Колчаке,
Радоваться, что догадался
Перейти к красным...
А потом вдруг взять и уехать,
Обосноваться в Питере,
Через несколько лет умереть счастливым...
А потом его именем назовут кафедру в ЛГУ –
Это как символ маленьких радостей,
Прижизненных и посмертных.

Мне рассказывал старый опер:
– Ночь, зима, за маньяком погоня.
Бегу по составу из грузовых вагонов.
Он стреляет дробью, попадает в плечо.
Я тоже в него стреляю.
Потом, когда состав замедляет ход на подъёме,
Он прыгает, я за ним...
Ударяюсь я головой о шпалу
(Хорошо, что дерево, а не бетон).
Охает где-то внизу, под насыпью –
Сломал ногу.
Ну, помощь я ему оказал.
Через неделю ездил
В командировку в Пермь.
Возвращаюсь, теряю сознание на вокзале,
Увозят в больницу.
Затылок разбит, под кожей кости ходят туда и сюда.
Готовятся пункцию брать.
Медсестра держит за руку и говорит:
– Не бойтесь, не бойтесь,
Будет все хорошо.
...Кажется, было давно,
В прошлой жизни, которой не стало:
Полоса вечернего света,
Кавказский мальчик под простынёй.
Крепко сжимая ладонь, говоришь:
– Хорошо, будет всё хорошо...
...А потом уходить, исчезать
В полосе вечернего света,
В чьих-то снах
Гурией побывав.

Антон БОТЕВ

ЧЕТВЕРТЫЙ СЛОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Не помню в подробностях, но если в целом, то дело было так. Я вернулся домой обессиленным, но живым; меня ранили в ногу, и ходить было не очень приятно, хотя рана почти зажила. Дома я в основном спал сколько хотел и читал давно забытые (или не законченные) книги, как будто в первый (или на самом деле в первый) раз, с детским ощущением нетерпеливого ожидания того, что будет дальше, и пониманием, что читаешь самую прекрасную книгу в мире.

К сожалению, скорость такого способа восприятия информации конечна, и я иногда захлебывался чтением. Тогда приходилось выныривать в так называемую реальную жизнь.

В одной из книг рассказывалось о мальчике, которого старая бабушка ведет откуда-то домой, а ведет она его домой потому, что по пути его подстерегали бы разнообразные опасности, такие как другие мальчики, бродячие собаки, насильники-педофилы, похитители детей для целей получения выкупа или распродажи на органы, распространители наркотиков, которые дают первую дозу бесплатно, например, в виде конфетки, а потом подсаживаешься так, что готов все отдать за следующую, в общем, мало ли опасностей подстерегает маленького мальчика, возвращающегося домой. Бабушка была ему неродная, в красном или, скорее, бордовом пальто, путешествие даже в ее присутствии было полно опасностей и приключений, например, от собак мальчика не спасла бы и бабушка, правда, собаки участвовали во всей этой опасности лишь фоном. Книга была от лица мальчика, и я как бы смотрел на все события его глазами, и вспоминал похожие вещи: вот в детстве между аптекой и пятнадцатой школой, когда я возвращался из поликлиники, или, может, с остановки четвертого троллейбуса, меня остановили два парня и приказали выкладывать все деньги. Нет денег, сказал я. А если найдем, сказали пацаны. Попрыгай, сказали пацаны. Спасла меня аналогичная бабушка в бордовом пальто, а может, в сером плаще. Или некий старшеклассник после уроков вывел меня на стадион возле пятьдесят третьей школы и сказал: «Соси». Сначала я не поверил, что он хочет, чтобы это происходило на стадионе прямо перед школой, но он был серьезен и очень зол. И тогда я поверил. Сейчас я понимаю абсурдность его приказа, может быть, он хотел меня просто напугать. В общем, я спасся и тогда, все-таки по стадиону ходило довольно много других учеников, не все разделяли перверсии моего мучителя. Ничего страшного тогда снова не случилось: у меня было счастливое детство.

Читая эту книгу, я все больше убеждался, что автор описывает мой город, и даже, вероятно, мой район. Во всяком случае, было очень похоже. Например, по пути *туда* (куда именно – это одна из тех подробностей, которые я как раз не помню) мальчик с бабушкой проходили мимо парка с обкорнанными статуями или какими-то другими украшениями, потому что парк только обустраивался, хотя я не помню, чтоб в то время парки обустраивались, скорее, парки тогда разрушались (можно списать это на художественный вымысел, или же это была как раз та стадия разрушения, которая похожа на обустройство). Статуи были похожи на Венер Милосских (только конечности были не отломаны, а сошли на нет постепенно, как будто раньше они были гигантскими леденцами, и кто-то их обсосал), а обитые досками деревья напомнили мне заготовки статуй или украшений, напомнили мне обитые досками деревья в Петровском Парке, когда мы рыли там

окопы. Окопы рыли, а о деревьях заботились. Так или иначе, на пути туда парк напоминал театр военных действий, а на пути обратно он был уже отреставрирован, и статуи стояли во всем своем великолепии. В частности, восстановленные Венеры Милосские держали в мускулистых руках полагающиеся им весла. Мальчик с бабушкой увидели этот парк (во второй раз) непосредственно после того, как прошли мимо двух подозрительных мальчиков, которые стояли около аптеки, и я внезапно понял, что аптека – это та Аптека, около которой меня пытались ограбить в детстве, а те два мальчика ограбили бы и героя книги, если бы с ним не было бабушки. Все совпадало, кроме того, что вместо парка в здесь находилась коробка возле сорок пятой школы. Там я посещал секцию хоккея с шайбой и даже однажды зимой забил гол.

Постепенно узнав в описываемом городе свой, в героях я тоже узнал своих, но уже не постепенно, а разом, всего-то и нужно было поместить их в знакомые декорации. Мальчик был мой знакомый, Алеша, а бабушка в бордовом пальто – подруга, как она себя называла, моей мамы, а на самом деле никакая не подруга, а приживалка. Она, бывало, ночевала у нас, выпрашивала у мамы всякую старую одежду, безошибочно приходила в гости к обеду или ужину, или даже завтраку, и так далее. Прозвище «Подруга» прилипло к ней. Все в доме постепенно привыкли к Подруге и воспринимали как свою, я же, как вернувшийся недавно, еще не воспринимал ее как свою, но тоже привык. Или, наоборот, не привык, но воспринимал как свою. Что-то одно из двух.

В итоге Алеша и Подруга, испытав множество приключений и опасностей, благополучно добиваются домой. Но их ждут новые опасности и приключения, потому что в школу (или в поликлинику) нужно ходить если не каждый день, то хотя бы регулярно, и жить и вообще существовать нужно, к сожалению, регулярно. В книге парадоксально утверждалось, что реальная жизнь – на самом деле замечательная штука. На этом месте я в очередной раз вынырнул в эту самую реальную жизнь и вышел на кухню чего-нибудь пожевать. На кухне как раз тусовалась Подруга, и я наудачу спросил ее:

– А где Алеша?

На что она вздрогнула и довольно испуганно сказала:

– А я его послала по поручению.

– По какому поручению?

– Ну, по поручению.

– Куда ты его послала по поручению.

– Ну, туда, к многоэтажкам.

– К каким многоэтажкам?

– Ну, возле бани.

– У него же нога, как он так далеко пошел?

– Ну он сам хотел пойти, у него друзья там, говорила ему не идти, но он говорит, нет, говорит, друзья у меня на площади Лепсе, мне с ними обязательно надо. Вот и ушел к друзьям куда-то.

– А что за поручение?

– Ну он говорит, не надо ли чего-нибудь, я ему и дала поручение.

– Да какое поручение-то?

– Ну, поручение.

Больше от нее ничего добиться было нельзя, и я пошел за Алешей. Остальным как будто было наплевать, что хромой мальчик ушел куда-то к баням. Я понятия не имел, что Алеша был здесь и что у него болит нога, я вообще сказал о нем наугад, под влиянием книги, но никто не удивился моим вопросам, из чего я заключаю, что, может быть, что-то проспал или пропустил. Так, в принципе, могло быть, я довольно редко выходил из своей комнаты. Только, как упоминалось, пожрать или в туалет, но поскольку ел я мало, то и в туалет ходил редко.

– Ну пошел и пошел, – сказала мама. – Чего ты. Как пошел, так и вернется. Тоже мне.

Я знал место, куда предположительно отправился мальчик Алеша. Это если спускаться от площади Лепсе по улице Лепсе вниз, с левой стороны. Там действительно неподалеку бани, рядом

стоит девятиэтажка (при этом о ней в знак уважения говорят во множественном числе), а вокруг гаражи. Гаражи представляют собой как бы распределенный исток (или устье, с какой стороны смотреть) Троллейбусного переулка, места как будто бы вневременного, оставшегося неизменным примерно с пятидесятих годов двадцатого века, с такими же вневременными обитателями и нравами. Там живут и всегда жили какие-то совершенные автохтоны, которые никогда не выжираются наружу; с другой стороны, и снаружи к нам мало кто рискует отправиться. Гаражи – это пограничная зона, если долго блуждать между ними, можно выйти на Троллейбусный, никогда не с первого раза. Непонятно, кто обитает в этих гаражах, наверно, промежуточные люди¹.

Генри Дэвид Торо написал как-то: «Во время своих долгих странствований я объездил весь Конкорд». В то время население Конкорда составляло две тысячи человек. Во время долгого пути до многоэтажек я прошел примерно два Конкорда (но учтите, что Торо было легче, у меня все-таки нога). Чтобы дойти до многоэтажек, нужно пройти по улице Мельникова, с правой стороны одноэтажные домики, из которых один, правда, выделялся своей двухэтажностью, а слева забор детского сада, когда-то с дырками между штакетин, потом сплошной, но все равно деревянный, как Московский Кремль, а потом сплошной и не деревянный (и опять-таки как Московский Кремль, но не каменный), а железный и выкрашенный синей краской. С этим детским садиком связано мое первое в жизни воспоминание о плохих людях. Эти плохие люди были плохими потому, что *нарушали*, а как конкретно нарушали, я еще не знал. Мама с папой (который тогда не пил, т.е. пил умеренно) работали в детском саду сторожами, поскольку не было денег, а мне было ли три года? Не уверен. Помню пятна зелени, пятна солнца, мама с папой тоже в виде пятен выходят со мной вместе на улицу и выгоняют людей, которые нарушают. Люди были почему-то не в виде пятен. Наверно, сидели на веранде и выпивали, или, может, нюхали или кололись. Звуки были в виде пятен, даже не могу сказать, агрессивные или нет. Приятно думать, что а вдруг я тогда спас их от смерти, как они потом спасли меня, каждый по-своему, несколько раз? Например, мелкие бандиты, решая свои мелкие бандитские дела на детской веранде, увидели, что к ним вышла молодая пара с маленьким ребенком, а не злобная старуха, и не стали их убивать (что непременно случилось бы в случае мерзкой сторожихи), а просто убрались подобру-поздорову. Таким образом, часть своего долга перед ними я покрыл бы заранее.

Далее, пересекши улицу Гайдара, я встретил во дворе пятиэтажки карлицу с собакой или двумя собаками. Эта карлица выглядела в точности как та карлица, ее мама, которую я видел в детстве, только, пожалуй, ростом побольше, а та, в свою очередь – в точности как третья карлица, ее мама, опять же с неизбежной пренебрежимо малой поправкой на рост. И все они всегда ходили с собачкой или двумя собачками, и у каждой был муж нормального роста, только вот если рождалась дочка – она всегда была карлицей, почти не отличимой от матери, с указанным незначительным отличием в росте и внешности. Внешность карликов ничтожна по сравнению с их ростом и, например, полом, то есть, я хочу сказать, для людей обычного роста карлики одного пола неразличимы, если разница между ними во внешности не является какой-то уж совсем невообразимой. Та карлица (средняя, если считать по поколениям) меня (ребенком, мне уже было лет семь) знала, но никогда со мной не здоровалась, а эта меня помнить никак не могла, потому что меня не было в городе пятнадцать лет, но все равно кивнула как знакомому. Возможно, для карликов все люди нормального роста тоже на одно лицо.

Далее путь лежит мимо ряда двухэтажек по улице Крутикова, бывшей Мориса Тореза, во время моего школьного детства опрятных внешне (мы даже жили в одной из них, когда у нас был ремонт; помнится огромное количество рыжих тараканов), но теперь почерневших, со следами пожаров, с разбитыми стеклами, с чащами непролазных кустарников вокруг. При всем том внутри кто-то живет. Раньше мир был оттенки серого, голубого и розового; потом как будто крутану-

¹ Подробнее о Троллейбусном переулке, его обитателях и вообще топографии города (в том числе которая упоминается дальше) см. в серии очерков «Основы кировского акцента», «Волга», №9-10, 2021; а о промежуточных людях см. эссе «Лимитрофный человек», «Волга», №10, 2014.

ли резкость, переходов почти не осталось; с наступлением войны резкость выкрутили до предела, и осталось, в общем, всего два цвета. Так и здесь, хотя здесь вроде не бомбили. Между участками черноты и трущоб все-таки осталась светлая тропинка, по которой я шел; но свернуть с нее так, чтоб не залапаться, очень сложно, если вообще возможно. Кто живет в этих домах – бог весть: неблагополучные элементы, наркоманы, шпана, осуществляющие тихую экспансию лимитрофные обитатели Троллейбусного переулка.

Если свернуть с Крутикова (бывшей Мориса Тореза) на Большева (бывшую Солидарности), то, пройдя по ней, выйдешь к улице Лепсе, на другой стороне которой и находятся означенные Подругой многоэтажки. По пути я не видел ничего подозрительного, а так как я хромал и шел медленно, у меня было время осматриваться: ни Алеши, ничего. Вообще мало народа, но есть, конечно. Было два мальчика, похожих на тех, что могли бы отнимать у детей помладше деньги, но, боже мой, у всякой подозрительности должны быть свои границы.

Подходя к девятиэтажке, я увидел на крыльце ее подъезда мужчину с инвалидной коляской. Он не сидел в этой коляске, и сам ни в коем случае не имел инвалидного вида, а стоял рядом и пытался запахнуть ее в узкий проход. Я подошел со своей больной ногой и помог мужику. Говоря по совести, мне или даже Алеше эта коляска пригодилась бы больше. Мужик посмотрел на меня и сказал:

– Болит? – имея в виду мою ногу.

– Ну да, блядь, конечно, болит, – сказал я, безотчетно, видимо, желая своим «блядь» показать свои страдания и вызвать сочувствие, чтоб меня посадили в колясочку. Мои ухищрения, конечно, запоздали, коляска уже стояла в отведенном ей месте. А мужик стоял в отведенном ему месте и курил. Он протянул мне сигарету.

– Спасибо, – сказал я, и мысленно добавил: «Хоть что-то».

Мы стояли и курили.

– Оттуда? – спросил мужик.

– Да.

– Я тоже.

– И я.

– Спасибо, что помог коляску приладить; теперь наконец-то смогу книгу написать.

– Чего?

– Ну, коляску затолкали. Все сделали, что нужно было, теперь ничего не мешает, наоборот, теперь все как надо.

– В смысле?

Мужик докурил и ушел, не ответив. Я не очень понял, что он имел в виду. То ли у него время освободилось, то ли он каким-то образом моделировал реальность, чтобы потом списать ее с натуры. Не понял.

Прошел во двор многоэтажки. Там сидел на скамейке необыкновенно тучный человек и вдумчиво выпивал. Увидев меня, он обрадованно сказал:

– Благословение небес, что ты пришел!

– Чего? – сказал я.

– Благословение небес тебе, говорю! Хорошо, что ты пришел.

– Почему?

– Потому что теперь ты увидишь своего мальчика. Если б ты не отправился в путь, чтобы его спасти, ты бы его не спас, и никогда бы больше его не увидел. Но теперь увидишь.

– Это не мой мальчик.

– Ну какая разница. В широком смысле твой.

– В широком смысле мой, – согласился я.

– Ну вот видишь.

– Откуда ты знаешь? – сказал я.

– Что знаешь?

– Про мальчика.

– Смотри, – сказал он. – Есть минимум четыре слоя реальности. Первый – это что показывают Алеше, что он видит. Ты не имеешь об этом слое точного представления, но приблизительное да. Ты читал о нем в книжке, ты видел мир его глазами. Кое-что ты, может быть, помнишь в виде пятен.

– Так, – сказал я.

– Второй слой – это что на самом деле происходит с Алешей.

– То есть то же самое, что первый слой?

– Нет. Он был уверен, что он идет к своим друзьям и что бабка дала ему Поручение. Но нет, все было совершенно не так. Никаких друзей не было, то есть были, то есть и есть, но не здесь и не сейчас. Бабка на самом деле дала ему поручение, но это поручение не привело бы его ни к чему хорошему, совершенно ни к чему. Привело бы, наоборот, только к плохому. Мальчику показывали одно, а вели его совершенно к другому, в ловушку его вели. Но не довели. Ничего, может, в следующий раз. А может, и нет. В общем, вам всем дико повезло, что ты решил за ним пойти.

– А что бы с ним случилось?

– Я даже не хочу говорить.

– Ну а все-таки?

– Ну ты оглядись вокруг, может, поймешь.

Я огляделся вокруг. Вокруг были гаражи, голуби, серость, многоэтажка, ветер, выпивающий толстяк (с которым я как раз беседовал), пустая детская площадка, общая пасмурность, чахлая растительность, в общем, все как обычно. Небо чистое, насколько я мог судить.

– Возможно, я тебя и понимаю.

– Ну вот видишь. Еще раз поздравляю тебя, ты молодец.

– Спасибо. Погоди, а ты кто?

– Я эти слои формирую. Не спрашивай, не поймешь.

– Инфлюэнсер?

– Не спрашивай, сказал.

– Ладно, а третий слой реальности?

– Третий слой реальности, – важно сказал толстяк, – это то, что показывают тебе. Конкретно то, что я лично тебе рассказываю и показываю. Тебе же показывают больше, чем твоему парню, согласись?

– Да, больше, – сказал я. – А четвертый слой, соответственно...

– А четвертый слой – это то, что происходит с тобой на самом деле, естественно! Надеюсь, ты же не думаешь, что ты видишь все, что *на самом деле происходит*?

– Ну да, мне, как тому мальчику, показывают совсем другое...

– Да! Но у тебя есть возможность увидеть и этот четвертый слой. Не просто увидеть, а почувствовать, осознать, короче, понять. И знаешь, что для этого надо сделать?

– Что?

– Для этого тебе надо вернуться и пройти путь, пройденный этим мальчиком, ну, то есть и тобой, шли-то вы одним путем.

– У меня нога.

– Послушай, мудила, – сказал мне толстяк. – Твой мальчик уже в безопасности, он дома, ты молодец, ты сделал все, что мог. Вы разминулись потому, что он возвращался мимо ДК «Родина». Ты молодец. Ты действительно молодец. Ты же мог вообще не выходить из дома и читать книжку о том, как восхитителен реальный мир, или общаться с родными. Понял?

– Понять-то я понял...

– Точно так же ты можешь не делать еще один круг. Только в том случае, если ты хочешь этот четвертый слой увидеть. Никто тебя не заставляет, понял нна?

- Понял.
- Ну и вали.

И толстый человек демонстративно отвернулся от меня и продолжил выпивать из пакетика.

Нога страшно болела. Сначала она не болела, но от долгого пути заболела. Я, подобно Дэвиду Генри Торо, объехал весь свой город. Ну, не весь, конечно, но существенную его часть. Ну что ж делать, подумал я, все равно идти домой, там решим, идти сюда снова или не идти.

Я обошел многоэтажку и направился домой мимо ДК «Родина». Еще одна из подробностей, которую я не помню, развернулся я в сквере при упомянутом ДК или раньше, у магазина на Солидарности (ах да, ныне Большева). Важен факт того, что я развернулся и пошел обратно: обойду еще раз дом, решил я, посмотрю на этот его четвертый слой. Толстяк нигде не говорил, что нужно проходить *весь* путь.

По пути снова встретил карлицу с собакой-двумя, не знаю, из какого поколения. Не знаю, кивнула бы она мне или нет, если бы заметила – а так просто не заметила. Не могу отметить, что это было совсем другое место, чем в первый раз.

У многоэтажки снова увидел на крыльце мужика с коляской, снова ему помог.

– Болит? – спросил меня мужик.

Я не ответил. Во-первых, он и так знает, что болит, а, во-вторых, видно же, что болит.

– Оттуда? – спросил мужик.

– Да.

– Я тоже.

– Я знаю.

– Раненых пристреливали, – сказал мужик. – Чтоб не задерживали остальных.

Докурил и ушел в подъезд.

Я дохромал до двора. Там был тот же тучный человек, только теперь он по пояс врос в землю и вид имел не совсем живой, но и не мертвый, скорей, как статуя, типа Головы в «Русlane и Людмиле», только не по шею, а по пояс. Уже не выпивал. Возможно, держал в руке зонт, чтобы укрываться от дождя (начался ли дождь – это еще одна подробность из тех, что я не помню, но, во всяком случае, было пасмурно и он все время собирался). Вот видишь, сказал он мне, вернее, промолчал он мне, или, может быть, это только я так подумал, вот видишь, вот и четвертый слой. Я подошел ближе.

– И какой он, твой четвертый слой? – спросил я. – Кроме Подруги ты и карлицу мне послал? Она же всегда была, я помню. И мужика с коляской? Что он за книгу пишет? Может, ту самую, в которой мальчик возвращается с бабкой домой, лучшую книгу в мире? О том, как прекрасен этот мир, посмотри? Как прекрасен этот мир?

Толстяк молчал, только ветер шевелил его седые волосы.

Я не знал, что мне делать дальше. Чуть ли не бегом (насколько позволяла нога; а скорей, вприпрыжку) я снова обошел многоэтажку. Мужика с коляской на крыльце уже не было. Во дворе же было все то же самое: двор, гаражи, дождь, неподвижный толстый человек по пояс в земле, превратившийся уже, скорее, в деревянную грубо вытесанную скульптуру на детской площадке (или он и был таким). Конечностей не было, как будто этот мужик был когда-то леденцом, и кто-то его обсосал. Тишина, и только ветер свистит в проводах.

И как мне добраться до дома с такой ногой, совершенно непонятно.

Анна ГАЛЬБЕРШТАДТ

КОНИ-АЙЛЕНД

Дневник психотерапевта¹

Наяна

В нью-йоркском социальном агентстве для новых американцев нас приняла ведущая по трудоустройству Фиона Берковиц, дама средних лет в серой юбке из добротной шерсти и в кофте с вышивкой, как у тирольской крестьянки, на груди. Подобные наряды в Москве я рассматривала у своей свекрови, в журнале *Burda* и каталоге *Spiegel*. На встречу мы явились всей семьей – ребенка какая-то дама увела к себе в соседний кабинет. Мама страдала болезнью Паркинсона в уже тяжелой форме, а отцу на момент иммиграции было шестьдесят четыре года, еще вполне плодотворный возраст для ученого, нейрофизиолога, профессора, преподававшего все биологические дисциплины в Вильнюсском университете на двух факультетах, биологическом и медицинском. Переводчика нам не дали, поскольку мой уровень владения языком после английской спецшколы зашкаливал по меркам агентства.

Я чувствовала большую ответственность за родителей и ребенка, и вину перед папой, который оставил любимую работу и студентов ради меня. В Вене я сказала родителям, что в Израиль не поеду, несмотря на маминых родственников, поселившихся там уже более десяти лет тому назад. Сын мой был по отцу русским, я не знала, какое там будет к нему отношение и, конечно же, боялась армии для него. О том, что Саша был евреем на правильную половину, я понятия тогда не имела. Кроме того, я выросла в Вильнюсе, относительно небольшом городе, и представляла себе Израиль как глубокую провинцию, где бабушки из Жмеринки и Каменец-Подольского лузгают семечки, сидя на лавках, и обсуждают соседей. Правда, это же происходило и в Москве на Профсоюзной, когда я возвращалась с лекций в МГУ, бабушка мужа Мария Николаевна строгим голосом мне говорила: «Вот Авдотья Никитична сказала: а что же это ваша невестка с мной не поздоровалась?»

А я и понятия не имела, кто такая была эта Авдотья Никитична и как звали остальных теток на лавке возле подъезда.

Служащая поглядела на папу, пролистав папку с его делом, и сказала: «А вам, мистер Гальберштадт, устроиться на работу в вашей области тут также невозможно, как мне стать балериной!»

Я похолодела, представив, как у папы случится инфаркт на месте, и даже не стала переводить ему слов Фионы, а пробормотала что-то обтекаемое.

¹ Имена в тексте в основном изменены автором.

Анна Гальберштадт-Комар – поэт, переводчик. Член Американского ПЕН-центра. Автор нескольких поэтических сборников на русском и английском языках, вышедших в России и США. Родилась и выросла в Вильнюсе в семье ученого, профессора биологии Вильнюсского университета. С 18 лет жила в Москве, где получила образование психолога в МГУ. С 1980 года живет в Нью-Йорке. Работает психотерапевтом, преподает и консультирует. Муж – художник Виталий Комар, один из основоположников соцарта.

Удача

В следующий раз Берковиц приняла меня одну. Пролистав мой диплом с вкладышем психфака МГУ, она сказала, что название предмета «этология» написано неправильно – нужно «этиология». Я объяснила ей, что этология – это наука о поведении животных, которую нам преподавал профессор Фабри. Поглядев на мое резюме – младший научный сотрудник в Институте психологии Академии педагогических наук и психиатрическая больница имени П.П. Кащенко, на документ с отметками по сдаче кандидатских минимумов и т.д., она вздохнула и сказала мне: «Вы образованная девушка, но в Америке многие студентки работают официантками в ресторанах. Вы тоже можете попробовать. Пройдет время, и как-нибудь я встречу вас на улице, вы будете одета как леди, и будете работать по профессии». Взглянув на очередной наряд Фионы, я, одетая в юбку, сшитую в Доме моды, где моя свекровь обшивала дам из московского высшего света, и в шелковую блузку, купленную за десятку на рождественской распродаже в римском Бенеттоне, про себя пробормотала: «Да я и сейчас больше похожа на леди, чем вы, миссис Берковиц, с вашим провинциальным вкусом».

Одна из сотрудниц агентства, симпатичная дочь немецких евреев, бежавших от Гитлера, предложила мне курсы машинисток, на которых я, левша, пишущая правой как курица лапой, стала учиться. В то же время я искала любую работу. В ресторане менеджер, сочувственно поглядев на меня, исхудавшую за время иммиграции, сказал, что я не похожа на девушку, которая будет с легкостью таскать тяжелые подносы. В рекламном агентстве человек, который сказал, что я со своей внешностью подойду для реклам европейских продуктов, объяснил мне, что для этого нужно портфолио со снимками профессионального фотографа, на которое у меня, конечно же, не было денег, и попытался обнять меня за талию.

Моя американская тетя Нина, папина кузина, оказавшаяся в Америке в конце сороковых, преподавала русский язык и литературу в Нью-Йоркском университете, но при этом употребляла такие обороты, как «сегодня мы имели хороший диннер». Когда я ей сказала, что волнуюсь по поводу трудоустройства, она ответила мне по телефону:

«Анечка, ну кто же летом работает? А почему бы тебе не выйти замуж? Например, за какого-нибудь католика-итальянца?»

«Почему итальянца, тетя Нина?», – спросила я в недоумении.

И тут произошло чудо – женщина, которая заверяла копии документов в Наяне, американский адвокат, сказала мне: «Вы психолог и хорошо говорите по-английски, Моррис Блэк как раз ищет психолога для работы с русскими. Давайте я ему позвоню».

И в тот же день я отправилась на встречу с Моррисом, который заведовал клинической работой в агентстве, сети клиник и программ психического здоровья, как оказалось, самом престижном в Америке, где преподавали все звезды тогдашней психиатрии и психоанализа.

Моррис позвонил какому-то мистеру Поллаку, и тот тут же назначил мне интервью в клинике в Кони-Айленд, районе южного Бруклина, неподалеку от Брайтона, где уже поселились тысячи иммигрантов из совка.

Интервью

На дворе был жаркий и влажный нью-йоркский июль. Моя единственная в Нью-Йорке московская подруга Любка предложила в день моего интервью заодно съездить на пляж. Тем более что клиника находилась буквально через дорогу от аквариума в Кони-Айленд. Я взяла с собой купальник, надела один из двух летних нарядов, которые у меня были (уезжали мы в ноябре), и села в метро с Любашкой. На пляже мы проголодались и купили пару пирожков – пуэрториканских эмпанад с мясом. Начинка оказалась острой, и вскоре у меня забурлило в животе.

Клиника находилась в одноэтажном здании бывшей конфетной фабрики Бономо. В темном кабинете сидел мистер Поллак, нестарый грузный директор клиники, который, поговорив со

мною, сказал, что пригласил на интервью русского коллегу. В офисе появился Боря Ланда, кудрявый, улыбающийся, знакомый студент со старшего курса на психфаке, сын Марии Соломоновны Неймарк, у которой я на четвертом курсе писала курсовую работу. Оказалось, что он был автором заявки на грант, в которой говорилось о необходимости оказания психологической помощи новоприезжим русским. В этом проекте он уже и работал вместе с другим психологом – полькой, но она недавно перешла на другую работу.

Борис пригласил меня в свой кабинет после интервью и объяснил, что психотерапия дело нехитрое и волноваться не стоит. «Главное – не б(здеть)!»

Клиника

Клиника находилась в районе новых домов, неподалёку от Трамп-Виллидж, района дешёвых кооперативов с магазинами и кафе, выстроенного отцом будущего американского президента. В самом здании бывшей конфетной фабрики не было окон. Среди кабинетов психологов мистер Бономо, который приносил в клинику конфеты для секретарш, сохранил и свой кабинет, в котором он изредка встречался с таинственными гостями. В Кони-Айленд присутствие итальянской мафии было очевидным. Эти товарищи заседали в итальянском ресторане «Гарджулио» и в дай-нере «Эль Греко» в соседнем районе Шипсхед Бей. В эти заведения мы иногда ходили с сотрудниками по праздникам или отметить чей-то день рождения.

Среди сотрудников была симпатичная кубинка Тереза и молодой резидент-психиатр Гриша из Баку. Тереза писала диссертацию по психологии, а Гриша в свободное от работы и учебы время исследовал нью-йоркский мир большого секса. Жгучий брюнет Гриша был разведен, встречался с юношами, после свиданий с которыми у него нередко пропадали деньги или часы, и пытался определиться в своих сексуальных предпочтениях. Быть просто геем в то время он был еще не готов.

Каждый день Борис с Гришей играли в шахматы в одном из кабинетов. Боря мне как-то сказал, делая легкую зарядку в своем кабинете, что весь цикл его жизни проходит в офисе. Иногда он сильно опаздывал на работу после того, как накануне резался в карты со своим приятелем, тоже из диссидентов, Валерой Челидзе. Пациенты уже ждали его в приемной, когда он появлялся в клинике в неглаженной рубашке и с лучезарной улыбкой на лице. Секретарши, которые его обо-жали, обычно покрывали его и извинялись перед пациентами сами. Остальные сотрудники были американцы, которые лечили туземцев.

Одна из американок, Женя, была из семьи русского происхождения, но по-русски уже не говорила.

Лучи хужи такжи

Одного из психиатров звали доктор Эдвард Кремен. Возможно, фамилия произошла от слова кремень, он, работая с нашими пациентами, даже пытался выучить несколько фраз на русском. Встречаясь с русскоязычной больной, которой я переводила, он задавал ей вопрос: «Миссис Борухова, как ви – луче, хужи или такжи?»

Эта пациентка, иммигрантка из Азербайджана, была в глубокой депрессии после смерти мужа. Она вернулась в Нью-Йорк к сыну из Калифорнии, где у них с мужем был ресторан. Каждый раз на вопрос доктора, который пытался подобрать ей препараты, она неизменно отвечала: «Хуже».

После девятого визита, когда она снова ответила: «Хуже», доктор открыл дверь кабинета и воскликнул: «Миссис Борухова, пожалуйста, покиньте кабинет, я не в состоянии вам помочь!»

Я попыталась объяснить доктору, что на самом деле пациентке лучше, она живет и жизнеспособнее, и что ее слова связаны с культурными стереотипами. Она не может признаться себе или домашним, что ей лучше, потому что потеряет внимание и заботу сына и невестки. Доктор при-

думал для нее задание, которое должно было вернуть ей ощущение нужности и самооценку. Когда она описывала блюда, которые готовила в своем ресторанчике в Калифорнии, доктор попросил ее приносить ему что-нибудь на пробу, когда она будет приходить на визиты. Некоторое время мы все с удовольствием апробировали пловы с курагой и шпинатом по-бакински и другие амблимансы миссис Боруховой в нашей столовой, где за круглым столом сотрудники поедали свои нехитрые сэндвичи в ланч. К сожалению, миссис Борухова окончательно вылечилась от депрессии.

Эдипус-шмедипус

В клинике работали американские психологи и социальные работники, а осенью пришли интерны из Колумбийского университета – три парня и одна девушка в очках с толстыми стеклами. Среди сотрудников были Дэйвид Роджерс и Энн Смит. Оба американские евреи, хоть у Энн и была фамилия Смит и курносый носик, явно продукт пластической хирургии, потому что у остальных членов ее семьи, кудрявых брюнетов, на фотографиях были нормальные шнобели. В столовой, где мы ели ланч за круглым столом и болтали, Дэйвид, как и все молодые психологи, проходящие психоанализ, жаловался на свою мать. «Представляете, я встретил девушку, мы встречаемся, и я просто без ума от нее. Привел на обед к маме, а она после обеда мне говорит с кислым лицом, что у моей девушки осанка не очень, скажем прямо. Тут меня просто затрясло, осанка, видите ли, у нее не устраивает мою маму!»

По мере прохождения терапии молодые психотерапевты часто начинали также походить на Фрейда все больше – отращивали бороду, заводили трубку и твидовый пиджак.

Дэйвид пока что находился на стадии бороды.

Менструация

Клиника была на втором этаже: а под нею находился кар-сервис «Луна-парк» и дели – магазинчик деликатесов, куда мы захаживали заказать сэндвич. Как-то я зашла туда в перерыве между пациентами. В магазинчике громко играла музыка.

«Это кто же поет?» – спросила я хозяина Зяму.

«Шуфутинский! Как, ты не знаешь Шуфутинского?»

«Не знаю!»

«А ты что, на Брайтоне в ресторанах не гуляешь?»

«Не гуляю».

«А где же ты гуляешь?»

Продавщицы, которая обычно делала сэндвич, за прилавком не было уже минут пятнадцать. Простояв еще пять, я спросила Зяму, как же мне получить мой ланч.

«Она себя плохо чувствует. У нее болит голова!»

«Я понимаю, но у меня перерыв между пациентами, и я спешу».

«Так я скажу тебе правду – у нее менструация!»

Тут я уже взорвалась и сказала, что прихожу к ним купить свой сэндвич, и про свою менструацию на работе никому не рассказываю.

Вернувшись в клинику, я пожаловалась коллегам, которые «ланчевали» за круглым столом. Что тут на меня полилось! Они мне стали хором рассказывать, как их обсчитывают внизу и как они жалеют меня за то, что я работаю с русскими пациентами. Особенно с Соней Розенблум, от которой за версту пахнет луком.

Киллер

Как-то в клинике раздался звонок. Звонили из тюрьмы и спрашивали, нет ли в клинике психолога, говорящего по-русски. Меня соединили с тюремным служащим.

«Доктор, у нас тут есть один русский заключенный. У него упадок сил и депрессия. Можете ли вы поговорить с ним?»

Трубку передали русскому.

Раздался хриплый голос: «Доктор, у меня страшная депрессия. Я тут совсем один. Дети меня не навещают».

«А что же вы сделали? Почему вы в тюрьме?»

«Доктор, я сделал хомисайд». Далее были слышны только рыдания.

Как оказалось, товарищ зарубил топором свою жену. На почве ревности.

И дети почему-то не хотели его навещать.

Русские

В клинике работал Эд, статный и красивый черный мужчина лет сорока, бывший джазовый музыкант и ветеран вьетнамской войны. Он был на все дела мастер – чинил, развозил на велосипеде почту и беспрестанно шутил со мной и говорил, что у меня кожа неправильного цвета, а то бы мне пришлось обороняться от него. У Эда была пара детей, таких же красивых зеленоглазых мулатов. И ему беспрестанно звонили женщины.

«Смотри, Эд, ведь какая-нибудь из них тебя застрелит!» – дразнила я его.

«Типун тебе на язык!» – отшучивался Эд.

Перед еврейской пасхой русским иммигрантам в округе еврейская благотворительная организация выдавала пособие на праздник – двадцать пять долларов.

Эда ставили сторожить входную дверь, чтоб ее не сломали толпы жителей Брайтона – среди них дородные дамы в норковых шапках и каракулевых шубах, привезенных из Одессы.

Мои американские коллеги дивились рвению.

Как-то среди просителей оказался древний американский еврей. Эд спросил его: «А вы тоже русский иммигрант?» Старичок с гордостью ответил: «Да, меня привезли в Америку ребенком, в тысяча девятьсот втором году!»

Мария Соломоновна

Когда Борис уехал в Канзас-Сити к жене, американке-психологу, которая родила второго ребенка, я уговорила его маму, Марию Соломоновну Неймарк, у которой училась и писала курсовую работу, прийти работать в нашу клинику. Мария Соломоновна, или Муся для семьи и друзей, была уже известным ученым, доктором наук, с книгами, переведенными на разные языки, но она согласилась. Она была известна своими фрейдистскими работами по мотивации школьников, где доказывала наличие разной, часто создающей внутренний конфликт, мотивации на сознательном и бессознательном уровнях, когда детям предлагали получать очки в соревнованиях за коллектив или индивидуально. Еще она создала термин «аффект неадекватности» – состояние, когда уровень притязаний человека не совпадает с уровнем его достижений.

Надо сказать, что после пяти лет в Америке английский Мусе не очень давался. Ее муж, Лев Наумович Ланда, тоже известный ученый, занимался психологией обучения, в том числе и языкам, и стал международным консультантом с собственной фирмой. Он ей без конца говорил, что язык она изучает неправильно, он у нее не продвигался.

С Марией Соломоновной, которую в клинике звали просто Марией, мы очень подружились за восемь лет совместной работы. Поскольку моя мама тяжело болела, и я уже со студенческих лет занималась ее лечением, делиться с ней своими невзгодами я никогда не могла, страшно боялась ее расстроить. А Муся стала очень важным для меня старшим другом, проницательным и мудрым.

Культурные особенности

После отъезда Бориса мне достались его пациенты и более ста папок практически без записей. Директор клиники Кен ворчал и говорил, что вместо штата Миссури Бориса нужно было бы заслать в Сибирь за такую документацию.

В те годы в клинику иногда приходили русские иммигранты в поисках ортопеда, зубного техника, некоторых посылали к нам их врачи-терапевты, не обнаружив у них соматических проблем. Детей направляли школы. В отличие от советской системы, где родитель мог прийти в школу и попросить ее, или пионерскую, или комсомольскую организацию повлиять на ребенка, в Америке школа посылала родителей с проблемным ребенком к психологу. Американцы давали русским родителям понять, что воспитание – это функция семьи, а не школы.

Родителей это часто приводило в недоумение. Более того, телесные наказания были у нас в Америке запрещены, и ребенок в синяках или царапинах мог пожаловаться учителю, который звонил в организацию по защите детей, и оттуда посылали социального работника навестить семью на дому. Русских родителей это страшно возмущало – они говорили, что их тоже в детстве наказывали, и только к лучшему, и что Америка воспитывает Павликов Морозовых.

Многие нам говорили, что сами они психологи, например, проходили курс такой в пединституте. И вообще, мы частенько слышали фразу: «В психологию я не верю!»

Мария Соломоновна на это отвечала: «Ну и не верьте! Это не религия, лучше расскажите, зачем пришли». Среди мужчин нередко попадались пациенты такого типа, которых знакомый психиатр Валерий Сагаловский называл «Главный специалист по всем вопросам».

Брайтон-Бич

Клиника находилась в южном Бруклине, буквально минутах в пятнадцати ходьбы от знаменитого Брайтона, который американцы прозвали Маленькой Одессой. Авеню Брайтон-Бич располагалась под линией метро, которая проходила над улицей. Она была застроена красными кирпичными домами, в которых после войны жили американские евреи, потом они разъехались кто куда, и до приезда иммигрантов из СССР, в основном одесситов, Брайтон был в относительном запустении. Кроме пары старых заведений – лавочек, где продавали кныши, польские картофельные пирожки с разнообразной начинкой, и кошерного молочного кафе, ничего не было. А на набережной, которая простиралась дальше в Кони-Айленд, был увеселительный парк с аттракционами, аквариум и продавали знаменитые кошерные хот-доги фирмы Нейтанс. На противоположной стороне улицы были развалы – там продавалось все – мебель, лампы, картины.

После приезда русских Брайтон ожил. Открылся книжный магазин «Черное море», несколько ресторанов – «Кавказ» и «Приморский», и ночной клуб «Националь».

Надо сказать, что, несмотря на тяжелые первые годы иммиграции, народ, приехавший из серого совка, спешил приодеться. Наряды посетителей ночного клуба были неописуемы – черное платье с золотой парчовой лентой через плечо, как на портретах вельмож, блёстки и стразы, на одной девушке под белой водолазкой был фосфоресцирующий бюстгальтер. Двухлетние дети бегали в маленьких сюртучках и фраках. В общем, народ наконец-то построил светлое будущее в духе Феллини. Дольче вита!

В ночном клубе пели близнецы – хорошенькие молодые женщины в курдючках, а в перерывах публика танцевала под «Стюардесса по имени Жанна, обожаема ты и желанна...»

Посетители заказывали музыкантам песни в честь именинников: «Нателла и Борис поздравляют Резо с первой годовщиной рождения и дарят родителям их любимую песню “Тбилисо”». Или: «Сейчас Олег вручит Карине обручальный ингейджмент ринг! Ура!»

Мы иногда ходили с нашими американскими коллегами на Брайтон отметить чей-то день рождения. Как-то мы с новой сотрудницей испанкой зашли в ресторан «Кавказ» в будний день,

в два часа дня. Там было пусто – только за одни столом сидели участницы еврейской женской организации Хадасса. Они тоже что-то отмечали, и на подиуме для них исполнял «Майн идише маме» певец. Мы с Терезой сели за маленький столик. Бойкая официантка нам заявила, что у них минимальный заказ – на двадцать долларов.

В те времена можно было съесть ланч в кафе за пять, а в пиццерии кусок пиццы и кока-колы стоили в общей сложности два семьдесят пять.

«Почему двадцать? – спросила я. – Разве к вам очередь ломится?»

«Ну, десять», – сказала официантка и принесла нам лобио и сациви.

Американские пациенты

Через несколько месяцев работы в клинике директор Кен Поллак сказал мне, что он впечатлен моими диагностическими способностями и собирается направить ко мне американских пациентов. Я запротестовала, ссылаясь на недостаточно свободный для психотерапевта английский, ну, и акцент. Кен сказал мне, что эта проблема «у меня в голове» и предложил мне сходить к своему шринку, если я нервничаю.

Моей первой пациенткой оказалась миловидная брюнетка Злата Эль-Кардауи. Она, как и многие пациенты с пограничным расстройством личности, входила в кабинет с бумажным стаканчиком кофе в дрожащей руке, невроз исходил от нее, как аромат ядовитого цветка.

Мать Златы, родом с Западной Украины, потерявшая родителей во время войны, каким-то образом выжила и попала в Америку юной девушкой. Школы она не закончила, но в Америке работала на фабрике, вышла замуж и родила Злату. Эта малограмотная женщина из религиозной семьи осталась вдовой, и Злата с юности воевала со своей тревожной и контролирующей мамой, которая еще помнила русский и говорила по-английски с тяжелым акцентом.

Мужем Златы был египтянин Мустафа, которого она встретила в какой-то дискотеке.

Мама чуть не покончила с собой, когда ее Златка решила выйти замуж за араба. Мустафа после брака предложил Злате сделать женское «обрезание» – резекцию клитора, как у всех женщин в его семье из северного Египта. Услышав анамнез этой новой пациентки, я подумала, что перенос по Фрейду в этом случае будет отличный.

И сказала новой пациентке: «Вы наверняка думаете, как же вам не повезло – не хватает вам сложностей с вашей “русской” мамой и мужем из Египта, так и в клинике вас направили к русско-му психологу».

Мафия

В те годы присутствие итальянской мафии в Нью-Йорке еще было вполне заметным. Она прочно засела в строительном и санитарном профсоюзах, в итальянских ресторанах сидели типажи как из сериала про мафию «Сопрано». Сотрудники клиники захаживали в ресторан «Гарджулиос» в Кони-Айленд по пятницам. Как-то один из этих широкоплечих итальянцев в двубортном костюме, увидев меня, сказал: «Вы похожи на молодую Элизабет Тейлор...» – и икнул.

Одна из моих пациенток, болезненно толстая молодая женщина Джинни, рассказала мне, что ее отец был личным шофером Крестного отца, главы одного из мафиозных кланов. По ее рассказам, она была жертвой сексуальных домогательств папаша и на нервной почве объедалась сладостями, успокаивая себя. В то время Джинни уже весила около трехсот фунтов, но пользовалась успехом у мужчин, посещавших клуб общества «Fat Beautiful American Woman». Как правило, эти мужчины были черные, арабы или индусы.

Еще один пациент, совершенно параноидный молодой человек, считал, что его преследует мафия, после того как он по просьбе какого-то мафиозо передал небольшой сверток другому, в типичном американском дайнере под названием «Эль-Греко» в районе Шипсхед Бей. Произошло это лет пятнадцать назад, но Денни Коллавицио продолжал скрываться в полной уверенности,

что за ним следят, и его пожилые родители тоже были вовлечены в эту бредовую идею. Это был уже не folie a deux, а folie a trois.

Хороший мальчик

Как-то в клинику направили родителей пятнадцатилетнего подростка, который был пойман полицией с друзьями, когда они выламывали радио из чужого автомобиля. В те времена их часто крали. Родители мальчика пришли вместе с ним. Женя, который в Америке стал Юджином, сидел в приемной рядом со своей девушкой. Родители прошли в мой кабинет и уселись. И мама, и папа получали пособие по безработице, но как-то не были похожи на безработных. На папе был кожаный пиджак и ковбойские сапоги, на маме римские сандалии на шнуровке, как у гладиаторов, и шелковая кофта, расшитая люреком.

«Я понимаю, что вы на пособия, но чем вы занимаетесь на самом деле?» – спросила я у родителей. Папа ответил, что у него медальон¹, и он водит лимузин, у мамы оказался свой косметический салон. Оба родителя были в недоумении от происшедшего и объясняли мне, что произошло недоразумение.

«Юджин, – говорили они хором, – очень хороший мальчик. Он учится и после школы подрабатывает у отца на бензоколонке».

Родители даже подарили ребенку, у которого еще не было водительских прав, на предстоящее шестнадцатилетие папин старый автомобиль.

«Так проблем у него никаких нет?» – спросила еще раз я, – вы всем довольны?»

«Ну, – сказала, мама, – мне не очень нравится его девушка, я бы не хотела, чтобы он на ней женился!»

«Да что вы волнуетесь, – ответила я, – они же еще дети, им по пятнадцать лет!»

После беседы с родителями я пригласила Юджина одного, без девушки. Стала расспрашивать его про то, как он проводит время. Женя рассказал, что ходит в школу, хотя иногда прогуливает, учится весьма посредственно, потом подрабатывает на бензоколонке.

«А что ты любишь делать в свободное время, какие у тебя хобби?»

«Я люблю гулять в русских ресторанах».

«А как часто ты это делаешь?»

«Каждый вечер после работы».

«А когда ты домой попадаешь?»

«Как придется, часа в три ночи, иногда в пять».

«Вопросов больше нет», – сказала я.

Эдипов комплекс

Ко мне на терапию пришел новый пациент, восемнадцатилетний парень, иммигрант из Москвы, который страдал приступами паники и был в депрессии после недавней смерти отца. Отец был инженером, мама преподавала русскую литературу до иммиграции. У Сережи был еще старший брат, который учился в колледже и подрабатывал там сторожем.

Сережа, стройный и сероглазый, был хорош собой, и наши секретарши строили ему глазки.

А брат Петя был похож на маму – широкоплечий и полный. Мать тоже очень переживала потерю. Она стала очень тревожной, и когда сыновья отправлялись погулять с друзьями или на свидание, у нее поднималось давление, и они часто возвращались домой, чтобы не расстраивать маму. А к младшему сыну Сереже она даже заходила в спальню по ночам в своей прозрачной ночнушке, проверить, все ли в порядке с ребенком. У Сережи, несмотря на успех у девушек, от-

¹В Америке медальон на лимузин означал, что водителю принадлежит его машина; в русских газетах были объявления – продаю лимузин с медальоном, продаю медальон на лимузин (*Прим. автора*).

ношения с ними не клеились. Одна девушка ему вроде бы нравилась, но, когда отношения стали более интимными, он заметил у нее прыщи на спине, и как-то охладел. С другой тоже интимные отношения не получались. Сереже нравилась Оля, но Оля уже была обручена с другим и собиралась замуж.

Как-то Сережа обнаружил в доме фотографии мамы, до пояса обнаженной, сделанные когда-то отцом. И он привык мастурбировать, разглядывая эти фотографии, что в конце концов и привело его в терапию.

После встречи с мамой я постучала в кабинет Марии Соломоновны и рассказала ей историю этой семьи. Решили направить Надежду Петровну на лечение к Марии Соломоновне, чтобы несколько переставить акценты в семействе, где братья никак не могли отделиться от мамы.

Мария Соломоновна побеседовала с Надеждой о ее жизни, браке, иммиграции, постигшем ее горе и о сыновьях.

«Надежда, вы еще молоды и вполне привлекательны, хватит вам горевать, пора бы вам и подумать, как устроить собственную жизнь, – сказала ей Мария Соломоновна. – Вы слишком зафиксированы на сыновьях, особенно на Сереже».

И она рассказала ей про Эдипов комплекс.

Надежда выслушала ее и ответила дрожащим голосом:

«Я интеллигентный человек, Мария Соломоновна, как-никак преподаватель русской литературы, и про Эдипов комплекс я всё понимаю, но поверьте, в нашей семье такого никогда не было!»

Замужняя женщина

Как-то позвонили в клинику, попросили навестить семью из Одессы, у них произошла невероятная история. Тринадцатилетнюю девочку выдали замуж за пятнадцатилетнего наркомана. Какой-то раввин вроде бы обвенчал их, но не поставил своей подписи под брачным свидетельством. Зато сыграли свадьбу в одном из русских ресторанов на Брайтоне. Через некоторое время кто-то сообщил в службу по защите детей, что шестилетний брат Риммы стал жертвой сексуального насилия – ее так называемый муж вовлек ребенка в сексуальные игры втроем с Риммой. Шестилетнего Толю отправили к матери, и обязали родителей отвести ребенка на лечение к детскому психологу.

Мать Риммы жила в прожекте, доме для неимущих. Нечесаная, в халате и с сигаретой, свисающей из уголка рта, она мне рассказала, что отец ее детей окончательно спился и никакого участия в судьбе семьи не принимает. Семейство живет на пособие по безработице, и Римму она отдала замуж, потому что выживать семейству было трудно.

Меня вызвали в качестве свидетеля-эксперта в семейный суд в Бруклине. В случаях, когда родители не справлялись с несовершеннолетними детьми, суд по просьбе родителей брал на себя роль опекуна ребенка.

Когда я пришла в суд, Альбина, мать Риммы и Толика уже сидела в зале ожидания. Рядом с ней сидела пара – молодой нагловатый парень и с ним несколько потерявшая девушка с ярким макияжем, лет под тридцать. Оказалось, что эта молодая женщина и есть Римма.

Суд решил направить Римму в интернат – резиденцию для трудных подростков в Вестчестере, где с ними работают психологи, и также они посещают школу. Эта школа входила в сеть терапевтических школ и клиник моего же агентства.

Через четыре месяца меня снова вызвали в суд в роли эксперта. Против мужа-наркомана было заведено уголовное дело. С Толиком работал детский психолог. Римму, которая, по словам судьи, неплохо училась и завела себе друзей, привезли в суд сотрудники терапевтической школы-интерната. Я не сразу узнала ее, вместо молодой ярко накрашенной женщины передо мной стояла девочка-подросток с волосами, перехваченными резинками с пластмассовыми божьими коровками, в два хвостика, в майке и джинсах. Напряженность сошла с ее лица, Римма легко была затерялась в толпе школьников, галдящих по дороге в школу.

Агорафобия

Моя пациентка, немолодая американская еврейка Джуди, с кислым выражением лица, не выходила из дому одна уже семнадцать лет. Приступы паники и боязнь покинуть дом без сопровождающего появились после смерти ее матери, с которой у нее были тяжелые отношения. У Джуди была взрослая замужняя дочь и внуки, которые жили в Квинсе. Муж Джуди Роберт работал в финансовом отделе банка и занимался налогами. У Джуди была хроническая депрессия, днём она убирала квартиру, готовила и смотрела телевизор, а выходила из дому, только когда возвращался домой муж. Он возил ее по магазинам и по врачам.

Антидепрессанты и психотерапия не очень помогли Джуди. Она чувствовала себя одинокой, покинутой невнимательными членами семьи. Дочь недостаточно часто ее посещала, подруги звонили редко, и Джуди в последнее время стала злоупотреблять сладким и полнеть. Муж на семейной сессии полусушня сравнил Джуди с еврейской мамой из анекдота – она дарит сыну два галстука, красный и синий. Сын приходит к маме на день рождения в синем галстуке. Мама обиженным тоном говорит: «Сынок, так я и знала, тебе не понравился красный!»

Через несколько недель Джуди угодила в больницу из-за осложнений, вызванных ее диабетом. Пришлось ампутировать большой палец на правой ноге. Я решила навестить Джуди в больнице. Как ни странно, она была в гораздо лучшем настроении, чем обычно.

На столике рядом с ее кроватью стоял букет розовых гвоздик и лежала пачка открыток с выражениями сочувствия от друзей. Джуди с улыбкой сказала мне, что и дочь, и подруги навещают ее почти каждый день, Роберт приезжает каждый вечер, и что она уже не помнит, когда она получала столько внимания.

«Ф» трейн

Голос Уиллиса Конновера, который вел джазовую передачу по Голосу Америки, был хорошо знаком московским любителям джаза. Передача всегда начиналась с энергичной мелодии Дюка Эллингтона «Take the A Train». Я ездила на работу в Бруклин с двумя пересадками из Астории, района Квинса, через Манхэттен, где я на 34-й улице садилась на экспресс-линию Ф, а потом, уже в Бруклине, часто пересаживалась на остановке Кингс-Хайвэй на другой поезд до авеню Нептуна. В конце 80-х в Нью-Йорке был эпидемия крэка, дешевой и очень токсичной версии неочищенного кокаина, в городе поднялась волна ограблений, пачками умирали от наркотика подростки из нищих районов. По поездкам бегали и прыгали, орали, кружились вокруг металлических столбов в вагонах метро черные и «латинос» подростки с расширенными зрачками. По утрам, когда народ ехал из окружающих районов на работу в Манхэттен, я ехала в противоположном направлении, и после остановки Кинг-Хайвэй в вагоне оставались всего лишь несколько пассажиров. Часто, когда я отрывалась от своей газеты «Нью-Йорк Таймс» и поднимала глаза, чтобы не пропустить свою остановку, я застывала при виде мастурбирующего пассажира, сидящего напротив или стоящего у дверей. Попадались мужчины всех рас и национальностей, включая даже одного хасида в лапсердаке. Как-то весной, когда я спускалась по лестнице с открытой остановки поезда на остановке Авеню Нептуна, на меня сзади набросился черный парень, и я упала на землю. Слева от дороги под мостом был заросший лопухами пустырь, справа автомобильная стоянка. Дорога вела к улице, на пересечении виднелся ресторанчик Макдональд. На этой дороге я и лежала, в то время как напавший на меня схватил меня за шею и, порывшись, стал душить. На мне была тоненькая цепочка, и через плечо был зонтик, привезенный из Италии, на ремне. Я пыталась кричать, но из моего горла не раздавалось ничего, кроме сдавленных звуков. В какой-то момент напавший вдруг отпустил меня и с ремнем от моего зонтика через плечо ушел петляющей походкой.

Я думаю, его спугнул прохожий. Не помню, как я добралась до клиники, которая была всего в трех кварталах, но когда я вошла туда, бледная, в разорванной блузке и с растрепанными воло-

сами, я обнаружила, что все десять ногтей на моих пальцах сломаны, и из пальцев сочится кровь. Видимо, я с такой силой отрывала руки грабителя от своего горла.

Я так и не поняла, чего хотел напавший, он ведь не взял ничего, кроме ремня от зонтика. Потом я прочитала в газете, что в районе Кони-Айленд какой-то преступник за последние недели задушил нескольких проституток. Директор клиники пошел со мной в отделение полиции, которое было в конце Вест 8-й улицы, в квартале от клиники. Там мне показали два толстых гробсбуха с фотографиями преступников и спросили, нет ли среди них напавшего. На фотографиях были черные или испаноговорящие ребята от семнадцати до двадцати, в кепках, с афро, с бритой головой или косичками, в кожаных куртках или майках, и все они были на одно лицо. Единственный человек, которому я рассказала, что произошло, был мой бойфренд Робин, американский адвокат. Я поехала к нему, напилась чаю и вырубилась на диване, с головой на его коленях, пока он по телику смотрел «Касабланку». Рассказать про это дома мне было некому – я не хотела расстраивать большую маму и тем более пугать родителей и девятилетнего сына своим растерзанным видом.

Кевин

У нас лечились дети из многочисленных прожектов, домов для неимущих в Кони-Айленд. Эти черные и испанские подростки дрались в школе, не слушались учителей, плохо учились, иногда это были молчаливые и упрямые депрессивные дети, которые за сессию произносили несколько слов. Мать одного из них, у которой было четверо детей от разных мужчин, на вопрос, кормила ли она Джереми грудью, ответила, что не кормила. На вопрос почему, она ответила: «Как-то мне это не понравилось...»

С ее двенадцатилетним сыном Кевином я играла в шашки, пытаюсь его разговорить, но Кевин мог угрюмо молчать все сорок пять минут, не говоря ни слова. И я про себя думала: «Бедный ты бедный, Кевин, ну, какой же у тебя шанс на нормальную жизнь? Вот дадут тебе в твоем же прожекте в руку пакетик ребята постарше, чтоб ты его доставил по адресу за десятку, а потом еще раз, вот ты к восемнадцати годам и попадешь в такой же гробсбух с фотографиями в каком-нибудь полицейском участке. Разве визит к психологу на сорокапятиминутную сессию может противостоять твоему окружению?»

Я несю ответственность за революцию

В клинику пришла молодая женщина из Брянска. Она жаловалась на то, что у нее периодически отнимались ноги. И тогда она не могла ходить. Чувствовала слабость во всем теле и туман в голове. Ольга ходила к нескольким врачам, и те не могли поставить ей какой-либо диагноз, поэтому послали к нам. Отец Ольги был еврей, а мать русская. Оля закончила пищевой институт, но по специальности не работала. Устроилась продавщицей в букинистический магазин и нашла себе компанию из отъезжантов. Оля мне объяснила, что кто-то из друзей ее рассказал, что евреи сильно способствовали победе Октябрьской революции в России, и Оля почувствовала страшную вину перед Россией за своих если не предков, то просто евреев, которые погубили Россию. От переживаний у нее начались перебои в сердце и стали отниматься ноги. На заседании клиники, где мы обсуждали с директором и психиатром новых больных, коллеги просто ахнули, когда я читала анамнез Ольги. Мы тут про женщин с истерией, внезапным параличом и всевозможными соматическими симптомами читали только в работах Фрейда. Там пациентки, страдающие истерией, то кашляли по полгода, то их разбивал паралич на пустом месте. А у вас, оказывается, такие пациенты еще есть!

Конечно, ответила я, ведь Россия, где психоанализ был запрещен тридцать лет как псевдонаука, это до-фрейдистское общество.

Лет на десять позже, когда я работала директором клиники в Рего-Парке, где среди семисот пациент половина была из Средней Азии, большая часть пациенток среднего возраста жаловалась на боли в сердце, печени, почках, голове и желчном пузыре. Все они страдали депрессией и тревожными расстройствами, но психическое заболевание стигматизировалось в бухарской общине. А если заболевание было соматическим, то оно давало пациентке возможность получить больше внимания и заботы от детей и меньше приставаний и критики со стороны мужа или свекрови.

Домашний визит

Как-то в клинику позвонили из еврейского центра и попросили психотерапевта посетить на дому молодую женщину, иммигрантку из России, больную раком груди. Кен попросил меня пойти к ней. Квартира была на третьем этаже, дверь открыла мама, женщина средних лет с тревогой на лице. Ее дочь Лида лежала на тахте в гостиной, стены которой были покрашены в нездоровый желтый цвет, я села на стул рядом с ней. У Лиды, бледной женщины лет тридцати пяти, был рак с метастазами, под тонким одеялом выступал как бы небольшой горб, только он был у нее на груди. Мне стало страшно – в комнате рядом с бабушкой стоял маленький кудрявый мальчик лет трех-четырёх. Я сама приехала в Америку разведенной женщиной с ребенком и больной мамой и отцом, отлученным от любимой работы. И мысль о том, что будет с моим ребенком, если что-то случится со мной, меня нередко в те годы посещала.

Я спросила у Лиды, чем могу ей помочь. Лида ответила, что помощь психолога ей не нужна, она лечится от рака гомеопатическими средствами и надеется победить болезнь. Депрессии как таковой у нее нет, единственное, что ее выводит из себя, это грязные окна. Она лежит целый день и не может не видеть их. И действительно, окна в квартире были грязные.

Я вернулась в клинику и рассказала директору про визит. И сказала: «Кен, неужели мы не можем найти способ помочь Лиде?» Он вздохнул и сказал мне: «К сожалению, на это у нас нет фондов...»

Через несколько лет меня спросила сотрудница еврейского агентства, не помню ли я бедную Лиду. Она умерла через несколько недель после моего визита, через полтора года от инсульта умерла ее мать. Пятилетнего сына взяли на время приемные родители из ортодоксальной общины. Усыновлять ребенка они не стали, что-то там не сработало. Потом ребенка взяла еще одна ортодоксальная семья. И там тоже вроде бы он не прижился. На этом история заканчивается.

Групповая терапия

В клинике меня попросили заняться групповой терапией. Я начала проводить группы в двух бруклинских школах, где учились «русские» подростки. Дело в том, что в Америке всех иммигрантов из совка называли русскими, будь они евреями из Одессы или Средней Азии, украинцами или армянами. Я ходила на семинары по усовершенствованию для специалистов в агентстве, в том числе и по групповой терапии. К сожалению, мало что из того, что я узнавала про классику групповой терапии и чему училась у своих старших коллег, работало с русскими. Поскольку законы классической групповой терапии – конфиденциальность, которую сохраняют и участники, запрет на социальное общение вне группы во время терапии и т.д. – плохо работали с русскими, то я пробовала консультироваться с пятью разными специалистами. Все они выслушивали мои истории и качали головой, пока последняя, толковая женщина средних лет, не сказала мне: «Вы все делаете правильно, вы же специалист по этой культуре». И тут меня осенило, что методы работы с нашими пациентами придется создавать заново. Свою первую статью о психотерапии с иммигрантами из СССР, вернее главу в книге «Групповая психотерапия», я написала по приглашению моего профессора Дэйвида Халперна, совместно с моей коллегой Леной Мандель, которая была интерном в нашей клинике, где мы и подружились. Она тоже вела группу пожилых

иммигрантов в другой клинике агентства, в районе Манхэттена – Вашингтон-Хайтс. Все члены группы лечились у Лены индивидуально и жаловались на депрессию, одиночество, на то, что их дети тяжело работали, а внуки быстро американизировались, забывали русский и предпочитали бабушкиным котлетам пиццу и гамбургеры. Пациентки скучали по старым друзьям, московской консерватории или одесской набережной, или по оставленной на родине работе по профессии. Однако в группе все эти дамы переставали жаловаться и, наоборот, хвастались успехами сына, закончившего резидентуру и ставшего врачом в Америке, детьми, которые купили дом в Нью-Джерси и т.д. После групповой терапии некоторые подходили к Лене и говорили ей, что их проблемы, конечно же, меркнут по сравнению с проблемами остальных членов группы. Одним словом, Номо soveticus всегда рассматривает групповую деятельность как принудительную, вроде профсоюзных собраний, и участвует в ней только из уважения к своему терапевту, а выносить сор из избы у нас не было принято.

Поэтому же попытки начать группы АА или NA с русскими алкоголиками и наркоманами в Америке в те годы тоже было очень трудно.

Мои русские подростки в школах часто общались с другими иммигрантами – например, с Карибских островов. Им было очень важно найти для себя кампанию сверстников, некоторые находили ее для себя в этнической группе, которая доминировала в этом районе Бруклина. Один русский мальчик общался только с итальянцами. Он одевался как они, слушал ту же музыку и т.д. Из общения с русскими подростками было очевидно, что у русских родителей в иммиграции чаще всего встречаются две модели воспитания, те родители, которые боятся раннего секса и наркотиков, пытаются полностью защитить своих детей от дурных влияний, не отпуская их от себя. Один из подростков рассказывает на группе: «С утра мама звонит и говорит: “Не забудь взять с собой бутербродик, переходи дорогу методично”, через полчаса папа звонит: “Ты не кури там, я нашел сигареты у тебя в кармане”, потом бабушка: “Не забудь выключить плиту, если будешь чай пить. Чтобы к пяти дома был, нечего гулять со всякими”». Другие тоже адаптировались с трудом, но иначе, как та мама, которая оставила любимого сына в России, а ее семнадцатилетняя дочь училась, потом работала до одиннадцати вечера в скобяной лавке, встречалась с взрослым мужчиной и занималась лечением беспомощной матери, тосковавшей по оставленному сыну. Мама с дочерью полностью обменялись ролями. Девочка стала главой семьи.

Написанная в 80-е глава о групповой терапии с нашими соотечественниками в Америке получила рассказом о том, почему она с советскими иммигрантами не работает.

Доктор Лейкин

Поскольку ездить из Квинса в Кони-Айленд было тяжело, и мой рабочий день, если включить в него поездки на работу и домой (3,5-4 часа в день) плюс вечерние занятия в универе, начинался где-то в семь утра и заканчивался в одиннадцать вечера, по крайней мере, три-четыре дня в неделю, то я подумывала о другой работе.

Меня пригласил работать доктор Лейкин, лысоватый мужчина небольшого роста, у которого в его российской практике было много балерин из Мариинского. Я пришла к нему в офис, где он мне рассказал, как занимается сексуальной терапией с пациентками, выписывая для них вибраторы и, кажется, инструктируя, как их применять. Провожая меня до двери, он воскликнул: «Анна, какой у вас body language!»

Я вежливо отклонила его предложение сотрудничать и пообедать, сославшись на занятость. Потом Юра Штейн, работавший социальным работником в госпитале Маймонидес в Бруклине, где проходил резидентуру доктор Лейкин, рассказал мне, что из резидентуры Лейкина выгнали, после того как он стал лечить старую шизофреничку, которая жаловалась на бессонницу, якобы старым русским методом, прописывая ей на ночь надевать носки, намоченные в горячей воде.

А доктор Сагаловский, к которому я поехала на интервью в госпиталь для ветеранов в Вестчестере, впоследствии рассказал мне, как Лейкин как-то ночевал у него в его викторианском

трехэтажном доме, и Валерий застал его ползущим на четвереньках по лестнице вверх. Когда он удивился увиденному, Лейкин схватился за поясницу, крикнул и промчал: «Что-то спина разболелась!» Сагаловский был уверен, что у Лейкина просто фобия, страх высоты.

Отец русского алкоголизма

Сам Валерий Сагаловский был крупнейшим специалистом по алкоголизму в России. Он решил эмигрировать в те годы, когда в совке ввели драконовские меры, вымогая у отъезжающих в Израиль огромные деньги за образование, которое в Советском Союзе было бесплатным. Тогда Валерий принял предложение писать кандидатские диссертации для грузинских заказчиков и заработал столько, сколько было нужно на отъезд. В госпитале для ветеранов он заведовал отделением наркологии, лечил алкоголиков и наркоманов. После интервью, во время которого он предложил мне работу психотерапевта, Валерий пригласил меня к себе в гости. В просторной гостиной на столике стоял портрет Рейгана с автографом и висели картины. Сагаловский, семья которого пострадала от сталинских репрессий, вырос без отца. Он был женат на простой русской женщине, Наде, когда-то работавшей прорабом на стройке, которая заботилась о нем, как о ребенке, завязывала на его шею шарфик и следила за его питанием. Детей у них не было, и Валерий сказал мне, что испытывает вину за это, как-то послав Надю на аборт, который, видимо, стал причиной ее бесплодия.

За обедом, на который были приглашены их русские соседи, Надя задала вопрос:

«Валера, как ты думаешь, Фрейд был гений?»

На что Сагаловский рявкнул: «Глупость твоя беспредельна, Надежда!» Мне захотелось побыстрее вернуться домой, где меня ждал маленький Сашка.

На станции поезда, куда меня Валерий подвез на своем автомобиле, он вдруг сказал мне: «Я бы хотел предложить вам стать суррогатной матерью моего ребенка. Вы знаете, я никогда не умел ухаживать за образованными женщинами. Умел только спать с простыми бабами. А как сказать умной еврейской девушке: “Снимай штаны!”».

«Валерий, – ответила я, – думаю, что если решусь родить еще одного ребенка, то буду воспитывать его сама!»

Сагаловский периодически звонил мне и говорил что-нибудь вроде:

«Продается дом, где сто комнат. Может, купить?»

«Валерий, ну зачем вам сто комнат?»

«Там можно будет поселить всю русскую иммиграцию. А серьезно? Чтоб спрашивали: “А зачем вам дом в сто комнат?” и завидовали».

Как-то я привела к Валерию на консультацию знакомого профессора-слависта, замечательного поэта. Поэт пил и страдал от приступов меланхолии. Поговорив с ним, Сагаловский сказал поэту, что он не алкоголик, а бытовой пьяница.

Поэт спросил: «А что же тогда мне делать?»

«Пейте как пили, пока здоровье позволяет».

Мы подружились, и я стала иногда приезжать к Сагаловским в гости с Сашкой. Мы ходили в лес, собирали грибы, с Надей обсуждали выходки наших котов.

Через некоторое время мой десятилетний сын рассказал мне, что Валерий во время прогулки сказал ему, что хочет его усыновить.

На этом наша дружба закончилась.

Знак доллара

К сожалению, в Америке пришлось столкнуться и с феноменом оборзения новоиспеченных американских врачей из совка. Американскую систему здравоохранения оказалось не так уж

трудно доить, посылая счета за приемы больных, которых не было, доить страховки, покрывающие лечение жертв автомобильных аварий и т.д. и т.п.

В клинике появлялись пациенты, которые уже успели пострадать от самодовольных бизнесменов, которые брались лечить все что угодно, нанимая в свои клиники каких-то новоприезжих специалистов без лицензии. К Марии Соломоновне пришла несчастная пациентка, потерявшая дочь. Девочке было шестнадцать лет, она страдала от несчастной любви, перестала заниматься, страдала бессонницей и похудела вдвое, девочку стала лечить женщина-психолог, не получившая образования в Америке, сама всего лишь год в стране. Матери она сказала, что у девочки нет серьезной депрессии, поглядите, она же ногти красит! Нужно просто быть с ней построже, пусть она возьмет себя в руки. Девочка вскоре покончила с собой, прыгнув под поезд. Я случайно узнала, что лечила ее женщина, которая училась на моем же факультете МГУ, на курс старше. У нее самой еще в университете был нервный срыв, якобы делирий, после поездки в Среднюю Азию. Думаю, что скорее всего это был психотический эпизод. Врачу, исцелился сам!

Вскоре в клинике появилась еще одна бывшая пациентка этой женщины, которая без лицензии занималась психотерапией в офисе психиатра, впоследствии очень разбогатевшего. У этой женщины сын, восьмилетний мальчик сильно заикался, боялся воды и отказывался принимать душ один. Психолог посоветовала наказывать мальчика физически, потому что он был просто избалован. После физических наказаний ребенок стал заикаться еще хуже, и мама пришла за помощью в нашу клинику.

К счастью, через несколько лет я познакомилась и подружилась и с другими, великолепными специалистами из наших иммигрантов.

Организация русскоязычных специалистов в области душевного здоровья

Через пару лет в клинике меня и Марию Соломоновну пригласил на встречу с другими психологами и психиатрами Юра Штейн, психотерапевт в госпитале Маймонидес. Там лечилась русская пациентка, маниакально-депрессивная, которая погибла от передозировки лития. Произошло это, потому что кроме Юры в отделении не было никого, кто говорил по-русски, и в день, когда он был выходной, ей стало плохо, но объяснить с ней никто не смог. Поэтому Юре пришла в голову идея создания объединения специалистов в области психиатрии, говорящих по-русски.

На встрече был психоаналитик Эдгар Гольдштейн, психиатр Леонид Штерн, профессор психиатрии в Нью-Йоркском университете Элла, пожилая женщина, которая в юности лечилась у лучшего в Вильнюсе дантиста, папиного дяди Арона. Мы пили вино и говорили о нашем опыте с русскими пациентами. Штерн, опять же, был родом из Белоруссии, но переехал в Вильнюс, где на медицинском факультете университета преподавал многие годы мой отец. Small world, как говорят американцы.

Эдгар Гольдштейн, Гарик, был психиатром из Питера, он был женат на Жене Адливанкиной, которая жила по соседству со мной, и у них была дочь, которая училась в Италии. Они уже успели разойтись, и Гарик, который учился в психоаналитическом институте имени Карен Хорней, написал несколько отличных статей про адаптацию Homo soveticus в Америке, про собственную адаптацию и работу с американскими и русскими пациентами. Он верно подметил такие черты русского иммигранта, как амбивалентность по отношению к любым властям и казенным институтам, как, например, нелюбовь к советской власти сочеталась с ожиданиями заботы. Советский человек привык к бесплатному образованию и медицине, а также к системе блата и взяток, то есть манипуляций.

Как-то мы с Гришей, резидентом-психиатром из нашей клиники, пошли на день рождения к Гарику. Там были бывшая жена Гарика Женя, дочь, мужчина, с которым он несколько уже лет жил вместе, его герлфренд, французенка-психиатр, и Гарик также приударял за Гришей. В Нью-Йорке тогда еще не кончилась эпоха «sex and drugs and rock-n-roll», было полно баров для одино-

ких искателей приключений, парти свингеров, секс-клубы и бани, известные тем, что там больше занимались сексом, чем парились и мылись.

Члены нашего объединения, президентом которого мы выбрали Гарика, встречались, обсуждали рабочие проблемы, трудных пациентов, пили вино и общались. Не прошло и года, как Гарик внезапно заболел какой-то странной болезнью, во время которой сменялись синдромы и диагнозы. У него было воспаление легких и саркома Капоши, он лежал в больнице, но нам не говорили, в какой. Навестить его тоже не разрешала Женя. И не прошло и двух с половиной месяцев, как он скончался. Это было в начале эпидемии СПИДа, от которой мы еще потеряем друзей. Не было похорон, не было поминок или мемориального вечера. Вроде бы была кремация, и урну забрала Женя. Организация наша распалась. Остались статьи Гарика, которые я давала впоследствии своим студентам. Конец прекрасной эпохи.

Кони-Айленд

Ты помнишь аксеновские «Апельсины из Марокко»?
Америку Фолкнера,
Хемингуэя и Фланнери О'Коннор,
Виллидж Гертруды Стайн и легендарных клубов –
Blue Note, Fat Tuesday, The Village Vanguard?
Вкрадчивый бас Виллиса Коновера,
объявляющий джазовый час для русских,
пытающихся поймать оптимистические аккорды
«Take the A Train» на своих Спидолах.

Поезда сабвея, в которых я добиралась
из Квинса в Кони-Айленд,
были неприглядны –
вагоны были
разрисованы граффити
и безвоздушны – в них окна были полуоткрыты
тем летом восемьдесят первого.
Я помню, как я с удивленьем
наблюдала струйки пота
катившегося вниз по моим ногам
из-под единственного приличного
еще московского
летнего платья.

Клиника на Вест Восьмой
находилась в бывшей конфетной фабрике
расположенной над русским дели
там у дверей мрачно курили
иммигранты недобритые
шоферюги из кар-сервиса
под названьем Луна-Парк.
Владелец лавки деликатесов
родом из Одессы
там торговал копченой рыбой
и колбасами свиными
близко не лежавшими

к правилам кашрута
воздух был пронизан
душераздирающими звуками
песен Шуфутинского
чуть ли не с самого утра.

В психиатрическая клиника
на верхнем этаже
там, где лечились выходцы из Советского Союза,
среди персонала также попадались иммигранты
– кубинец, полька, два москвича
грузинский психиатр-резидент
страдавший от проблемы выбора
меж сексуальных предпочтений
и другие.

Брайтонские жители являлись
в поисках ортопеда,
специалиста по челюстям вставным,
фудстемпов, а также с жалобами
на депрессию, сексуальные проблемы
и чувство вины
перед семьей, оставленной в совке.
Жизнь проходила по расписанию визитов пациентов
и в перерывах – в общении с коллегами
моей преподавательницей из МГУ
и ее сыном – психологом, художником
и азартным игроком
с кавказским психиатром-резидентом
запутавшимся среди своих любовей
и умненькой очкастой практиканткой
из бывших правозащитников еврейских.

ЖЕНЩИНА НА ВОЙНЕ

Я хорошо знаю, что такое война. Я жила на Чеченской войне с девяти до двадцати лет. Поэтому советую по возможности женщинам, детям и старикам покидать боевую зону. При зачистках гибнет много людей. Хватают молодых мужчин, пытаются, расстреливают. У нас расстреляли по соседству ингуша, чеченца и русского. Обычных мирных жителей. «Чтобы был интернационал!» – сказали российские военные.

Военные могут надругаться над женщинами. Везло тем девушкам и женщинам, которые были одеты в лохмотья и вымазали свое лицо и кисти рук сажей, мукой или тертым кирпичом, их стонились, думали, что они больные.

Людей, которые остались в родном краю, ждут суровые испытания.

В 2000 году в Грозном у нас была двухнедельная зачистка. Российские военные сначала решили ударить по нашему подъезду из гранатомета. Просто ради веселья. Чтобы четвертый, третий и второй этажи, которые уже упали друг на друга, соединились с первым. Но этому воспрепятствовали две проститутки, жившие в доме напротив. Одна из них была родом из Дагестана, а другая из чеченского села (последняя очень боялась, что ее найдет дядя и убьет. Отца и родных братьев у нее не было).

Именно проститутка родом из Дагестана (она упомянута в одном из моих документальных рассказов как Зайна) выскочила под обстрелом к российским военным и уговорила их «не соединять» этажи. Через время военные РФ и местные проститутки подружились, они вместе пили домашнее вино и катались на БТРах по округе, мародерствовали, но вначале проституткам досталось: их угрожали расстрелять.

Сразу после того, как Зайна вступилась за нас, военные РФ решили собрать всех выживших с ближайших улиц и запереть в тесном душном подвале. В нашей хрущевке подвала не было. И всех, кого обнаружили, согнали в подвал дома напротив. Стоя наверху и глядя вниз через открытый люк, военные совещались: бросить в нас пару боевых гранат или нет, и даже показывали их нам, опьяненные собственной безнаказанностью. Такое происходило сплошь и рядом. Несколько местных русских семей вместе с редкими чеченскими семьями, которые не успели выехать из столицы в сёла, погибли в районе хлебозавода на остановке «Нефтянка». Погибли женщины и дети, когда их подвал забросали гранатами. Так что иллюзий у нас не возникло.

Кто-то из военных предложил отвезти нас к оврагу. Не очень обнадеживающе прозвучало обещание: «Паспорт вам больше не понадобится!». Так они сказали моей матери.

Из одиннадцати человек (первая партия у обрыва) этнической чеченкой была только одна женщина, все остальные грозненцы были украинцы, белорусы, русские, ингуши, представители многонациональной семьи.

Военные стреляли у нас над головой. Смеялись. Старуха соседка, Настасья (Стася), ползала перед ними на коленях, умоляла пощадить. Нас грозились расстрелять, но потом раздобрились,

Полина Жеребцова родилась в 1985 году в Грозном. Автор чеченских дневников, повестей и романов, которые были переведены на многие языки мира. Публиковалась в журналах «Знамя», «Отечественные записки», «Новый мир», «Волга» и др. Живет в Финляндии.

махнули рукой, сказали, что пошутили и чтобы мы катились к черту и не смели показываться в родных руинах, которые давно заменили нам дома в Ичкерии.

Мне было четырнадцать. И я была ранена. Шестнадцать осколков в ногах.

Быт женщины на войне сложен. Каждая женщина переживает войну по-своему. Я не согласусь, что женщина на войне – легкая добыча. Женщины сражаются, они изобретательны, хитры, проворны и довольно бесстрашны. Не всегда их сражение ведется в открытом бою, женщины сражаются за свою семью, за своих детей, чтобы выжить.

Женщины в любой ситуации стараются сохранить гармонию. Несмотря на горе вокруг, они молятся, шутят, поют, не отказывают себе в мечтах о мирном времени. Когда я спрашивала девчочек-соседок, о чем они мечтают, их ответом было – только о мире, чтобы по дому не стреляли из танков, чтобы отцы и братья остались живы и что еще очень хочется дожить до своего следующего дня рождения.

Некоторые девушки и женщины шли на ускоренные медицинские курсы и становились в войну медсестрами. Они стремились помогать соседям и своим семьям пережить трудные времена. Также женщинам приходилось объяснять детям, что такое война. Дети все видят, чувствуют и понимают, но часто интерпретируют те или иные события по-своему, настолько ужасаясь происходящему, что могут сойти с ума, поэтому на женщине дополнительно лежит ответственность за психологическую помощь ребенку. Не пугайтесь, если дети играют в войну, зачастую именно так они справляются со стрессом: дети играли в войну между Первой и Второй чеченской, были то чеченскими боевиками, то русскими солдатами, то воображали себя шахидами и «шли умирать», громко читая молитву перед боем.

В обязанности женщин входит оберегать мужчин от злоупотребления спиртными напитками и наркотиками, так как стресс сказывается на всех, и даже те, кто никогда не употреблял ничего подобного, могут попытаться сохранить свою психику дурманящими средствами.

Обычные лекарства в войну женщины заменяют бабушкиными рецептами. Профессиональные маски для лица сменяются сметаной и огурцами, разумеется, в том случае, если удастся их раздобыть. Женщины запасаются домашними консервами, делают острые закрутки и варят варенье. В дефиците всё. Поэтому женщины рады любому подарку, будь то заколка или красивые пуговицы. Роды зачастую принимают повитухи на дому, так было в Первую и Вторую чеченские войны. Редко кто под обстрелами добирался до больницы. Во время сильных боев больницы не работали.

В связи с недостатком средств гигиены на войне в ход идет все, что есть под рукой, даже прокладки делают из старых простыней, одежды и т.д. На бинты тоже идут простыни.

Матери перешивают детям одежду вручную, много трудятся в периоды затишья на рынках, так как в военное время рынок являлся единственным источником заработка. На центральном рынке в Чечне процветал бартер: например, хрустальную салатницу, доставшуюся от прабабушки, вполне можно было обменять на пару картофелин и немного соленой кильки, а несколько стеклянных трехлитровых банок на хлеб.

Были старики и дети, которые просили милостыню вдоль торговых рядов, чтобы купить еды. Милостыню просили и у больницы, на лекарства себе и родственникам. В это же время местная элита строила для себя коттеджи из яркого рыжего кирпича, а город наводнился дорогими иномарками.

Одеваться женщины старались неброско, незаметно, чтобы не вызвать гнева людей: мол, война, а ты наряжаешься. Ходили в халатах и калошах. Куртки и штаны цвета хаки покупали за валюту у солдат российской армии только боевики. Мирные люди старались держаться от такой «военной одежды» подальше, чтобы избежать пули снайпера.

Летом женщины и подростки собирали по улицам фрукты, выискивали ягоды в заброшенных садах. Матери учили детей различать мины и снаряды, чтобы избежать дополнительной опасности. Перед началом сбора ягод в саду следовало аккуратно раздвинуть высокую траву, проверить, нет ли поблизости противопехотных мин «лягушек» или натянута проволока – «растяжки», которые очень опасны. Были случаи, когда людям отрывало ноги.

Мужчины во время войны воюют или бездельничают. Иногда они шабашат, кто-то промышляет мародерством. Все тяготы быта ложатся на плечи женщин. Они выживают, поднимают детей, торгуют, вяжут, шьют, готовят, носят воду под обстрелами. Женщины стараются, чтобы мужчины, которые находятся дома, как можно реже выходили на улицу, чтобы не попасть под «зачистку». Во время зачисток хватают первых попавшихся, обвиняя их во всех смертных грехах.

По два-три часа мы выстаивали под обстрелами в очередях за водой на колодцах или в садах. Среди нас не было молодых мужчин. Иногда к нам подходил какой-нибудь старик, но женщины, что жили по соседству с ним, говорили, что принесут ему ведро воды, и он возвращался домой.

Обычные девушки и женщины в Чечне не общались с падшими – так называли проституток. Их сторонились, презирали. Однако некоторые мужчины пользовались их услугами. Хорошо помню, как в нашем районе Грозного появились одна за другой две женщины, обе разменявшие четвертый десяток, одинокие. Появились они после Первой войны и разместились в квартирах, откуда внезапно исчезли русские семьи. Одна рассказала во дворе, что она родом из Дагестана, вторая (говорила ли она правду, не знаю), что она родом из чеченского селения.

Старик чеченец, живший неподалеку от нас, объяснял наличие таких женщин в Чечне тем, что разные народы с древности селились рядом с чеченцами, некоторые даже выучили язык, узнали обычаи, но чеченцами по духу и по крови так и не стали, оттого, сетовал он, и возникает подобный позор.

Обе женщины прекрасно говорили на чеченском и русском языках. Соседки обычно не отвечали на их приветствия ни словом, ни жестом, нарочито поворачивались к ним спиной, а детей и подростков предупреждали, что эти «мадам» особенные. Проститутки не покрывали голову, как мы, платками или хиджабами, они красили ногти ярким лаком, делали макияж, а Зайна из Дагестана даже носила брюки, что считалось настоящим вызовом всему чеченскому обществу.

В республике тогда началось становление шариата, и в школе, куда мы бегали между торговлей на рынке и обстрелами, дети учили арабский язык, хадисы и Коран. На улицах устраивали казни. Прострафившихся били палками. Специальные наряды шариатского патруля ловили любителей выпить, наркоманов и т.д.

Падших женщин в Чечне откровенно презирали: им не полагалось иметь детей (проститутки могли убить, если бы они решили позволить себе обычную жизнь). Их услугами пользовались мужчины в районе, чеченские боевики (защитники Ичкерии), с ними сожительствовали военные российской армии, которые вместе с этими женщинами в войну мародерничали. Затем, при установлении в Чечне российского порядка, эти женщины обслуживали милицию, куда ловко переметнулись некоторые чеченские боевики.

Кавказ – это место, где живут кланами, родами, и если женщина изгоняется из семьи, если от нее отказывается род, то она может встать на страшный путь – торговли собой, и тогда никто не заступится за нее, а родные будут искать возможность, чтобы убить и смыть с себя страшный позор.

В случае развода женщина лишается возможности быть рядом с детьми. Считается, что женщина пришла в дом мужа без детей и уйти обязана без детей, дети принадлежат не просто своему отцу, а всему роду отца. Поэтому на Кавказе женщины ценят каждую минуту, проведенную рядом с детьми, стараются вложить в них как можно больше знаний и умений. Даже если женщины тер-

пят много горестей в семье, то не ссорятся с родственниками мужа и во всем стараются угождать родне и супругу, чтобы избежать развода. Некоторые соглашаются на положение вторых-третьих жен.

В Ичкерии женщины даже сами обращались к мулле в ближайшую мечеть, чтобы помог найти скромную девушку, привести в дом вторую жену, порадовать мужа. Во время войны были приняты ранние браки с четырнадцати-пятнадцати лет. Некоторые из моих подруг в пятнадцать лет уже стали мамами.

Убийства чести случались и в войну, и между войнами. Девочки очень боялись себя опозорить и во всем подчинялись братьям и отцам. В «Чеченских дневниках» я привожу конкретный пример убийства чести. Это было в 1997 году. Отец убил родную дочь шестнадцати лет. Задушил платком и закопал. Об этом знали все соседи. Девушку изнасиловал водитель маршрутки, и, чтобы спасти честь семьи, родные ее убили. Разумеется, ни правоохранительные органы, ни власть в убийства чести не вмешивались. Если бы отец не поступил так, никто и никогда не женился бы на сестрах этой несчастной, и семья была бы опозорена...

Я, тогда ребенок, интересовалось, что же случилось с водителем маршрутки, но как говорили в районе, его и след простыл.

Мирные жители в войну старались поддерживать друг друга когда едой, когда и советом, защищали друг друга от вооруженных банд. В Чечне под ударом после Первой войны оказались русскоговорящие. Бандиты нападали на них, используя национальную идею, захватывали квартиры, изгоняли, устраивали погромы, убивали.

Порядочные чеченцы и ингуши защищали тех, с кем дружили, с кем вместе учились. Везло, если рядом были такие люди.

Война закаляет человека. Делает его стойким и неуступчивым ко лжи и несправедливости. Наш край очень сложный, многогранный, однако мы любим его таким, какой он есть.

Михаил БАРУ

«ДЛЯ ВЕДОМА ВПРЕДЬ ИДУЩИМ ЛЮДЯМ»

Правду говоря, населенных пунктов с названием Остров на свете очень много. Одних только деревень, сел, поселков и хуторов в России, на Украине, в Болгарии, в Словакии и в Чехии больше сотни. Есть город в Чехии недалеко от Карловых Вар, но наш рассказ не про него, а про небольшой райцентр в Псковской области, которому от роду уже около семисот лет. Ну, к вопросу о возрасте мы еще вернемся, а пока скажем, что к счастью, о происхождении названия Острова спорить не приходится. Город находится на острове посреди реки Великой. То есть в наше время Остров находится и на острове, и по обеим сторонам реки, и выше острова, откуда он начинался, и ниже его, но в самом начале своего существования он занимал только остров, а вернее, островок посреди не очень широкой реки, хотя и с названием Великая. Впрочем, в масштабах Псковской области, а раньше Псковской губернии, а еще раньше Псковской вечевой республики она такой была, есть и всегда будет.

Протоиерей Николай Панов, написавший в начале прошлого века «Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии», сообщал в самом начале своего труда: «В давно минувшее время Псковская область была населена славянским племенем кривичей. Для защиты от врагов кривичи устлавали укрепления, или городки, которые строились обыкновенно на вершинах гор по течению рек и на берегах озер, на местах способных к самозащите и сверх того они укреплялись еще стенами валами и рвами. Это наши древние замки, это орлиные гнезда по своей неприступности».

Остров построили псковитяне с одной, но очень важной целью – быть преградой на пути тех, кто с мечом приходит во Псков, а с мечом приходили и литовцы, и немцы, и поляки, приводившие с собой чехов, венгров и даже итальянцев, и... проще назвать тех, кто не приходил. Разумеется, Остров не один стоял на пути всех этих любителей чужого добра. Псковитяне с этими же целями основали и Опочку, и Ржев, и Себеж, и Гдов, и целый ряд других городов-крепостей, но Остров был одним из первых, если не самым первым.

Признаться, город Остров в первые несколько десятков лет своего существования мало походил на орлиное гнездо, с которым его сравнивает Панов, потому как располагался не на горе. Да и городом его было трудно назвать. Это была крепость, построенная на острове из колотого известняка, скрепленного известковым же раствором. Прежде чем мы перейдем к описанию крепости, нужно определиться с возрастом самого Острова. Скажем честно – никто не знает, когда он появился. Если приблизительно, то в четырнадцатом веке, а если точнее, то впервые Остров был упомянут в «Списке русских городов дальних и ближних», который представлял собой список укрепленных пунктов. Упомянут всего двумя словами «Остров камен». Список этот был составлен в последней четверти четырнадцатого века. Выходит, что Остров, который уже тогда был «камен», основали как минимум в середине века, а то и раньше, поскольку в те времена такие каменные крепости быстро не строили. В Псковской летописи Остров и вовсе в первый раз упомянут под 1341 годом. В том году островичи участвовали под началом своего посадника Василия Онисимовича в военных действиях против немцев. Сначала немцы без объявления войны убили псковских послов. Потом псковичи в отместку разграбили ту часть Ливонии, до которой

смогли дотянуться, потом вернулись немцы и поставили Новый городок на псковских землях, потом псковичи отправились в поход воевать немецкие села. Собрали отряд из шести десятков охотников повоевать с немцами и послали спросить островичей, не хотят ли они присоединиться к походу. Островичей уговаривать не пришлось, но к пункту сбора они опоздали, а немцы, не дожидаясь островичей, явились с отрядом в двести человек воевать псковские села, и шестьдесят псковичей, не дожидаясь подмоги, стали с ними биться. Бились изо всех сил, потеряли убитыми двух своих командиров, еще семь человек и отступили. Немцы их не преследовали, а стали своих убитых переправлять на западный берег Великой. Тут как раз явились островичи и ударили по немцам. Так ударили, что часть немцев потонула в реке, а часть побросала трупы и бросилась бежать. Вот, собственно, и все о первом упоминании островичей в летописях. Конечно, разгром отряда из двухсот немцев это не разгром немецкого полка или дивизии, но погодите лет шестьсот с небольшим – будет вам и полк, будет и дивизия.

Поскольку островичи появляются на страницах летописи военным отрядом, с посадником Василием Онисимовичем во главе, то основание Острова можно, скорее всего, отодвинуть еще дальше вглубь четырнадцатого века. Если уж совсем строго, то по данным археологических раскопок толщина культурного слоя на острове почти два метра, и нижние горизонты этого слоя, если судить по находкам, датируются второй половиной четырнадцатого века. Или пятнадцатого. Точнее археологи сказать не могут.

Как бы там ни было, а от первоначального Острова осталось немногим больше, чем ничего, поскольку, как писал Панов в своей летописи города и уезда: «Почти все памятники Островской старины уничтожены пожарами, наводнениями и руками невежественных людей, так что до настоящего времени весьма мало сохранилось исторических сведений и народных сказаний об Острове». Народные сказания мы здесь рассматривать не будем, а вот о крепости, построенной в те времена, когда порохом еще и не пахло, сказать стоит.

Теперь от нее не осталось ничего. Напоминает о ней небольшой макет размером два на четыре метра или около того во дворе краеведческого музея, сложенный из того же известняка, что и сама крепость. Остатки настоящих стен достояли до войны. Сохранились даже фотографии. Увы, то, что осталось от крепости, во время оккупации разобрали немцы, которые превратили плиты, из которых была сложена крепость, в щебень, и этот щебень использовали для ремонта дорог.

Островская крепость была очень скромной, если так можно говорить о крепости, потому как и сам островок, на котором она стояла, был невелик по площади. Мало того, крепость занимала не весь островок, а только его возвышенную часть. От нижней части она была отгорожена рвом, который наполняла вода. С востока на запад крепостная стена тянулась на двести тринадцать метров, а с севера на юг – на восемьдесят пять. Если все это перевести в квадратные километры... нет, лучше в метры. Получится целых восемнадцать с лишним тысяч, а не восемнадцать с небольшим тысячных.

В семьсот семьдесят втором году инженер-прапорщик Гаврила Борзов произвел обмеры сильно обветшавшей к тому времени крепости. Было у нее всего три башни. Вход в крепость был устроен в виде рукавчатого захаба – узкого коридора между стеной крепости и дополнительной стеной. Те, кто штурмовали ворота, должны были пройти этот коридор, в то время как осажденные со стен крепости в них стреляли, кидали камни, бревна, лили кипяток, смолу и все, что можно вскипятить и вылить на неприятеля. Конечно, ничего от рукавчатого захаба не осталось, кроме небольших фрагментов стен, чуть выступающих из земли, а вот Никольская церковь, построенная в середине шестнадцатого века рядом со входом в захаб, стоит до сих пор.

Стены крепости были четырехметровой толщины, а высота их колебалась от десяти до пятнадцати метров. Поверху стен был сделан боевой ход шириной два с половиной метра. Общая протяженность стен составляла немногим меньше полукилометра. Двенадцатиметровые в диаметре башни, покрытые островежскими тесовыми шатрами, имели толстые пятиметровые стены, а их высота доходила до тринадцати метров. Внутри у башен было три боевых яруса. В те времена, когда пусть и обветшавшая, и полуразрушенная крепость еще стояла, на фрагментах стен были

видны расположенные в определенном порядке бойницы так называемого подошвенного боя – то есть бойницы, из которых прямой наводкой били по нападающим из пушек, затинных пищалей и фальконетов. Таких бойниц в четырнадцатом веке быть не могло, поскольку у осажденных огнестрельного оружия попросту не было. Скорее всего, в пятнадцатом веке крепость после появления огнестрельного оружия была модернизирована.

Что касается снабжения водой, то обычного потайного хода к воде в крепости не было, да и какой потайной ход, когда все подходы к небольшому острову прекрасно просматривались. Тайник заменял канал, вырытый внутри крепости рядом с короткой юго-восточной стеной и заполнявшийся водой из реки Великой. В описании крепости, сделанном за два года до конца семнадцатого века, сказано об этом канале: «...пропускная речка сквозе город с Великие реки, обрублена деревом».

Понятное дело, что крепости без подземных ходов и спрятанных в них сокровищ не бывает, а если их и нет, то все равно их ищут, а не найдя придумывают их, наполняя придуманными сокровищами и чудесами. В этом смысле островская крепость не исключение. В восемьсот семьдесят первом году на территории крепости производились раскопки, и ходов никаких не нашли, но выкопали девять заржавленных ружейных стволов, небольшое каменное ядро, детскую сломанную вилку с костяной ручкой, одиннадцать очень ржавых железных деталей бог знает от каких механизмов, несколько кусков железного шлака, железную и тоже ржавую набойку на каблук, пять обломков глиняного горшка, один обломок глазурированной глиняной чашки, около двух десятков человеческих костей и ни одного драгоценного камня, ни одного золотого перстня, ни одной короны, ни даже одного тома из библиотеки Ивана Грозного. Через год снова копали неподалеку от алтарной части Никольской церкви, и снова ни золота, ни драгоценностей, а только несколько старинных пищалей. Делать нечего – стали сочинять легенды.

По одной из них, в незапамятные времена под одной из крепостных башен была каменная лестница, ведущая к железной двери, на которой висел огромный амбарный замок, а за дверью хранились несметные сокровища. В самом начале восемнадцатого века какой-то купеческий сын с двумя товарищами, такими же искателями сокровищ на свою голову, аккуратно в ночь на Ивана Купалу, когда все ищут клады, сумели добраться до этой железной двери и уже принялись сбивать замок, как вдруг из-за двери полыхнуло на них пламенем. Или не пламенем, но полыхнуло и охватило. Купеческие сынки были хоть и не робкого десятка, но бросились бежать оттуда со всех ног. Двое успели перебежать по наплавным мосткам через Великую, а третий, когда по этим мосткам бежал, случайно обернулся и увидел, как за ним по воде плывут две преогромных черных собаки. Со страху он буквально взлетел на колокольню Троицкой церкви и давай звонить во все колокола. Закончил звонить, сошел с ума и натурально помер.

Под другой башней, которая была напротив той, что с железной дверью и собаками, томилась за дюжиной дверей под дюжиной замков зачатая царевна. По какому поводу и на сколько лет ее заклили, теперь уж не узнать. Важно то, что раз в год она выходила пить на реку. Само собой, нашелся добрый молодец, который захотел царевну освободить, но вместо того чтобы дождаться, пока она выйдет пить воду из Великой, он решил идти напролом и стал ломать двери и сбивать замки. Три двери сломал и уже было принял за четвертую, как выскочила на него из-за этой двери кошка и начала царапать ему лицо. Тут уж ему стало не до дверей. Между тем царевна в ночь на Пасху вышла из заточения и просила у людей, идущих к заутрене, надеть на нее крестильный крестик, но у них, понятное дело, такого крестика с собой не было. Царевна заплакала и вернулась в свою тюрьму за двенадцатью дверьми с двенадцатью замками, а добрый молодец... наверное, тоже заплакал, когда увидел свое расцарапанное кошкой лицо в зеркале.

Вернемся, однако, к крепости. Чуть выше по течению Великой была устроена плотина из дубовых бревен, служившая защитой крепости от ледохода и наводнений на реке. До наших дней она не дошла, хотя остатки ее сохранялись еще в начале прошлого века.

Что касается городского управления, то Остров, как и все псковские пригороды, копировал Псков, поскольку зависел от него. Псков назначал в Остров посадника (одним из первых был, как

уже упоминалось, Василий Онисимович). Назначал на неопределенный срок – чаще всего на год или меньше, или на несколько лет, но никогда навсегда. Посадник, который во время исполнения своей должности назывался степенным, был и судебной и исполнительной властью в одном лице. В случае необходимости он должен был принять начальство и над островским ополчением, которое, кстати говоря, имело свое знамя. Имел Остров и свою казну, и свое вече. Правда, вече это было подчиненным по отношению псковскому. Мало того, что на нем присутствовал назначаемый Псковом посадник и задавал, так сказать, повестку дня, так еще и псковское вече могло отменить решение островского или же его поправить. Когда псковичи обратились к островичам с предложением идти воевать немецкие деревни, это было совсем не то предложение, от которого можно отказаться. Само собой, вече собралось, этот вопрос обсудили, поскольку только вече решало вопросы войны и мира, пошумели, как это было принято на вечевых собраниях, и... согласились. Какие-то вопросы решались только Псковом, и островское вече их не касалось вовсе. К примеру, смертная казнь без согласия на то Пскова не применялась. Когда в соседней Опочке в четырьеста семьдесят седьмом году вече постановило казнить конокрада и приговор был приведен в исполнение, Псков наложил сторублевый штраф на пригород. Остров, если судить по псковским летописям, в таком самоуправстве не был замечен. По крайней мере, квитанций об оплаченных штрафах в островских архивах историки до сих пор не нашли.

Если из летописных источников выписывать события, относящиеся к истории Острова за первые сто... нет, триста лет, то получится не столько история города, сколько журнал боевых действий войскового соединения. В триста сорок восьмом году, когда Остров был еще младенцем, ливонские рыцари, разорвав мир, а тогда миры рвались легче чем бумага, на которой были записаны их условия, пришли из-за реки Нарвы к Пскову, сожгли часть его посада за рекой Великой, потом двинулись к Изборску и дальше к Острову, разоряя все на своем пути. Остров брать не стали, но часть деревень и сел островской волости сожгли. Через пятьдесят восемь лет, в феврале четырьеста шестого года, как гласит Псковская летопись, псковский посадник Гурий, набрав в свою команду охочих людей из Пскова, Острова и других пригородов, пошли воевать... нет, не немцев, а Ржев и область вокруг Великих Лук. Опустошили там все, что опустошалось. Еще и пленных привели. Еще и знамя Великих Лук забрали. Сложные отношения были между Псковом и Тверским княжеством, что и говорить. Правда, с Великим Новгородом или с Москвой они были ничуть не проще.

В августе того же года «на память Святаго мученика Агафоника, прииде местер Рижский со своею силою... и ходиша по волости две недели и под Островом, и под Котельном, а на устьи Сины стояли по обе стороны реки». Волости, понятное дело, от этих хождений не поздоровилось. Через двадцать лет островичи принимали участие в обороне соседнего псковского пригорода Велье, который осадил литовский князь Витовт. Уже по дороге домой, ночью, островичи наткнулись на стоящих в лесу татар (нанявшихся в войско к Витовту в надежде на военные трофеи), атаковали их и убили человек сорок, а остальных рассеяли. Сами же островичи, как сообщает летопись, «все от идоша здравии, и отъяша у них кони и снасти».

Если из летописных источников выписывать события пятнадцатого века, относящиеся к событиям мирного времени, то получится... ничего хорошего, если честно. В четырьеста шестом году приходила в Остров моровая язва. Как будто мало было немцев. В четырьеста сорок третьем был сильный мор железю, что в переводе на современный язык означает бубонную чуму. В четырьеста семьдесят втором году, как сообщает Псковская летопись, «месяца ноября в 28 день, на память Святаго Иринарха, в четверг, в вечер, погоре град Остров, пригород Псковской, и много убытка христианом вельми».

Снова журнал боевых действий. В пятьсот первом году ливонское войско под командой магистра ордена Вальтера фон Плеттенберга вторглось в пределы тогда еще Псковской республики. Седьмого сентября немцы осадили Остров. Сразу же начался артиллерийский обстрел крепости, причем не только обычными каменными и чугунными ядрами, но и зажигательными снарядами. Тут-то и выяснилось, что за стенами крепости, построенной во времена, когда артиллерии не

было, отсидеться трудно, если не невозможно. Пушки начали разбивать стены и башни. Деревянные постройки внутри крепости загорелись. Уже в ночь на восьмое сентября начался штурм охваченного огнем Острова. В ходе штурма и последующей за ним резни было уничтожено практически все население города и крепости – четыре тысячи человек. Как говорит летопись: «овы сгореша, а иные истопша, овы мечю предаша». Сразу после захвата Острова, а фактически после его уничтожения, армия Ливонского ордена отступила на свою территорию, поскольку начался в ней кровавый понос, которым заболел и сам магистр, а может и потому, что литовцы отказались помогать ливонцам, и те решили быстро ретироваться.

В пятьсот десятом году Пскову пришлось идти под руку Москвы, и псковские посадники в псковских пригородах, в том числе и в Острове, были заменены московскими начальниками. Для островичей, большинство из которых были людьми военными, это означало участие во всех московских военных походах. Хотя письменных свидетельств об этом участии не сохранилось, но можно быть уверенным, что островичи в составе наряда псковского войска ходили и под Смоленск в пятьсот двенадцатом году и через три года в Литву, под Браулов.

В пятьсот сорок втором году в Островской крепости произошло исключительно мирное событие – построили Никольскую церковь¹. Через два года произошло еще одно мирное, но уже менее радостное событие – Москва прислала во Псков поземельных писцов, которые описали и Псковские земли, и земли пригородов. Как только описали – так сразу и обложили хлебными и денежными оброками пахотные земли, озера и мельницы, на которых они стояли. Через три года, в пятьсот пятьдесят седьмом году, та же напасть из Москвы – приехали царские писцы, описали и обложили еще большими оброками. Нельзя сказать, что мирная жизнь под рукой Москвы островичей баловала, но... жалеть было тоже нельзя.

Как только обложили поборами – так почти сразу, на следующий год, началась Ливонская война, которая была куда злее московских писцов. Остров, понятное дело, был на ее переднем крае, как, собственно, и во всех других войнах. Через семь лет после начала войны, в пятьсот шестьдесят пятом году, приходила литва. Москва, конечно, не смотрела на это сквозь пальцы, и стоявшие в Великих Луках войска под командой князя Ивана Шуйского и Ивана Меньшого Шереметьева дали литовцам бой у соседнего с Островом пригорода Велье, но... неудачный, после которого победители разорили ряд псковских волостей, и среди них и Островскую, уведя многих жителей в плен.

В пятьсот восемьдесят первом году к Острову подошло войско польского короля Стефана Батория. Из дневника бывшего при войске секретаря королевской канцелярии Станислава Пиотровского: «17-го августа. По собранным сведениям, полагали, что Островом легко овладеть и обещали взять его для забавы и ради присутствия короля, но, когда увидели место, занимаемое крепостью, со всех сторон окруженное водою, – так как две реки обтекают его, – так сейчас поняли, что труднее взять его видя, чем не видавши». На штурм крепости пехоте нужно было идти по пояс в воде. Поляки опасались, что за не очень крепкими каменными стенами островичи построили деревянные срубы, засыпав промежуток между стенами землей. Как выяснилось впоследствии, этого можно было не опасаться. Что касается местности вокруг крепости, то, по словам Пиотровского, она очень красива: «Хотя это и небольшой замок, но очень красивый. Вода со всех сторон окружает остров, на котором он стоит; эту воду русские запрудами собрали под стены и построили на польский манер немало мельниц, на что смотреть очень приятно, но огонь все истребил. Мне кажется, что нам таких теперь не выстроить».

Король, сразу по приезде под стены крепости, осмотрел ее вместе с литовским Гетманом, а на следующий день, как пишет Пиотровский, «послал к осажденным грамоту в ласковых выражениях, чтобы сдавались; но они не ответили ни слова и хотят защищаться». Поляки перевезли всю свою артиллерию вброд через Великую ниже крепости по течению и ночью установили пушки на валу перед открытыми заранее окопами. Островичи на все приготовления неприятеля не просто смотрели со стен, а все время стреляли. Пиотровский по этому поводу пишет в своем дневнике: «Когда русские нас увидели, то сейчас начали стрелять из пушек; нам приходилось проходить так

близко от крепости, что ядра перелетали от нас, пока не направили орудий как следует... Мы расположились близко к замку, на выстрел из гаковницы; но осажденным предстояла забава стрелять не по лагерю, а по окопам, которые уже начали вооружать; сегодня, ночью, насыпали туры, при чем погибло около 40 человек пеших пана Ухровецкого и с ними также 3 дворянина». Стреляли островичи довольно метко, если судить по дневнику Пиотровского «из замка стреляют не очень сильно, но и не слабо. Гетманскому пушкарю прострелили руку из ружья».

Двадцатого августа начался обстрел Острова из двадцати орудий. В первый же день пробили довольно большое отверстие в одной из башен. Как уже говорилось, крепость была построена в те времена, когда порохом еще и не пахло. При внимательном осмотре ее Стефан Баторий заметил место, где западная стена была сильно выгнута и не давала возможности осажденным вести фланкирующий огонь. Именно в этом месте королевское войско и пошло на приступ. К девяти вечера двадцать первого августа крепость Остров, стены и башни которой (две башни были разрушены) не выдержали артиллерийского обстрела и последующего штурма, сдалась на милость победителя. Крепость была окружена стражей, чтобы никто не выезжал и не входил.

Утром двадцать второго августа все осажденные, которых общим числом было полторы тысячи человек², вышли из крепости. В качестве трофея поляки и литовцы получили пять пушек, некоторое количество ружей и довольно большой запас пороха³. У каждого, как сообщает Пиотровский, «отобрано все, только оставили при одной рубашке, а платье раздают пешим, которые все продают». Войско польского короля после падения Острова двинулось к Пскову, которого взять не смогло. Сложно сказать, в какой степени псковичам помогла подготовка к осаде задержка Батория возле Острова, но будем думать, что помогла. Русскому царю Остров вернули через пять месяцев, в середине января следующего года по Ям-Запольскому миру.

И последнее о взятии Острова Стефаном Баторием. В самом начале девятнадцатого века, то есть в восьмьсот третьем году, проезжал через Остров академик нашей российской Академии Наук Василий Севергин. Не просто так проезжал, а оставил нам описание города и его крепости. Среди прочего он пишет: «Сказывают, что в стене находят иногда ядра, оставшиеся якобы от бывшего на сие место нашествия Литовцов, и один из здешних крестьян показывал мне действительно чугунное ядро более пуда весом, уверяя, что он сам вынул его из стены. За сею стеной по ту сторону примечается открытое возвышенное поле, где видны четыре стоящие, весьма высокие, на дерево похожие можжевельные кусты, о коих уверяют, яко бы они посажены были над могилою похороненных здесь тел древних Литовцов». Кусты мы обсудить не будем, поскольку их не сохранилось, а вот ядро... Представим себе, что мужик не сочинил эту историю для заезжего академика из любви к искусству сочинять или в надежде получить рубль за рассказ, а действительно вытащил ядро из стены крепости. Вряд ли кто-то, кроме артиллеристов Стефана Батория, мог оставить в крепостной стене такой сувенир островичам на память.

Теперь подсчитаем убытки от военных действий. До разорения Острова Стефаном Баторием рядом с городом, как писал Пиотровский, было довольно много мельниц, сгоревших во время осады. В самой крепости находилось тридцать семь дворов ратных, приказных и поповских дворов. Там же имелось восемь дворов «зеленых» мастеров, делавших порох. Посад, от которого, понятное дело, мало что осталось, насчитывал двести четыре тяглых двора. Торг производился в двадцати восьми лавках.

К концу шестнадцатого века разрушенный, сожженный и разоренный Ливонской войной Остров запустел. Кроме военных, в нем почти никто и не жил. По городской описи пятьсот восемьдесят четвертого года на посаде, там, где числились двести с лишним тягловых дворов, теперь находилась сотня стрелецких дворов, составлявших Стрелецкую слободу. Пушкарских дворов по описи числилось всего полтора десятка, и они составляли пушкарскую слободу. Кстати, о дворах. Переписчики дворами называют двор осадной головы Микиты Скудина с двумя большими избами и сенями между ними, да еще с двумя клетями и погребом, которые строили крестьяне Островского уезда, двор городского приказчика Андрея Калитеевского с такими же постройками, которые переписчики называют хоромами, и двор наместника, хоромы которому

строили «Островского уезда детей боярских и монастырские и церковные крестьяне, а поделывают тот двор государевы дворцовые, и детей боярских, и монастырские крестьяне всем Островским уездом». Дворы местных священников – попа Никольской церкви Парамона Никитина и дьячка Жданка Петрова уже названы дворишками, поскольку хором там нет никаких, а вместо изб избушки, размеры которых даже не указаны. Такие же дворишки у островских пушкарей и стрельцов. Оно и не мудрено – жалованье стрельцы получали такое, что его можно было назвать пособием по безработице, если бы тогда их давали, а потому кормились они огородами⁴. Кто пошустрее держал торговые лавки, но тех, кто пошустрее было раз-два и обчелся. Количество лавок по сравнению с довоенным уменьшилось в три раза. Семь лавок принадлежали пушкарям и по одной стрельцу, островскому попу и дворцовому крестьянину. На весь посад имелось всего две бани, стоявших на берегу Великой, и одно банное место было пусто. Мельниц построили ровно две – одной из них, с «немецким колесом», владел псковский Алексеевский монастырь, а другой – островская Никольская церковь. Пустые дворовые места стали огородами. До войны в Острове был еще и мост наплавной через Великую. В городской описи про него сказано: «был мост на клетках вдоль 60 сажень, а примостье 15 сажень, а делали тот мост всем Островским уездом и посадом. И тот мост сожгли в приход литовских людей».

Между прочим, земля вокруг Острова, расположенного в южной части Псковской земли, была довольно хлебородной, и до разорения Острова в нем держали дюжину житниц новгородские торговые люди, время от времени наезжавшие покупать рожь и овес. После войны «в городе ж царя и великого князя 2 житницы по 2 сажени, да 15 мест житничных пусты...», а вокруг города много пустошей, да перелогов – заросших кустарником и молодыми деревцами пахотных земель, которые несколько лет никто не обрабатывал. «И всего в Острове паханных нив 30 да 13 нив пусты...»

Правда, с вооружением островской крепости все обстояло не так уж и плохо. На стенах было установлено десять медных пищалей, среди которых были и многоствольные, с общим запасом в три с половиной тысячи железных, облитых свинцом ядер. Еще и в казне десяток многоствольных пищалей в станках, еще двадцать две пищали затинных, с крюками, которыми цеплялись за крепостные стены, чтобы уменьшить отдачу при стрельбе, еще почти четыре десятка ручниц, да ко всему этому больше десяти тысяч железных, облитых свинцом ядер разного калибра, да еще шестьсот с лишним ядер, к которым и пищалей нет, да к этому поломанная многоствольная пищаль, которую можно при случае починить, да лом железный, да дюжина кирок ломаных, из которых тоже можно выстрелить, если уж очень припрет, да шесть пудов и два десятка гривенок порошу, да одиннадцать гривенок серы, «да у городских ворот изба сторожна четырех сажень».

Не успели закрыть дверь за Ливонской войной, как в окно влезла Смута и голод, но перед голодом в пятьсот девяносто втором году случилось моровое поветрие, и, чтобы с ним справиться, пошли из Святогорского монастыря крестным ходом в Псков, а по пути зашли и в Остров. Моровое поветрие отступило, но, если честно, то поздневато. Как пишет митрополит Евгений Болховитинов в своей «Истории княжества Псковского»: «Был мор во Пскове и по Засадам, и в Ивангороде. Псковичи почти все вымерли и город населен вновь мещанами из других городов». В Острове мещан было немного: все больше стрельцы, да пушкари, да местные батюшки – люди служивые. Вряд ли они поехали на освободившиеся пустые места во Пскове.

В шестьсот первом году, как сообщают Псковские летописи, «Грех ради наших рано в лете сташа великие морозы. И тогда побил морозом рожь и ярь, и с того году стало на крестьянский род великий глад». Мгновенно подорожали рожь, овес и ячмень, и высокие цены на зерновые держались два года. «И в те поры многие люди во Пскове и по селом, и по иным городом померло православных христиан несказанно; и оттоле поча хлебная цена низитися».

Ну, и Смуту, как говорится, никто не отменял. Как сказано все в той же Псковской летописи, «...божиим попусением и на отмщение крови неповинныя, прииде из Литвы вор Гришка розстрига, назвався царевичем Дмитрием Углецким». Вор Гришка прошел на Москву мимо Пскова и его пригородов, а вот поражение правительственных войск от второго Самозванца в шестьсот

седьмом году aukнулось и Пскову, и его пригородам. Отпущенные из плена, как пишет псковский летописец, «пригородские стрельцы с псковскими... пошли на свои пригороды, на Себеж, да на Опочку, да на Красный, да на Остров, да на Изборск, и дети боярские по поместьям, и пригороды все смутили, и дети боярские и холопы их приведоша пригороды и волости к крестному целованию табарскому царю Дмитрею». И такая началась кутерьма... то полковник Лисовский со своими «лисовчиками», то атаман Просовецкий, то оба они вместе, то какой-то юзский дьяк Исидор, объявивший себя царевичем Дмитрием, то литва, то шведы, то лифляндцы, то новгородцы, то черти в ступе, то казаки, которые были еще хуже чертей... Остров, как и остальные пригороды, колебался, так сказать, с линией партии, то есть вместе со Псковом – и Тушинскому вору присягал и Василию Шуйскому. Правда, королевичу Владиславу присягать отказались. Вместе со Псковом, конечно.

По годовой смете, отправленной в Разрядный приказ в шестьсот двадцать седьмом году, проживало в Острове «всяких людей 68 человек». Немного, что и говорить. Все люди военные – воевода Иван Трофимов сын Козодавлев, а с ним полсотни стрельцов, да полтора десятка пушкарей и затинщиков, да два воротника. В крепости имелось тридцать девять разнокалиберных пищалей, и к ним почти шестнадцать тысяч разнокалиберных ядер, еще полсотни пудов пороху, три десятка пудов свинца, прут железа весом чуть больше шести килограммов и двадцать пять железных ложек⁵.

Через четыре года, в шестьсот тридцать первом году островский воевода Афанасий Хвостов делает опись города и роспись имеющимся оружейным, пороховым, свинцовым и хлебным запасам. В то время Остров находился в пятнадцати верстах от границы. Крепость к тому времени обветшала: «...башня рассыпалась, и по твоему государеву указу тое башню ныне делают. А что, государь, стены розсыпалось, и то, государь, худое место в прошлом... году зарублено деревом. И во многих, государь, розных местех стену водою подмыло, и стена ис подошвы высыпалась, и на башнях, государь, и на стене кровли нет... Крепости, государь, около города никакие, oprичь реки, нет, а рва, государь, копать и чесноку⁶ поставить не уметь».

Гарнизон крепости остался таким же, как при воеводе Козодавлеве. Правда, на одного человека увеличился. Теперь в посадских стало четверо. В случае осады, пишет Хвостов к тем людям, что уже есть, необходимо будет прибавить еще две с половиной сотни. Правда, в случае осады, такому гарнизону нечего будет есть, поскольку «наряду, государь, болшово, и хлеба запасного, и соли, и никаких запасов в Острове нет, в осадное, государь, время в городе сидеть не о чом». С хлебными запасами, и правда, было плохо, потому как имеющиеся рожь, овес, ячмень и гречку перемерили с точностью до пол-пол-полчетверика, что на наши деньги означает 0,4 литра.

Что касается пищалей, то их стало меньше на четыре, зато прибавилось восемнадцать ручниц – тех же пищалей, но ручных. Пороху стало больше на один пуд, но свинца стало меньше почти на десять пудов, а ядер на шесть тысяч. Видно, за эти четыре года пришлось стрельцам и пушкарям пострелять. Вот только железных ложек как было два с половиной десятка, так и осталось, да прибавилась к ним кирка.

В учебниках пишут, что Смутное время у нас закончилось в шестьсот тринадцатом году. Впрочем, некоторые историки, считают, что оно продлилась еще пять лет – до восемнадцатого года, но если не по учебникам...

В апреле шестьсот тридцать четвертого года псковский дворцовый дьяк Томила Истомина написал царю Михаилу Федоровичу не то чтобы донос, но... донос на псковского воеводу Дмитрия Воейкова, в котором обвинил последнего не только в уклонении от военных действий против литовцев, но и в ложном донесении в Москву о своих, с позволения сказать, успехах. Из этого письма становится ясно, в начале февраля этого же года приходила литва в псковские пригороды, среди которых был и Остров, разбойничать и грабить, а воевода Воейков, что называется, и пальцем не пошевелил, чтобы этот разбой и грабеж пресечь. Никакой военной помощи от Пскова пригороды не дождались. «И под Островом, государь, литовские люди посады пожгли, и посадских людей и уездных крестьян з женами и з детьми побили ж и в полон поимали...». В ответ на

донос Томилы Истомина псковский воевода князь Федор Елецкий, защищая воеводу Дмитрия Воейкова, написал царю другой не то чтобы донос, но... донос с обвинениями в адрес Истомина. Ни его донос, ни последующий ответ дьяка Истомина на его донос мы разбирать не будем, скажем только, что и Федор Елецкий подтвердил, что литовские люди «...и к Острову, государь, приступили, и посад под Островом выжгли, а на посаде, государь, людей дворишков з десять да твой государев кабак». Еще и кабак...

Кстати, о кабаках. Вернее, о кабацких головах. В шестьсот пятьдесят третьем году островский пушкарь Дорошка Данилов написал извет на островского же кабацкого голову Микифорку Назарьева за то, что тот сказал «проговорное государево слово». Что уж там наговорила наверняка пьяная кабацкая голова супротив царя или наоборот обвинила Данилова в злоумышлении против государства, мы не знаем, но еще один стрелец по имени Юшка эти слова Микифорки Назарьева подтвердил. Нарядили следствие. Дорошка Данилов в ходе следствия написал «прибавошный извет», и в этом своем втором извете на Назарьева видимо возвел напраслину, поскольку велено было бить нещадно батогами и Назарьева и Данилова. Почему не всыпали заодно и свидетелю Юшке? Наверняка же пили все вместе да еще и на счет кабацкого головы.

В шестьсот шестьдесят седьмом году псковский воевода князь Иван Адреевич Хованский с товарищи прислали в Разрядный приказ «под отпискою своєю изветное дело островского попа Гаврила на островского ж приказного человека на Зиновья Зубатого, что он был у Микитина крестьянина Бухвостова у Ивашка Губанова на поминках, и после обеда он, Зиновей, пил пиво про здоровье польского короля и панов больших, называя их имяны. И ноября в 24-м числе послана государева грамота во Псков к боярину и воеводам и ко князю Ивану Ондреевичю Хованскому с товарищи, а велено ему, Зиновью Зубатову за ево непристойные пьянские речи учинить наказание – бити кнутом на козле нещадно, а на ево место велено в Остров послать изо Пскова ково пригож».

С одной стороны, бить кнутом на козле нещадно – это, конечно, перебор, а с другой, если ты приказный и пьешь за здоровье польского короля и его больших панов, то куда же это годится?! Тем более на поминках. Оно и сейчас, спустя почти четьре сотни лет, за такие тосты на тебя начальство посмотрит косо, если ты приказный. Невзирая на поминки.

В шестьсот шестьдесят втором году в соседний с Островским Красногородский уезд заявили литовцы. Оттуда до Острова рукой подать. Островский воевода немедленно отправил Псковскому воеводе князю Тимофею Щербатову рапорт о том, что в казне наряда нет, то есть отстреливаться от грабителей, кроме как из старых испорченных пищалей ядрами, которые к этим пищалям еще и не все подходят, нечем. Да и пороха кот наплакал, не говоря о хлебных запасах, которых еще меньше, не говоря о стенах и осыпавшихся башнях, которые вопиют о ремонте. Неизвестно, что отвечал князь Щербатов в Остров, но островский воевода направил во Псков еще один рапорт о том, что по данным разведки литовцы готовятся напасть на Островский уезд. Псковский воевода дал, конечно, какие-то ценные указания своему островскому коллеге о том, как стрелять из ржавых пищалей неподходящими ядрами, но литовцы все же разграбили и пожгли все, что смогли в этом набеге пожечь и разграбить. Острову повезло – его не захотели брать.

И снова воеводская отписка в Разрядный приказ. Теперь уже воевода Исая Иванович Дубровской⁷ в шестьсот шестьдесят седьмом году переписал в Острове «служилых стрельцов, и пушкарей, и посадских, и жилецких всяких чинов людей, и их детей, и братью, и племянников, и всяких свойственных людей, и приимышев, и с каким хто боем, и сколко в Съезжей избе подьячих, и что им государева годового денежного жалованья, и что в Острове по городу какова наряда на лицо медного и железного, и какова которая пищаль мерою, и что в государевой казне зелья ручного и пушечного порознь, и свинцу, и всяких пушечных запасов, и сколько х которой пищали ядер порознь, и каково х которой пищали ядро весом, и что в Острове хлебных всяких запасов, и запасные соли, и то писано в сих переписных книгах подлинно порознь».

Правду говоря, мало что менялось в лучшую сторону в понемногу ветшающей крепости и в островском посаде. Вот разве что у одного из пушкарей появился сын Вася, недоросль, да еще

шесть пушкарей стали отставными. У стрельцов появилось два с половиной десятка детей. Захребетников, то есть вольных или гулящих людей не на службе в Острове не было, да и откуда им было взяться в бедном псковском пригороде за пятнадцать верст от границы. Тут и у подъячего в съезжей избе было годового царского жалования всего семнадцать рублей, да и то платили через раз. В посаде проживало семнадцать человек да детей у них, братьев и племянников чертова дюжина. Все посадские были вооружены топорами, а у двух человек по пищали.

Стали ржаветь пищали, мушкеты. Замки к некоторым и вовсе развалились. В негодность пришло больше сотни солдатских мушкетов. «Зелья ручного мушкетного в бочках, в остатках после отходу польских людей 28 пуд 35 гривенок, грязен, к замочным пищалем не годитца». Пушечный порох, которого осталось всего двенадцать пудов, тоже грязен и толку от него... Шесть барабанов оказались попорчены – то ли сгнили от сырости, то ли били в них слишком сильно. Да еще от пожара в шестьдесят шестом году четыре пищали пришли в негодность. Из хлебных запасов только ячмень, да еще сто с лишним пудов соли. «А денежной великого государя казны в Острове нет».

И через тридцать один год, в самом конце семнадцатого века, в годовой смете, составленной воеводой Иваном Васильевым сыном Бормасовым, эти сто четыре пуда соли записаны. Все остальное в прежнем состоянии не оставалось. Все остальное продолжало ветшать. «На городе две башни: одна цела, другая сыспаду и поверху ветха: третья с верха до земли осыпалась; верхние, и средние, и нижние бои все поосыпались; захаб у других ворот осыпался весь». Прибавилось у стрельцов детей, братьев, племянников и свойственников. Теперь их сорок три человека. У церковных дьячков и пономарей, коих всего-то пять человек, набралось по описи тринадцать человек родственников и свойственников. Посадских людей стало больше почти в три раза – сорок девять человек. Количество их родственников тоже выросло почти в три раза. Было тринадцать, а стало тридцать семь. По тем временам уже не деревня, а целый город. Кстати, все, кроме детишек и малолетних племянников, были вооружены. У всех посадских людей и даже у церковных дьячков с пономарями, если верить смете, были свои топоры и бердыши.

Мало-помалу город стал разрастаться: «За городом же на том острове, где город, кабацкой и Таможенной двор. Мост с одной стороны от Стрелецкой слободы через Великую реку строят откупщики из себя». Учел воевода Бормасов и островские церкви: «...в пределе Преображения Господа Бога и Спаса нашего Иисуса Христа да соборная церковь Николая Чюдотворца, те церкви каменные: за городом на посаде церковь Покрова Пресвятыя Богородицы, девич монастырь, деревянная».

Теперь про наряд – про пушки, пищали, фальконеты, мушкеты и ядра. Нет, они не заржавели окончательно. Вернее, прислали в Остров из Пскова новые на замену тем, что испортились в результате пожара. Так что на стенах и башнях (на тех, что еще не осыпались) стоят годные к бою орудия. Правда, колеса у них «огнили», но сами они стреляют. Еще почти полторы сотни годных к стрельбе мушкетов, но в погребе, в том, что устроен в городской стене, лежат еще сорок неисправных пищалей, к которым нет замков. Там же лежат и ядра, к которым нет пищалей. С порохом все обстоит лучше, чем при воеводе Дубровском. Его, ручного и мушкетного, сорок шесть пудов, да еще четырнадцать гривенок, да еще полугривенка, а по-нашему выходит почти семьсот сорок килограммов. Свинца много – шесть с лишним десятков пудов. И это не все. Еще девятнадцать связок фитилей, девять целых железных ломов, лом железный ломаный, железная соха, гвоздодер, пять бердышей и девяносто две пики. Еще в приказной избе цепь с колодкой, да ножные кандалы. Вот только денежной казны в Острове как не было, так и нет. Это плохо, но судебных дел нет, что хорошо. «Книг записных делам никаких нет же, потому что больших дел Острове нет». Так и вижу, как после написания этой фразы воевода тяжело вздыхает и говорит корпящему над бумагой подъячему:

- Как дам сейчас по уху! Будешь у меня знать.
- За что, Иван Васильевич?! – спрашивает изумленный подъячий⁸.
- Знал бы за что – убил бы, – отвечает воевода, берет у него из рук перо, размашисто под-

писывает смету, пинает носком сапога курицу, увлеченно ключущую что-то под лавкой у окна, и кричит куда-то в глубину Приказной избы, за дерюжную занавеску:

– Марфа, гащи сюда штоф и сухарей ржаных! И моченых яблок!

Снова тяжело вздыхает и шепчет себе в черную, с проседью, бороду:

– Господи, ну за какие грехи ты отправил меня воеводой в Остров, в эту...

Восемнадцатый век начался в Острове в семьсот восьмом году – псковский пригород, которого к тому времени было почти четыреста лет, сделался уездным городом Псковской провинции, а Псковская провинция сделалась частью Ингерманландской губернии. В семьсот девятнадцатом году, не сходя с места, Остров в составе Псковской провинции был переведен из Ингерманландской губернии в Санкт-Петербургскую. В промежутках между этими двумя событиями в семьсот десятом году в город, как и в другие псковские провинциальные города, приходила из Риги моровая язва. В семьсот двадцать седьмом году Остров вместе с Псковской провинцией еще раз переместили. Теперь уже из Санкт-Петербургской губернии в Новгородскую. За три года до этого Остров стал управляться городским магистратом. Не стало уездных воевод, которых переименовали в коменданты, а потом снова в воевод, земских старост переименовали в земских бурмистров, таможенных и кабацких голов в таможенных и кабацких бурмистров, появились городские обыватели, приказные избы переименовали в земские, магистраты переименовали в ратуши, а ратуши снова в магистраты... Несмотря на все эти нововведения, Остров как был обнищавшим и захолустным городом – так и остался. После окончания Северной войны граница отодвинулась от Острова так далеко на запад, что город потерял всякое военное значение.

В начале августа семьсот шестьдесят седьмого года в Остров приехал Новгородский губернатор Яков Ефимович Сиверс. В докладе, который губернатор подал Сенату о состоянии городов своей губернии, об Острове сказано: «Город Остров – сущая деревня, имеет около 120 душ купечества, в воеводском доме только сороки и вороны живут, ни площади, ни лавок не нашел...». Деятельный Сиверс немедленно определил места для того и для другого и приказал открыть воскресные базары. В торговых рядах, устроенных на месте, которое указал Сиверс, потом торговали зерном, мукой и скобяными товарами.

Императрице же Сиверс пишет, что «старый замок теперь только груда мусора; собор похож на часовню, а канцелярия и дом воеводы представляют какие-от полуразвалившиеся хижины. В городе сто двадцать граждан и столько же разночинцев, всего сто пятьдесят домов. Однако есть значительные купцы, которые ведут значительную торговлю льном и пенькой, доставляют их в Нарвскую гавань и пользуются там кредитом. В канцелярии не нашлось ни одного гражданского процесса, никаких недоимок и очень мало денег, потому что по получении они немедленно отправляются в Псков. Арестантов, ожидавших решения, оказалось трое. Уездный воевода незадолго умер. Магистрат помещается под соломенной кровлей. У жителей нет ни полей, ни лугов и многие из них нанимают помещичьи и экономические земли».

О том, как управлялся Остров во времена губернаторства Сиверса, можно прочесть в заметке «О монументальных остатках или следах древних псковских пригородов» члена-секретаря Псковской Археологической комиссии Евлентьева, опубликованной в восемьсот семьдесят восьмом году в Псковских губернских ведомостях. В семьсот семьдесят втором году островским воеводой был премьер-майор Трофим Мизроедов, воеводским товарищем капитан Иван Ладыженский и секретарем Терентий Вязовитинов. На службе в штате воеводской канцелярии состояло восемь приказных, которых называли канцеляристами, подканцеляристами и копиистами. Канцелярия делилась на три приказных стола, или повытья: протокольное, подушное, оно же и экономическое, и разыскное. Жалованье тогда исчисляли «в треть», то есть за третью часть года, и воевода получал в треть, как записано в протоколе воеводской канцелярии, 125 рублей. Его товарищ, то есть заместитель, получал в треть 83 руб. 33 1/2 коп., а секретарь 66 руб. 66 1/2 коп.⁹ Жалование всех служащих воеводской канцелярии составляло 383 руб. 83 1/4 коп. В среднем... Впрочем, среднее тут лучше не высчитывать, поскольку канцелярский сторож получал в квартал ровно шесть рублей, и не серебром, а ассигнациями.

При канцелярии имелась воинская штатная команда из тридцати человек нижних чинов, которой командовал прапорщик. Прапорщику этому полагалось в треть 42 руб. 12 1/2 коп. На содержание воинской команды отпускалось в квартал из казны пятьсот рублей ассигнациями. На человека выходило около сенадцати рублей.

Кроме воеводской канцелярии в Острове находилась еще Нижняя Расправа, бывшая судом для служивых людей, черносошных и государственных крестьян. Судьей в ней был капитан Василий Уставщиков. Платили ему куда меньше воеводы – всего 250 руб. в год. Сельским заседателям по 60 руб. в год, секретарю Вязовитинову, который здесь работал совместителем, 200 руб. Канцелярским служащим платили сушие гроши – кописист за три месяца 13 руб. 33 1/2 коп., а сторож и вовсе 4 руб. 66 1/2 коп. Как они жили, а вернее, существовали на эти деньги... Правда, если пере- считать жалование сторожа в курицах, не говоря о цыплятах...

Член-секретарь Псковской Археологической комиссии в своей заметке приводит народные предания о тех временах, которые мы процитируем дословно, не комментируя: «В народной памяти сохранилось сказание об одном местном воеводе, большом оригинале. Рассказывают, что докладчиком дел у него была баба, сидевшая в передней за прялкой, и что пушки в городе у него были дубовые, окованные железными обручами, что донесения воеводы Наместническому правлению о происшествиях отличались замечательною курьезностию; например, когда бежали колодники из островской тюремной избы, воевода доносил кому следует, что у него бежали колодники в старую дыру, которая дыра при старом воеводе была!» Видимо, в те времена военное значение Острова упало так низко, что пушки можно было иметь на вооружении деревянные, хотя и окованные железными обручами..., впрочем, это уже комментарии, от которых мы обещали воздержаться.

В семьсот семьдесят седьмом году Остров стал уездным городом Псковского наместничества. Через год Екатерина Вторая подтвердила план города и еще через три года в мае семьсот восемьдесят первого года Острову был присвоен герб: «В верхней части щита герб Псковский. В нижней остров среди реки и на нем три дуба в голубом поле, означающий имя сего города» и... все. Ни крепости, ни башен, ни пушек, ни стрельцов с пищалями. Все поросло быльем – и осады, и ливонские рыцари, и Витовт, и Баторий, и сожженные посады, и убитые, и увезенные в полон. Остался только остров посреди реки и на нем три дуба в голубом поле.

За год до того, как утвердили герб, Остров посетила Екатерина Вторая проездом в Могилев. Понятное дело, что власти перед приездом императрицы поднимали и красили поваленные заборы, прятали за эти заборы мусор, сметенный с улиц, приводили в порядок присутственные места, строго настрого приказывали обывателям не выпускать на улицы в день проезда Ее Величества коров, свиней и гусей, не говоря о курах. Может быть, кого-то из хозяев этих домашних животных даже и высекали в профилактических целях. Архиепископ Псковский и Лифляндский предписал Островскому, Опочечскому и Новоржевскому Духовным Правлениям: «...где будет Ее Величество прибытие иметь в церковь, должно быть от ученых протопопов или священников приветствие, пристойное сему вожделенному случаю, которое б было сколько можно краткое и ясное». От Островского духовенства приветствие должен был сказать протоиерей Сергей Владимирский – настоятель Никольской соборной церкви. Можно сказать, что островскому священству этим была оказана честь – в соседнюю Опочку для этой цели пригласили протопопа из Изборска.

По межевой книге семьсот восемьдесят первого года площадь, на которой стояли островские дома, дворы и огороды, составляла около пятидесяти шести десятин. В переводе на наши деньги – около шестидесяти гектаров. Если перевести гектары в квадратные километры, то получится... даже и одного не получится. Если точнее, то ноль целых и шесть десятых квадратного километра. Вот на этой-то площади и стояло 58 купеческих и мещанских дворов, в которых проживало 184 лица мужского пола и 122 женского.

Такой город можно проехать в карете со средней лошадиной скоростью минут за пять, если ехать с толком, чувством и расстановкой. Конечно, к этим пяти минутам нужно прибавить столько, да еще полстолько, да еще четверть столько на дорожные ухабы, канавы и перебегающих до-

рогу кур, да приветствие островского протопопа, да торжественный молебен в соборной Никольской церкви, представление местного начальства императрице, разбор полетов, обед или хотя бы чай со свежими густыми островскими сливками, свежеспеченными калачами, маслом, черной икрой, фруктами, мороженым, стерляжьей ухой, расстегаями, вишневой наливкой, собственно-ручно приготовленной супругой городничего... Лучше, однако, обратиться к документу под названием «Дневная записка путешествия Её Императорского Величества через Псков и Полоцк в Могилёв, а оттуда обратно через Смоленск и Новгород», в которой, хотя и скупо, описаны детали визита Екатерины Алексеевны в Остров. Надо сказать, что городу в «Дневной записке» дана весьма лестная характеристика:

«В сем уездном городе все места, по учреждениям назначенные, находятся в действии. Дела производятся с довольным успехом, так что нерешенных считается только одиннадцать, в том числе уголовное дело и по оному колодник один; денег налицо, вступивших с первого мая, до десяти тысяч рублей; недоимок за прошлые годы менее трех тысяч рублей, кои и взыскиваются с успехом. Оброчные статьи отданы с платежом в год по семи сот по пятидесяти восьми рублей, жителей в городе: купцов пятьдесят три, мещан семьдесят четыре. Торг производится льном, пенькою и другими товарами на сто тысяч рублей. В припасах съестных, по урожаю хлебному и хорошему положению города и уезда, недостаток, дороговизна не оказываются. Нужды городские состоят в даче ему выгона и в ссуде для лучшего построения. Вследствие сего Ея Величество повелеть соизволила: выдать на закладку ста домов на каждый по двадцати рублей, а на все две тысячи рублей, на строение соборной церкви шесть тысяч рублей, на богадельню сто рублей... на городскую школу сто рублей».

На следующий день: «Ея Императорское Величество слушав в тамошней церкви Божию службу, по окончании которой протопоп тамошний говорил Ея Величеству речь. После чего представлены были Ея Величеству дамы тамошнего дворянства и оттуда прямо Ея Величество в путь свой вступить изволила...».

Вот уже и деньги в городской казне появились, уже и съестные припасы имеются в достаточном количестве и по сходной цене, уже и торгу льном, пенькой и другими товарами на сто тысяч в год, уже и дела производятся с довольным успехом, а все потому, что «все места, по учреждениям назначенные, находятся в действии». Не так все печально, как докладывал Сенату и писал императрице Сиверс. Это, между прочим, всего через три года после его визита. Правда, выгона у города как не было – так и нет, а в те времена провинциальному и не только провинциальному городу иметь выгон для скота было так же необходимо, как сейчас места для автомобильных парковок.

Хотел я было написать, что со ста рублей, выданных Екатериной Второй на городскую школу, и началось в Острове народное образование, но... нет. Началось оно лишь спустя семь лет. По уставу народных училищ, утвержденному Екатериной Второй, в уездных городах положено было открыть эти самые народные училища. Генерал-губернатором Смоленского и Псковского наместничеств генерал-аншефом князем Николаем Репниным было поручено правителю Псковского наместничества генерал-поручику Ивану Пилю предложить островским городничему и городскому голове открыть народное училище в городе к первому января семьсот восемьдесят седьмого года, так как Островское общество «объявило свое усердие к споспешествованию общему долгу желанием содержать училище от себя». Для такого случая в городе был уже приготовлен дом.

Если выпало в империи родиться, то просто открыть народное училище и посадить за парты народных детей и начать их учить грамоте нельзя. Империя разработала специальный обряд открытия народных училищ, которого необходимо было неукоснительно придерживаться и городничему, и городскому голове. Это и было сделано. В торжественный день открытия городничий секунд-майор Христофор Беккенгаузен и городской голова Леонтий Новиков собрали все уездное начальство, не исключая даже судей и канцеляристов, вместе с городовым магистратом, знатнейшим купечеством и мещанством в соборной Никольской церкви и туда же приказали привести будущих учеников, которых было тридцать семь человек¹⁰. После литургии и молебственного пения за здравие Государыни все отправились в дом, где располагалось училище, и окропили

его святой водой. После этого... еще нельзя было садиться за парты. Прежде протоиерей Сергей Владимирский сказал поучительное слово будущим ученикам. После протоиерея выступил с приветственным словом первый островский учитель Иван Соколов. После Соколова вступил городничий и поблагодарил императрицу за «Ея матернее попечение о благоденствии и просвещении народном». Наконец, когда все, а особенно дети, среди которых были и пятилетние, уже устали, утомились, а некоторые заплакали и запросились домой, училище было открыто. Как писал первый островский историк протоиерей Панов в своей «Летописи города Острова и уезда»: «Так открыт был первый рассадник просвещения в городе Остров – малое народное училище».

Попечителем училища назначили «в рассуждении состояния и поведения добропорядочного Островской второй гильдии купца Якова Иванова, который возложенную на него должность без всякого упущения отправлять может». Еще не уходя с церемонии открытия, приглашенные на торжество собрали в пользу училища 121 руб., из которых 74 руб. служащими, а 47 руб. купцами. Прямо скажем – не бог весть какая сумма, если учесть, что учителя из экономии наняли одного, а не двух, и полагалось ему зарплаты за совместительство двести десять рублей, из которых полторы сотни за, собственно, обучение, а еще шестьдесят за рисование. И эта зарплата не в месяц, а в год. Да еще на содержание самого училища нужно было сто семьдесят рублей. Впрочем, все это должно было быть по плану Приказа общественного призрения, в ведении которого были малые народные училища, а в действительности даже дрова и свечи, которыми город должен был снабжать учителя, приходилось ему добывать с боем, и выдавали их зачастую меньше чем нужно. Островское купечество обещалось давать на содержание учителя сто сорок рублей в год, но... получал он сто двадцать, да и те деньги выдавались несвоевременно. Городская Дума, которая должна была содержать училище... нечего и говорить о Городской Думе, если ни купцы, ни мещане, из которых она и состояла, не хотели отдавать детей учиться, не видя в том никакой для себя пользы, а дворяне своих детей отдавали в учебные заведения для дворянского сословия. Какое уж тут содержание...

Да и те, кого все же отдавали в учение, родителей своими оценками радовали редко. В Островском, как и в других начальных училищах, был двухгодичный курс обучения, но и его многие ученики, если судить по спискам учащихся, не могли освоить в течение четырех, а то и пяти лет. Были дети, которые и по семь лет сидели за партой, но в результате все равно выпускались без аттестата. В те далекие и совсем не толерантные времена учителя Островского начального училища в графе об успехах детей за некоторые годы писали кратко: «туп» и такие оценки имело больше половины учащихся.

Просуществовало Островское уездное училище в таком виде семнадцать лет. Образование в нем получили пятьсот тридцать маленьких и не очень островичей, из которых только пятьдесят две девочки, а остальные мальчики. В восьмьсот четвертом году в соответствии с новым уставом малые народные училища были преобразованы в уездные. Ну, это в столицах все быстро делали, а в Острове преобразования случились только в начале восьмьсот пятнадцатого года.

Впрочем, это уже следующий век, и прежде чем мы перейдем к девятнадцатому веку Острова, скажем еще несколько слов об островских событиях конца восемнадцатого века. В семьсот девяностом году на шесть тысяч рублей, которые дала из казны Екатерина Вторая, возвели Островский Троицкий собор, и по сей день украшающий главную площадь города. Через три года построили церковь Покрова Богородицы. В семьсот девяносто шестом игумен Святогорского монастыря написал жалобу на островичей в Псковскую духовную консисторию. Дело в том, что каждый год в Петровский пост отправлялся крестный ход из монастыря в Псков. По такому случаю монахи в специальной ладье плыли по реке Великой из монастыря во Псков вместе с иконами. Они бы и плавали себе, никого не беспокоя, но островичи в черте Острова и около него устроили множество рыбных ловель, перегородили реку запрудами, сетями и даже каменными перегородками, через которые ладье с монахами и иконами перебраться затруднительно. Люди они, конечно, богобоязненные, но рыбные ловли их сильно испортили, и потому игумен просил консисторию, чтобы та обратилась к Островскому городничему и нижнему Земскому суду, чтобы

те распорядились «во всех местах по Великой реке, чрез которые прописываемой со святыми иконами ладья проходить будет, имеющиеся запруды тотчас снять... и сверх того... во время сего крестного хождения делать всякие уважения и требуемую помощь, так и всем... жителям... внушить, чтоб и они для того богоугодного дела прилагали душевное свое усердие во всех случаях надобности». Псковское наместническое правление просьбу монахов без внимания не оставило и направило Островскому городничему и нижнему Земскому суду указы, коими велено запруды немедленно снять, и сверх того жителям внушить, чтобы они для такого богоугодного дела...

Забегая вперед скажем, что и через восемь лет все запруды и все каменные перегородки остались на месте. Участникам крестного хода пришлось обходить город посуху. Еще и ладью при этом обходе повредили. Монахи немедленно отправили еще одну жалобу губернским властям. Тут уж Псковский губернатор Яков Иванович Ламздорф лично предписал Островскому городничему и нижнему Земскому суду запруды немедленно расчистить и доложить начальству, кем и с чьего разрешения таковые сделаны.

Не стоит, однако, думать, что островичи только о своих рыбных ловлях и беспокоились. За год до наступления девятнадцатого века островский купец Иван Антипов просил городскую Думу разрешить ему за свой собственный счет построить в Острове каменную богадельню, и не просто построить, а восьми будущим ее жильцам, мужчинам или женщинам, выдавать по три рубля ежегодно каждому.

И последнее о восемнадцатом веке. В конце его Остров занимал первое место среди уездных городов по количеству каменных зданий. Город за собой следил, и в нем даже был создан «Комитет о замощении улиц». В семьсот девяносто восьмом году в Острове было двести пятьдесят купцов и чуть меньше мешан. Если точнее, то на одиннадцать меньше, чем купцов. Вот эти-то четыреста восемьдесят девять человек, к которым нужно прибавить небольшое количество дворян, приказных, отставных военных, священнослужителей и крестьян, торговали льном, пенькой, кожей, щетиной, застроили Остров каменными домами, учредили комитет по замощению улиц, много лет упорно сопротивлялись монахам Святогорского монастыря, не желая ради крестного хода ликвидировать свои запруды и каменные перегородки на реке Великой, построили собор и богадельню, собирали, хоть и нехотя, деньги на содержание малого народного училища и нещадно пороли детей, когда они в этом училище плохо учились, а тем более сидели не по одному году в каждом из двух классов.

Девятнадцатый век начался в Острове двадцатого июня восьмьсот второго года с визита Александра Первого. Нет, это не был визит, подобный визиту его бабушки – император был в Острове проездом из Опочки, в которой он тоже был проездом, в Санкт-Петербург. Подали ему обед, поменяли лошадей на свежих, и он укатил в столицу¹¹.

Через год после императора Остров посетил тоже проездом уже упоминавшийся ранее академик Василий Севергин, пробывший в городе не более трех дней. Севергин не только перечислил обывательские дома, каменные и деревянные, заводы, богадельни, кабаки, лавки каменные и деревянные, но и сделал ряд наблюдений, которые императоры вряд ли сделают, хотя бы и прожили в Острове не три, а тридцать три дня.

«Небольшой город Остров весь почти состоит из деревянных строений. Он лежит при Великой реке, которая здесь узка и имеет низкие берега. В нем только три церкви и народ бедный. Место сие составляло прежде сего вдоль Великой реки слободу из 150 домов состоящую; но от основания города распространилось, а после случившегося здесь пожара вновь застроено и в лучшее приведено состояние. Площадь в нем обширная, и гостинной двор изрядной каменной, кроме коего есть также и деревянные лавки. Вдоль Великой реки простирается в некоторых сажнях от нынешняго ея русла нарочитой вышины косогор, которой, кажется, прежде сего составлял настоящий ея берег... Берега Великой реки здесь глинистыя, и содержат множество обломков серого известнаго камня. Также и дно реки, сколько видеть можно, устлано плитами сего же известнаго камня, который сверх того добывается и в окрестностях города в разных местах; почему церкви и другие каменные здания, и особливо основания домов строятся из сего же камня...

Я перейду к другого рода предметам до сей реки касающимся. Поперек ее делают стенки из камней во всю ее ширины, каковых я здесь приметил четыре, с промежутками или воротцами, куда вставляют верши, то есть воронкообразные плетни из раkitника делаемые, которыми ловят проходящую здесь рыбу. Рыба же здесь попадаетея щука, леци, шерешперы и изредка сомы.

Впрочем, я уже выше упомянул, что жители сего города бедны; ремесел почти нет; сапожников только четверо; однако есть часовой мастер, родом немец. Хлебопашество не великое, а льну сеют тем более, которой, однако дорог.

Жителей в сем городе: купечества 236, мещанства 276, служащих 81, разных отставных военнослужащих 21, церковнослужителей 15, разного звания людей 109, а всего 738. Церквей каменных три, деревянных одна. Домов казенных деревянных 11, питейных 9, обывательских каменных 20, деревянных 240, богаделен 2, лавок каменных 40, деревянных 33, льняных заводов 22, итого всех строений 381. В народном здешнем училище нашел я 30 учеников.

Ржи четверик стоит 1 рубль 10 коп. круп гречневых четверик 1 рубль 50 коп. овса четверик 50 коп. сена пуд 20–25 коп. Мука пшеничная здесь редка, впрочем, пуд ее продается по 2 рубли 40 коп. Сажень дров распашная, то есть размахом рук определяемая стоит один рубль; пуд свечей 8 рублей»¹².

Цены мы обсуждать не станем, тем более что Севергин, даром что академик, указал, к примеру, цену за четверик ржи в рубль и десять копеек, но не указал – ассигнациями или серебром, а про свечи и вовсе не сказано какие они – восковые или сальные. Ну, да это ему простительно – он был химик и минералог, а не чиновник министерства финансов, и со знанием дела написал про островские известняки и глины. И все же... несмотря на то что Остров, как мы помним, уже к концу восемнадцатого века занимал первое место в губернии по численности каменных зданий, несмотря на организованный комитет по замощению улиц, «жители сего города бедны». Церкви три каменных и одна деревянная, но питейных домов девять. «Ремесел почти нет». Сапожников всего четыре. Выходит один сапожник и одна церковь почти на две сотни жителей. С кабаками и льняными заводами в пересчете на душу населения все обстояло куда лучше. Два с лишним десятка льняных заводов не должны вводить в заблуждение современного читателя. Как правило, на таких предприятиях работало три, четыре, много пять человек. На самых крупных их могло быть пять с половиной. О часовых дел мастерах и говорить нечего.

Между прочим, количество учеников в островском малом народном училище снизилось по сравнению с сорока учениками, которые были при его открытии шестнадцать лет назад. В тот год учились большей частью мальчики. Девочек было всего две. Случались годы, когда девочек не было ни одной. Да и всех учеников приходило на занятия десятка полтора или два, или всего одиннадцать человек.

У островского купечества деньги, хотя и не очень большие, водились. По данным за восемьсот третий год, совокупный его, то есть купечества, капитал составлял 164 250 руб. Этот капитал приходился на почти две с половиной сотни лиц, записавшихся в купеческое сословие. В среднем на каждого выходит чуть менее семисот рублей, из чего можно заключить, что островские купцы большей частью принадлежали ко второй и третьей гильдиям. Интересно, что купчих в Острове проживало больше чем купцов почти в два раза. Через пять лет количество купцов снизилось до ста восьмидесяти. Поскольку обедневшие купцы записывались в мещане, то число последних выросло до трехсот тридцати шести. Доход у города был, мягко говоря, невелик и складывался он из арендной платы за землю, которой у Острова было не бог весть сколько, от различных предприятий – их тоже было немного и они были небольшими, если не сказать маленькими и очень, налогов с трактиров, постоянных и питейных домов, с различных патентов на право производства торговли и промыслов, но... еще раз вспомним слова академика Севергина о том, что «ремесел почти нет». Набегало... такие суммы лучше писать прописью – двести семьдесят рублей и двадцать копеек. К этим деньгам прибавим подушевой налог¹³, и все равно для сведения концов с концами не хватит больше тысячи рублей, потому как сумма, необходимая на выполнение всех «повинностей» города, составляла три тысячи тринадцать рублей и пятьдесят копеек. В эту

сумму входили расходы по содержанию народного училища (хорошо еще, что малого, а не большого), мостов, перевозов, наем сотских, десятских, трубочистов, будочников, ремонт пожарных инструментов, жалование сотрудников магистрата, городской Думы, наем помещений для присутственных мест... Для того, чтобы сумма расходов равнялась сумме доходов, был в восемьсот девятом году в Острове даже создан «Комитет для уравнивания повинностей городских доходов с расходами». В состав комитета вошли: один дворянин, один купец, один мещанин и один чиновник. Был ли от комитета толк... На этот счет документов до нас не дошло, но уже то хорошо, что был он небольшой и денег на его содержание уходило немного.

Все же Остров развивался, несмотря на дефицит городского бюджета. Частную инициативу никто не отменял. На строительство библиотек или оперных театров островские промышленные и финансовые воротилы не подписывались, но в восемьсот девятом году купеческая жена Акилина Новикова просила городскую Думу выделить ей место для постройки общественной бани, и Дума указом предписала городничему и магистрату «для удовлетворения просьбы Новиковой к построению в г. Острове бани как полезного для обывателей заведения отвести приличное место».

Хуже обстояло дело с перевозом через Великую. В восемьсот восьмом году его предложил островской Думе устроить псковский губернатор, «чтобы при перевозе через реку войск... и орудий не могло происходить остановок и опасности», и это было не то предложение, от которого можно отказаться. Правда, губернатор, в отличие от купеческой жены Новиковой, не предлагал устроить перевоз за свой счет. Вообще губернское начальство своим вниманием Остров не оставляло и время от времени высказывало пожелание что-нибудь в городе устроить. В восемьсот десятом году оно не просто предложило, а предписало островичам устроить кирпичные заводы в окрестностях города и даже обещало, «что на заводчиков, по мере их успеха, будет начальством обращено особенное внимание, с награждением их».

Это была жизнь светская. Теперь скажем и о религиозной. Вернее, о пересечении этих двух сторон островской жизни в начале девятнадцатого века. Во-первых, в восемьсот четвертом году островские любители устраивать запруды и каменные стенки поперек Великой наконец выполнили приказ губернатора и разобрали все препятствия на пути крестного хода из Святогорского монастыря во Псков. Во-вторых, в восемьсот двенадцатом году островичи попросили Псково-Печерский монастырь принести в Остров иконы Успения, Умиления и Одигитрии Божией матери. Монастырское начальство откликнулось на просьбу островского городского головы Ивана Антипова и иконы разрешило принести. Пробыли они в Острове пять дней, и все эти дни к ним можно было прикладываться без ограничений. На шестой день срок действия демоверсии истек горожанам было предложено самим за свой счет брать иконы из монастыря и возвращать их обратно, на что горожане ответили отказом, и иконы немедленно были увезены обратно в монастырь.

И о погоде. В дневнике островского мещанина Масленникова записано, что двадцать второго и двадцать третьего декабря восемьсот одиннадцатого года в городе были сильные морозы, но при этом грохотал гром и сверкали молнии.

Двадцать седьмого июня восемьсот двенадцатого года через город должен был еще раз проехать Александр Первый по дороге в Динабург – тот, который теперь Даугавпилс. Планировалась его остановка в доме островского коллежского советника Михаила Брылкина. Подготовка к проезду началась еще в апреле. От Острова всего-то и требовалось, что поставить на почтовую станцию двадцать шесть исправных лошадей, укомплектованных такими же исправными хомутами и ямщиками, поскольку у почтового ведомства своих лошадей не хватало. Уже первого апреля островский городничий Бибиков уведомил островского же городского голову Антипова о том, что нужно приготовить лошадей на десятидневный срок. Городской голова, понятное дело, с этим уведомлением ознакомил островскую городскую Думу, а последняя, подумавши крепко над заданной ей задачей, через девять дней взяла да и написала Псковскому губернатору князю Шаховскому рапорт, в котором сообщала, что по такому случаю давать лошадей почтовому

ведомству не обязана, а спрошенные на этот счет обыватели своих лошадей давать отказались и потому просит князя Шаховского «учинить натурою наряд или составить особый на то сбор». На этот рапорт разгневанный губернатор отвечал: «За рапорт №112 от 9 апреля из сей Думы мною полученный надлежало бы подписавших оный предать уголовному суду, но не желая сего и полагая более, что оное последовало от скорости и неосновательности, даю впредь на замечание и вразумляю, что ни сбора, ни наряда натурою лошадей от сей Думы никогда не требовалось, а велено было городничему склонить жителей из усердия к Государю нашему не щадящему для спокойствия нашего ни трудов, ни драгоценного Своего здоровья, шествующего по такой дороге, подставить и изготовить к скорейшему и удобному Его Величества проезду несколько лучших лошадей, и то на малое время вдобавок стоящим на почте, а Дума не поняв оного предприняла в настоящих заботах моих еще обременить Начальство, столь постыдным и недельным представлением: за которое приехав в Остров лично требую ответа».

Приезжал он в Остров или нет, чтобы потребовать ответа, неизвестно, поскольку ровно через два месяца, десятого июня по старому стилю Франция объявила войну России. Военные действия на территории Псковской губернии не велись – она находилась в тылу, но этот тыл был прифронтовым, и населению пришлось обеспечивать подвоз к частям нашей армии и боеприпасов, и фуража, и снаряжения, и перевозить и сопровождать ополчение из внутренних губерний. Псков и Остров были назначены главными пунктами, в которых накапливались запасы. Жители губернии собирали пожертвования деньгами и натурой, которая представляла собой хлеб, различные крупы, сухари¹⁴, одежду и многое другое. При том, что был еще рекрутский набор, объявленный в ноябре двенадцатого года, от которого губернию никто не освобождал.

Островичи в стороне от всего этого не остались. Только одних подвод с лошадьми на перевозку грузов военного назначения Островский уезд за время военных действий поставил более пятнадцати тысяч. Уже восьмого июля двенадцатого года уезд выставил первый обоз в триста подвод для перевозки больных нижних чинов. В Острове, как и в некоторых других уездных городах Псковской губернии, еще в начале февраля двенадцатого года был организован временный военный госпиталь на сто мест. С началом военных действий число раненых настолько увеличилось, что уже не госпиталь, а город Остров должен был принять до двух тысяч человек. Он и принял две тысячи восемьдесят больных и раненых солдат и офицеров к началу восьмисот тринадцатого года, которые помещались и в госпитале, и в казенных, и в частных домах. Надо сказать, что островский госпиталь работал по тем временам очень эффективно. Псковский губернатор князь Шаховской писал командиру корпуса Витгенштейну, что из госпиталя в корпус отправлено полторы тысячи поправившихся военных.

Пятого августа Островский нижний суд отчитался в том, что уезд выставил около шести тысяч подвод для нужд действующей армии, в том числе для резервных батальонов из Холма и Пскова, для перевозки сухарей в соседний Себеж, раненых и больных в Порхов и овса для корпуса Витгенштейна. При этом не нужно забывать, что большая часть подвод обратно не возвращалась – их использовали военные для других нужд. Не возвращались и те, кто этими подводами управлял. Погиб или пропал без вести четыреста один кучер, а лошадей не вернулось две тысячи триста три. Подводами дело не ограничилось. На нужды действующей армии жители островского уезда пожертвовали почти девятьсот голов крупного рогатого скота, чуть более двух с половиной тысяч тулупов, поставили сто семьдесят строевых, артиллерийских и кавалерийских лошадей.

Все эти цифры о количестве лошадей, тулупов, сухарей и подвод, вернувшихся в строй солдат и офицеров, конечно, очень важны, чтобы мы, спустя два века, могли по достоинству оценить вклад Острова в отражение «нашествия двенадцати языков», но куда красноречивее отрывок из письма, написанного в конце сентября двенадцатого года генерал-майором Казачковским своему корпусному командиру, генерал-лейтенанту Витгенштейну. Козачковский пишет из Острова, где он находится на излечении после ранения, полученного шестого августа в сражении с французами за Полоцк: «Здесьняго Городничаго я знаю семь лет и знал что он феникс между гражданскими чиновниками. Не взирая что город сей на таком тракте где непрерывно полки и команды квар-

тируют и проходят то туда, то сюда; нет конечно человека который бы пожаловался на малейшее замедление, а не только затруднение. Со всем тем прибыв сюда и желая осведомиться о больных и раненных здесь находящихся, удивился услышав от всех Афицеров и нижних чинов единогласной отзыв за спокойствие и во всех случаях пособие они обязаны единственно господину Городничему Надворному Советнику Бибикову который не токмо в собственном доме помещает раненных Афицеров и печется об них как об родных, снабдив их всем, но вообще как здесь лечащихся, так и проезжающих, снабжает собственно от себя пищею, одеждою и постелями. При том так распорядается во всех случаях что ни в чем никто проходивший с командою не имеет ни малейшей остановки, хотя при том почти вседневно от зори до зори бывает у приёма сухарей поставляемых от жителей уезда и отправлении оных в корпус. Простите, Ваше Сиятельство! Естли я похитил несколько минут на чтение сего письма, и позвольте всеубедительнейше просить о оказании милости здешнему Городничему; милости, которую обяжутся несколько тысяч человек...».

В начале июля восемьсот тринадцатого года, когда Бонапарт уже был изгнан из пределов России, через Остров из Петербурга проезжал к армии Великий Князь Константин Павлович. Сведений о том, сколько ему и его свите понадобилось для обеда говядины, яиц, творога, окороков и свежей рыбы, до нас не дошло, зато доподлинно известно, что городской голова Иван Антипов поднес Цесаревичу ведомость, в которой было указано число островских купцов и мещан, а кроме того сумма положенного с них дохода в казну. Так вот, по ведомости, которую неизвестно зачем Антипов вручил Константину, в Острове проживало сто тридцать четыре купца третьей гильдии, и эти купцы на следующий четырнадцатый год объявили капитала без малого четверть миллиона рублей. Пожалуй, этим стоило похвастаться, пусть даже и Константину, которому эти цифры были совершенно без надобности. Тем более сведения о том, что островские купцы торгуют льном, пенькой и разными российскими товарами. Что же до мещан, то их в Острове проживало четыреста один человек, но доход от них казне был существенно меньше – всего три тысячи двести восемь рублей. И еще одна важная сумма, хотя и куда меньше других. Островская городская Дума обязалась в том году вносить на Островское народное училище ежегодно по двести восемьдесят пять рублей. Вот вам и другая небольшая сумма в четыреста тридцать пять рублей. Ее собрали на нужды уездного училища горожане, когда в восемьсот пятнадцатом году малое народное училище преобразовывали по указу правительства в уездное. В день открытия двухклассного уездного училища в Остров приехали профессор Кукольник, между прочим, учивший в те годы великих князей Николая и Михаила римскому и российскому праву, директор училищ Караулов и предводитель уездного дворянства генерал-майор Беклешов. Мало того, что Кукольник сказал пламенную речь, после которой и собрали эти четыреста с лишним рублей, так он еще и вместе с почетным попечителем островского училища и директором училищ губернии выступил в Думе с ходатайством передать училищу каменный дом. И дом передали, и дума от щедрот прибавила на содержание училища тридцать шесть рублей двадцать пять копеек. Правда, дом перешел в собственность училища только через четыре года, да еще и доплатить пришлось училищу семьсот с лишним рублей, но это уж сущие пустяки. Обидно то, что через шесть лет этот дом настолько обветшал и стал так тесен училищу, что пришлось его продать за полторы тысячи рублей одному из островских купцов.

Раз уж речь зашла об уездном училище, открытие которого было, несомненно, событием в культурной жизни города, то упомянем и еще об одном, быть может, менее заметном, но не менее культурном. В восемьсот пятнадцатом году островский купец Федор Савельевич Карузин, имевший в городе кожевенный и юфтяной завод, учредил в городе общественную богадельню. Другой острович – помещик Коптев – отдал под эту богадельню каменный дом. Жили в доме трое мужчин на доход получаемый от пустоши вблизи Острова, каковую пустошь подарил богадельне тот же Коптев. Это была уже третья богадельня в Острове. Еще до войны с французом в городе было две богадельни – одна уже упоминавшаяся нами богадельня купца и городского головы Ивана Антипова при Покровской церкви, а вторая – купца Нефёда Карузина – брата Федора Карузина при Троицкой церкви (в них призревались на добротные пожертвования женщины), а вместе

брата Карузины за свой счет построили в восемьсот девятнадцатом году каменную кладбищенскую церковь во имя Св. жен Мироносиц. Кто-то, наверное, скажет, что открытие общественной богадельни к культурным событиям имеет такое отношение... да и вообще... Может, и так, но история Острова – это не история Пскова и тем более не история Москвы, чтобы разбрасываться такими событиями, как открытие богадельни.

К событиям, не относящимся к культурным, но повлиявшим на жизнь в Острове куда сильнее, чем богадельни и уездное училище, можно отнести расквартирование в восемьсот шестнадцатом году в городе егерского полка. Егеря, конечно, не гусары и тем более не лейб-гусары, квартировавшие в соседней Опочке, но все же. Кстати, об училище. Оно в восемьсот двадцать восьмом году было преобразовано из двухклассного уездного училища в трехклассное. Что же до постоянных проездов через Остров Николая Первого, Великих князей и даже принца Евгения Вюртембергского то в одну, то в другую сторону... Эти события... к каким хотите – к таким и относите.

Через три года после преобразования училища в Остров пришла холера... Задержим ее немного. За два года до холеры Псковская Казенная Палата решила строго спросить с Псковской Духовной консистории, почему островские священники собирают хлебную дань с прихожан Троицкого собора, Николаевской, Покровской церквей и еще десятка погостов, в то время как крестьяне эти государственные и хлеб у них можно брать только по разрешению самого Государя императора. Мало того, вышеозначенные крестьяне в свободное от работы на Государя императора время еще и обрабатывают земли священников, что уж совсем ни в какие ворота не лезет. Собственно говоря, все началось с жалоб волостных правлений Островского уезда псковскому губернатору, а уж тот все эти жалобы отправил в Казенную Палату и приказал разобраться. Псковская духовная консистория была не лыком шита, и там сидели такие крючкотворы и такие специалисты по части приbedняться, что... Короче говоря, Консистория ответила, что помощь эта, называемая ругой, такая небольшая, что и говорить не о чем, что хлеб плох и состоит из половины ярового и половины озимого или вовсе какого придется, что крестьяне обрабатывают поповскую землю исключительно добровольно, с охотой и в оплату денег не берут, а вместо этого просят то детишек окрестить, то покойников отпеть, то молодых повенчать, что священнослужители ездят по домам крестьян на своих лошадях и за бензин овес денег с крестьян не требуют, что хлебную ругу берут они с прихожан издревле, что еще по Высочайшему Указу от семьсот девяностого года велено было земли священнослужителей обрабатывать прихожанам или вместо этого давать им отсыпной хлеб, правда, через три года он был отменен, но ведь был же... Островский летописец протоиерей Панов так и не написал в своей книге, чем кончилось это дело, но можно предполагать, в Псковской Казенной палате по адресу Псковской Духовной Консистории немало было сказано таких слов, которые не всякая бумага вытерпит, тем более не привыкшая к ним гербовая.

Конечно, я бы с удовольствием вам пересказал отчет островских астрономов об открытии новой кометы, или новых небесных тел, тем более что в те годы еще ждали своего открытия Нептун, Фобос, Деймос и каналы на Марсе, но астрономов тогда в Острове не было. Да и откуда им было взяться, если обсерватории тоже не было. Их и сейчас нет, а жаль.

Вот теперь – холера. Собственно, о ней и сказать хорошего нечего, кроме того, что считавшиеся чудотворными иконы из Святогорского монастыря были принесены в Остров не в разгар эпидемии, а уже после того как она закончилась. В том же году, по данным губернского статистического комитета, в Острове проживало почти тысяча триста жителей женского и мужского полов, причем практически в равных количествах. Не будем утомлять читателя количеством каменных и деревянных домов, церквей, кузниц, мельниц, богаделен и льняных заводов, хотя и не лишним будет отметить, что каменных домов стало в два раза больше, то есть тридцать девять, а только скажем, что к этому году в Острове появились больница и аптека. Еще и питейных домов стало восемь – на один меньше, чем было тридцать лет назад. Как хотите, а прогресс налицо.

Что же касается Островского уезда, то в нем проживало без малого восемьдесят две тысячи человек. В уезде одних церквей было семнадцать каменных и четырнадцать деревянных. Правда, с питейными домами все обстояло куда хуже или лучше – их имелось пятьдесят девять. В пере-

счете на душу населения в Острове выходило в восемь с половиной раз больше. Зато на эти восемьдесят две тысячи в уезде приходилось триста восемь магазинов. Тут хорошо бы сравнить данные по количеству магазинов на душу сельского жителя тогда и сейчас, но как сравнить, если теперь в Островском районе по переписи десятого года осталось всего 31096 человек, из них жителей города Остров 21699 человек, а собственно сельских жителей 9428 человек, и живут они по той же переписи в 458 населенных пунктах, из которых в 156 деревнях населения вовсе нет, в 133 деревнях живет от одного до пяти человек, в 61 – от одиннадцати до пятидесяти пяти... Нет, есть и большие села с населением от двухсот до пятисот человек, но их на весь район всего восемь, а от пятисот до тысячи человек и того меньше – три. Какие уж тут сравнения... Впрочем, теперь дороги хороши и можно быстро доехать в городской магазин на машине, хотя... дороги там разные. Осенью или весной, в распутицу, на машине можно, но не на всякой и не по любой дороге.

В восемьсот двадцать восьмом году чиновник по особым поручениям камергер барон Мантейфель по результатам ревизии Псковской губернии в своем рапорте генерал-губернатору Филиппу Осиповичу Паулуччи докладывал об Острове: «город Остров один из древнейших в Псковской губернии, имеет ещё много каменных зданий: довольно хорошо поддерживаемых и вообще содержится в изрядной чистоте; хотя есть деревянные похожие на крестьянские избы строения, однако наружность их чиста. Площадь и главные улицы вымощены; у самого въезда на берегу реки Великой не поставлено перил.

Город сей некогда производил значительную торговлю, но подобного всем городам Псковской губернии, ныне упал... Город имеет ежегодно доходу 6058 рублей 72 1/4 копейки. В сем городе с мешан собирается также по 8 рублей с души, вовсе не показанных в раскладке. Городничий человек старый, но притом старательный и кроме некоторых обществу им довольно.

Тюремный острог починен, покрашен и находится в полной исправности только недоставало досечек под койками арестантов с надписью их имён, времени задержания и преступлений, за которые содержатся; в нём также есть особое помещение для больных арестантов. Все арестанты получают определённое им довольствие.

Больница помещается в доме купленном от общества имеющем шесть просторных покоев. Когда в городе стоит полк, то больница сия отводится для полкового лазарета. В ней кровати, столы и поезда в исправности; халаты, туфли и бельё в довольном количестве, последнее грязно. Книги о приёме и выпуски больных не ведутся, а записываются в городническом правлении в журнал. Медицинский присмотр слаб и уездный лекарь пользуется молвою незнания своего искусства...

Богадельня учреждена в доме, принадлежащем обществу, довольно чисто устроенном. Для содержания призреваемых город отвёл землю, которую они отдают с найма и в нынешний год получают с оной 180 рублей. Прописывались в ней призреваемых шесть женщин.

Пожарные инструменты в весьма дурном положении, состоят только в одной иссохшей трубе, без всяких принадлежностей. Они состоят при Градской Думе и Городничий отзывался нехотением принять их в ведение, Полиции не имеется, ее обязанности разложены на обывателей.

В уезде дороги: от границы Опочецкого уезда до Острова и от Острова до границы Витебской губернии, лучшие по губернии.

Кроме некоторых мест, где посаженные для аллей деревья оставлены без присмотра, устройство их весьма хорошо. Мосты все в исправности, только на малых нет перил. По Опочецкому тракту разъединение дорог между Опочкою и Новоржевом не обозначено столбом. Почтовые лошади всегда хороши... Почтовые и жалобные книги в исправности; гостиниц нигде нет».

В восемьсот тридцать втором году в Острове от уездного училища отделили приходской класс и на его основе образовали самостоятельное училище. Сначала оно было двухклассным, а со временем стало и трехклассным. И это училище тоже оплачивалось из скромных городских доходов. Платили на его нужды островичи триста рублей в год. Помещалось оно в доме уездного училища, то есть и в тесноте, и в обиде. Еще и приходилось за это помещение доплачивать сто шесть рублей... С одной стороны, все эти суммы в триста, а тем более в сто шесть рублей – кому они

интересны теперь? Да и вообще, кому интересно то, что город почти двести лет назад оплачивал расходы учебных заведений? Только историку, краеведу, но никак не обыкновенному читателю. С другой... ведь отрывала эти деньги островская Городская дума буквально от сердца – наполовину купеческого и наполовину мещанского, которому тогда это ученье светом отнюдь не казалось, но ведь отрывала. Были, стало быть, в ней люди, которые понимали, что это необходимо. Это потом, через несколько десятилетий, появятся гимназии, классическое образование, французский, немецкий, латынь, греческий, история, коммерческие науки, математика, монументальные гимназические здания, в некоторых из которых до сих пор учатся дети, а пока... пока триста рублей, да еще сто шесть, да старый холодный дом, купленный задешево у какого-нибудь купца.

Пятого февраля восемьсот тридцать седьмого года через Остров проехала печальная процессия, которую и процессией-то назвать нельзя было – одни санки с гробом, обернутым в рогожу, один жандармский капитан, скачущий перед санками, одна кибитка позади. Везли тело Пушкина в Святогорский монастырь. Остров стал последним городом на этом пути. Так написано на памятной доске, установленной в Острове на улице Карла Маркса, дом девять. Теперь здесь дорожно-строительное управление, а в девятнадцатом веке была дорожная станция. На доске гравирован профиль поэта и строчка из четвертой главы «Евгения Онегина» «О ты, губерния Псковская, теплица юных дней моих. Ты для меня страна родная». И еще приписано, что Александр Сергеевич неоднократно бывал в городе в годы Михайловской ссылки. И правда, бывал. Через Остров к Пушкину в Михайловское ехал в январе восемьсот двадцать пятого года Иван Пущин. В его воспоминаниях по этому поводу имеется запись: «В Острове проездом ночью взял три бутылки шампанского Клико и к утру следующего дня уже приближался к желанной цели». Вот тебе и Остров. Ночью на почтовой станции можно потребовать три бутылки «Вдовы Клико». Совсе я не уверен, что это можно сделать сегодня даже и днем, хотя теперь в городе и построен целый железнодорожный вокзал. Впрочем, во времена Пушкина в Острове той каменной почтовой станции, на которой теперь укреплен памятная доска, еще не было. В восемьсот тридцать восьмом году только были назначены торги на ее построение. Строить станцию собирались вместе с гостиницей. Еще через год начали прокладывать Динабургское шоссе, соединившее Остров с Динабургом, который, как мы помним, теперь Даугавпилс, и за год проложили. Как раз к сороковому году почтовую станцию и построили, но считалась она станцией маршрута Санкт-Петербург – Киев¹⁵.

В том же сороковом году члены императорской фамилии проезжали через город не один и даже не два раза. Сначала в конце июля через Остров проехали Их Императорские Высочества великая княгиня Мария Николаевна, герцог Максимилиан Лейхтенбергский и великая княжна Александра Максимилиановна. Не просто проехали, но еще и переночевали. Буквально через день сам император с наследником проехали через Остров за границу, а вслед за ними императрица с великой княгиней Ольгой Николаевной проследовали в обратном направлении из-за границы в Петербург. Первого сентября в Остров приехала все царское семейство: император, императрица, наследник цесаревич, принцесса Мария Гессен-Дармштадская и великая княжна Ольга Николаевна. Вот тут уж Остров и Псковская губерния в грязь лицом не ударили. Императора встретил почетный караул, составленный из роты полка принца Павла Мекленбургского со знаменем, полковой музыкой, командиром отдельного гренадерского корпуса генералом от инфантерии Набоковым и командиром 2-й гренадерской дивизии генерал-лейтенантом бароном Розеном. У квартиры царскую семью поджидали военный и гражданский псковские губернаторы, имевшие, как писали «Псковские губернские ведомости» «счастье вручить Его Величеству рапорт о состоянии вверенной им губернии». При вручении рапорта присутствовали губернский и уездный предводители дворянства, а также камергер двора Его Величества камер-юнкер барон Фитингоф.

В тот же вечер был дан праздничный ужин. Остров при этом был «великолепно и богато освещен усердием и иждивением Псковского Благородного Дворянства, желавшего при этом случае, хотя чем-нибудь, доказать верноподданническую любовь и преданность к Августейшему Дому...

Народ радостными восклицаниями и громогласными “ура” изъяслял свой восторг. Много Дворян с семействами их приехали к сему торжеству и оживляли Остров, походивший в то время жизнью и блеском своим не на маленький уездный город, а более на Столицу». Полковая музыка играла до десяти часов вечера на главной площади перед огненными вензелями членов императорской семьи. На другой день, в семь утра, Николай Первый с наследником покинули Остров, а в половине седьмого император с императрицей и наследником принимали и беседовали с прибывшими в город дворянами, которых поименно представил Начальник губернии. Самом собой, тут же было и купечество, традиционно поднесшее хлеб-соль. Так, чтобы дать денег городу на уездное училище или на какие-нибудь другие городские нужды, как это сделала Екатерина Алексеевна... нет, этого не было. Зато хозяева дома, где ночевала императорская семья, «а именно: супруга барона Фитингофа и девица Неклюдова, удостоились получить драгоценные подарки».

В начале августа восьмьсот сорок первого года император снова проехал через Остров, но без семьи, а с шефом жандармского корпуса Бенкендорфом. Тут разыгралась сцена умиленная до такой степени, что лучше ее не пересказывать, а процитировать отрывок из «Материалов к истории города Острова и его уезда» Панова: «...экипаж остановился для перемены почтовых лошадей около самой часовни, в селе Екатерининском. В это время сыновья действительного статского советника Владимира Александровича Симанского Павел 7 лет и Николай 5 лет поднесли Государю корзину с персиками из собственной оранжереи отца их и Император, поблагодарив, взял два персика и сказал: “один беру для себя, а другой для товарища и передал графу Бенкендорфу”. На просьбу детей взять всю корзину, Государь улыбнувшись ответил: мне некуда поставить, кушайте сами, малютки».

Теперь, когда вы умилились, оставим, наконец, царскую семью и перейдем к обычным островским событиям¹⁶. В январе восьмьсот сорок второго года в городе состоялся маскарад в пользу бедных. Вот что о нем писали «Псковские губернские ведомости»: «18 января этого месяца в нашем городе был Маскарад в пользу бедных. Собрано на ассигнации 352 руб. 52 1/2 коп. Деньги эти были на другой день розданы г. Уездным Предводителем Дворянства тем из бедных, которые по своему крайнему положению наиболее имели право на подобную помощь и явились по предварительному объявлению г. Городничего и Градского Главы. Нуждавшихся и получивших вспоможение из этой суммы, было 71 человек. При виде такого числа нельзя не пожелать, чтобы подобные увеселения на будущее время повторялись почаще. Приятно, утешительно таким образом покупать удовольствия. Мысль, что столько несчастных неделю, месяц может быть, забывавших от голода и стужи, делает удовольствие двойным: веселишься за себя и радуешься за них». Несчастливым выдали в пересчете на брата по пять рублей без четырех копеек. На эти деньги, если пересчитать ассигнации на серебро, по ценам того же года, опубликованным в Псковских губернских ведомостях, можно было купить на рынке в розничной продаже 26 кг ржаной муки, 4,8 кг меда, 5 кг сливочного масла, 1,2 телянка, две с лишним сотни яиц, шесть с половиной совершенно живых кур, 4,1 кг свежевыволвленных судаков, 9,77 кг свежевыволвленных больших щук или столько же килограммов хорошей говядины, 5 кг казанского мыла, полтора воза ржаной соломы, 3,33 живых гуся и 120 кг картошки¹⁷.

Не успел отшуметь маскарад в пользу бедных, как в Острове, в самом начале марта того же года, устроили благотворительный спектакль, сбор от которого был роздан семьям бедных чиновников. Сыграли силами местных актеров два спектакля и собрали 156 рублей серебром. В «Псковских губернских ведомостях» и по этому поводу появилась заметка, подписанная «Свидетель событий»: «Нельзя не утешаться, видя, как в нынешнее время филантропические чувства, на помощь страждущих и нуждающихся, развиваются повсеместно. Это уже не единицы, разделяющие часть своего достояния с неимущими, но целые сообщества, стремящиеся наперерыв оказать свою услугу человечеству. Нет почти уголка, можно сказать, во вселенной, где бы не было одушевления всеобщего при предприятии какого-либо доброго дела, даже труда, для облегчения участи несчастных. И наш маленький городок, в котором не считается даже 700 жителей, был в продолжение нескольких недель свидетелем уже двух такого рода пожертвований. Не успели раз-

дать бедным жителям города деньги, собранные на маскараде, бывшем 18 января, как изъявлено было благородными особами желание дать на масляной спектакль с тою же целью. Тотчас г. полковник Меландер предложил свой дом для сцены; г. барон Фитингоф принял на себя издержки декораций и доставление музыки, которой у нас даже и в уезде нет. Несколько любителей и любителей сценического искусства разобрали роли. Сто особ из Дворян и Чиновников записались в число пожертвователей... приятное общество, расположенное добрым делом к веселью, сделало вполне этот вечер самым привлекательным, и заключило блестящим образом всю неделю, проведенную в ежедневных балах, званых обедах, маскараде и катанием с гор. Представление кончилось около полуночи, следовательно, все общество встретило предстоящий великий пост благотворительным поступком, который был как вступлением в то время года, в которое православные оставляли всю суетность жизни, стремятся благами помыслами и делами в пользу друзей изгладить из памяти то, что сделано было прежде для себя...».

В конце мая того же года горели дома купца Антипова. Так они сильно горели, что из близлежащей Покровской церкви вынесли на всякий случай иконостасы с престоломи. Как заканчивался один пожар – так сразу занимался другой. За несколько дней сгорело два десятка домов, и не только антиповских. Успокаивать насмерть перепуганных островичей, а заодно и руководить тушением пожаров приехал из Пскова губернатор.

Буквально в те же дни в Острове, с разрешения министра народного просвещения, вдова титулярного советника Екатерина Попова открыла частный пансион для воспитания и начального обучения детей женского пола. Не просто частный пансион – а первый частный пансион в городе. Еще и первый для девочек.

И еще об образовании, но уже не частном. В конце июня выпускали учеников Островского уездного училища. Все было обставлено торжественно – сначала учитель словесности произнес приветственную речь, потом ученики отвечали на вопросы из курса арифметики, геометрии, математической географии, истории, русской грамматики и, конечно, Закона Божия. И это не все. Учениками, как писали в отчете губернских ведомостей об этом событии, «прочтены две басни Крылова, небольшие сочинения из собственных упражнений и представлены посетителям опыты чистописания и черчения». Пяти ученикам, закончившим курс учения, выданы свидетельства, объявили тех, кого перевели в следующие классы, роздали похвальные грамоты и подарки. После этого уморившимся, замученным вопросами и баснями детям «законоучитель священник Иоанн Флоринский произнес краткое слово, в котором говорил ученикам о необходимости в юном возрасте просвещаться Христовым учением, от которого проистекают все истинные познания, которыми человек пользуется на пути жизни», а почетных особ, присутствовавших при сем торжественном акте, почетный смотритель училища угостил завтраком, за которым первый тост провозгласили за здравие начальствующих лиц.

В восемьсот сорок четвертом году через Псковскую губернию по новому Динабургскому шоссе проезжал главноуправляющий путями сообщений и публичными зданиями генерал-адъютант граф Клейнмихель. Ночевал он в Острове и на другое утро после ночлега вместе с псковским губернатором осматривал место, где в скором будущем через реку Великую власти планировали возвести постоянный мост. Еще бы не планировать, если каждый год, да и не по одному разу, через город проезжал император то один, то с Бенкендорфом, то с Орловым, то еще с каким-нибудь генералом, которых у него было пруд пруди, то с женой, то с наследником, то сами по себе ехали великие князья и великие княгини поодиночке и в компаниях, и всем им приходилось переправляться через Великую, а на ней то наводнение, то ледоход, то волны. И каждый раз император, переправляясь через реку, спрашивает: «Когда же вы, наконец, мост нормальный построите?»

В середине сороковых годов через Остров проезжал вернувшийся из ссылки декабрист Розен, записавший в своем дневнике: «На другой день приехали в город Остров, застроенный хорошими каменными и деревянными домами, с правильными фасадами и с вымощенными улицами¹⁸. Лет 20 прошло с тех пор, как был в Острове, и теперь узнать не мог: причиною скорой перемены к лучшему было продолжение нового шоссе ковенского, доставившего городу различные выго-

ды от удобного сообщения. Шоссейные работы хороши и прочны; за Островом шоссе проведено чрез болото».

Клейнмихель не просто так проехал через Остров и осмотрел предполагаемое место строительства моста через Великую – он подал на высочайшее имя рапорт с проектом об устройстве города, на основании которого правительствующий сенат в марте сорок седьмого года издал указ «Об устройстве города Острова Псковской губернии». Согласно этому указу, был учрежден Комитет под председательством уездного предводителя дворянства. Теперь никакое здание в городе не могло быть построено без разрешения Комитета. Мало того, еще и на ремонт старых зданий, не говоря о строительстве новых, необходимо было у этого комитета спрашивать разрешения. Чтобы все эти правила и комитет не остались благими пожеланиями, завели счет, который назвали вспомогательным строительным капиталом и на него положили тридцать тысяч рублей из государственной казны. Из этой суммы островичам выдавали ссуды на строительство и ремонт собственных домов, «чтобы все здания в городе возводимы были... прочно и правильно, и служили к украшению города». Представители Комитета осмотрели все существующие здания в городе, и те из них, которые дешевле было сломать, чем отремонтировать, назначались к сносу. На это и на постройку нового здания взамен снесенного выделялись деньги. Сносили и те здания, которые мешали застройке по утвержденному плану развития города. Понятное дело, при этом выплачивали соответствующие денежные компенсации, и владельцам снесенных зданий выделялись новые земельные участки взамен утраченных. Упразднили Комитет через тринадцать лет после его создания. В результате его работы в Острове был практически полностью реализован екатерининский план развития города. Ну, да, через шестьдесят с лишним лет, но ведь все же.

Теперь, от общих вопросов перейдем к частным. В восемьсот сорок шестом году Островская городская Дума объявила конкурс на поставку съестных и иных припасов в городскую больницу на следующий год. Тем, кто победил бы в этом конкурсе, необходимо было бы поставить для больницы «хлеба белого 206 пудов, ржаного 300 пудов, муки овсяной 42 пуда, меду 10 пудов, круп овсяных 112 пудов, гречневых 25 пудов, соли 26 пудов, сметков 15 пудов, говядины 315 пудов, квасу 990 ведер, капусты квашеной 320 пудов, свежей 5 пудов, дров 115 сажений, свечей сальных 15 пудов, масла постного 10 пудов, бумаги хлопчатой 20 фунтов, уксусу 8 ведер, соломы 540 пудов, мыла 7 пудов, бумаги голландской 45 дестей, ряпинской 60 дестей, сургуча хорошего 3 фунта, красного вина 20 бутылок, сахару 1 пуд 20 фунтов, масла деревянного 15 фунтов, воску 12 фунтов, яиц 150 штук, клюквы 1 четверть, ягод вересковых 2 четверти, песку 2 куб. сажени».

За десять лет до опубликования этого списка в «Псковских губернских ведомостях» на сцене Александринского театра в Петербурге был поставлен «Ревизор». Помните слова попечителя богоугодных заведений Артемия Филипповича Земляники: «Больным велено габерсуп давать, а у меня по всем коридорам несет такая капуста, что береги только нос...»? Вот тебе и капуста – одного красного вина два десятка бутылок, десять пудов меду, говядина, сметки, белый хлеб, гречка, сахар... впрочем, и капуста в изрядном количестве. Без нее не обойтись, особенно без квашеной. Да, прошло десять лет, но это все же девятнадцатый, а не двадцать первый век. Тогда и капуста протухала куда медленнее, чем сейчас. Воображаю, с каким чувством смотрел попечитель Островской городской больницы гоголевскую комедию. «Оно, конечно, все так и обстоит, – говорил он друзьям и знакомым, – и даже может быть еще хуже где-нибудь в Весъегонске или в Гдове, но чтобы у нас в больнице капустой... нет, воля ваша, а тут я с автором категорически не согласен». И это он говорил при дамах, а уж в мужском обществе такое мог прибавить... «Что ж делать? Русский человек, да еще и в сердцах».

Ровно в середине девятнадцатого века, устав от жалоб Николая Первого на переправу через Великую, от устройства наплавных мостов, удерживаемых на течении якорями, канатных паромов, от ежегодного, а то и чаще ремонта этих временных переправ, островичи начали строить постоянные цепные мосты через реку по проекту инженера штабс-капитана Михаила Яковлевича Кrasнопольского. Кроме того, мосты были нужны и в военно-стратегических целях – на пороге

стояла Крымская война, и переправлять через реку армейские части к возможному театру военных действий из северо-западных губерний с помощью канатной переправы...

Добывать камень для опор моста стали рядом со стройплощадкой – на городской базарной площади. Там и устроили карьер, следы от которого можно найти и сегодня. Мост состоял и сейчас состоит из двух пролетов. Первый от Троицкого собора доходит до острова, на котором когда-то стояла крепость, а второй – от острова до другого берега реки Великой. Высота столбов, поддерживающих цепи, равна десяти с небольшим метрам. Высота сплошной части каменных опор – около семи с половиной метров. Опоры сделали из отборных плит и облицевали булыжным камнем. Длина каждого пролета – девяносто три метра, а ширина – шесть с половиной метров. Мостовое полотно пролетов подвесили к четырем цепям, каждая из которых состоит из шести полос толщиной три четверти... Впрочем, все это довольно скучные технические подробности. Скажем только, что испытывали на прочность и каждую часть мостовых конструкций, и сам мост, на который во время испытаний въезжали, запряженные тройками, два чугунных ступовых катка и три тележки, груженные камнями. Каждая весом по двести пятьдесят пудов. Общий вес груза составлял почти двадцать две тонны.

Движение по мосту было открыто в начале ноября восьмьсот пятьдесят третьего года, но еще за месяц до этого, тридцатого сентября, возвращавшийся из Ковно Николай Первый в присутствии толп народа прошелся по мосту пешком. Его сопровождал начальник Первого округа Путей Сообщения полковник Герард, который в своем рапорте на имя графа Клейнмихеля докладывал: «К сему честь имею присовокупить, что Его Величество работами остался вполне довольным и несколько раз изволил повторить, что мосты красивы и очень хороши». Император еще и уездному предводителю дворянства отставному генерал-майору Меландеру сказал: «Очень рад, что мое желание, наконец, исполнено: поздравляю вас с мостом». Мост и правда очень хорош. Так хорош, что вот уже сто семьдесят лет ни одна открытка из Острова без его вида не обходится. Вся эта красота обошлась городу Острову почти в триста тысяч рублей¹⁹. Инженера Краснопольского наградили – он получил орден Св. Анны 2-й степени. В девятьсот двадцать шестом году деревянные фермы жесткости заменили металлическими, поменяли деревянный настил пролетов и заменили сломанные в Гражданскую войну чугунные решетки. В девятьсот сорок четвертом один пролет моста повредили немцы во время боев за освобождение города, в сорок шестом его восстановили, а в две тысячи двадцатом капитально отремонтировали и отреставрировали. Мало того, что мост выглядит как новенький, так его еще и украшают триста шестьдесят энергосберегающих светильников. Правда, ремонт, за который заплатило Федеральное дорожное агентство, стоил триста двадцать миллионов рублей. Инфляция... Кстати говоря, две тысячи рублей серебром, собранных дворянством Островского уезда в восьмьсот пятьдесят пятом году в пользу раненых и убитых в Крымскую кампанию, эквивалентны нынешним двум с лишним миллионам рублей.

Раз уж зашла речь о деньгах, то приведем и еще одну цифру. В восьмьсот пятьдесят восьмом году городской доход был равен трем тысячам семьсот одному рублю серебром, что в переводе на нынешние деньги почти четыре миллиона бумажных рублей. Если же мы заглянем на официальный сайт городского поселения Остров, то увидим, что в две тысячи девятнадцатом году городской доход составлял немногим более сорока семи миллионов рублей. Тут бы крикнуть ура! и кинуть в воздух все имеющиеся чепчики, но, если посмотреть расходы города, которые в том же девятнадцатом году на почти семьсот тысяч больше доходов... Погодим с криками и чепчиками.

Не будем, однако, отвлекаться и забегать вперед. Вернемся к цифрам. Иногда они бывают занимательными. В восьмьсот пятьдесят девятом году в Острове, если судить по статистическим данным, опубликованным в Памятной книжке Псковской губернии на восьмьсот шестьдесят первый год, проживало 2067 человек. Почти поровну мужчин и женщин. Проживали они в 278 домах, из которых 44 были каменными. По части каменных домов Остров был уже не первым в губернии, а только четвертым – после Торопца, Великих Лук и, конечно, Пскова. У этих жителей имелось в хозяйстве 75 лошадей, 208 коров, 10 овец и 12 коз. Прямо скажем, немного – одна корова на десять человек. О свиньях и говорить нечего. По данным губернского статистическо-

го комитета в Острове торговали льном, кожами, лесом, разными земледельческими орудиями, съестными припасами, рогатым и мелким скотом, лошадьми, домашней птицей и рыбой. Торговых свидетельств островским купцам выдали шестьдесят восемь. Из них только одно – купцу второй гильдии, а все остальные – купцам третьей. Остров по численности и по богатству купечества был на предпоследнем месте в губернии. Пять торговых свидетельств было выдано торговцам-крестьянам по четвертому разряду и десять приказчикам, но тут и говорить не о чем. Как торговали льном и лесом – понятно. Как рыбой и домашней птицей – тоже понятно, но как рогатым и мелким скотом или кожей... Тем не менее, торговали. В городе даже была ярмарка. Проходила один раз в год, зимой.

Кстати, о коже. В городе не было ни одного завода по выделке кож. В городе вообще не было заводов – ни кожевенных, ни щетинных, ни мыльных, ни свечных, ни поташных, ни скипидарных, ни ткацких, ни бумажных, ни лесопильных, ни кирпичных, ни стеклянных, ни красильных. Никаких. Один винокурный, и тот в уезде. Куда заводы подевались... Ведь они были, по крайней мере кожевенные. В восемнадцатом году, как уже упоминалось, в городе держал кожевенный и юфтяной завод купец Федор Савельевич Карузин. Ну, бог с ним, с кожевенным заводом, он был всего один, но исчезли и двадцать два льняных завода, о которых в начале века писал еще академик Севергин. Пусть они были крошечные, но все двадцать два как корова языком слизала, хотя и коров в Острове было мало.

С ремеслами... Как было в начале девятнадцатого века с ремеслами плохо, так и через пятьдесят пять лет не стало лучше. В городе больше всего было хлебников – целых пять, три булочника, четыре мясника, три портных, один колбасник, четыре сапожника, два башмачника, два печника, три столяра, один шорник, один медник, пять кузнецов, один трубочист, один лудильщик, три стекольщика, один бондарь, один часовщик и, кажется, все... нет, еще один коновал и один ювелир. Как сюда затесался ювелир – ума не приложу. Ни кожевенников, ни модисток, ни перчаточников, ни художников, ни красильщиков, ни кондитеров, ни парикмахеров, ни маляров, ни свечников, ни гончаров, ни слесарей, ни часовщиков, ни каретников, ни даже извозчиков... Четыре сапожника в Острове насчитал еще академик Севергин в самом начале девятнадцатого века, но тогда в городе проживало почти в три раза меньше народу. Конечно, к ним прибавились два башмачника, но в башмаках удобнее всего ходить было только по центральной улице города – Полоцкой, поэтому что ее к тому времени застопорили, а по остальным, особенно в межсезонье...

Теперь занимательные. В этом восемьсот пятьдесят девятом году в Острове родилось 85 православных младенцев – 49 мальчиков и 36 девочек. Из этих мальчиков только 36 были законнорожденными, а остальные 13 – нет, то есть 26,5%. Из 36 девочек только 21 законнорожденная, а остальные 15 – нет, то есть 41,7%. В процентном отношении незаконнорожденных детей к законнорожденным Остров был впереди всей губернии²⁰. Включая Псков. От губернии и вовсе с большим отрывом. Вот тебе и патриархальность, вот тебе и православие, вот тебе и незывлемые семейные устои. Теперь уж точно не узнать, почему так получилось²¹.

В восемьсот шестидесятом году произошло событие, открывшее не просто новую главу, а новую эпоху в истории Острова – двадцать шестого января из Пскова в Остров по только что построенной железной дороге пришел первый поезд. Это была не демонстрационная версия – поезд привез вагоны с пассажирами из Санкт-Петербурга. Пришел он вечером, а на другой день рано утром после того, как отслужили молебен, поезд отправился обратно в столицу. Уже через два года после этого события из Острова в Псков по железной дороге вывезли 43 241 пуд льна.

В том же шестьдесят втором году, в Острове заработал кожевенный завод, принадлежащий местному купцу Дементию Шишковскому. Конечно, это не был промышленный гигант даже по тем временам, но пять человек на нем все же работали, и производил он до пяти тысяч кож ежегодно. Кроме кожевенного в городе заработали пивоваренный и винокурный заводы. Произошли, если верить губернской статистике, изменения в составе островских ремесленников – стало больше хлебников, портных, мясников, сапожников, кузнецов, слесарей, у них появились рабочие и ученики в количестве больше одного, и, самое удивительное, в городе появились па-

рикмахер, семь извозчиков (лошадей в городе стало в три с лишним раза больше), три маляра и один переплетчик. Теперь в Острове можно было и постричься, и прокатиться на извозчике. И вот еще что. В шестьдесят втором году Остров уступил первое место по незаконнорожденным детям Пскову, но дальше второго места не опустился. Далеко было Острову до Порхова, в котором в том же году на сто двадцать мальчиков родилось всего пять незаконнорожденных.

В восемьсот шестьдесят четвертом году в Острове учредили акционерное общество по торговле льном с Высочайше утвержденным уставом. Открылись семнадцать складов с общим оборотом в четыре с половиной миллиона рублей. Вот что сделала с уездным городом железная дорога. Выпустили четыре тысячи акций номиналом по сто рублей. Назначили год для их продажи. Первоначальный взнос за акцию мог быть двадцать пять рублей, а остальное можно было доплатить потом, в установленные собранием акционеров сроки. Деньги присылали на имя островского купца второй гильдии – Льва Лапина. Он был одним из соучредителей общества. Правда, через год «Псковские губернские ведомости» сообщили, что Общество прекращает свою деятельность в городе Острове, но ведь открывалось же, и вообще такое может случиться с любым акционерным обществом потому как конкуренция, рынок, капитализм, который в России после отмены крепостного права стал ходить с гордо поднятой головой.

Буквально на один абзац отвлечемся от капитализма и на полях островской истории отметим, что в восемьсот шестьдесят пятом году при городской тюрьме на средства председателя Островского тюремного комитета купца первой гильдии Алексея Орлова была построена церковь во имя Св. преп. Алексия человека Божия. Конечно, это не открытие большого акционерного общества с миллионными оборотами и, может быть, не стоило о таком событии и упоминать, но изюминка, вернее, ложка дегтя в этой бочке меда, вернее, еляя, есть, и заключается она в том, что через недолгое после построения церкви время поехал купец Орлов в Сибирь за сбыт фальшивых денег. Интересно, на какие деньги он строил тюремную церковь – на настоящие или...

Вот теперь снова про развитие капитализма в одном отдельно взятом уездном городе Псковской губернии. К восемьсот шестьдесят пятому году в Острове уже работало десять заводов. Не машиностроительных, конечно, и не по производству серной кислоты, хотя в России и тогда уже такие были, но... три пивоваренных, один водочный, два кирпичных и четыре красильных все же производили все то, что положено им производить. На этих заводах работала очень малая часть островичей, поскольку и сами заводы были очень и очень малы. Большинство жителей занималось обработкой льна в местных льнотрепальнях. Крупными они тоже не были и стали увеличиваться в размерах и оснащаться современной техникой только к концу века. Часть горожан работала на станции железной дороги.

Самое удивительное, что через десять лет, по данным губернского статистического комитета, от десятка заводов не осталось ни одного – только два винокуренных завода, да и те не в городе, а в уезде. В Острове было где выпить – на три тысячи с небольшим жителей²² имелось семнадцать трактиров, четыре буфета, двадцать два питейных дома и штофных лавки. Ко всем этим питейным заведениям прилагались три оптовых склада вина и спирта, склад пива и водочный склад. Что касается объемов выпитого, то Остров, как и в случае с незаконнорожденными детьми, был впереди всей губернии, исключая, правда, Псков. В восемьсот семьдесят пятом году на душу каждого островича приходилось 1,97 ведра вина в год или, в пересчете на наши литры, 24,23 л. Житель Пскова обгонял островича по этой части на 2,83 л. Ну, Псков все же город губернский, а не уездный.

Оставим, однако, эти низменные материи. Обратимся культуре и образованию. Речь пойдет, не об оперных театрах, издательствах и художественных галереях, а об обычных книжных лавках, библиотеках и типографиях. Так вот, в Острове к восемьсот семьдесят восьмому году, если говорить о типографиях, имелся литографический станок Островской земской управы, а если о библиотеках, то книжный шкаф на станции Остров. Принадлежал этот шкаф московскому мешанину Александру Васильевичу Хлебникову и продавал он в нем только газеты. Не густо, что и говорить – в соседней Опочке к этому времени было уже три довольно больших библиотеки

на чуть меньшее количество жителей, а в Новоржеве, в котором проживало в два с лишним раза меньше жителей, чем в Острове, открылись две библиотеки и книжный магазин.

Что касается образования, то в Острове работала городское трехклассное училище и приходское. Имелось еще четыре частных учебных заведения – три для девочек, а одно общее для девочек и мальчиков. Обучалось в принадлежащих городу и частным лицам учебных заведениях всего 273 мальчика и девочки, а вот в уезде работала тридцать одна сельская школа, в которых учились грамоте 2867 детей обоего пола. Нет смысла напоминать о том, что девочек обучалось существенно меньше, чем мальчиков²³.

Все же не хочется, чтобы читатель думал об островичах как о людях, у которых был только принадлежащий москвичу книжный шкаф с газетами на станции да два ведра вина на душу населения. В восемьсот восьмидесятом году в Острове открылась трехклассная Александровская женская прогимназия с приготовительным классом. Постановила открыть ее Городская Дума в память 25-летия царствования Александра Второго. Сам император дал согласие на это постановление. Прогимназию предполагали содержать за средства города. Средства в таком городе, как Остров, означали прежде всего деньги от купечества, и потому местное купеческое общество, не откладывая дела в долгий ящик, постановило обложить капитал островских купцов на пять лет вперед сбором в размере двадцать пять рублей с купцов первой гильдии и десять рублей со второй. Собранный капитал отдавался в распоряжение Городскому общественному управлению по устройству женской прогимназии. Сама Городская Дума тоже не сидела сложа руки и купила за счет городского бюджета дом у купца Быкова под помещение прогимназии и начала в нем ремонт.

В состав Попечительного совета прогимназии был практически всесословным – в него входили и дворяне, и мещане, и купцы, и купеческие жены, и даже один крестьянин²⁴. В восемьсот девяносто третьем году в прогимназии уже обучалось сто пять девочек, а в девятьсот восьмом она была преобразована в гимназию. Она и сейчас работает, только называется Пятой школой.

Нельзя не заметить, что учиться в частной школе было совсем недешево. К примеру, за год обучения в островском частном училище г-жи Поппе нужно было заплатить шестьсот рублей, а в частном училище г-жи Быковской плата за год была уже в два раза с лишним выше. Это вам не городское трехклассное училище, годовая плата за обучение в котором составляла четыреста сорок пять рублей. Тоже, конечно, не даром. Совсем не даром.

Неправильно было бы думать, что в Острове не было никакой культурной и общественной жизни. Начиная со второй половины девятнадцатого века в городе росли как грибы после дождя самые различные общества. Большею частью это были общества благотворительные, существующие на скромные взносы тех, кто в них состоял, или на финансовую помощь местных благотворителей. В длинном списке таких обществ значились: Общество трезвости (куда же у нас без него), Общество сельского хозяйства, Купеческое общество, Городское общество, Мещанское общество, Пожарное общество, Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Александровской женской прогимназии, Островский пункт Общества помощи ручному труду, Городское общество взаимного от огня страхования, Евангелическо-лютеранское общество, Благотворительное общество, Общество любителей музыки, хорового пения и драматического искусства, Островский отдел Общества повсеместной помощи пострадавшим на войне солдатам и их семьям, Общество улучшения народного труда в пользу царя освободителя Александра II, Попечительное о Доме трудолюбия общество, Кружок трудовой помощи... Между прочим, создать все эти общества было не так уж и просто – уставы светских обществ утверждались в Министерстве внутренних дел или самим министром, или его заместителем, а уставы религиозных – епископом Псковским и Порховским.

Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Александровской женской прогимназии было небольшим. В девятьсот седьмом году в нем состояло семьдесят девять человек, и собрали они почти сто шестьдесят рублей. Деньги, прямо скажем, маленькие, особенно если разложить их на всех членов общества, но и на них можно было купить нуждающимся гимназисткам

обувь, одежду и учебные пособия. Это с одной стороны, а с другой... Сейчас такого общества в Острове нет вовсе. Не только в Острове нет. Только представьте себе какой угодно нынешний район с населением в пять, в десять или даже в двадцать тысяч, в котором наберется восемьдесятков человек, отдающих свои деньги и обивающих пороги у тех, кто может их дать на покупку... Представили? То-то и оно. Нуждающиеся ученики есть и еще долго будут, а вот с обществами, которые им помогают, дело обстоит не так хорошо, как хотелось бы. Конечно, нуждающимся ученикам должно помогать государство, и оно им помогает как *хочет* может, но...

С Домом трудолюбия²⁵ вышла целая история. Стали собирать на него деньги и собрали восемьсот тридцать рублей, которые внесли в городское казначейство. Эти деньги должны были стать неприкосновенным капиталом общества Дома трудолюбия, согласно утвержденному министерством внутренних дел уставом, а потом... потом деньги собирать не перестали, но островичи перестали их давать. В конце июня восьмьсот восемьдесят восьмого года островский уездный полицейский исправник доносил псковскому губернатору, что Дом трудолюбия открыть никак невозможно, поскольку нет денег на то, чтобы нанять для него помещение. Удивительным образом островский уездный полицейский исправник ротмистр Вениамин Вениаминович Холодковский оказался тем человеком, который пусть и по долгу службы, но больше всех в Острове хлопотал об открытии Дома трудолюбия. В рапорте губернатору он пишет: «...обратился в Островскую Городскую управу с просьбой – не найдет ли она возможным ежегодно давать обществу трудолюбия рублей 200, или нанимать необходимое для него помещение. Мое предложение рассматривалось в заседании Думы 12 июля минувшего года, но было оставлено без последствий за неуказание точных сведений – на сколько человек предполагается открыть дом трудолюбия? 29 ноября минувшего года... вновь обратился в Островскую Городскую Управу с ходатайством о найме и с объяснением, что на первое время предполагается открыть на 10 человек, но Дума на заседании своим 1 минувшего декабря вторично оставила это ходатайство без последствий за неуказанием ей еще более точных сведений: на какие средства предполагается содержать дом трудолюбия и во что обойдется содержание каждого призываемого? Таковых сведений я не мог доставить Управе на основании того, что дом трудолюбия еще в проекте и выяснить средства, на которые будет существовать дом трудолюбия и определить содержание каждого нищего можно только практическим путем – по истечении одного-двух месяцев существования означенного дома. В виду такого индифферентного отношения городской Думы к устройству дома трудолюбия и вообще полнейшего отсутствия сочувствия большинства местных обывателей (они же гласные городской Думы) к делу благотворительности, я считаю долгом доложить Вашему Превосходительству, что если Островская Дума в следующее заседание, которое имеет место быть месяца через два или три и ассигнует какую-либо сумму на наем помещения и следовательно явится возможность открыть дом трудолюбия с попечительным на при нем обществом, то таковой, по моему мнению, недолго просуществует, так как на проценты с имеющегося неприкосновенного капитала 830 руб. возможно содержать лишь одного человека; подписавшихся же членов благотворителей всего лишь 35 человек. На другие же источники, как, например, сборы с концертов и спектаклей нельзя особенно рассчитывать за неимением постоянного кружка любителей драматического искусства».

Некрасиво получается. Выходит, что и городская Дума, и островичи, если верить полицейскому исправнику, какие-то бесчуживенные люди и к делу благотворительности... а это не так. Островский почетный гражданин Константин Петрович Калашников²⁶ завещал Благотворительному обществу три тысячи рублей. Городская Дума все-таки назначила Благотворительному обществу пособие в двести рублей, Земское Собрание добавило еще триста. Еще две тысячи с лишним рублей собрали островичи – и те, кто состоял в Благотворительном обществе, и те, кто не состоял. Островское уездное земство взяло на себя расходы по содержанию учителей при школе Дома трудолюбия. В восьмьсот девяносто пятом году открыли дешевую столовую, чтобы бедные старики, учащиеся дети бедных родителей могли обедать в ней бесплатно, а все остальные за специальные марки или ночлежные деньги. На Рождество и на Пасху бесплатные обеды раздавались всем. При этой столовой устроили и ночлежку. Почетный гражданин Калашников и

тут помог – предложил для этой столовой помещение бесплатно. В столовой разрешили пожить бедной вдове с тремя малолетними детьми и одному бесприютному ребенку. Правда, помещение Калашников дал всего на год, а потом его пришлось арендовать, хотя и недорого, у другого домовладельца. При столовой и ночлежке открыли мастерскую, в которой плели корзины и другие предметы домашнего обихода. Взяли туда одиннадцать мальчиков, занимавшихся нищенством, и бесприютных сирот.

В девятьсот первом году город уже выделил бесплатно землю под строительство дома, уже и план был разработан, и весной хотели начать стройку, но... в том же году островский купеческий брат Александр Дорофеевич Посисеев завещал попечительному обществу для Дома трудолюбия свой собственный каменный двухэтажный дом со всеми постройками. В него Дом трудолюбия и вселился еще при жизни завещателя. Через два года при Доме открылась школа, в которой обучались «ученики обоего пола беднейшего населения города».

В восемьсот восемьдесят шестом году по инициативе уездного казначея Роберта Федоровича Поппе в Острове организовали вольное пожарное общество. Состояло оно, как и все тогдашние пожарные общества, из жертвователей и тушителей. Через шесть лет после основания общества в Острове было восемьдесят пять жертвователей, внесших в кассу общества почти триста рублей. У островских тушителей на вооружении имелся самый современный американский пожарный насос, или, как тогда говорили, пожарная труба. Правда, он быстро сломался, но сейчас не об этом, а о том, что в восемьсот девяносто четвертом году Островское пожарное общество присоединилось к Российскому пожарному обществу, и сам председатель Российского пожарного общества, его Императорское Высочество Великий князь Владимир Александрович вбил второй серебряный гвоздь в древко знамени Островских пожарных с вензелем Его высочества. Второй потому, что первый гвоздь в древко островского знамени вбил император Александр Третий на Всероссийской пожарной выставке в столице. Тогда двадцать пять знамен российских вольных пожарных обществ удостоились этой чести. На выставке от Островского пожарного общества присутствовали начальник общества Николай Григорьевич Белянинов, брендмейстер Петр Петрович Селюгин и член совета общества Иван Иванович Семендяев²⁷.

Между прочим, выставка была передвижной, и когда она приехала по железной дороге в Остров, действительные члены Островского пожарного общества для ее осмотра проследовали на станцию строем, под знаменем и в сопровождении хора военного оркестра. Воля ваша, а пожарное общество способствовало много к украшению города. Пусть и не кавалергарды, но и не пехотный батальон.

И еще. В восемьдесят пятом году приезжал в Остров Великий князь Владимир Александрович. Выслушал в Троицком соборе Божественную литургию вместе с епископом Псковским и Порховским Гермогеном, посетил николаевскую церковь, потом Земскую больницу, тюрьму и казарму. Позавтракал и укатил в Опочку. Это, конечно, не осада города Стефаном Баторием, и не приезд Екатерины Великой, но тоже событие. Может это и не слова, а междометия или даже знак препинания, но из песни об истории Острова их не выкинуть.

Немного статистики. В восемьдесят шестом году город израсходовал на приобретение и возложение венка на установленный во Пскове памятник Александру Второму 109 руб. 16 коп., на оборудование в городском училище помещения для ремесленных классов ровно сто рублей и на пособие комитету учредителей Общества улучшения народного труда в память Царя Освободителя – 100 руб. 71 коп. Выходит, что к подножию царского памятника положили целые ремесленные мастерские. Если оставшиеся 9 руб. 16 коп. перевести в цены на продукты того времени, то выходит еще 1, 23 кг паюсной икры или 125 кг черного хлеба.

Теперь совсем другая история из общественной жизни Острова последней четверти позапрошлого века. В восемьсот семьдесят девятом году островский мещанский староста Александр Петрович Белавин обратился к мещанскому обществу города с предложением, которое лучше не пересказывать, а процитировать: «В предшествующие года совершался крестный ход со Св. иконами с Печерского монастыря в г. Псков, а потом и в Остров, а именно: 17 октября, в па-

мять избавления этих городов и всего нашего Отечества от французов в 1812 году; но с некоторого времени этот крестный ход прекращен в наш город, потому что жителям г. Острова не стало отпускаться никаких сумм на подятие и сопровождение Печерской Святыни и содержание служащих от Пскова до Острова. Имея ввиду, что благочестивые обычаи низводят на нас Божие благословение и ограждают нас от злых и разрушительных начинаний врагов нашего отечества, как это очевидно выразилось 2 апреля сего 1879 года над отечеством нашим в лице нашего возлюбленного Государя Императора, чудесно спасшегося Промыслом Божиим от злодейского покушения на жизнь Его Священной Особы, и имея в виду в будущем 1880 году исполнение 25-летнего юбилея царствования возлюбленного нашего Государя Александра Николаевича, я, милостивые государи, имею честь предложить Вам как для укрепления на будущее время в нас и детях наших благочестивых и святых чувств к религии так и в память преданности нашей к отечеству и возлюбленному нашему Монарху возобновить и установить в честь и память сказанных событий крестный ход со святынями чудотворными иконами из Печерского монастыря в г. Остров по примеру давно минувших лет к 17 октября, для чего ежегодно отпускать из запасных средств сто руб. сер. И вносить таковые в Печерский монастырь с тем, чтобы крестный ход был совершаем не только при нас, но и потомками нашими постоянно в назначенное время из Пскова в г. Остров. А потому прошу составить о сем приговор и предоставить мне право просить на сие благословение Его Высокопреосвященства».

Островские мещане долго не думали и на предложение своего старосты ответили согласием и даже постановили старосту благодарить «за столь благочестивые вразумления его». В том же году, в октябре, Псковская духовная консистория крестный ход разрешила. Как только разрешила – так мещане деньги собрали и отдали в монастырь. Власти им не помогли. Могли бы хоть парад расквартированного в городе Второго запасного батальона Псковского пехотного полка провести в Острове, но не провели. Могли бы помочь с деньгами на крестный ход, но не дали. Да у них никто и не просил. Почему-то островским мещанам это и в голову не пришло.

Аналогии с сегодняшним днем... лучше не проводить. Толку от этих аналогий. Через двести лет... Никто не знает, что будет с нашей памятью через двести лет. Даже через сто лет не знает. Что будет с нами, хорошо известно, а вот что с памятью...

Впрочем, мы отвлеклись. Вернемся в Остров конца позапрошлого века. В восьмидесятом году в городское приходское училище был такой наплыв учеников, что Островской Земской управе пришлось даже открыть еще одну школу неподалеку от города. Правда, через год ее закрыли и вместо нее в городском училище организовали параллельный класс. Плату за обучение десяти бедных мальчиков внес город. Городские власти решили выделить триста рублей на преподавание иностранных языков в городском училище, но... передумали и истратили двести рублей на учебные пособия беднейшим ученикам. Если вспомнить первое городское малое народное училище, в которое сто лет назад родители не хотели отдавать детей, на которое островские власти жалели денег... лучше и не вспоминать.

В том же году город украсился городским садом и шестью новыми фонарными столбами. Окончательно была замощена главная улица Острова, на которой селились самые богатые островские купцы, дворяне и чиновники – Полоцкая. Поскольку такие мостовые довольно быстро приходили в негодность, то их нужно было время от времени ремонтировать. В центре фотографии Полоцкой улицы начала прошлого века виден столб, возле которого приехавшие торговать в город в базарные дни складывали булыжники для ремонта. Часть Успенской улицы, как тогда выражались, шоссировали – то есть укатали щебнем. Приготовились замостить еще одну улицу – Ильинскую. И это не все. Через два года открыли лютеранский молитвенный дом и синагогу. Через семь лет приходское училище для девочек, еще через год, в восьмисот девяностом году в Острове купчихой Степановой открыта первая типография. Правда, через восемь лет она сгорела в результате несчастного случая. В девяносто первом году купцами братьями Петром и Александром Посисеевыми открыта богадельня, в которой поселилось десять женщин. Жили они на средства, которые им определили братья Посисеевы. Выходило по шестьдесят три с половиной

рубля на человека в год. Немного, но куда лучше, чем ничего. При том, что братья Посисеевы у города, кроме разрешения открыть богадельню, не попросили ровным счетом ничего.

Братья Посисеевы на благотворительность денег не жалели. Александр Дорофеевич Посисеев завещал тысячу рублей островской женской прогимназии с тем, чтобы проценты с этого капитала, положенного в сберегательную кассу местного казначейства, шли на обучение бедных учениц. Не у всех, конечно, были такие деньги. Купеческая вдова Шишковская пожертвовала сто рублей, чтобы впоследствии на проценты с этой суммы можно было содержать по одной стипендиатке в женской прогимназии и в городской богадельне. Кстати, богаделен в Острове к концу девятнадцатого века было уже три.

Снова о делах благотворительных. В начале января восемьсот девяносто пятого года в Острове открыли столовую для бедных. Содержало ее островское благотворительное общество. Разносолов там не подавали, но обед, который можно было купить всего за шесть копеек, состоял из щей, супа и каши – гречневой, гороховой, ячневой или просяной. К этим двум блюдам давали еще и фунт хлеба. Черного, конечно. Тех, у кого и шести копеек не было, кормили бесплатно. Годовое содержание столовой обошлось островским благотворителю в 2241 руб. 59 коп. За год существования столовой накормили обедами за деньги и бесплатно 38406 взрослых и детей. В день выходило по сто с лишним человек. Еще и ужинами накормили 5852 человека. Еще и на дом отпустили 7947 порций. Работала столовая не покладая рук. Цифры, конечно, скучные, если за ними не видеть длинные, грубо сколоченные деревянные столы с железными мисками и тех, кто приходил за этими обедами и ужинами в рваных армяках, в ветхих овчинных тулупах, веревочных лаптях или робко просящих каши старых сапогах.

В год открытия столовой в островском благотворительном обществе состояло сто семьдесят пять человек. Общество, кроме содержания столовой, выдавало единовременные и постоянные пособия нуждающимся, оплачивало баню неимущим, покупало бедным ученикам одежду, обувь и учебные пособия.

И о делах богоугодных. В восемьсот девяностом году упразднили церковь во имя Св. пр. Алексия человека Божия при островской тюрьме. Ту самую, которую за двадцать семь лет до этого устроил купец-фальшивомонетчик Орлов. Упразднили, сломали и выстроили новую тюремную церковь, побольше. Называлась она теперь сложнее – во имя пр. Алексия человека Божия и в память избавления Его Императорского Величества Государя Императора Николая Александровича от угрожавшей Ему опасности 29 апреля 1891 года в Японии, в г. Отсу. Церковь была построена на добровольные пожертвования островичей и обошлась в общей сложности в пять тысяч рублей, из которых двести дала сама тюрьма, а четыреста и землю под строительство дала городская Дума.

Перейдем к промышленности. По данным Псковского губернского статистического комитета, Остров к концу девятнадцатого века превратился в один из самых крупных российских центров торговли льном. В восемьсот девяносто третьем году город и уезд давали пятнадцать процентов льняного экспорта России. Торговля с заграницей была налажена непосредственно через конторы иностранных компаний, расположенных в Острове. В девяносто седьмом году на пятнадцати льняных складах в городе хранилось продукции на почти три миллиона рублей, а на двадцати девяти уездных складах чуть более чем на триста тысяч. Золотой век Острова был льняным. На этом льняном фоне вся остальная полукустарная промышленность города и уезда смотрелась как собака породы чихуахуа на фоне индийского слона. Заводов и фабрик в городе и уезде было много, но их размер, но количество рабочих, на них занятых, но стоимость выпускаемой продукции... К примеру, имелся в Острове мыловаренный завод. Не то чтобы завод с большой кирпичной трубой, цехами и гудком, который зовет еще затемно рабочих стать к мыловаренным станкам, но завод, на котором работало трое рабочих, и производили они в год мыла на пятьсот рублей. Какая уж тут кирпичная труба и гудок... В уезде был точно такой же мыловаренный завод с тремя рабочими, только производили они мыла в год на двести рублей. Мукомольные предприятия в Острове были не крупнее мыловаренных. Их было два, и работало на них пять человек,

то есть по два с половиной на каждом, и продукции они производили на тысячу с небольших рублей в год. В уезде таких мукомольных предприятий, а попросту говоря, мельниц, имелось сто девять, и работало на них сто двадцать восемь рабочих. Если поделить количество рабочих на количество мельниц... Таким же был и островский завод прохладительных напитков – трое рабочих. Правда, производили они этих напитков на целых две тысячи рублей в год. По сравнению с этими заводами два городских кирпичных завода были просто гигантами – их было два, на них работало целых двадцать человек, и производили они кирпичей на одиннадцать тысяч рублей в год. В уезде кирпичные заводы были куда мельче – на пяти заводах работало четырнадцать человек, и продукции они производили всего на две с половиной тысячи рублей. Были заводы не просто мелкие, а очень мелкие. К примеру, на дюжине дегтярных заводов в уезде работала ровно дюжина человек, выгонявшая дегтя на восемьсот рублей в год. Самыми крупными предприятиями в уезде были лесопилки – их было две, и на каждой работало по восемь человек. Обе они производили продукции на пятнадцать с лишним тысяч рублей в год. Остались не перечисленными только кожевенные, красильные, синильные, овчинные заводы и маслобойни. Впрочем, они вместе взятые давали продукции... и на десять тысяч не наберется. Это вам не льняные миллионы. Доходную часть островского бюджета, составившую в девяносто седьмом году немногим более тридцати пяти тысяч рублей с доходами от льна, тоже лучше не сравнивать. И еще об островской промышленности. На всех островских заводах и фабриках работало около двухсот человек, а в переработке льна было занято более трехсот.

Заканчивая разговор об островском девятнадцатом веке, упомянем еще два события. В девяносто восьмом году сгорела типография купчихи Степановой. Через год другая купчиха – Анна Григорьевна Фуфаева открыла в Острове типографию. В этой типографии в 1913 году будет издана первая книга по истории Острова протоиерея Николая Александровича Панова. «Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии (Материалы к истории г. Острова и его уезда)».

Чуть не забыл. В конце девятнадцатого века проживало в Острове 6258 человек, и помещались они вместе со всеми своими домами, огородами, церквями, собором, молитвенным лютеранским домом, синагогой, трактирами, торговыми лавками, постояльями дворами, кузницами, парикмахерской, больницей, тюрьмой, тремя богадельнями, Домом трудолюбия, городским садом, керосиновыми фонарями, льняными складами, типографией, женской прогимназией, городскими училищами, мыловаренными, кирпичными и красильными заводами на площади в сто три гектара, или чуть более одного квадратного километра.

Двадцатый век в городе начался с того, что городской голова Федор Васильевич Семендяев на собственные средства устроил в городе артезианский колодец, дававший воду в большом количестве и хорошего качества. На пятьсот пятьдесят девятом году существования Острова. Глубиной колодец был чуть более семидесяти метров и обошелся городскому голове в пять тысяч личных, а не общественных рублей. Еще тысячу он заплатил за то, чтобы воду из колодца провести в собственный дом. Самим же колодцем могли пользоваться и все остальные островичи. Даже и не думайте говорить «тоже мне событие» и усмехаться. На рубеже позапрошлого и прошлого веков провинциальная Россия из «немытой» превращалась в мытую. Так было не только в Острове. Так было и в Коломне, и в Серпухове, и в вятском Котельниче, и в вологодском Грязовце... Правда, в соседних Великих Луках водопровод появился только в девятьсот тридцать седьмом, а в соседнем Гдове и вовсе в девятьсот пятьдесят пятом, но сейчас не о них. До устройства городского водопровода в Острове было еще очень далеко, но начало было положено артезианским колодцем, устроенным на средства Федора Васильевича Семендяева. На личные средства потому, что в городском бюджете денег на устройство водоснабжения не было. Что удивительнее всего, не было даже для городского головы. Федор Васильевич и вообще много сделал для благоустройства города. При нем благоустроили набережную реки Великой – устроено несколько спусков к реке, проложены параллельно реке две аллеи и обсажены деревьями. Горожане прозвали эти аллеи Семендяевским бульваром. Аллеи и сейчас есть, и деревья на них растут те самые, которые посажены при Семендяеве, вот только жаль, что Семендяевским бульваром никто это место давно не называет.

Каких-то эпохальных событий в начале двадцатого века в Острове не происходило – события были такими, которыми они обычно и бывают в небольшом уездном городе империи – в том, который в провинции, но не у моря. Каждый год что-то горело – в девятьсот втором сгорел лютеранский молитвенный дом. Через год его вновь построили, но уже каменный. Неподалеку от города заработал кожевенный завод купца Преображенского. По островским меркам большой – от шести до девяти рабочих. Выделывала эта бригада от восьми до десяти тысяч кож ежегодно. В самом городе промышленности считай что и не было – назвать промышленностью мыловаренную мастерскую и два заводика по производству сельтерской и содовой воды язык не поворачивается. Столовая общества трудолюбия производила больше обедов для бедных, чем все эти заведения мыла и сельтерской воды. В девятьсот втором году она накормила более тридцати пяти тысяч взрослых и детей. Островские благотворители истратили на столовую 1575 руб. 8 коп. Островские обыватели в том же году купили в казенных винных лавках больше девяти тысяч ведер водки на сумму 70544 руб. 99 коп. С учетом того, что проживало в Острове к тому времени чуть больше семи тысяч человек, то получается, что каждый острович выпивал в год почти шестнадцать литров сорокаградусной и тратил на это около десяти рублей. Я это вовсе не к тому, чтобы сравнить затраты на столовую с затратами на водку – вовсе нет. Просто так получилось, что эти цифры встали рядом. Между ними можно поставить множество других цифр, чтобы не возникало никаких ненужных ассоциаций. К примеру, сумму в 978 руб. 9 коп., истраченную на освещение города. В девятьсот третьем году Остров освещали семьдесят три керосиновых фонаря²⁸. К тому времени, по данным Псковского Губернского Статистического Комитета, в городе было восемнадцать улиц и переулков общей протяженностью десять верст. Замостили из них около трети – остальные были грунтовыми. На этих улицах и переулках стояли триста пятьдесят деревянных, полторы сотни каменных и сотня полукаменных домов. Проживали в этих домах, как уже упоминалось, около семи тысяч человек. Женщин и мужчин примерно поровну. Из этого количества 87,2% русских, 5,8% евреев, 3% латышей, 2% поляков, 1% немцев и 1% эстонцев. Лечили островичей три врача и пять фельдшеров. Болеющих серьезно укладывали в одну из двух городских больниц, в которых имелось семьдесят коек. Тем, кто собрался рожать, могли помочь в этом нелегком деле пять акушеров и повивальных бабок²⁹. Купить лекарства можно было в одной вольной, то есть в частной аптеке и в одном, тоже частном, аптекарском магазине, который продавал только готовые, в фабричной упаковке, но не приготовленные здесь же лекарства. Прибавим ко всему вышеперечисленному две нотариальных конторы, типографию, фотоателье, две библиотеки, два начальных училища³⁰, четыре конных ярмарки ежегодно и еще одну, на которой торговали красным товаром, шестьдесят извозчиков, две гостиницы, десять постоялых дворов, две общественных бани, отделение Псковского коммерческого банка, клуб под названием «Общественное собрание», двух полицейских надзирателей, тринадцать городских, одного ветеринара, одну тюрьму, в которой за год перебывало больше тысячи человек, и получим Остров образца девятьсот третьего года. Остров образца девятьсот третьего года еще и долгов не имел. Профицит его бюджета составлял почти тысячу рублей. Маловато, конечно, но ведь и доходов у города в том году было немногим более тридцати восьми тысяч.

В девятьсот пятом, если судить по материалам к истории г. Острова и его уезда, аккуратно и тщательно собранным Николаем Александровичем Пановым, ничего особенного не произошло, за исключением наводнения, когда в весеннее половодье Великая вышла из берегов и затопила Полоцкую улицу. Высота воды составляла полтора аршина, то есть метр и шесть сантиметров, и стояла она так десять часов. Пять раз в городе начинался пожар и пять раз его тушили. В августе Псковский губернатор утвердил устав Островской Общественной библиотеки, и тогда же состоялось первое собрание ее учредителей. В декабре общее собрание учредителей библиотеки утвердило смету на следующий год в сумме семьсот рублей и постановило открыть библиотеку в январе девятьсот шестого года. Панов забыл написать о том, псковский губернатор граф Адлерберг в разгар русско-японской войны стал формировать в губернии народное ополчение и предписал временно прекратить питейную торговлю. В Острове в связи с этим его предписанием закрыли

девятнадцать пивных лавок, семь оптовых складов, четыре винных погреба, два трактира, четыре казенных лавки и станционный буфет.

В мае девятьсот шестого осыятили католический храм, в августе делегаты Островского вольного пожарного общества со своим знаменем выезжали во Псков на празднование двадцатипятилетней годовщины основания Псковского пожарного общества, в Острове открыли Общество вспомоществования нуждающимся ученицам Островской Александровской женской прогимназии, островский купец и почетный гражданин Федор Васильевич Семендяев пожертвовал тысячу рублей с тем, чтобы на проценты с этого капитала содержалась одна ученица в женской прогимназии, Островская земская управа просила очередное земское собрание разрешить приобрести ей имение Родовое, чтобы устроить там больницу, сельскохозяйственную школу, сельскохозяйственный склад... Короче говоря, что было в девятьсот пятом, то и в девятьсот шестом и в девятьсот четвертом, и в девятьсот третьем. Это если судить по книге Панова, а если это делать по легально издававшейся во Пскове большевистской газете «Пчела», то выходило не совсем так или совсем не так.

В девятьсот пятом и девятьсот шестом годах в Псковской губернии был неурожай и начался голод. Вот что писала газета четвертого мая девятьсот шестого года: «В нашем уезде в настоящее время выдается хлебная ссуда голодающим крестьянам. Отпущено на уезд на 3 месяца на 125 тыс. едоков 381 тыс. пудов ржи, т. е. в среднем по 3 пуда на человека. Распределение ссуды между отдельными домохозяевами сделано неправильно, что и вызывает много жалоб со стороны обойденных. Раздача хлеба начата еще в двадцатых числах марта, но и до сих пор еще не окончена вследствие слабого поступления вагонов с рожью. Подряд по поставке ржи на всю губернию взял в губернском присутствии миллионер Петербургский хлебный торговец Давыдов, к которому губернская администрация, заключившая с ним контракт, относится очень снисходительно. Подрядчик по контракту обязан был погрузить в вагоны все количество хлеба не позднее 10 апреля, а между тем, погрузка хлеба продолжалась и после 20 апреля, так что, например, в Островский уезд прибыло только немного более половины того количества ржи, какое ему назначено в ссуду, и по качеству прибывший хлеб во многих случаях был неудовлетворительным. На Островской станции, местному уполномоченному Губернского Присутствия, Председателю Островской Земской Управы Беклешеву³¹ пришлось забраковать значительное число вагонов хлеба вследствие сорности и недостатка натурального веса. А на станцию «Корсовка» пришли вагоны с совсем-таки скверным хлебом, который голодающие крестьяне, однако, разобрали. «Поневоле берешь, говорили они, когда дома ни куска хлеба». Из волостей восточной части уезда... идут дурные вести: хлеб давно вышел, яровые семена проедены, денег нет, сеять поля нечем. Когда крестьяне этих несчастных волостей получают продовольственную ссуду – неизвестно, т. к. поставщик, как выше сказано, не спешит с поставкой хлеба, а губернская администрация, по-видимому, не принимает никаких мер к тому, чтобы поставщик в точности соблюдал условия по поставке хлеба...».

Часть голодающих крестьян потянулась в Остров и там устроилась сезонными рабочими к островским огородникам. Работать им приходилось по восемнадцать с половиной часов в сутки. Мужчины при этом получали по двадцать пять копеек, а женщины и того меньше, поскольку время от времени отлучались кормить детей. Неудивительно, что при таких условиях они забастовали, требуя, чтобы рабочий день начался в пять, а не в три утра, и оканчивался с заходом солнца. Удивительно, что забастовали далеко не все, и потому хозяева требования не удовлетворили, а только согласились те два часа, которые рабочие бастовали и предъявляли требования, не считывать из заработной платы³².

Забастовка островских булочников была удачнее. Булочники добились и сокращения рабочего дня, и выделения им комнат для отдыха, и доброкачественного питания. В девятьсот шестом году в Острове бастовали еще и приказчики, которых в городе было более двухсот. Они требовали сокращения рабочего дня, поскольку он у них был немногим меньше, чем у огородников – тринадцать-пятнадцать часов, да и работали они практически без выходных. Большевистская газета «Пролетарий», издававшаяся в Женеве, по поводу забастовки приказчиков писала: «В Острове

было движение приказчиков, требовавших 9-часового рабочего дня. Но солидарности не было, т. к. экономическое положение приказчиков слишком разное. Отпраздновали 1 Мая, но практических результатов не добились». Может, сразу и не добились, но в девятьсот восьмом году Островская городская дума составила, а псковский губернатор издал обязательные постановления об обеспечении нормального отдыха служащих в торговых заведениях, складах и конторах г. Острова. В постановлении этом было черным по белому написано о том, что «Торговля, а также занятия служащих, связанные с торгово-промышленной деятельностью... не дозволяется совершенно по воскресным дням и двенадцатым праздникам, в первый и во второй дни Рождества Христова; 1 января (в Новый год), в сырную субботу (на масленицу), в 1, 2 и 3 дни Св. Пасхи, а также в дни: 1 октября и 6 декабря».

В конце мая в Острове временным отделением Псковского Округного суда судили двадцать шесть крестьян, обвинявшихся в незаконной порубке леса в ноябре девятьсот пятого года. Пятнадцать из них еще и оказали сопротивление полиции, когда та пыталась прекратить порубку. Крестьяне, как пишет газета «Пчела», кричали приставу и уряднику: «Черносотенники, брехуны, вон убирайтесь, довольно попили нашей крови, мы сами теперь хозяева»... а один выкрикнул: «если солдат нашлете, то у нас в деревне им каши наварено»... Полиция выстрелила в воздух и удалилась. Суд одного из крестьян оправдал, остальных признали виновными. Крестьяне своей вины и не отрицали. Кому-то дали два месяца тюрьмы, кому-то восемь. Самое интересное в этом деле то, что крестьяне незаконно рубили деревья не у помещиков, а у двух крестьян из соседней деревни. Сначала они просили у них дать лес в долг, но после того как те отказали, решили делать это самовольно, поскольку нужда, голод и холод заставили их взяться за топоры. Между прочим, слова крестьян о нужде голоде и холоде подтвердил пристав. Тот самый, которому кричали «черносотенник и брехун». Он показал, что обвиняемые не имеют ни леса, ни выгона и вследствие последних неурожаев и пожаров живут в страшно бедственном положении. Все смешалось в доме Облонских...

И это не все о девятьсот шестом годе. Еще и град побил ржаные поля в тридцати деревнях. В Коршевской волости Островского уезда объявились бешеные волки и перекусали лошадей, коров и людей. Крестьяне жаловались полиции, полиция взяла ружья, охотника и пошла отстреливать волков, но волки куда-то подевались...

Вот такой была подводная часть уже основательно подтаявшего островского айсберга, который грозил вот-вот перевернуться. Впрочем, до его переворота оставалось еще одиннадцать лет, а пока... Пока в конце августа того же года директор народных училищ Псковской губернии решил устроить при Островском городском училище народную библиотеку, согласно «правил о народных библиотеках при низших учебных заведениях Министерства Народного Просвещения, утвержденных 28 февраля 1906 г.», в которую за одиннадцать месяцев записалось около четырехсот читателей. Пока губернские статистики в девятьсот девятом году снова пересчитали все, что можно пересчитать в Острове, и оказалось, что в нем двадцать восемь казенных винных лавок, частных пивных еще больше – пятьдесят восемь, сорок восемь чайных, два лесопильных завода, двести двадцать лавок мелочных, семь заводов кожевенных, один винокурный, один пивоваренный, четыре кирпичных, девятнадцать красилен, почти две сотни кузниц, два керосиновых склада, две пекарни, сорок четыре торговых кладовых, пять прялочных мастерских, две шерсточесальни и одна пресовальная для сена. Статистики не посчитали только холеру, появившуюся в городе в июле, и сибирскую язву. Впрочем, последняя была в уезде. Холеру в городе удалось прекратить к концу сентября, но пятьдесят четыре человека все же умерло.

Газета «Псковская жизнь» в девятьсот девятом году сообщала, что согласно постановлению Островской Городской Думы, островские чайные обложены сбором в пользу города в сумме девятьсот рублей. Всего чайных в городе было семнадцать, однако сбор в девятьсот рублей поделили на пятнадцать чайных, а две чайных, принадлежащих гласному Городской Думы и члену ревизионной комиссии, в число обложенных сбором не вошли. Потому и не вошли, что принадлежали.

В сентябре открыта сельскохозяйственная выставка, устроенная Островским сельскохозяйственным обществом. Что уж там выставляли, я не знаю (скорее всего, какие-нибудь снопы льна, усовершенствованные веялки и льномяльные машины), но медалей выдали... 16 больших серебряных, 16 малых серебряных, 11 бронзовых, 72 похвальных листа, 8 письменных благодарностей и 2 денежных награды. Островское общество сельского хозяйства еще и издавало «Ежемесячный сельскохозяйственный листок». С девятьсот девятого до девятьсот семнадцатого года он печатался в типографии Фуфаевой тиражом в пятьсот экземпляров и продавался в ее писчебумажном магазине. Стоил пятачок. Печаталась там реклама веялок, ручных молотилок, пружинных борон, обзоры льняного рынка, объявления о курсах пчеловодства, статьи о необходимости ветеринарной службы в уезде и даже литературные страницы. У Островского общества трезвости тоже был свой печатный орган – ежемесячная газета «Друг трезвости». Правда, вышла эта газета всего четыре раза в девятьсот сороклетнем году.

В одиннадцатом году открыто двухклассное реальное училище, в двенадцатом Николай Второй всемиловейше соизволил присвоить островскому реальному училищу Августейшего Имени Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича и Великого Князя Алексея Николаевича, Земское собрание поручило городской Управе составить сметы на устройство артезианского колодца при больнице и водопровода и «ввести кипячение воды в тех школах, где врачи признают это необходимым...». Ну, а там, где не признают – там не кипятить, при том что в этом же году в Острове и в пятнадцати пригородных деревнях были эпидемии брюшного тифа и натуральной оспы.

С началом первой мировой войны эпидемиологическая обстановка в Островском уезде только ухудшилась. Линия фронта сначала проходила от Острова далеко – до нее было более двухсот километров, но постепенно она начала приближаться, и со второй половины июля пятнадцатого года командование Двинского военного округа, в который входила Псковская губерния, решило строить оборонительные рубежи. Один из участков этих рубежей приходился на Островский уезд. Укрепленные рубежи собирались строить масштабные – с окопами, с огневыми точками, колодцами, складами и подведенной линией железной дороги. Местными рабочими обойтись было никак невозможно, и потому из соседних губерний – Новгородской и Тверской на земляные работы пригнали тысячи крестьян, которые вследствие скученности, антисанитарных условий и плохого питания стали болеть. На двенадцать тысяч рабочих приходилось всего три врача. Не замедлил появиться сыпной тиф. Крестьяне стали самовольно разбегаться с этих земляных работ по домам, не забывая прихватить с собой орудия труда. Остров был наводнен беженцами разных национальностей (русских, поляков, литовцев, латышей, евреев) из прифронтовых губерний, солдатами, дезертирами... Беженцы принесли холеру. В Острове организовали изоляционно-пропускной пункт. В феврале семнадцатого года военфельдшер Василий Юдин привез в город известие об отречении Николая Второго от престола.

Многовековая история досоветского Острова закончилась третьего марта семнадцатого года телеграммой городского головы Левковича в Петроград председателю государственной Думы Родзянко: «Нормальное течение жизни города нарушено. По городу ходят массы народа частью вооруженные. Начальник гарнизона и комендант города обезоружены. Уличными манифестациями руководят несколько лиц, выдающих себя за представителей какого-то комитета из Петрограда. Ждем ваших распоряжений».

Тогда же в Острове был организован Совет солдатских и рабочих депутатов. Правда, возглавляли его не большевики, а эсеры. Кроме того, в городе был создан комитет общественной безопасности, в котором верховодили отнюдь не большевики, а меньшевики и эсеры. Островская организация РСДРП начала свою работу восьмого апреля. В июне в Островском уезде был организован Совет крестьянских депутатов, и тут уже началась экспроприация экспроприаторов – крестьяне самовольно вырубали помещичьи леса, делили и распахивали землю. Дело приняло такой размах, что губернский комиссар Временного правительства просил у командования Северного фронта направить в каждый уезд по взводу конницы и по две сотни солдат. Управляющий

имением села Троново Вышгородецкой волости Островского уезда даже отправил телеграмму министру внутренних дел: «Вышгородецкий волостной продовольственный комитет Островского уезда Псковской губернии в опекаемом мною Тронове разбил самоуправно все сенокосы и таковые отдал за плату моим исполовщикам. Считая действия комитета незаконными, прошу содействия. Местные бессильны». Можно подумать, что у министра внутренних дел были силы.

В сентябре семнадцатого года в городе и его окрестностях стал на постой 3-й казачий корпус генерала Краснова. В Остров приезжал Керенский, намереваясь уговорить Краснова наступать на Петроград. Александр Федорович выступил перед исполкомом Совета рабочих и солдатских депутатов с участием представителей казачьих частей. Выступление прервали солдаты, захотевшие арестовать Керенского. Пришлось ему под прикрытием казаков срочно сесть в поезд и уехать в Псков.

Керенский уехал, в скором времени и казаки ушли по направлению к Петрограду, а вот приехавшие в город питерские большевики остались, и уже в январе восемнадцатого года состоялся уездный съезд Советов. В исполкоме уездного Совета на руководящих постах уже были не эсеры и не кадеты, а большевики. К тому времени в уезде их было более двухсот. Одна из резолюций съезда гласила: «Мы, крестьяне, депутаты Островского уезда, приветствуем решение Центрального Исполнительного Комитета Советов рабочих о роспуске Учредительного собрания за то, что оно не исполнило волю трудового народа о мире, земле и признании власти Советов. Приветствуем настоящую власть в лице Советов, всецело сплотимся вокруг Советов в тесную революционную трудовую семью. Требуем принятия самых решительных мер, в корне пресекающих всякие контрреволюционные выступления. Да здравствует власть Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов! Да здравствует социализм!»

Власть Советов и социализм здравствовали недолго. Восемнадцатого февраля Остров и семь из двенадцати волостей Островского уезда были заняты немецкими войсками. Оккупация продолжалась до конца ноября. Комендантом города стал лейтенант Брокман, а градоначальником лейтенант Чайковский. В Острове пришлось избрать новый состав городской Думы, поскольку большинство гласных город перед оккупацией покинуло. Решения Думы утверждались германской администрацией, которая могла их и не утвердить. Педантичные оккупанты для того, чтобы собирать подушный налог, произвели перепись островичей³³. Деньги ходили разные – и николаевские рубли, и керенки, и германские марки, и специальные оберрост рубли, имевшие хождение на оккупированных территориях. Германская администрация издала приказы о разрешении продажи земли, о передаче всего имущества, принадлежащего русскому государству и Всероссийскому Земскому союзу, в собственность Германской империи и создании комиссии для оценки убытков, причиненных имуществу городов в период беспорядков семнадцатого года, с целью возвращения прежним владельцам. К приезду в Остров Верховного главнокомандующего Восточным фронтом принца Леопольда Баварского комендант Острова выделил две тысячи рублей и на эти деньги очистил от грязи и мусора город, отремонтировал общественную баню и привел в порядок на базарной площади артезианский колодец. В Остров из Австрии завезли пять тысяч кос, триста пудов семенного картофеля, безработных заставили работать на полях в уезде, а также ввели жесткий и бесчеловечный запрет на использование зерна при изготовлении пива и водки. Немцы объявили обязательный сбор на всей оккупированной территории по десять рублей с человека для выплаты пенсий лицам преклонного возраста. В мае восемнадцатого года в Острове было организовано Общество господ офицеров, при котором заработала кооперативная лавка и стали проводиться благотворительные вечера и детские утренники. В саду княгини Ухтомской офицеры устроили детскую и спортивную площадки, буфет и эстраду для театральных и музыкальных представлений. Деньги, полученные от продажи билетов на эти представления, шли на единовременные пособия семьям нуждавшихся офицеров. Островское православное братство собрало по подписным листам больше тысячи рублей, которые раздали по пять, десять и двадцать рублей нуждающимся. Возвращавшимся из Германии и Австрии пленным, как только они прибывали на островский вокзал, выдавали хлеб, молоко, табак, деньги. В городе работали рестораны, винные

погреба, ювелирные магазины и кинотеатр. При всех внешних признаках благополучия не стоит все же забывать о том, что это была немецкая оккупация – комендантский час никто не отменял. Все газеты, кроме оккупационных, были запрещены.

С началом оккупации Островский совет солдатских и рабочих депутатов эвакуировался на станцию Дно. Часть его членов ушла на фронт, а часть вернулась в уезд, в село Выбор, где и был организован Совет крестьянских депутатов под председательством Матвея Егоровича Егорова. В Выборе прошел Островский уездный съезд крестьянских депутатов, осудивший в своей резолюции восстание левых эсеров. В селе сформировался стрелковый батальон, принявший в составе Красной Армии участие в освобождении Острова от немцев. На территории Островского уезда действовали партизанские отряды, руководил которыми объединенный штаб партизанских отрядов Новоржевского, Опочецкого и Островского уездов.

Ближе к осени, когда стало понятно, что Германии придется освободить все оккупированные территории, в Острове... резко все подорожало, и особенно продукты, стали отключать электричество, прекратились занятия в учебных заведениях, дворяне и купцы стали уезжать из города и началось формирование белогвардейской Северной армии. В нее кроме кадровых офицеров, медицинских работников и священников записывались даже учащиеся реальных училищ, с которыми проводили занятия по строевой подготовке. Островские председатель городской Думы Штемберг и городской голова Левкович пытались привлечь местное купечество к участию в приобретении продовольствия для Северной армии, но успеха не имели – из приглашенных на заседание по этому вопросу семидесяти купцов пришло лишь девятнадцать. Впрочем, средства на содержание Северной армии были все же получены – двадцать пять тысяч рублей дал немецкий градоначальник Острова – лейтенант Чайковский.

Из телефонограммы председателя Воронежского волисполкома отделу управления Опочецкого исполкома от 25 октября 1918 г. «...сейчас получены сведения, что 23 октября сего 1918 г. в гор. Острове в театре “Модерн” состоялся митинг буржуазии, на котором по предложению Симанского, предложено организовать белогвардейские отряды для занятия территории уезда после ухода немцев. Присутствовавшие на митинге немецкие офицеры обещали в этом оказать поддержку и задержать выход войск до организации белогвардейских отрядов, обещали также помощь людьми и оружием. После этого было приступлено к записи добровольцев в эти отряды».

Двадцать шестого ноября части Красной Армии вошли в Остров. Островский военный комиссар докладывал губвоенкомату: «За время с 1 по 26 ноября в районе Островского уезда произошло следующее. Политическое состояние в уезде довольно хорошее. Население крайне отрицательно относится к выступлению белогвардейцев и поддерживает Советскую власть... Настроение войсковых частей самое лучшее. Люди все имеют бодрый молодецкватый вид и вполне удовлетворяют требованиям солдата Рабоче-Крестьянской Красной Армии. Для их духовного и политического развития имеется пролетарский клуб “Красная звезда”, где устраиваются митинги, концерты и т. д. Вербовка добровольцев идет очень успешно...».

В середине восемнадцатого года новая власть организовала Островский уездный совнархоз. Началась национализация. В декабре Островский уездный экономический отдел принял постановление о национализации тех предприятий, чьи владельцы ушли вместе с частями белогвардейской Северной армии. Одними из первых национализировали находившиеся в Острове кожевенные, лесопильный и маслобойный заводы, паровую и водяную мельницы. В уезде национализировали два кожевенных завода, принадлежавших крестьянам. В одной из волостей Островского уезда Совет запретил мельникам принимать зерно для размола от лиц, не имеющих на то специального разрешения комбедов. У тех, кто такими удостоверениями не обзавелся, зерно отбирали и передавали местным властям. Комбеды в уезде летом восемнадцатого года росли как грибы после дождя... правда, через полгода их стали ликвидировать. Поскольку продовольствия катастрофически не хватало, в уезде была создана специальная комиссия, следившая за тем, чтобы спекулянты не сбывали хлеб за границу, а они его сбывали, так как граница была рядом. Остров находился на положении прифронтового города. Собственно, линия фронта проходила

от него в двадцати километрах. За три года – с восемнадцатого по двадцатый – в связи с тем, что части белых подходили вплотную к городу, пришлось трижды эвакуировать все советские учреждения. Уездные леса были наводнены бандами зеленых. Банды, они же повстанческие отряды зажиточных крестьян численностью несколько сот человек, под командой купцов Ивана и Ефима Ивановых полностью ликвидировали Советскую власть в четырех волостях Островского уезда.

И зеленые, и белые с представителями Советской власти не церемонились – в одной из волостей трем попавшим к ним в плен красноармейцам выкололи глаза, в другой председателю воллисполкома вырезали на лбу пятиконечную звезду. В одном из боев с зелеными погиб первый председатель уездного Совета крестьянских депутатов – Матвей Егорович Егоров. К осени девятнадцатого года частям Красной Армии все же удалось очистить уезд от белых и зеленых. Мирная жизнь не то чтобы началась, но... еще в июле девятнадцатого года в Острове организовали педагогические курсы. Лекторов пригласили из Москвы и Петрограда. Обучали не только педагогике, но и культмассовой работе и даже сельскому хозяйству.

И еще об одном событии. К культурной жизни Острова его вряд ли причислишь, а все же... В девятнадцатом году в Острове побывал Демьян Бедный. Результатом этой поездки стало стихотворение «Полковник Кулак-Кулакович». Под полковником Кулак-Кулаковичем имелся в виду полковник Отдельного Псковского добровольческого корпуса Булак-Балахович, отряды которого в мае девятнадцатого заняли Псков и терроризировали при поддержке части крестьянства всю губернию и Островский уезд в частности³⁴.

Это были новости культурной жизни, а если говорить о некультурной, но ничуть не менее необходимой, то в городе открылась сапожная мастерская, заработал мыловаренный завод, выпускавший двадцать пять пудов мыла ежедневно. Продовольствия не хватало по-прежнему. Его выдавали по карточкам. Город был разбит на шесть районов, в каждом из которых открыли продовольственную лавку. Островская газета «Плуг и молот» в начале апреля двадцатого года в заметке «Мертвые души» писала о карточной системе: «Замечено, что население к получению карточек общественного питания относится более чем преступно. Получаются ими часто карточки на лиц в доме на не живущих или давно выехавших. Разными нелегальными способами некоторые идут на то, чтобы за счет желудка другого пополнить свой. Разумеется, если бы представилась возможность, то продорганами была бы сама по себе увеличена норма выдачи, но раз это пока нельзя сделать, то граждане не должны искать способов получать продукты на мертвые души».

Заработали школы первой и второй ступеней. Учеников из бедных семей кормили бесплатными горячими завтраками. Что входило в эти завтраки, сказать теперь уже невозможно, но судя по тому, что в начале двадцатого года в зерновом пайке, который получали островские рабочие и служащие, было не более трех килограммов ячменя и от четырех до шести с половиной килограммов овса в месяц, завтрак был более чем скромным.

В Острове открыли две столовых и чайную... которых еще тринадцать лет назад в городе было семнадцать. Кстати, о столовых. Вездесущие корреспонденты газеты «Плуг и молот» в апреле двадцатого года побывали и там: «На что в столовой плохой порядок позволю посчитать по пунктам: 1) хлеба не хватало (он появился в достаточном количестве с 26 марта); 2) в отношении чистоты столовая желает весьма много об этом говорят те 2 полотенца, которыми обтираются сотни чашек, и несменяемая вода, в которой эти чашки моются и время-то весьма опасно легко заразиться сыпняком. 3) В нашей столовой меню отличается удивительным однообразием: месяцами были только щи с мерзлой капустой, а теперь только горох. Чем это объяснить? Этим автор отнюдь не желает, чтобы нас, обедающих, перевели на вечные щи. 4) В столовой не хватает посуды. Неужели уже нет возможности завести ее больше? 5) Почему так дорого продаются в столовой микроскопические кусочки сахара? Ведь из общественных лавок сахарный песок выдавался по 13 руб. за фунт...».

Газета «Плуг и молот», пришедшая на смену островской газете «Коммунист», просуществовавшей всего один девятнадцатый год, тоже долго не прожила и была закрыта в феврале двадцать первого года из-за недостатка бумаги, но весь двадцатый год неутомимо освещала островскую

жизнь, не пренебрегая самыми мелкими, даже микроскопическими, вроде кусочков сахара, событиями из жизни города. Вот, к примеру, новости островской партийной жизни: «Комитет Островской Р.К.П. (б-в) выносит порицание милиционеру Григорьеву и Кривцову за неприличное поведение в присутственном месте – Корешевском Исполкоме». Газета критикует отдел народного образования за то, что он не признает артистов своими служащими вместо того, чтобы материально обеспечить их и подобрать идейно выдержанный репертуар. В результате артисты бегут из труппы в те места, где платят больше. Корреспондент «Плуга и Молота» требует установить такие цены на билеты, «чтобы театр могли посещать не только люди, получающие тысячи в месяц, но и пролетарские массы населения, для которых собственно говоря, и театр-то существует».

Последняя заметка под названием «На суд читателей» из апрельского номера двадцатого года совсем не такая безобидная, как предыдущие: «На днях, в течение недели помощи шведским рабочим, Кружок еврейской молодежи поставил спектакль, давший, очевидно, порядочный сбор. Не входя в какие бы то ни было подробности и не желая вступать в дебаты по поводу того факта, что устроители вечера не догадались отчислить хоть сколько-нибудь бастующим шведским рабочим, обнаруживая этим самым свои симпатии и моральную поддержку, факт печальный... И невыполнение этой элементарной формальности пролетарской этики дают полное право к осуждению Кружка еврейской молодежи. Нам сообщили, что Кружок будто желает загладить свою ошибку постановкой вторично спектакля. Напоминание может быть истолковано, как давление на кружок, а потому во избежание отпечатка принудительности на спектакле считаем это дело запоздавшим. Сами собой напрашиваются упреки по адресу организации, существующей в пролетарской стране и не проявившей на деле своей демократичности. Вынося этот факт на суд читателей, мы только повторяем, что Кружок достоин осуждения и более чем упрека». Пока это только упреки, но и осуждение не за горами... и не только оно.

Сложно сказать, сколько принес поставленный спектакль Кружку еврейской молодежи и сколько было недодано бастующим шведским рабочим, но доподлинно известно, что на одном из спектаклей в пользу голодающих Поволжья, который поставили летом двадцать первого года, было собрано триста тысяч рублей. Сбор от концерта в одной из волостей Островского уезда составил чуть более восемнадцати тысяч рублей и восемь пудов ржи. Раз уж зашла речь о помощи голодающим, то нельзя не сказать, что более трети из пятисот детей, прибывших в Псков из Поволжья, нашли приют в Островском уезде.

Пока продрозверстку не заменили продналогом, о сельском хозяйстве и о промышленности уезда и города говорить не приходилось – они с большим трудом дышали на ладан. В двадцать первом году весь островский уезд с его населением в сто шестьдесят одну тысячу человек купил немногим более восемнадцати тысяч аршин мануфактуры, шесть тысяч пудов соли и пять с половиной тысяч кос и серпов. Выходило примерно по шестьсот граммов соли в год на брата, и на сестру, и на свекра со свекровью, и на тестя с тещей, и на деверя с золовкой. По одному грамму и шестьсот миллиграммов соли в день. И это при том, что физиологическая норма потребления соли в день на человека пять граммов. Как раз тот самый случай, который называют «несолоно хлебавши». Про физиологическую норму потребления мануфактуры нечего и говорить. Делить восемнадцать тысяч аршин на сто шестьдесят одну тысячу человек неблагоприятное дело – получится по восемь сантиметров на сестру, а на брата... Любой крестьянин вам скажет, что это срамота, да и только. И это при том, что ни соль, ни мануфактуру в огороде не вырастишь. Сельскохозяйственные машины, плуги, металл в торговой сети уезда просто отсутствовали. Самым ходовым товаром были лапти – в Острове занималось их плетением почти сто человек, и наплели они за год десять тысяч пар.

В марте двадцать первого года начался НЭП, и сельское хозяйство начало понемногу оживать. В сентябре в городском Летнем саду десять дней шла сельскохозяйственная выставка. Показывали свои достижения в животноводстве, выращивании всего того, что росло на полях островского уезда, не только коллективные хозяйства, но даже и единоличники. Тогда это еще было возможно. Понятное дело, что десятками большие и малые серебряные медали, как это было одиннад-

цать лет назад на выставке Островского сельскохозяйственного общества, никто не раздавал, но премии все же были. Крестьянину-единоличнику Михаилу Герасимову за откормленного бычка-трехлетку дали премию – восемь килограммов семян клевера и косу с двумя брусками для ее заточки. Совхоз «Шенехово» наградили двадцатью аршинами мануфактуры и сотней тысяч рублей, а совхозу «Стадник» – такую же денежную премию, но мануфактуры на десять аршин больше.

Теперь, с приходом Советской власти, началось шефство города над деревней – горожане стали помогать крестьянам в тех делах, в которых они раньше управлялись сами и помощи горожан не просили. В книге Юрия Петровича Пахрина по истории Острова, изданной в восьмидесятом году, по этому поводу написано: «Для помощи города деревне проводились недели крестьянина. В одну из таких недель из Острова на село выехало двести шестьдесят человек. Горожане вспахали 186 десятин земли, убрали хлебос с 427 десятин, исправили 21 километр дорог, починили 150 мостов, подковали 250 лошадей, отремонтировали крестьянам телеги, плуги, бороны, сбрую... За это же время было проведено пять сходов, двадцать митингов, семь спектаклей, беседы, чтения, лекции». Как писали советские младшие школьники в конце своих сочинений: «Усталые, но довольные, они возвращались домой».

Дома, в Острове, рабочих мест имелось немного. В двадцатом году в городе работало двадцать девять предприятий, на которых было занято двести одиннадцать человек. Большинство этих мелких и очень мелких предприятий, на которых работало в среднем по семь человек, принадлежало государству. Через три года картина изменилась, вернее, ее изменил НЭП. Предприятий стало больше – тридцать восемь, но большинство из них принадлежало частным владельцам. Государственных было только пять. Все эти предприятия стали еще мельче – в среднем на каждом из них работало чуть больше чем четыре человека. Безработица не то чтобы брала Остров за горло, но создавала в городе, как сказали бы сейчас, социальную напряженность. Власти с безработицей боролись – к примеру, организовали артели для торфяных разработок, восстанавливали старые производства и создавали новые. Построили новый кирпичный завод с нефтяным двигателем, что по тем временам было огромным достижением. В двадцать третьем году разработали проект и составили смету постройки ГЭС на Великой и через три года ее построили чуть выше моста по течению – там, где река образует два рукава³⁵. Это была не единственная электростанция – в двадцать пятом на притоке Великой, Утрое, в сельскохозяйственной коммуне «Рассвет» построили еще одну электростанцию. Мощной она не была, но в радиусе пяти верст в окрестных деревнях зажгла две с половиной сотни лампочек. В Острове цивилизация зашла еще дальше – первого сентября двадцать четвертого года горожане в клубе имени Ленина слушали радиогозету, переданную первой радиостанцией имени Коминтерна.

В первой пятилетке в городе и районе – а к тому времени Островский уезд был преобразован в район Псковского округа Ленинградской области – заработало пять заводов по переработке льна, и не просто так заработало, а в двадцать шестом году из Острова было отправлено пятьдесят девять тонн льна не куда-нибудь, а в Англию. К экспортному льну добавим еще и тридцать тысяч гусей, которые Госторг заготовил для вывоза за границу в Островском и Новоржевском уездах в двадцать восьмом.

В двадцать девятом году Островский уезд занимает первое место в Ленинградской области по производству льна. Тогда же был введен в строй Островский льноперерабатывающий завод. В тридцать втором году по хозяйствам Островского района ездил Киров, которого так впечатлили высокие производственные показатели Островского завода, что он назвал его «льноводным путиловцем». Не бог весть какое сравнение, но в тридцатые годы прошлого века им гордились, и очень. Тем более, что за три года до этого Экономический совет РСФСР при Совете Народных Комиссаров РСФСР решил создать в Псковской области льносеменной рассадник республиканского значения, и Островский район в этот рассадник вошел. Сразу же Островскому району построили машинно-тракторную станцию с парком в шестьдесят три трактора, а еще через три года Ленинградский обком ВКП(б) и облисполком за хорошую работу премировали Островский район еще одной МТС. Это действительно был подарок в условиях острой нехватки тракторов. Поче-

му решили эту МТС сделать женской – неизвестно, но... партия решила – и сделали. Директором назначили тоже женщину – инструктора Островского райкома Наталью Михайлову. Курировал стройку не кто-нибудь, а сам Киров³⁶.

Теперь о коллективизации. Она закончится в Островском районе только в тридцать пятом году, а пока, в январе тридцатого, Остров встречал на железнодорожном вокзале с оркестром и знаменами ленинградских рабочих, приехавших руководить только что созданными колхозами и совхозами. В том же январе газета «Псковский набат» сообщала из Острова, с общерайонного собрания Островской комсомольской организации: «Мы мобилизованы на фронт большевистской посевкампании. Дезертирам не место в наших рядах. 200 человек юных ленинцев обсуждают мероприятия по колхозному строительству. Надо перестроить всю работу – единодушно заявляет собрание – каждую ячейку превратить в боевой отряд. До сего времени отдельные комсомольские ячейки совершенно не участвовали в колхозном строительстве... Комсомольцы в колхозы не вступают... Секретарь Рубиловской ячейки Степанова заявила: – Я колхозы буду организовывать, но сама не пойду... Враг не дремлет. Бьет по слабым местам и имеет успех. Комсомолец Лавровской ячейки кулацким языком написал заявление: “Социализм хорошая штука, но нам его не построить. Я уйду из коммуны, уйду из комсомола, знаю, что это возврат к капитализму, но он сильнее нас”. Кулацкая агитация доходит до наглости. Братья Степановы из Калининского сельсовета запугивают бедноту и молодежь: не идите в колхозы, скоро власти будет крышка и тем, кто пойдет в коммуну. С Китаем заключен мир за 50 красивых девушек. Собрание решительно осудило кулацкую провокацию, противопоставив свои твердые решения. Всем комсомольцам сельсоветов сплошной коллективизации в месячный срок вступить в колхозы и остальным ячейкам в трехмесячный – создать крупный колхоз. Объявить всю организацию ударной бригадой на период проведения весенней сельхозкампании».

Это было на первой странице газеты, а всю вторую страницу занимали заметки с заголовками: «Дезертиры с фронта коллективизации», «Этим – не место в комсомоле», «Враг обнаглел. На вылазки кулака ответим контрнаступлением. Очистим свои ряды от кулацких прихвостней», «Кулацких подпевал – вон из сельсоветов. Мало-Приезжинский сельсовет в паутине кулацкой агитации»³⁷.

И об общественной жизни. Не о культурной, но об общественной. В двадцать седьмом году в Острове, как и во всей стране, прошла неделя обороны – изучали военное дело, ходили в противогазгах, вступали в Осоавиахим, слушали лекции о вооружении Запада, о военной опасности, обороне страны, о международном положении и сдавали взносы в фонд «Наш ответ Чемберлену». В тридцать втором, когда Квантунская армия оккупировала Маньчжурию, на общем собрании членов колхоза «Красный октябрь» Дроздовского сельсовета было принято постановление: «Мы, колхозники... в ответ на происки японских империалистов и всей контрреволюционной своры еще крепче сплотимся вокруг Коммунистической партии и проведем успешную подготовку и проведение 3-й большевистской весны... Мы войны не хотим, но никому не позволим наложить лапу на наши границы».

Немного о бытовых мелочах островской жизни. Некультурных, необщественных, но ничуть не менее важных. В тридцать пятом в городе открылась мастерская по ремонту гармоной и баянов. Как раз в том году жить стало лучше, жить стало веселей, как сказал лучший друг советских физкультурников. Вот она и открылась. Между прочим, первая в округе. В тридцать шестом на городском рынке появился пункт приема подержанных вещей. Проще говоря, комиссионный магазин. Не совсем обычный. Там покупали дешево подержанные вещи, их реставрировали, и потом продавали на четверть дороже, чем купили. Жили, конечно, весело, но очень и очень небогато, если честно.

И последнее о тридцатых годах в Острове. Из воспоминаний А. Д. Алексеевой: «...Какой Остров был для меня, деревенской девчонки, огромный! Перейти мосты было немного страшно, ведь они все-таки качались чуть-чуть. А дом Советов на Большой улице – какой красивый и белый-белый! Ведь в три этажа! И Собор... Мощеная булыжником площадь с братской могилой.

А в конце площади был базар. За ларечками “цыганский” рынок с двумя чайными. Тут же повыше на улице Карла Маркса – “Дом крестьянина”. Напротив городской сад с тремя аллеями. А на Большой улице библиотека... До войны Остров был с чистыми, зелеными улицами, многоводной рекой Великой и спокойными (не бегущими и кричащими) людьми. А пьяных я видела в Острове до войны только двух. Так и смотрели на них как на больных людей».

Из воспоминаний З. И. Максимовой: «...Остров был очень чистенький городишко. Улицы мощеные. За дома были ответственные. Были и дворники. Ездили на лошадях. Так если к кому гости придут, потом хозяева должны были за лошадей убраться. А светло ночью на улице как было, хоть вышивай. Парк был. В три яруса. Панельки, а внизу сцена. Там выступали, были скамеечки, ларечки, по вечерам весь город там гулял. А где Пушкинская, там была аллея. Мы там тоже с девочками гуляли... Напротив кладбища была немецкая церковь, там же было немецкое кладбище. Во время войны там немцы своих хоронили...»

Война для Острова началась с двадцать пятого июня сорок первого года. В этот день был первый налет немецкой авиации.

Из дневниковых записей выпускника островской школы №1 Н. Петрова: «25 июня. Проявляя фотопластинки услышал нарастающий гул самолета. Не выдержал, выбежал в коридор посмотреть в окно. Рев мотора был рядом, но я ничего не видел. И вдруг со стороны тюрьмы над нашими домами, над самыми крышами, я увидел немецкий самолет-истребитель. В кабине – один пилот, хорошо было видно смеющееся лицо летчика. Мгновение и застрочил пулемет. Это самолет дал очередь в район больницы, Дома культуры, военкомата и полетел в сторону вокзала. Больше он не появлялся... Отец вернулся с работы очень взволнованный. Сказал, что возле больницы были убитые и раненные. Сообщения по радио были тоже очень тревожными. Было понятно, что фашисты близко от нас».

Нельзя сказать, что к войне загодя не готовились – еще в тридцатые годы, до подписания пакта Молотова – Риббентропа, в районе Острова построили несколько аэродромов, а самое главное, начали строить мощную линию обороны, состоящую из трехэтажных железобетонных пулеметных дотов. Последние были снабжены автономными системами водоснабжения и вентиляции. В дотах планировалось расположить артиллерию, стрелков, снайперов, большое количество боеприпасов и продовольствия. Вся эта система укреплений называлась «Линией Сталина». Линия эта проходила буквально перед границей с Латвией. Не зря я сказал, что начали строить, но... после заключения договора о ненападении между Германией и Советским Союзом строительство забросили. Некоторые доты законсервировали, а некоторые и вовсе демонтировали³⁸. Как только началась война, все законсервированные доты и коммуникации между ними стали приводить в боевое состояние. Стали рыть траншеи и противотанковые рвы. На границе Псковского и Островского укрепрайонов в этих работах принимали участие около двадцати тысяч человек – половина из них была военными строителями, а половина – местными жителями. Правду говоря, работы были организованы плохо – техники было мало или, проще сказать, совсем не было, о том, чтобы обеспечить рабочих едой... Не было и транспорта, чтобы развезти людей по домам после работы.

Из дневниковых записей выпускника островской школы №1 Н. Петрова: «3 июля. Вечером на завалинке как всегда собирались соседи. Вдруг разговор затих: от улицы К. Маркса бежали два человека. Это были отец и сын Плотниковы.

– Надо уходить! Немцы за нами идут, – тяжело прокричал дядя Паша.

– Они нас прогнали с оборонных работ. На танках строчили из пулеметов и хохотали.

Двор загудел. Немцы вот-вот войдут в город. Все голоса перекрыл звук разорвавшегося снаряда на соседней улице. Все бросились по квартирам за уже подготовленными вещами. Мы вместе с Судаковыми быстро пошли по Горней к тюрьме, откуда свернули на поля. Со стороны вокзала слышался грохот разрывов...».

Четвертого июля сорок первого года пулеметная и учебная роты Островского укрепрайона, засев в дотах линии укреплений, вместе с арtdивизионом пятнадцать часов сдерживали непре-

рывные атаки 6-й танковой дивизии немцев. В тот же день части 1-й танковой дивизии прорвались к южной окраине Острова и с ходу форсировали Великую. Вечером четвертого июля наши войска получили приказ уничтожить прорвавшихся к Острову немцев. Пятого июля два танковых полка при поддержке сформированного из отходящих частей батальона пехоты атаковали части 1-й танковой дивизии врага и заняли Остров, выйдя на левый берег Великой. Увы, не имея поддержки ни со стороны пехоты, ни авиации, долго удерживать город наши танкисты не смогли. Уже в четыре часа дня немцы, при поддержке артиллерии и авиации, пошли в контратаку. Уличные бои длились недолго – уже в семь вечера наши войска, неся большие потери, начали отход. Со взятием Острова путь на Псков был открыт. Попытки отвоевать Остров продолжались еще и на следующий день, но все они были отбиты немцами. Начались три года оккупации.

Немцы превратили Остров в крупный опорный пункт, через который проходило большое количество войск и грузов. В городе были расквартированы тыловые службы 18-й армии группы армий «Север», отделение тайной полевой полиции, штаб 1-го воздушного флота группы армий «Север», охранная дивизия с запасным батальоном, приданная этой дивизии разведывательная абвергруппа-313, разведшкола, в которой готовили из бывших советских военнопленных диверсантов и забрасывали в тыл Красной Армии. И это не все – имелось еще отделение тайной полиции СД. Практически все сотрудники этого отделения были эстонцами.

Всей жизнью в городе управляла военно-полевая комендатура. Комендантом Острова был полковник Карл Зассе. За порядок в городе отвечала городская полиция, состоявшая из бывших военнопленных, местных уголовников и всех тех, кто пожелал служить немецким властям. Сразу же после оккупации в Острове штаб полевой жандармерии³⁹ организовал из военнопленных отряд карателей, основной задачей которого была борьба с партизанами⁴⁰.

В сорок первом, неподалеку от Острова, в деревне Грызавино немцами был создан концентрационный лагерь, в котором находилось около тысячи военнопленных. Занимались они большей частью ремонтом дорог. Когда немцы уходили летом сорок четвертого из Острова, то оставшихся военнопленных вывезли из лагеря и расстреляли. Еще один лагерь, в котором содержались военнопленные, находился в деревне Перевоз. В небольшом каменном двухэтажном доме содержалось под охраной двести человек.

Что касается населения, то для всех, кто был старше четырнадцати лет и моложе шестидесяти пяти, предусматривалась трудовая повинность. Поначалу на работы в Германию ехать уговаривали, а потом... Вот что писала газета «За колхоз» Островского районного комитета партии в феврале сорок третьего об уgone населения на работы в Германию: «Сначала в нашем Островском районе немцы объявили добровольный набор на работы в Германию. Но кто, спрашивается, пойдет к лютым врагам добровольно? Как изверги ни агитировали, с добровольческой кампанией они провалились. Тогда поганые крысы пошли на обман. Жителей деревень они выгоняют якобы на работу, ведут на станцию, силою сажают в вагоны, и эшелон едет в Германию. Больше того. Когда народ стал прятаться от немецких разбойников, они начали делать ночные облавы. Придут ночью, окружают деревню, кого застанут дома, того и уводят».

Издававшаяся немцами в Пскове на русском языке газета «За родину» напечатала в декабре того же года письмо человека, оказавшегося на работах в Германии. Письмо, правда, без подписи, но это понятно, поскольку такие письма, как правило, писали сами сотрудники газеты, если судить по тому, как оно написано: «Вартовой Надежде; Остров, Вокзальная 16. Добрый день. Дорогая Надя желаю Вам всего хорошего со своей дочуркой. Я жив, здоров, чего и вам желаю. Живем на очень хорошем месте в Германии, прямо, как на курорте живем; здесь очень красивые места и культурная жизнь. Все без исключения живут хорошо. То, что говорили про Германию, все правда. Прекрасная страна. В некоторых местах даже не чувствуется войны. Погода очень хорошая, фруктов сколько хочешь: кило яблок 3 рубля и не такие, как в Острове, а гораздо лучше. Живем в отдельной комнате. Здесь все обставлено как в хорошей санатории: каждый имеет широкую кровать и свой шкаф. Одним словом, все хорошо. Желательно получить от Вас письмо и сообщить, как Вы живете, что нового в Острове. Привет Марии Адамовне, ее подруге и всем знакомым.

Передай также привет от меня Толи. Я думаю, что найдется время для того, чтобы ответить на письмо. Пока всего хорошего»⁴¹.

Газета «За родину» время от времени рассказывала своим читателям о том, как хорошо живут жителям Острова и района при новом немецком порядке. В начале ноября сорок второго года она, как говорится, в самых радужных красках описывала «Праздник жатвы» в Острове: «... Торжества начались с благодарственного молебна в церкви. В 9 часов в солдатском кино собрались общинные старосты со всего района. С торжественной речью к ним обратился начальник хозяйственного управления, руководивший всеми празднествами этого торжественного дня, а также районные начальники. Собравшиеся прослушали радиопередачу из Пскова и, таким образом, приняли участие также в псковских торжествах. Наступило время обеда. Для общинных старост был накрыт стол в Островском ресторане, а населению в 12 часов на базарной площади бесплатно выдавался обед из пяти походных кухонь германской армии. Тысячи людей толпились около поваров и уносили домой котелки с порцией вкусного гороха или белой капусты. Это общественное питание явилось новым доказательством того, что германская армия, невзирая на личность, охотно помогает каждому, насколько это хоть как-нибудь допускают тяжелые военные условия. В это воскресенье во многих островских семьях обед не варился. Домашние хозяйки потратили свое время на то, чтобы подготовиться к торжествам праздника жатвы, состоявшемся в летнем театре. Благодаря тщательно и удачно исполненным декорациям, помещение театра приобрело торжественный и праздничный вид. Бесчисленные флаги украшали стены, венки, сплетенные из золотистых колосьев спелой ржи, подобно большим канделябрам, свешивались с высоких потолков, а сцена была декорирована хвойными гирляндами. Во всю ширину зала высился транспарант, на котором были выведены слова: “За хороший урожай крестьянин отблагодарит работой в духе нового порядка”.

Население города Острова здесь снова собралось в большом количестве. Зал был настолько переполнен, что многие желающие не смогли туда даже попасть. Со стороны германской армии на празднике жатвы присутствовали представители офицерского корпуса во главе с полевым комендантом. Торжества начались с марша, исполненным сборным оркестром. Затем вступительное слово районный начальник Демский. Он кратко упомянул о тяжелом рабстве, вызванном большевистской коллективизацией и о примерном трудолюбии германских крестьян. Он поблагодарил германскую армию за могущественную защиту, оказанную ею русским крестьянам при обработке полей и сборе урожая. На эту землю, сказал он, больше никогда не ступит нога Сталина и его палачей. Мы стоим на пороге счастливого будущего, когда русский крестьянин и все население области будет иметь одно лишь желание: всеми своими силами сотрудничать для достижения этой цели. Районный начальник от имени всего населения Островского района обещал выразить свою благодарность германской армии радостной и хорошей работой в духе нового порядка. Его речь часто прерывалась овациями собравшихся. Затем две девушки подошли к германскому начальнику хозяйственной части и преподнесли ему урожайный венок со следующими словами: “Собран богатый урожай. Как символ нашей глубокой благодарности по отношению к германской армии за то, что она взяла на себя защиту и охрану этого урожая, мы передаем вам, господин командир, этот венок. Мы сплели его из колосьев, растущих на полях, где русский крестьянин теперь снова стал свободным хозяином”. Начальник хозяйственной части на это ответил, что он рассматривает этот символический жест, как доказательство хорошего сотрудничества германской армии и русского населения. В своей речи, немедленно переведенной на русский язык, он указал, что, будучи старым солдатом, он в течение двух войн видел много стран, над которыми пронеслась война, однако нигде он еще не видел такого количества разрушений, такой нищеты и бедноты населения, как та, которая была оставлена большевизмом, отогнанным германской армией. Вождь и главнокомандующий германской армией велел непосредственно за фронтом приняться за восстановление хозяйства... Русский крестьянин больше не крепостной жидо-большевистских властителей, теперь он свободный человек, он трудится и создает сам для себя. Будучи благодарным за эту перемену судьбы, он должен понять, что война

вынуждает его отдать часть своей работы и своего урожая на пользу окончательной победы над большевизмом...

За официальной частью празднества последовали сценические выступления, удачно исполненные оркестром, танцевальным ансамблем, отдельными танцорами и танцовщицами. В программе было также сольное пение. Разнообразная и пестрая программа продолжалась свыше часу и доставила зрителям большое удовольствие. Затем в саду раздались бодрые звуки танцевальной музыки и на открытом воздухе закружились в вихре танца сотни радостных пар. Все участники праздника жатвы в Острове остались довольны этим приятно и радостно проведенным днем и многие уже сегодня спрашивают, состоится ли такое же празднество в будущем году».

Кстати, о старостах, упоминающихся в этом репортаже. Исполком Островского Районного Совета обращался к ним в феврале сорок третьего через газету «За колхоз»: «Настали грозные дни расплаты с немецкими бандитами. Сейчас никто не должен стоять в стороне, в том числе и старосты оккупированных деревень. Мы хорошо знаем, что многие из старост насильно назначены немцами. Знаем, что немало старост остались до конца преданными советской отчизне. Они умело помогают родине, партизанам. Но мы хорошо знаем, что в среде старост есть и такие, которые попали под влияние немчуры и прислуживают врагу. Такие старосты стали на путь измены родине, русскому народу. Пусть знают все, что тех, кто изменяет родине, народ сурово накажет. Мы предупреждаем немецких прислужников. Сейчас еще не поздно смыть с себя позор, спасти жизнь себе и своей семье. Для этого нужно мстить немецким извергам, срывать все мероприятия немецких властей. Не выполнять нарядов немцев, не давать рабочей силы, ни грамма хлеба и мяса. Наоборот, всеми мерами старосты обязаны помогать партизанам – защитникам советских сел, мстителям за кровь и слезы русского народа».

В том же номере газеты «За колхоз» было обращение островских партизан ко всем, кто сотрудничает с немецкими властями. Называлось оно «О тех, кто лижет пятки немцам»: «Мы знаем, как живет и действует народ Островского района. Мы знаем тех, кто помогает партизанам, кто вредит немцам, кто срывает мероприятия фашистов. Мы ведем учет заслугам русских патриотов, чтобы в день нашей победы отблагодарить их. Но мы знаем и тех, кто продался немцам, кто лижет пятки фашистским мерзавцам. Нашлись такие в Сошихине и Острове. Объявились сволочи. Мы их знаем. Мы знаем Знаменского, бывшего бухгалтера райпотребсоюза. Он сейчас восседает в городской управе. Он – городской голова. На народной крови втерся этот прохвост в доверие к немцам. Дрожи “городской голова” Знаменский! Не сносить тебе головы. Так и знай – не сносить. Несколько лет назад островичи избавились от кулака грабителя Владимира Михайлова, выслав его за пределы района. Сейчас этот бандит снова выполз на арену. Он на четвереньках извивается перед немцами и пробил себе дорогу в полицию. Обер-бандит занял свое обер-бандитское место. Опять у Михайлова руки в народной крови. Опять на его счету десятки грабежей и зверств. Тем хуже для него. Наша месть будет страшна и беспощадна. Мы знаем Федора Фирсова, бывшего начальника станции Сошихино. Это имя проклиняется в каждой избе. Бандит Фирсов предал свой народ, свою мать-родину. Он занес нож на русских патриотов. Кровь невинных людей запеклась у него на руках. Эта кровь будет смыта его же собственной черной кровью. Трещите иуды! Вы доживаете последние дни. Каждый победный шаг Красной Армии укорачивает вашу жизнь. Впрочем, вам не дожидаться Красной Армии. Вы ее не увидите. Вас уберут с дороги гораздо раньше, очень скоро, на днях. Подлые мерзавцы подняли руку против своего родного народа. Ну, что ж, пеняйте на себя. Собакам – собачья смерть. Народ заклемит вас проклятьем и вычеркнет из списка жизни ваши имена. Мы вас уничтожим. Ни один бандит не уйдет от народной мести».

Бояться мести партизан нужно было не только городскому голове Знаменскому. Немцы развернули бурную хозяйственную деятельность на территории Острова и района. В этом им помогали русские эмигранты. Немецкое торговое общество, занимавшееся заготовкой сельскохозяйственной продукции, возглавлял русский эмигрант Борис Врангель. Известный в прошлом островский купец и тоже эмигрант Михаил Антипов заведовал заготовкой льна.

О партизанах. Надо сказать, что в Островском районе леса в сороковых годах прошлого столетия было мало – всего четырнадцать процентов от общей площади. Уходить в леса партизанам не приходилось, и тем не менее партизаны в районе были и житья от них немцам не было. Основной задачей партизан было разрушение железных и шоссейных дорог в направлении Псков – Остров, Остров – Порхов и Остров – станция Сошихино. Для этого было создано сорок диверсионных групп, за которыми были закреплены различные участки дорог и еще тридцать диверсионных групп для уничтожения мостов, складов и связи. Само собой, участок железной дороги Псков – Остров немцы охраняли. Для того, чтобы пробраться к железнодорожному полотну нужно было форсировать реку Многа, заполненный водой противотанковый ров шириной шесть метров и глубиной четыре метра, преодолеть проволочное ограждение и... немецких солдат, охранявших подступы к железной дороге.

Вот как описывает газета «За колхоз» подрыв железной дороги Псков – Остров в начале сорок третьего года: «Ночью три человека пробирались к железной дороге. За плечами у них тяжелый груз – взрывчатое вещество. Вот и железная дорога. Чернеют на снегу рельсы. Слышится далекий гудок паровоза. По этой дороге ходят поезда из Пскова в Остров. Немцы подбрасывают живую силу и технику. Враги пытаются закрыть дыры на фронте. Не дать немецким мерзавцам маневрировать! – так решили партизаны и так начали действовать. Шнур подожен. Поезд, громыхая колесами, двигался с большой скоростью. Страшный взрыв потряс воздух. Обломки взлетели вверх. Лязгом и грохотом наполнилось место катастрофы. Паровоз свалился под откос. Вслед за ним опрокинулись 5 вагонов с живой силой и 9 платформ с танками. Партизаны довольные возвращались в свой лагерь». Так, как в заметке, получалось не всегда. В ноябре того же года командир диверсионной партизанской группы Сергей Макеев и подрывник Андрей Жаров, не успевая заложить фугас под железнодорожное полотно и убежать, взорвали себя вместе с немецким эшеленом, идущим из Пскова в Остров.

Большую помощь партизанам оказывали островские подпольщики, собиравшие для них оружие. Оружием этим они снабжали не только партизан, но и военнопленных, которым помогали бежать из концлагерей и уходить к партизанам или переходить линию фронта. С помощью островской подпольной организации удалось спасти сотни юношей и девушек от угона на работы в Германию из специального лагеря, расположенного в черте города. Собирали подпольщики сведения о движении воинских эшеленов на железной дороге, по шоссе и о расположении военных частей и объектов в самом Острове и вокруг него. Без этих данных деятельность партизанских диверсионных групп была бы почти невозможна. Прибавим сюда бланки немецких паспортов и других документов, которые использовались для побега военнопленных, партизанами и армейской разведкой, прибавим секретные немецкие документы, в числе которых был оперативный план немецкого командования, уничтожение построенного оккупантами лесопильного завода, расклеивание листовок и распространение советских газет, вывод из строя немецкой радиостанции и даже переключение, пусть и на несколько минут, городской радиотрансляционной сети на передачу из Москвы.

Руководителю и создателю организации островских подпольщиков Клавдии Ивановне Назаровой было двадцать четыре года. По некоторым данным и вовсе двадцать два. Все остальные подпольщики, за редким исключением, были еще моложе. Вчерашние школьники, получившие аттестаты зрелости в июне сорок первого, спасали пленных, ходили к партизанам и за линию фронта, расклеивали листовки и помогали партизанским диверсионным группам. Островские подпольщики успешно действовали до сентября сорок второго года. Конспирация была строгой – вместе собирались время от времени только пять человек – Клавдия Назарова, Людмила Филиппова, Олег Серебренников, Лев Судаков и Александр Митрофанов. Собирались или в швейной мастерской, где работала Клава или в кружке художественной самодеятельности, созданном с ведома немецких властей, а иногда на квартирах под видом вечеринок. Эти пять человек составляли ядро организации, а всех остальных было... еще шесть человек.

В сентябре сорок второго подпольщики переправляли через линию фронта двух военнопленных – Овчинникова и Воронова. Вместе с ними шла еврейская девушка – Ева Хайкина, которой

по понятной причине оставаться на оккупированной территории никак было нельзя. Сопровождал их один из юных островских подпольщиков, Александр Козловский. По пути за линию фронта группа нарвалась на полицейскую засаду. Саша Козловский отстреливался до последнего патрона и подорвал себя гранатой, Ева Хайкина приняла яд, а вот Овчинникова и Воронова взяли живыми и привезли в Островскую тюрьму. Воронов пыток не выдержал и выдал и Клаву Назарову, и родителей Саши Козловского, и всех тех подпольщиков, которых успел увидеть перед своей отправкой в доме родителей Козловского. Начались аресты. Шестого ноября арестовали Клаву Назарову, ее мать и родителей Саши Козловского. Больше месяца продолжались допросы и пытки. Через месяц, убедившись в том, что никаких сведений от островских подпольщиков получить нельзя, начальник Островской военно-полевой комендатуры полковник Зассе отдал приказ об их публичной казни⁴².

Пятнадцатого декабря сорок второго года на базарной площади Острова при большом стечении народа Клавдия Назарова и еще одна подпольщица Анна Иванова были повешены. Овчинникова и Воронова повесили вместе с ними. Палач накинул веревку не на шею, а на подбородок Клавдии Назаровой и она умерла не сразу. Тела повешенных немцы не разрешали снимать трое суток. Только после разрешено их похоронить. В тот же день, пятнадцатого декабря, в деревне Рядобжа были повешены подпольщики Дмитриев и Михайлов, а в деревне Ногино повесили родителей Саши Козловского.

Тем не менее, подпольная организация не прекратила свою работу. В марте сорок третьего года оставшиеся в живых руководители подпольщиков собрались на встречу с представителем разведки штаба 3-й ленинградской партизанской бригад. По предложению штаба партизан руководителем островского подполья была назначена Людмила Филиппова. Добытые сведения передавались в штаб партизанской бригады раз в неделю. Подпольщики составили подробный план расположения военных объектов города Острова и его окрестностей, план расположения немецкой дивизии, передали сведения о численности гарнизона в Острове, не прекращали организовывать побегі военнопленных и тех, кого собирались угнать на работы в Германию.

В конце августа сорок третьего года одна из партизанских разведчиц, посланная на встречу с подпольщиками, была по неопытности и неосторожности арестована немецкой полицией. Не выдержав пыток, она созналась куда шла и с кем намеревалась встретиться. Начались аресты. Было арестовано более тридцати человек, включая руководителя островского подполья – Людмилу Филиппову. Допросы и пытки ничего гестаповцам не дали, и тогда они привезли Людмилу Филиппову домой на свидание с пятилетней дочерью. Не помогло. Филиппова успела взять с комода свою фотографию и быстро на ней написать: «Милой дорогой моей дочурочке от крепко любящей ее мамульки. Милая моя крошка, храни эту карточку, ибо она тебе напомнит мать, будьешь большая, вспомнишь ее... Рости, моя милая, будь счастлива. Мама».

Девятого августа сорок четвертого года военный следователь военной прокуратуры 3-го Прибалтийского фронта капитан юстиции Кольнер в присутствии двух понятых осматривал здание островской тюрьмы и на стене одной из камер обнаружил надпись: «Филиппова Мила. Камера № 24. Сижу с 23/VIII–43. Сегодня 1.IX.43. Допросы кончились. Сижу одна. Жду приговора. Думаю, что расстреляют. Да, жить еще хочется».

Вместе с островскими подпольщиками была арестована командир группы разведотдела штаба Северо-Западного фронта Зоя Круглова. Перед смертью она сумела переправить письмо родственникам: «Здравствуйте, дорогие мои родители – папочка и мамочка, дорогие сестрички Валечка и Шура и дорогой братишка Боречка. Пишу я, милые, вам из тюрьмы в последний раз. Получите письмо после моей смерти. Милые мои, вот уже год, как вы обо мне ничего не получали, никакой весточки, это время я скиталась, но о вас не забывала. Меня в феврале арестовали, и я два с половиной месяца сидела в одиночной камере в тюрьме. Каждый день ожидала расстрела. Мамочка, мне было тяжело, но я перенесла все это. Меня отправили в лагерь в Псков, там я пробыла два месяца и сбежала, попала к своим. Меня снова послали с заданием, и я снова в этой же тюрьме – вот уже второй месяц. Меня били палками по голове. Жду расстрела, о жизни

больше не думаю, хотя, милые мои, мне очень хочется пожить ради того, чтобы увидеть вас, крепко обнять и выплакать на твоей груди, мамочка, все свое горе. Ведь если бы не попалась второй раз, в сентябре я была бы дома. Но, видно, такая моя судьба, на которую я нисколько не обижаюсь. Я исполнила свой долг. Милые мои, вы гордитесь тем, что я не запятнала вашей фамилии и своей чести. Умру, но знаю за что. Мамочка, ты особенно не убивайся, не плачь. Я бы рада тебя утешить, но я очень далеко и за решеткой железной и крепкой стеной. В тюрьме я часто пою песни, а тюрьма вся слушает... Милые мои, обо мне вам расскажут другие девушки, если они будут живы... Еще раз прошу – только не плачьте, не тоскуйте. Мой последний привет тете Лизе, дяде Ване, Лене Алмазовой, всем, всем моим подругам, родным, знакомым. Целую всех крепко, крепко. Прощайте навсегда».

Милу Филиппову, Зою Круглову, Леву Судакова и Сашу Митрофанова расстреляли девятого сентября сорок третьего года в лесу, близ Острова. Место их захоронения нашли только в пятьдесят девятом году. Перед смертью бывший старостой деревни Рагозино при немцах некий Петров, прозванный односельчанами Петлюрой, рассказал своей племяннице о том, что был свидетелем расстрела островских комсомольцев. После довольно сложных поисков останки расстрелянных обнаружили и перезахоронили на центральной площади города. Там же, на центральной площади, в мае шестьдесят третьего года был установлен памятник Герою Советского Союза Клавдии Назаровой⁴³.

Перед началом оккупации Острова в нем проживало немногим менее двухсот евреев. Для города с населением в четырнадцать тысяч человек не так уж и мало. Большой частью это были врачи, учителя, бухгалтеры, юристы, часовщики, портные и фотографы. Немцы, заняв Остров, приказали всем островским евреям регистрироваться в трехдневный срок. Кроме того, им было приказано носить на грудь и спину большие шестиконечные звезды и без них на улицах не появляться. По воспоминаниям жительницы Острова Доры Ротенберг ее отец получил двадцать пять розог за то, что появился на улице без нашитых звезд. Евреям запрещалось ходить по тротуарам – только по проезжей части дорог, но гетто как такового в сорок первом году в Острове еще не было. Его организовали зимой сорок второго года рядом с центром города – на улице 25 Октября. Гетто было открытым – охраны не было и колючей проволокой оно окружено не было. Такая ситуация сохранялась до апреля сорок третьего года. Жители гетто работали на немцев – убрали улицы, разбирали завалы, ходили на лесозаготовки и стирали одежду немецких солдат.

Само собой, евреям за эту работу никто не платил. Иногда им давали хлеб и мыло. Учитель островской школы Соломон Капилевич возил воду в немецкую часть. Он возил ее, запряженный в тележку, на которой была установлена большая бочка. Жительница Острова Ольга Дергачева рассказывала: «Видела я его, летом 1942 г., босого, с оголенной спиной, на которой была выжжена звезда, со сдавленными верёвками плечами, тащившего груз и подгоняемого кнутом эсесовца. В августе 1942 г. Соломона Матвеевича расстреляли в помещении гестапо...».

Из воспоминаний О. Беловой (цыганки по национальности): «Когда немцы пришли в Остров, мне было 13 лет ... евреев тоже забирали, но почти сразу же и расстреливали. С ними ещё страшной обращались, чем с нами. Около нас жил врач Король, когда его забирали, ему все руки переломали, всю семью расстреляли ...».

Практически всех евреев, не успевших эвакуироваться из Острова, немцы частью расстреляли, а частью утервили с помощью мобильных газовых камер. Тех, кого не расстреляли, в апреле сорок третьего года отвезли в Моглино – лагерь, расположенный неподалеку от Пскова. Один из бывших охранников моглинского лагеря вспоминал: «Из Острова летом 1943 г. привезли евреев. Их было около 100 человек. Позже из Пскова приехало несколько машин, забрали всех этих евреев. На машинах их увезли куда-то за Псков и там расстреляли. Об этом я узнал вечером из разговоров, возвратившихся охранников»⁴⁴.

Не нужно думать, что островичи не сочувствовали евреям. Пусть и не все, и, может быть, даже далеко не все, но сочувствовали и спасали, хотя спасая евреев они и сами подвергались смертель-

ной опасности. Острович Владимир Кирьянов вспоминал, что «...своих соседей Герку и Гельку немцам не выдал. Я их спрятал у себя на чердаке, больше года они там просидели. Покушать им родные приносили, что могли...». Евреев прятали у себя цыгане, которые и сами были буквально на волоске от гибели. Цыганка А. Белова, которой было девять лет в начале войны, вспоминала: «Отец мой в то время помогал партизанам, укрывал евреев. Я помню, как-то вечером пришла к нам молодая, красивая женщина. Тогда по вечерам облавы были, мать моя ей и говорит: “Ложись на кровать под перину!” Мне велела лечь сверху на неё. Мне завязала голову платком, и я лежала как больная. В дверь постучали, вошли немец и полицай. Они спросили: “Есть ли у вас кто чужой?” Мать ответила: “Нет”. Указав на меня, сказала: “Вот девочка у нас больная, может и тифом”. Немцы тифа очень боялись, посмотрели они вокруг и быстро ушли. Отец сказал женщине, чтобы она быстро оделась, и повёз её. На отца, видимо, кто-то донёс. Его арестовали и забрали в тюрьму, но потом выпустили».

В начале декабря сорок третьего в Остров приехали псковские артисты и дали пять концертов. Корреспондент газеты «За Родину» сообщал, что «Концерты прошли с большим успехом и каждый раз при полном сборе. Каждая концертная программа отличалась новыми номерами. Особенно понравились публике выступления И. А. Зарикто в “Арлекинаде” (муз. Дриго), юмористическая песенка “Паренек”, народные песни в исполнении В.В. Чиколлини, и “Куплеты водовоза”, исполненные В. С. Нечаевым на собственный текст. Прекрасно спели Э. Ф. Богданова с И. В. Корниловым дуэт “Крики чайки” музыка Гросского и дуэт из оперы “Риголетто” музыка Верди». Линия фронта подошла к Островскому району в конце февраля – меньше чем через три месяца после этих концертов.

Немцы подготовились к обороне основательно. Еще в октябре сорок второго они начали строить укрепления Псковского-Островского оборонительного рубежа – доты, дзоты, землянки, траншеи, сборные железобетонные убежища из блоков, бронеколпаки, в которых были установлены пулеметы, проволочные заграждения, противотанковые рвы шириной до пяти метров, эскарпы, надолбы и противотанковые минные поля на танкопроходимых участках. Для строительства и земляных работ привлекали местное население. Вся эта линия укреплений была глубоко эшелонирована и называлась «Пантера». Общая глубина обороны достигала десяти – пятнадцати километров.

Преодолеть ее сходу нашим войскам не удалось. Части нашей армии остановились буквально в дюжине километров от Острова, и еще пять месяцев им пришлось вести кровопролитные бои на этих рубежах. Тяжелые бои под Островом шли до середины марта сорок четвертого, и результата они не дали. Оборону немцев прорвать не удавалось. Только за две недели в первой половине апреля на Чертовой горе в районе Пушкинских гор погибло девять с половиной тысяч наших солдат. В конце апреля попытки прорвать линию «Пантера» прекратились.

Двадцать второго июня, после сильнейшей артподготовки началось наступление на Остров. Первыми в атаку пошли штрафные части, а за ними части двух стрелковых дивизий – 229 и 225. Они и прорвали первую полосу линии обороны, но... занятые с таким трудом позиции им пришлось через три дня упорных боев оставить и с большими потерями отступить на исходные рубежи. Немцы сопротивлялись отчаянно и постоянно контратаковали при поддержке танков и самоходных орудий. В начале июля советские части перерезали несколько дорог на Прибалтику и практически окружили Остров. Почти через месяц после начала наступления, двадцать первого июля 44-я стрелковая дивизия обошла город с востока и севера, а 146-я с юга и востока. Еще оставшиеся в городе немцы смогли уйти через железнодорожный вокзал буквально перед тем, как наступавшие части нашей армии замкнули кольцо окружения вокруг Острова. В боях за Остров было убито полтысячи немецких солдат и офицеров, семьдесят взято в плен.

К счастью, удалось спасти от разрушения мосты через Великую, которые противник спешно готовился взорвать. Об этом бое и сейчас нам напоминает табличка, укрепленная на одной из гранитных опор: «21 июля 1944 г. воины 146 СД из батальона Т. Рымара освобождают г. Остров спасли от уничтожения цепные мосты»⁴⁵. За взятие Острова всему личному составу 146-й стрелковой

дивизии была объявлена благодарность приказом Верховного Главнокомандующего, а самой дивизии присвоено наименование «Островская».

Двадцать второго июля 44-я стрелковая дивизия форсировала в западном направлении Великую, и город был окончательно освобожден. В военно-историческом музее Острова несколько витрин заполнено личными вещами немецких солдат и офицеров, найденных в островской земле – ржавыми губными гармошками, крестами, алюминиевыми флягами, опасными и безопасными бритвами, зажигалками, спиртовками, полустлевыми нашивками, погонами, измятыми тубиками с окаменевшими кремами для бритья, портсигарами, фаянсовыми кружками со свастикой, пустой бутылкой из-под французского Сент-Эмильона, вилками и ложками, которыми они ели перед тем, как им пришлось быстро смывать удочки, и личные жетоны тех, кто не успел их смотать.

Газета «За колхоз» в середине октября сорок четвертого года писала, что до первого ноября «надо полностью закончить разминирование, чтобы ни одной вражеской мины не было на наших освобожденных полях». Сложно сказать, сколько всего мин оставалось в островской земле после войны, но некоторые саперы, среди которых было немало женщин, извлекли и разминировали по триста мин каждый. К первому ноября все же разминировать не смогли, но к пятнадцатому июня сорок пятого весь район от мин очистили.

Освобожденные поля нужно было вспахивать. Из того разбитого, что осталось после войны, удалось собрать восемнадцать тракторов. На весь район. Плюс четыреста лошадей на весь район, на которых пахали в отсутствие тракторов, плюс коровы, на которых пахали в отсутствие лошадей, плюс лопаты, которыми перекапывали... Конечно, государство Островскому району помогло. В сорок пятом и сорок шестом годах район получил шестнадцать тракторов, больше сотни автомобилей, почти две с половиной сотни лошадей, больше тысячи коров и около двух тысяч овец. Часть из этих овец была даже отдана в личное пользование колхозникам. Кто не знает, как советская власть любила раздавать скотину в подсобные единоличные хозяйства, тот пусть и не усмехается. Наверное, лет через сто или даже двести все эти шестнадцать тракторов, не говоря о лошадях, коровах и овцах будут смотреться как... да уже и сейчас смотрятся. Никто про них и не вспомнит, кроме каких-нибудь дотошных краеведов, а зря. В сорок пятом и сорок шестом, среди голода и разрухи, среди землянок и сгоревших изб, от которых остались одни печные трубы, среди баб, шедших за коровами, впряженными в бороны, они очень даже смотрелись. Кстати, об избах. За год, прошедший после освобождения района, построили шестьсот семьдесят изб, а еще около полутысячи заканчивали строить. С землянками как в районе, так и в городе удалось покончить только в сорок седьмом году. Впрочем, в данном случае, при таких катастрофических последствиях оккупации правильнее говорить не только, а уже покончили.

В самом Острове пострадало девяносто процентов жилых зданий. Вернее, не пострадало – было просто разрушено, как и были взорваны, сожжены и разорены две электростанции, хлебозавод, фетровая фабрика, все клубы, лесопильный и черепичный заводы, выведены из строя школы, библиотеки, железнодорожная станция и взорван один из двух пролетов цепного моста через Великую. Проще перечислить то, что осталось целым.

Вот на этом месте, описывая послевоенное восстановление города и района вплоть до самых перестроечных времен, надобно сделать совсем не лирическое отступление. Рассказ о жизни города Острова подходит к концу – осталось описать около девятой части его бурной и многовековой истории. От конца войны до перестройки прошло около сорока лет – это, если рассуждать с точки зрения унылой арифметики, и вовсе шесть процентов от всей истории города, но как же трудно их описывать так, чтобы читатель не потерял интерес и не отложил рассказ в сторону, и вовсе не потому, что «Ходить бывает склизко по камешкам иным. Итак, о том, что близко, мы лучше умолчим». Да и о чем же тут умалчивать, когда работали на износ, поднимая из руин город и район – расчищали развалины, строили новые дома, магазины, столовые, медпункты, коровники, конюшни, засевали поля льном, который прекратили сеять во время войны, сажали на улицах Острова деревья, проводили воскресники, поскольку по субботам работали, получали ор-

дена, переходящее красное знамя Совета министров СССР, почетные грамоты от правительства, открыли в пятьдесят шестом новый кинозал в районном Доме культуры на целых сто двадцать мест, в шестьдесят пятом промышленность района досрочно выполнила задания семилетки, выпустив сверх плана продукции более чем на пять миллионов... Вот вы уже и заскучили, но это все или почти все, что можно прочесть в книгах, изданных по истории Острова в советское время, в газетах «Островская правда» и «По ленинскому пути». В девятнадцатом веке о живой островской жизни можно было узнать из «Псковских губернских ведомостей» – там печаталось разное, но в островской газете «По ленинскому пути», посвященной 650-летию города, кроме поздравлений можно прочесть о том, что план выполнен, о покровительствующей городу иконе Казанской Божьей матери, о том, что удои нужно повышать, что город не устает возрождаться, о ценах на фунт ржаного хлеба в девятьсот четвертом году, о лагере «Юный строитель коммунизма»... и все. Что примечательно – об этом периоде и местные краеведы не очень-то и пишут. Все норовят написать о дворянах Островского уезда, о героических страницах обороны или даже о временах Алексея Михайловича, но о временах Леонида Ильича...

Все же нужно, правды ради, сказать, что за эти сорок лет Остров сильно прибавил – работали в нем молочный, кирпичный и льнообрабатывающий заводы, мясокомбинат⁴⁶, цех псковского электромашиностроительного завода, хлебокомбинат, завод ЖБИ, домостроительный комбинат, филиал Павлово-Посадского конденсаторного завода, на котором работали большей частью женщины, швейная фабрика «Первомайская заря», сапоговаляльный, столярный, шерсточесальный цеха, сапожная мастерская, кузница и все то, чему полагалось работать, и работало, как и все тогда работало, в обычном советском райцентре областного подчинения. Город разросся, и в городскую черту вошли земли двух военных городков – Остров-2 и Остров-3, начаты строительством еще до войны. Население города в девяносто восьмом году достигло максимума – тридцати тысяч человек. Строго говоря, темпы роста населения стали падать еще с начала восьмидесятых, и к сегодняшнему дню в Острове проживает его почти на треть меньше, чем в девяносто восьмом. Оно и не мудрено – в девяностые годы то, что мы строили, строили и почти достроили начало как-то очень быстро разваливаться. Умерли домостроительный комбинат, завод ЖБИ, мясокомбинат, льнокомбинат, конденсаторный завод вместо конденсаторов стал выпускать скобяные изделия, медицинскую мебель и обычную из натуральной сосны. Зато работает филиал Лужского абразивного завода, выпускающий самый различный абразивный инструмент вроде абразивных кругов и наждачной бумаги. Средняя зарплата на всех этих предприятиях со слов островичей – тысяч двадцать, а если повезет хорошо устроиться, то и двадцать пять, и потому кормильцы семей едут и едут в город Санкт-Петербург, поскольку он ближе Москвы, на заработки. Молодежь, желающая продолжать учебу, уезжает еще раньше. В городе остаются работники муниципальных предприятий и те, кому уезжать некуда, незачем, поздно, да и не хочется. Остров им не чужой.

Если с набережной смотреть на остров – туда, где когда-то стояла крепость, на мосты через Великую, на Никольскую церковь, город очень красив. Как говорил герой «Очарованного странника» Иван Северьянович Флягин: «Словом сказать – столь хорошо, что вот так бы при всем этом и вскрикнул...».

Ране июльское утро две тысячи двадцать первого года в Острове состояло из солнца, золотящего кресты на куполе и колокольне Спаса Нерукотворного, из колокольного звона к ранней литургии в Троицком соборе, из тихой и пустынной улицы 25 Октября, по которой тарахтит маленький старый автобус, из большой, белой, в рыжих подпалинах собаки, которая бежит за ним, из небритого мужчины в застиранной голубой майке, идущего за собакой, из старых и очень старых купеческих особняков, глядящих исподлобья, из подвесных мостов через Великую, из едущей по ним на велосипеде с корзиной на переднем колесе девушки с развевающимися волосами, из красного рюкзака в этой корзинке, из самой реки, из трех пролетающих над ней уток, из еще двух плавающих у берега и еще одной с пятью пушистыми утятами, прячущейся в зарослях рогоза, из двух мальчишек, удящих рыбу с деревянных мостков, из криков неугомонных чаек, из трех или четырех десятков мальков мал мала меньше, из множества их теней, таких же неуловимых,

как и они сами, из замершей над этими мальками цапли, стоящей по колено в воде, из бликов, прыгающих по маленьким камешкам, устилающим дно... и все это выглядело как рай, если его, конечно, не потерять.

¹ Построили храм из того же известняка, что и стены крепости. О постройке ее имеется запись в Псковских летописях «...в лето 7051... поставиша в городе Острове святого Николу». Что касается строителей церкви, то в метрике церкви 1887 года есть запись, сделанная на основании записи в старом синодике церкви, написанном в 1553 году дьячком Степаном Безноговым, где создателями или строителями названы «Захарий, Николай и Мария, а какого они чина, того не видно... А с того старого Синодика 7061 года списывал Николаевский священник той же церкви Гавриил Петров сын Юрьев лета 7206 июня в 21 день. А списывал своею рукою для ведома впредь идущим людям». На барабане церкви остались фрагменты керамической ленты-надписи, выполненной одновременно с постройкой. Кроме Великого князя Ивана Васильевича в этой надписи упоминаются церковные старосты «...Ларивон Левонтеев да Михаила Кузьмин Кюрила Григорьев сын Иван сее... сове...» и все. По городской описи Ивана Дровнина со товарищи 1584–1585 годов, на звоннице, устроенной непосредственно на Никольских воротах рядом с храмом, были часы с боем: «А на колоколници часы боевые, а купили их до прежних писцов на никольские на казенные деньги, а выдולי 12 рублей». Теперь их нет, и куда они подевались, никто не знает. В начале девятнадцатого века к церкви пристроили двухъярусную колокольню, на которой висело пять колоколов, самый большой из которых весил почти три с половиной тонны.

Что касается архитектурных особенностей, то это классическая псковская церковь. Ничего необычного, кроме того, что церковный алтарь вопреки всем церковным канонам ориентирован не на восток, а на север, то есть на Псков, который и был настоящей Меккой всех псковских пригородов. Правда, строилась церковь в то время, когда Псков уже лет тридцать как потерял свою самостоятельность, но островичи решили все же напомнить себе и Москве, что подчиняться будут только Пскову. Так гласит одна из легенд о строительстве церкви, а другая уверяет, что Никольская церковь среди четырех других, построенных по границам Псковской республики, смотрит алтарем на псковский Троицкий собор. Таких церквей осталось всего две – одна в Острове, а другая в Порхове.

В Никольской церкви, еще до всех потрясений прошлого века, хранились две местночтимых иконы «Сошествие во ад» и «Богоматерь Казанская». Последняя, по преданию, висела над крепостными воротами. «Сошествие во ад» датируется концом XIV – началом XVI веков. Теперь она хранится в Русском музее*. Большевики церковь разрушить все же не посмели, но устроили в ней склад и только в послевоенное время храм, сильно пострадавший во время оккупации Острова немцами, передали верующим.

В шестидесятых его даже отреставрировали, и во время реставрации на обратной стороне одной из керамических плит были обнаружены две надписи «плотник сей образец резал Давыд» и «Тимоха печник». Кто они были – эти Давыд и Тимоха? Наверное, плотник был мужчиной в возрасте, солидным и аккуратным, не любившим, когда стружки застревают в бороде, а печник – молодой, вечно перепачканный глиной, разбитной парень, но уже женатый и с оравой детишек мал мала меньше. Кому они писали свои имена на обратной стороне плит? Кому хотели сообщить, что они есть на белом свете? Уж точно не людям. Людям писали церковные старосты Ларион Левонтеев, Михаила Кузьмин, Кирила Григорьева сын, да Иван, про которого мы только имя и знаем, а плотник и печник писали... Ему, кому же еще. Вряд ли они думали о реставрации, которая случилась через четыре сотни с лишним лет.

Интересно, что точно такие же надписи были обнаружены на керамических плитах подземного некрополя Псково-Печерского монастыря. Выходит, что островичи умели держать в руках не только бердыши и пиццали. Может, конечно, эти плитки делали мастера во Пскове и оттуда они

попадали и в Остров, и в Псково-Печерский монастырь, но кто нам мешает думать, что это были островичи? Никто.

*По преданию эта икона входила в состав иконостаса, подаренного храму еще Иваном Грозным. После постройки в конце восемнадцатого века нового городского Троицкого собора Никольскую церковь, бывшую до этого соборной, приписали к нему, и икона «Сошествие во ад с избранными святыми» была передана новому собору, а уже в 1958 году экспедиция Русского музея забрала ее в Санкт-Петербург. Как такая старинная и ценная икона пережила тридцать восемь лет советской власти и три года немецкой оккупации... Я спрашивал об этом у прихожан Троицкого собора, а они у настоятеля, но оказалось, что они вообще не знают о том, что такая икона была в соборе. В краеведческом музее Острова мне на этот вопрос тоже ответить не смогли. Впрочем, может быть, она и провисела тихонько в соборе все эти годы. Кто-то ее уберет от злоключений. Не будем гадать кто.

²Собственно военных было не так уж и много – две сотни стрельцов и сотня детей боярских. Среди тех, кто сдался на милость победителя, был один польский пехотинец – русин, как уточняет Пиотровский. Аккурат перед артиллерийским обстрелом он бежал к островичам, думая, что крепость неприступна. Это был не первый его побег. Много лет назад он бежал из России в Швецию, потом из Швеции перебрался в Польшу, поступил на военную службу к польскому королю и уже в составе войска Стефана Батория дошел до Острова. Поляки его после взятия Острова забрали с собой под стены Пскова* и через восемь дней четвертовали. Лучше, конечно, не производить здесь банальной «От судьбы не уйдешь», памятуя о четвертовании, но как удержаться...

*Из-под стен Пскова Пиотровский писал в Польшу в конце декабря: «В Острове наших убивают, большие огорчения причиняют нашим...».

³Археологи время от времени копают на территории крепости и вокруг нее, но так, чтобы найти сапог Стефана Батория, или хотя бы его шпору, или его записную книжку, или мушкет с гравировкой «От литовских товарищей по оружию на недобрую память» – этого нет. Находят металлические наконечники стрел, подставки для кремневых ружей, каменные и чугунные ядра, свинцовые пули, малые и большие щипцы для их отливки, позеленевшие медные пуговицы и нательные крестики. Нашли даже керамический свисток то ли четырнадцатого, то ли шестнадцатого века, но кто из него свистел и кому...

⁴Огороды, правда, у всех были разные. У осадного головы Микиты Скудина, если сажени шестнадцатого века перевести на наши сотки, то выходило чуть больше двадцати двух, а огород дьячка Никольской церкви Григория Константинова немногим больше одной сотки. Пушкари тоже имели разные огороды. Пушкарь Макоша Хлоптун обрабатывал огород площадью почти в семьдесят соток и ни в чем себе не отказывал, а пушкарь Ортюша Онтуфьев имел всего две с лишним сотки. За каждый огород платился оброк, пропорциональный обрабатываемой площади, и только огород старцев, живущих в городской богадельне, этим налогом не облагался. К примеру, Макоша Хлоптун платил за свой огромный огород, похожий на колхозное поле, десять алтын или тридцать копеек оброку, а Ортюша Онтуфьев за свои две сотки всего один алтын или три копейки, против которых даже наши три рубля как плотник супротив столяра.

⁵Что уж они там делали этими ложками, я не знаю. Могли свинец разливать в пулелейки, а могли этими ложками и раскаленные железные ядра вкладывать в пищали.

⁶Чеснок здесь не тот, который едят или сажают под зиму, а тот, который противоконное заграждение – маленькое, острое, ранившее лошадиные ноги.

⁷Исай Иванович Дубровской не просто так стал островским воеводой – он этого места до-

бывался и даже писал челобитную Алексею Михайловичу. В докладной выписке по челобитной Дубровского о назначении его воеводой в Остров было сказано: «И великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичу, всея Великия, и Малыя, и Белья России самодержцу, бил челом пусторжевец Исай Дубровской, чтоб великий государь пожаловал за службы, и за полное терпение, и за кровь родимцев его, велел ему быть на своей государевой службе во псковском пригороде в Острове на Осипово место Неелова, как ему, великому государю, Бог известит.

А в разборных книгах разбору боярина и воеводы князя Ивана Ондреевича Хованского с товарищи 174-го году написано: пусторжевец Исай Иванов сын Дубровской, в поместье за ним крестьянских и бобыльских 17 дворов, и те дворы позжены и посечены, а иные разбрелись и кормятся по чужим дворам, и с того поместья служит он з детьми сам-четверть, а на воеводстве и на приказе нигде не бывал; окладчики про него сказали, что он за старостью от государевы службы отставлен и с него взят даточной с приверсткою. А в пусторжевском в подлинном списке нынешняго 175-го году написано: выбор, помесной оклад на службы с придачами 700 чети, Исай Иванов сын Дубровской». На обороте этой бумаге две записи. Одна «Справил Федка Левонтьев», а вторая «175-го июня 26 великий государь пожаловал за ево Исаевы службы и за полное терпение, велел ево в Остров отпустить и наказ и о росписке свою государеву грамоту ему дать».

Вот так начнешь разбирать историю маленького Острова, который и не на всякой карте можно увидеть, а внутри нее обнаружится многовековая история небольшой крепости, а внутри крепости уж совсем крошечная история Ивана Исаевича Дубровского, которого царь пожаловал должностью воеводы, а внутри этой истории и полное терпение, и кровь родимцев, и разоренное поместье, и семнадцать сожженных и посеченных крестьянских и бобыльских дворов, и трое детей, и отставка, в которую не уйдешь, прежде чем не отдашь в армию вместо себя крепостного, да еще и приплатишь...

⁸История сохранила нам имя подьячего – его звали Роман Шейкинской.

⁹Не будем относить 1/2 копейки к купости правительства, которое высчитывало жалование своих служащим с такой точностью. В те времена целую курицу можно было купить за копейку, в крайнем случае, за две, а пуд ржаной муки стоил восемь копеек.

¹⁰Из этих тридцати семи детей дворян и чиновников пятеро, детей купцов – семнадцать, детей мещан – пятнадцать. Все они были не младше пяти и не старше двенадцати лет. Пятилетних и шестилетних было по двое. Семилетних шестеро, восьмилетних девять, девятилетних четверо, десятилетних десять, одиннадцати и двенадцатилетних по двое.

¹¹К обеду и к перемене лошадей готовились заранее. Прислана в Остров была бумага, по которой нужно было приготовить восемьдесят одну лошадь под экипаж царя, его свиты, и список продуктов для обеда. В этом списке были: «говядины 2 пуда, телят – 1, баранов – 1 (где можно найти), провесных окороков – 1, копченых – 1, шпеку – 5 фунтов, поросят – 1, индеек – 2, кур русских – 4 пары, цыплят – 10 пар, рыбы живой какой только можно будет достать, и каких бы званиев не было, блюда на два. Разных кореньев и зелени, какой только можно где достать, разных сортов и каких бы званиев не было, или где что в урожай быть может. Муки крупчатой лучшей 30 фунтов, муки ситной – 1 пуд (а где можно хлеб, ситной муки не надобно будет). Масла свежего лучшего – 10 фунтов, русского – 5 фунтов, яиц свежих – 100 штук, дрожжей, где можно достать будет. Круп гречневых 1/4 четверика, соли – 1 фунт, молока – 8 кружек, сливок – 10 бутылок (еще сверх оных чтоб на каждой станции были в запасе), творогу – 5 фунтов, сметаны – 5 фунтов. И по означенным станциям, где обеденные и вечерние столы, на каждой печи топленные и приготовлены были также вода чистая и рабочие мужики и бабы были б; ежели же из оной провизии чего достать будет нельзя, то оным не затрудняясь заменять другою, забранной же провизии, работникам и всему расходу заготовлять в то же время записки, дабы безостановочно на каждом месте платеж чинить можно было». Прочитаешь этот список и подумаешь – с одной стороны, ну и... есть горазда была свита императора, а с другой – «ежели же из оной провизии чего достать будет нельзя, то оным не затрудняясь заменять другою», а с третьей, и самой, может быть, важной, «заготовлять в

то же время записки, дабы безостановочно на каждом месте платеж чинить можно было». Поел и расплатился. Царь со своими же подданными. Не отходя от обеденного стола.

¹²Любознательный Севергин даже переписал рецепты приготовления островского уксуса и пастилы, по которым у себя дома, в Санкт-Петербурге приготовил и то и другое.

«Недостаток ли, или промышленность научила здешних любителей хозяйства готовить некоторые собственные припасы, а особливо уксус и пастилы. Для уксуса берут один штоф простого хлебного вина, которое вливают в ведро; к сему присовокупляют один фунт меду и полстакана клюквы; остальное же доливают чистою водою, и дают всему сему смешению бродить на теплой печи до тех пор, пока окажется так называемое гнездо, после чего произведенный уксус сливают в бутылки. Такой уксус имеет крепость наилучшего ренского уксуса и притом приятной розовой цвет. Когда же помянутое гнездо единожды образуется, то стоит только подливать сыты для продолжения образования уксуса...

Что касается до пастилы, то сперва выдавливают сквозь сито, или прожимают сквозь холстину сок той ягоды, из которой ее готовить намерены, потом его бьют, подмешивают к нему сахару. И паки бьют, пока сделается густоват подобно жидкому киселю, и наконец выливают в формы и сушат в легком жару в печи. Таким образом готовят пастилу из всяких ягод, и особливо весьма вкусную из крыжовника и рябины».

¹³Каких только налогов тогда не собирали с островичей. К примеру, по указу восемьсот восьмого года с островских купцов и мещан брали по двенадцать копеек с каждой души на покупку драгунских лошадей для армии. Выходило все равно мало – чуть больше шестидесяти рублей.

¹⁴И еще о сухарях. Когда к концу двенадцатого года через уездные города Псковской губернии потянулись конвои с замерзающими от холода, голодными пленными французами, испанцами и голландцами, островскому городничему пришлось на их пропитание истратить сухари, заготовленные для других нужд.

¹⁵Строительство станции простым не было. В феврале восемьсот тридцать восьмого года псковский губернатор получил из МВД предписание построить в Острове каменный стационарный дом с гостиницей. Денег на это строительство ассигновалось 64700 руб. Немалые, между прочим, деньги, которые никто сразу выдавать не собирался, а только по мере выполнения работ – сначала ров под фундамент, потом выкладка фундамента, потом возведение стен... в министерстве внутренних дел умели планировать. Губернский землемер нарисовал план, на котором было обозначено место почтовой станции и... сразу же обнаружилось, что на этом месте находилась земля мещанина Мамонова и мещанки Горшановой, которые продавать свои земли не собирались. Уговорить их было велено городскому предводителю дворянства барону Фитингофу. Барон поугваривал, поугваривал и доложил губернатору и в МВД, что Мамонов и Горшанова не уговариваются. В начале марта из МВД пришло предписание определить стоимость земли по десятилетней стоимости дохода от огородов и стоимости сараев и построек, согласовав все это с владельцами. Создали комиссию для переговоров, в которую кроме барона Фитингофа вошли представители городского магистрата и помощник губернского архитектора. В итоге договорились о цене за землю, за снос ветхих сараев, за перенос новых... На круг вышло три с половиной тысячи. Подписали сделку и приступили к выплатам, но к тому времени, то есть к маю восемьсот тридцать девятого года, мещанин Мамонов взял да и приказал долго жить. Комиссия собралась еще раз и постановила выплатить деньги наследникам Мамонова. Магистрат еще и обязался взамен проданной земли предоставить наследникам Мамонова и Горшановой предоставить новые бесплатные земли из свободной городской земли взамен проданной.

Началось строительство. Завезли бочки со смолой и тюки с просмоленной паклей для гидроизоляции фундамента, известковые плиты, известь в бочках и другое, разное, необходимое для строительства. Само собой, наняли сторожа для охраны стройматериалов, и когда строители уже были готовы приступить к работе... совершенно неожиданно выяснилось, что строительных материалов не хватает. В бочках не хватало смолы и извести, а в тюках просмоленной пакли. Натурально обвинили сторожа, который вину на себя брать отказывался, а вместо того клялся и

божился, что охранял не вес бочек, а их количество. Создали еще одну комиссию и выяснили, что недосыпал, недоливал и не докладывал недобросовестный подрядчик, который думал...

Станцию все же построили, и она, хотя Пушкина и не помнит, но нас точно помнить не будет. Впрочем, лет через сто, а тем более через двести вся эта разница буквально в три года между провозом тела Пушкина в Святогорский монастырь и датой постройки станции растворится во времени, и уже можно будет уверенно говорить и писать, что солнце русской поэзии неоднократно бывало на станции и покупало там «Вдову Клико». Меньше трех бутылок за раз Пушкин и не брал никогда.

¹⁶Событием это не назовешь, а все же... Во втором номере «Псковских губернских ведомостей» за 1840 год было напечатано следующее объявление Островского уездного суда о вызове к выслушанию решения: «Наследники Коллежского Советника Брылкина и Бригадирши Алексеевой и Надворный советник Рафаиль Зотов, или их поверенные в положенные законами срок по делу о деревне Смолихиной, полковника Брылкина, проданной сим Правлением с аукционного торга г. Зотову, а потом заложенной г. Брылкиным в Санкт-Петербургском Опекунском Совете и проданной оным с аукционного же торга Бригадирше Алексеевой». Видимо, коллежский советник и полковник Брылкин, пока был жив, Смолихину деревню продал не раз и не два – сначала надворному советнику Зотову, потом исхитрился получить под нее залог у Опекунского совета, потом через другой аукцион, как уже свободную от залога, продать еще раз бригадирше Алексеевой. При жизни Брылкина все эти махинации сходили ему с рук – все же девятнадцатый век не двадцать первый, отсутствие единой электронной базы документов и все такое, но когда он помер, объявились наследники и тайное стало явным. Между прочим, Павел Иванович Чичиков тоже был коллежским советником, но это так, к слову.

Раз уж зашла речь о судах, то Островский земский суд в те годы довольно часто давал в «Псковские губернские ведомости» объявления о нахождении мертвых тел на территории уезда. Как правило, это были крестьяне. Объявления все однотипные, как и должно быть в таких случаях. В каждом есть прилагательные «ветхий», «поношенный», «старый». К примеру, «... Островский земский суд объявляет, что близ сельца Артемина помещицы Поздеевой, найдено на реке Кухве мертвое неизвестного звания мужеского пола тело, одетое в старую овчинную шубу, опоясанное портяным кушаком, в холщовых белой рубахе и синих портах, обутое в веревочные лапти с суконными онучами... роста среднего, около 60 лет»; «Близ деревни Манасевой горы мертвое тело мужского пола, одетое в серый крестьянского сукна кафтан, опоясанное шерстяным поясом, под ним ветхая овчинная шуба, белая холщовая рубашка с оловянною пуговицей, в холщовых портах, обутое в солдатские сапоги и холщовые онучи. 20 лет, в левом ухе медная серьга»; «Островский земский суд объявляет, что найдены неизвестные мертвые тела: 1) женского пола, одето в ветхую шубу, на голове два платка холщовых, ситцевой красного цвета платок, в черных холщовых нарукавниках, синем набойном сарафане и белой холщовой рубахе, обуто в лапти и онучи с веревочными оборами 40 лет. 2) женского пола, роста средняго, около 16 лет... одето в ветхий сераго крестьянского сукна кафтан, поношенный полушубок, холщовую рубаху польского покроя, холщовый камзол и юбку, на плечах суконный пустой мешок, обуто в суконки и лапти с веревочными оборами». Выводы... Какие тут выводы на основании нескольких прилагательных. Никаких.

Вот вам другое объявление Островского земского суда, опубликованное в восемьсот сорок пятом году: «...во время проезда из Острова по Новоржевскому тракту, потерян Титулярным советником Яковым Ивановым Соболевским узел, в коем находились: об отставке его аттестат, выданный ему из Островского Уездного Суда, две доверенности, данные дворянином Осипом Андреевым Маевским, заемное обязательство в 600 руб. сер. данное ему штабс-капитаном Алексеем Васильевым Хорошиловым, фунт цветочного чаю, два фунта кофе, бумажная табакерка, теплые полушерстяные полусапожки, козловые башмаки, 15 свинцовых пуль, два патрона и белый носовой платок». Небось на природу в окно глядел, их благородие Яков Иванович. Хорошо еще, что шляпа не слетела.

¹⁷Кстати, скажем и картофеле. Его в то время довольно успешно выращивали в Псковской губернии, и в частности в Островском уезде. Уездный предводитель дворянства даже написал письмо псковскому губернатору о пользе выращивания картофеля а то губернатор этого не знал, опубликованное в губернских ведомостях в восемьсот сорок первом году.

«В Островском уезде почти все помещики, которые обращают хотя несколько внимания на сельское хозяйство, давно уже начали засевать у себя картофель и понуждают к тому крестьян своих, видя в растении сем единственное средство, могущее обеспечить их продовольствие в годы таких изменчивых урожаев хлеба, какие бывают в наших краях. Это главная выгода, которая одна, в особенности ежели посев будет производиться у самих крестьян на полях в достаточном количестве, может заставить заняться разведением картофеля. Кроме того, картофель может быть сбываем с выгодами на винокуренные заводы, также употребляемые для крахмала. Наконец разведение картофеля может улучшить у крестьян сельское хозяйство, поправить их состояние и отвлечь от пагубного возделывания в таком огромном размере, с таким неискусством, убытками и ущербом для земли льна, истощившего повсюду почву до того, что одну из главных причин неурожаев в нашем краю должно отнести к этому безмерному разведению льна»*.

*Заметим в скобках, что вслед за предводителем уездного островского дворянства об истощении почвы льном в Псковской губернии, правда, лишь через пятьдесят восемь лет, напишет человек, раздувший на горе всем буржуям мировой пожар, в своей работе «Развитие капитализма в России».

¹⁸В Острове середины позапрошлого века ориентироваться было просто и удобно. В восемьсот сорок пятом году городская Дума приняла решение об изготовлении трех сотен табличек с названиями улиц и фамилиями домовладельцев.

¹⁹Если быть точными, то 295 915 рублей и 42,5 копейки. Цифру эту островичи решили не забывать никогда и оставить в назидание потомкам. Она написана на памятной табличке, укрепленной на одной из гранитных опор моста.

Все же, не удержимся от некоторых технических подробностей. Первый проект постоянных мостов был предложен еще в восемьсот тридцать седьмом году. Решение было простым и незатейливым – два арочных трехпролетных моста. Посчитали стоимость и... отказались. Уж больно дорого выходило. В восемьсот сорок первом новый проект – два двухпролетных моста с пролетными конструкциями из деревянных дощатых ферм. Посчитали стоимость и... снова отказались. Еще через пять лет был представлен новый проект, который оказался похож на старый, только деревянные фермы предполагалось сделать из бруса. Все эти проекты мало того что были дороги, так еще и требовали установки опор в русле Великой, которая и без опор мелка, узка и практически несудоходна. Рыбы тоже были против. Вот тогда-то инженер Краснопольский и предложил свой проект висячих цепных мостов, который по тем временам был довольно смелым. Учитывая повышенную чувствительность таких подвесных конструкций к колебаниям, автор проекта предусмотрел дополнительные деревянные решетчатые фермы жесткости, а ведомство графа Клейнмихеля даже разработало специальное «Положение о движении по цепным Островским через рукава р. Великой мостам», в котором говорилось, что езда экипажей по мостам разрешается только шагом; лошади, быки и коровы проводятся через мосты шагом не более полусотни голов разом; пехота по мосту должна была обязательно идти не в ногу, а кавалерия шагом справа по три; во время крестных ходов и других публичных церемоний переход по мостам разрешается только рядами, и в это время экипажи по мостам не проезжают.

²⁰У меня нет сегодняшней статистики по незаконнорожденным православным детям в городе Острове потому, что теперь эти дети называются рожденными вне брака, что конечно же правильнее, а статистика по детям, которых родители крестили, и вовсе ведется по другому ведомству. Кроме того, есть еще дети атеистов, мусульман и других конфессий, которых полтора

с лишним века назад в Острове, да и во всей губернии было очень мало, но есть статистика по Псковской области, по данным которой в 2021 году родилось 18,4% вне брака. Все же, хотя руки и чешутся сравнить и сделать выводы, лучше воздержаться от этого, поскольку незаконнорожденный, то есть рожденный вне церковного брака, ребенок девятнадцатого века и незаконнорожденный двадцать первого – это все же не совсем одно и то же, но... отметим, что 18,4% это совсем не 26,5% и, тем более, не 41,6%. Хотя внутри области райцентры могут и отличаться. Пусть и не так сильно, как раньше.

²¹Есть, правда, одно предположение... В те годы, о которых идет речь, в Острове размещался один из батальонов Псковского пехотного полка вместе со штабом. Солдаты и офицеры жили не в казармах, которых и не было вовсе, а стояли постоем на квартирах островских обывателей. В Острове батальон доукомплектовали рекрутами из Псковской, Эстляндской и Тамбовской губерний и переименовали в Псковский резервный пехотный полк двухбатальонного состава. Ну, и... Правда, и в других уездных городах Псковской губернии тоже квартировали воинские части. В соседней Опочке, как уже упоминалось, и вовсе стояли лейб-гусары в таких венгерках и в таких усах, от которых у женщин обмороки случались, и ничего, а тут пехота... Впрочем, все это лишь предположение.

²²Население Острова уже тогда, в 1874 г., было многонациональным, разных вероисповеданий. Из общего количества жителей в 3081 человек: иудеев – 255, лютеран – 184, католиков – 92, один армянин, шесть раскольников и остальные православные.

²³Пусть это и скучные материи, но хотя бы в примечаниях нельзя не сказать и о содержании островских городских и сельских школ. Большую часть расходов на образование, то есть 58% от всей суммы в 63391 руб. оплачивало земство. Плата за обучение давала 22,1%. С пожертвованиями от отдельных меценатов, то есть от горожан, дело обстояло плохо – они приносили всего 3,1%. Сельские сообщества давали еще меньше – 1,1%. Доля города составляла 9,4%. Конечно, девять с небольшим процентов, это не бог весть какая сумма – около семи тысяч рублей, но если ее сопоставить с городскими доходами, которых в восемьсот семьдесят восьмом году было 20197 руб. 77 коп., то выходит не так уж и мало – почти треть. Нельзя при этом не отметить, что городской бюджет был тогда сведен с профицитом в 3135 руб. 67 коп. Последняя сумма большой не кажется, но слово профицит в городском бюджете Острова не так уж и часто встречалось до того времени, да и сейчас, если внимательно посмотреть...

²⁴С одной стороны, нет, наверное, никакого интереса нашему современнику читать звания и фамилии этих давно умерших людей, а с другой... прочтите. Они не уплывали из Острова открывать Америку, не забирались на Эверест, не строили самолет, чтобы улететь к чертовой матери или хотя бы туда, где нас нет, а остались и были попечителями женской прогимназии в уездном городке Остров Псковской губернии – распределяли пожертвования, покупали учебные пособия, составляли правила приемных, переводных и окончательных экзаменов, назначали стипендии, пособия, жалованье учителям, оплачивали их квартирные расходы... Список небольшой – всего четырнадцать человек: почетная попечительница – жена островского помещика Елена Николаевна Изъединова, председатель попечительского совета – председатель Островской уездной земской управы, тайный советник Константин Иванович Ларионов, городской голова купец Василий Алексеевич Шелков, доктор медицины и статский советник Карп Федорович Трояновский, действительный статский советник Николай Владимирович Симанский, купец Антон Петрович Посисеев, мещанин Николай Григорьевич Белянинов, крестьянин Иван Савельевич Иванов, купец Иван Павлович Судоплатов, купец Иван Павлович Крылов, мещанин Федор Герасимович Букатин, купеческая жена Клавдия Петровна Антипова, купеческая вдова Алла Алексеевна Быкова, купеческая жена Марья Алексеевна Быкова, купеческая жена Александра Степановна Алексеева.

²⁵Дома трудолюбия появились в России в конце позапрошлого века. Придумали их в столице для того, чтобы помогать незащищенным слоям населения, то есть бедным. В таком доме можно было получить работу, еду и даже переночевать. Детей и подростков в домах трудолюбия собирались еще и обучать различным ремеслам с тем, чтобы они могли потом сами найти работу.

Хорошо придумали, что и говорить, но денег на содержание Домов трудолюбия власти не давали. Предполагалось, что их на местах добровольно соберут те, которые... всегда добровольно их собирают.

²⁶Между прочим, из рода купцов Калашниковых происходила Мария Васильевна Рерих (урожденная Калашникова) – мать Николая Константиновича Рериха. Родители художника венчались в Острове в восемьсот шестидесятом году в церкви Покрова Пресвятой Богородицы. Дом бабушки Рериха до сих пор стоит в Острове.

²⁷В восемьсот девяносто восьмом году российскому пожарному обществу был присвоен титул «Императорское» в связи с пятилетием существования. Узнав об этом, Правление Островского пожарного общества по предложению Главного Совета Соединенного Российского пожарного общества постановило ознаменовать это событие торжественным молебном в местном Троицком соборе в присутствии действительных членов общества. По окончании молебна собравшиеся члены единогласно решили послать на имя Председателя Главного Совета Императорского Российского пожарного общества Его Сиятельства Князя Львова телеграмму следующего содержания: «Островское вольное пожарное Общество, извещенное Вашим Сиятельством о Высочайшей милости, дарованной соединенному пожарному Обществу, движимое чувством беспредельной преданности Его Императорскому Величеству и проникнутое благоговейной признательностью, отслужив сегодня торжественное молебствие о здравии и благоденствии Его Императорского Величества и всего Царствующего дома, ходатайствует пред Вашим Сиятельством повергнуть к стопам Его Величества выражение верноподданических чувств Общества». За Председателя Правления Член Правления Городской Голова Федор Семендяев.

В том году в Острове было четырнадцать пожаров.

²⁸В девятьсот третьем году инженеру Виттенбергу город выдал триста рублей за составление проекта электрического освещения города.

²⁹Койки для рожениц появились в городской больнице только в девятьсот десятом году, да и то только три.

³⁰В уезде начальных училищ было куда больше – шестьдесят четыре. Содержало их Островское Земство. Обучалось в них 2977 мальчиков и 1099 девочек. Всего за 36 лет обучалось в земских школах 65337 чел. Из них окончили курс 8927 чел. Правду говоря, не так уж и много, если учесть, что в земских школах, как правило, долго не учились – они были трехлетними, а с началом двадцатого века четырехлетними.

³¹Леонид Леонидович Беклешов принадлежал к старинному дворянскому роду Беклешовых, владевших имениями в Островском уезде с шестнадцатого века. В первой половине девятнадцатого века в селе Трумалево, в родовом имении Беклешовых, в семье предводителя уездного Островского дворянства полковника Николая Сергеевича Беклешова и его жены Марьи Васильевны, урожденной Сушковой, воспитывалась ее племянница – Екатерина Александровна Сушкова. Та самая Сушкова, в которую без памяти был влюблен юный Лермонтов. Та самая Сушкова, которой он писал «Смеялась надо мною ты, и я презреньем отвечал...». И это не все. Седьмого апреля восемьсот тридцать пятого года, в первый день Пасхи в доме у супругов Беклешовых с праздничным визитом был Пушкин. Одного этого визита достаточно, чтобы Беклешовы... Подумаешь, Сушкова. Кокетка и больше ничего. Усадебный дом Беклешовых перед войной, в девятьсот сороковом году, разобрали, перевезли в Остров, снова собрали и разместили в нем неврологическое отделение центральной районной больницы. Оно там и квартировало до две тысячи девятого года, а потом съехало. Опустевший дом постоял, постоял и обветшал вконец. Через несколько лет его разобрали.

³²Газета «Пчела» писала об условиях жизни сезонных и поденных рабочих у огородников: «У всех огородников насчитывается больше 200 рабочих. Рабочий день начинается с восхода солнца в три часа утра и кончается 10–11 часов вечера, так что за вычетом 1/2 часа на обед и 1 часа на отдых (до 20 июля), общая продолжительность трудового дня составляет 18 1/2 часов. Раньше заработная плата была выше, но, по мере обострения нужды в деревне, плата стала падать и теперь колеблется между 5-6 рублями в месяц. Много сил нужно рабочему, чтобы быть здоровому, при

тяжелом изнурительном труде у огородников. Кроме стола (замечу – очень скудного) рабочие пользуются хозяйской квартирой, если эти клоповники можно назвать квартирой. Такая «квартира» обыкновенно помещается в подвальном помещении. Сырость, грязь, масса насекомых, отсутствие света, воздух, густо насыщенный испарениями грязных тел и гниющего в сырости белья – вот хозяйская «квартира». Свежему человеку трудно провести полчаса в такой ужасной обстановке, а рабочие живут здесь годами. Спят на голых, покрытых соломенными плетенками нарах, подставив под себя жалкое отрепье. В праздничные дни рабочие не пользуются своим отдыхом, а должны по приказанию хозяина исполнять разные работы – конечно, без всякого вознаграждения.

В гораздо худших условиях находятся поденные работницы из городской и деревенской бедноты. За тот же рабочий день они получают 20–25 коп. при своей провизии, которая состоит из хлеба с водой или квасом, а которые посостоятельнее – из воды, прикрашенной кислым творогом. За право сходить домой, покормить голодных детей, бедная городская работница должна платиться четвертью поденной платы в пользу хозяина. Поденные работницы иной раз не пользуются даже отдыхом. Они, из благодарности за право работать, во время отдыха помогают по хозяйству огородничьим «барыням и барышням». Большинство этих работниц не имеют даже где ночевать, и несчастные крестьянские женщины принуждены ютиться в амбарах, сараях хозев почти на голой земле. Заработанная кровавым трудом плата выдается не аккуратно и по капризу огородника. Кроме того, прежде чем запустить жирные пальцы в мешок, хозяин считает нравственным долгом прочитать нравоучение о пьянстве и лени рабочих, о прелести и пользе труда у огородников, об отеческой о них рабочих заботливости и т. д.

Таким образом, земельная неурядица в деревне гонит забытых, измученных непосильной нуждой крестьян к огородникам и создает такие условия, что на долю хозяина достается барыш и выгода, а на долю рабочих, добывающих им богатство, достается битье на работе и жалкие гроши. Большинство рабочих несознательные. О разумных развлечениях нет и помину. Единственное развлечение – это «шкалик», уносящий его из одуряюще серой обстановки хоть на время. «Только бы земельки дала Дума, а там и палкой не заманишь на эту каторжную работу», говорят рабочие-крестьяне... а пока что покорно тянут тяжелую жизнь батрака».

³³Педантичные оккупанты издали распоряжение, по которому «Каждое лицо, у которого имеются куры, должно поставить еженедельно по два яйца от каждой курицы по цене, установленной 5-й запасной дивизией... Виновные в несоблюдении этого распоряжения наказуются денежным штрафом до шести тысяч марок и тюремным заключением до двух лет или одним из этих наказаний... Каждый владелец коровы, дающей молоко, обязан от каждой коровы ежемесячно доставить 2 фунта (800 граммов) масла, 4 фунта (1600 граммов) сыру или творогу 4 фунта». В сорок первом они уже так не церемонились...

³⁴В стихотворении были такие строчки: «Скоро в спину получишь ты пулю или нож от своей же от белой оравы». Ошибся пролетарский поэт. Булак-Булаховича застрелил немецкий патруль, когда пытался задержать в мае сорокового года в оккупированной немцами Варшаве.

³⁵Губернская газета «Псковский набат» сообщала об открытии Островской ГЭС: «3 октября к 4 часам улица 25 Октября была переполнена. Здесь колонны различных профсоюзов, комсомольцы и пионеры со знаменами и оркестром. Стройно двинулись к зданию ГЭС. Расположились у новенького отштукатуренного, убранного зеленью здания. Начался митинг.

Представитель губисполкома объявил ГЭС открытой. Под звуки «Интернационала» и крики «ура!» перерезается ленточка, включается колесо и вспыхивает лампочка, освещающая прилегающие улицы. Восторг!

Крестьянин Володарской волости Ильин сказал в тот день: «Шептуны носились по городу и говорили, что ничего не выйдет, а вот мы видим, что станция построена. Выполняется завет Ильича»».

³⁶В том же году государство устроило розыгрыш крестьянского займа. В Острове по этому случаю был устроен настоящий праздник. Репортаж с праздника вел корреспондент «Псковского

набата». С приветственным словом к участникам розыгрыша от Псковского окружкома ВКП (б) обратился т. Трусов: «Большевистской весной этого года тысячи железных коней сметут межи и череполосицу, победно возвестят о нашей победе над трудностями, что стоят на этом пути... Да здравствует сплошная коллективизация. Да здравствует союз рабочих и крестьян. Вперед к новым победам». Торжественное открытие тиража. Торжество открывается речью зам. Председателя тиражной комиссии т. Лурье. «В этом году целые округа, районы переходят на рельсы сплошной коллективизации. Наш Псковский округ в предстоящий год делает гигантский шаг к коллективизации – 11 районов, превращая их в льносемрассадник Всесоюзного значения... Да здравствует 5 тираж займа укрепления крестьянского хозяйства!». Завертелись тиражные колеса. Первый счастливый номер. В первом заседании разыграно 50 выигрышей по 50 рублей каждый. От имени трудового крестьянства Порховского района выступил т. Григорьев. «Мы, порховичи, задания по последнему 3-му займу индустриализации выполнили на 200% и обязуемся в течение 10 лет держать его на руках. Привет 5-тиражу Займа укрепления крестьянского хозяйства. Да здравствует союз рабочих и крестьян. Бурными аплодисментами встречается предложение осылке приветственной телеграммы ЦК ВКП (б) и ЦИК СССР на имя М. Ив. Калинина».

Для участников розыгрыша и гостей Острова была подготовлена и обширная культурная программа. В клубе Ленина – спектакль Ленинградского агиттеатра, в клубе «Динамо» тоже спектакль – комедия «Переполюх», в клубе Желдор – выступление живой газеты, в кинотеатре «3 Интернационал» – «Каин и Артем» – драма в 6 частях, в зале школы 2 ступени – кинопостановка «Закройщик из Торжка». Билеты распределяла профсоюзная комиссия.

³⁷Наталья Михайловна вспоминала: «МТС решили строить в Гривах Синерского сельсовета. В поле, где обычно колхоз сеял кормовую свеклу, землестроители отбили семь гектаров земли, взяли пробы воды и почвы и уехали. А я осталась одна жить у колхозницы Вишневецкой, чтобы строить женскую МТС. Было это в 1932 году.

Строилась МТС, скажем прямо, отвратительно. Техника прибывала, а ставить ее было некуда, ремонтной базы – никакой. Вот тут я собрала в портфель всю переписку бюро райкома партии, райисполкома с трактороцентром и поехала к Сергею Мироновичу Кирову. Принял он меня без всякой волокиты, выслушал и говорит: “Иди сейчас отдыхай, а часов в шесть вечера приходи ко мне”.

Когда я в назначенное время вошла в кабинет С. М. Кирова, то увидела там руководителей Островского района и Ленинградского трактороцентра, областного сельхозбанка и других. Киров открыл заседание бюро обкома партии и предложил мне: “Ну, т. Михайлова, доложите, как строится Гривская женская МТС, как работаете?”

Что оставалось мне делать? Я рассказала все. Больше Сергей Миронович никого не стал слушать, а коротко и ясно стал излагать, кому и что из собравшихся в кабинете нужно делать. В заключение, обращая ко мне, сказал: “Через три дня позвоните мне, как будет поступать строительный материал, а остальное будут проверять работники обкома партии”. Вот тут-то и завертелась машина. Нашлись и рабочая сила, и строительные материалы».

³⁸Доты «Линии Сталина»* и сейчас стоят. Почему бы им не стоять, если толщина стен у них от полутора до двух с половиной метров бетона. Только на крышах появились чахлые кустики травы, напоминающие волосы, пересекающие на голову облысевшего человека. Вооружение каждого дота состояло из трех станковых пулеметов «Максим» и двух пулеметов системы Дегтярева. Все там было предусмотрено – и радиостанция, и телефонная связь, и вентиляционные системы для отсоса стреляных газов от пулеметов, и изолирующие противогазы, и газоопределитель, и отопительная система, и аккумуляторы аварийного освещения, и фонари «Летучая мышь», и перископ, и даже выгребная яма. Жаль только, что почти всего этого, кроме оружия и боеприпасов, не завезли и не установили – в тридцать девятом и сороковом годах после присоединения Западной Белоруссии и Прибалтики граница отодвинулась от системы укреплений далеко на Запад и все доты законсервировали, недоделав и недооборудовав.

Теперь здесь музей. Стараниями его сотрудников в дотах проведено электрическое освещение, висят фонари «Летучая мышь», стоят полевые радиостанции и телефоны, в некоторых ам-

бразурах установлены ржавые пулеметы времен второй мировой. Больше всего здесь ласточкиных гнезд, прилепленных в самых неожиданных местах. В некоторых из них пищат птенцы. По заботливо реконструированным траншеям лазают неутомимые школьники, которых сюда привозят на экскурсии.

Рядом, в ангаре, собрана военная техника тех времен – автомобили, мотоциклы, пулеметы, противотанковые пушки, зенитки и минометы. Больше всего мне запомнилась маленькая деревянная скамеечка. Ее принес в музей кто-то из местных жителей. Где-то она у него валялась в сарае. На тыльной стороне доски вырезано ножом «Kroger. Handlanger B. Jahg 1944»**.

 *Официально «Линией Сталина» СССР никто эту систему оборонительных укреплений никто не называл. Та ее часть, которая была ближе всего к Острову, называлась Островским укрепрайоном. «Линией Сталина» ее называла западная и немецкая пресса.

**Крогер. Склад подсобных материалов. 1944 г.

³⁹Командовал в Острове отделением полевой жандармерии с января сорок третьего по май сорок четвертого Эрих Буркерт, по довоенной профессии булочник. Попал в плен в конце войны на территории Чехословакии. 29 июля 1949 года на допросе показал советскому следователю, что за пять месяцев его пребывания в должности в Острове было репрессировано от шестисот до семисот человек, расстреляно от шестидесяти до семидесяти и пятеро повешено. Точнее он не помнил, но то, что в двадцати казнях принимал участие лично, не забыл, поскольку отвечал за их проведение и охрану.

⁴⁰Из показаний, которые дал в пятьдесят третьем году советскому следователю Иван Антонов – командир карательного отряда ЕКА* в Острове: «Тюрьма в Острове имела 28 камер, рассчитанных на 200 человек. Начальником тюрьмы был немец Отто. Внутренняя и внешняя охрана тюрьмы возлагалась на отряд ЕКА... В сентябре 1943 по указанию немца Шелль группа полицейских (Маевский, Филиппов, Николай Иванов) под моим командованием приняла участие в расстрелах четырех советских граждан, среди которых была одна девушка. Мы вывели обреченных за тюремную стену, где была приготовлена яма, поставили их лицом к яме, а сами выстроились на расстоянии 6 метров от них, взяв винтовки наизготовку. Я целился в затылок крайнего справа мужчины. По команде немца мы произвели залп. Убедившись, что они мертвы, мы столкнули их в яму, после чего немцы произвели контрольные выстрелы».

 *ЕКА – Ein wohner kampf Abteilung (Местный боевой отряд).

⁴¹В Острове оккупационными властями издавался на русском языке еженедельник «Островские известия».

⁴²О том, что приказ отдал именно Зассе, он рассказал сам, на суде в Новгороде, в сорок седьмом году. Вину он признал полностью и получил двадцать пять лет каторжных работ. Всего двадцать пять за то, что в период с октября сорок второго по май сорок четвертого на территории Островского, Славковского, Палкинского и Сошихинского районов им и его подчиненными были расстреляны более 500 человек, повешены 17 человек, заживо сожжены 140 человек, умерли от пыток и истязаний 71 человек, сожжено и взорвано 1122 населенных пункта, угнано в Германию 20 тысяч человек. В пятьдесят шестом Карл Зассе был репатриирован в Германию.

⁴³В июне шестьдесят пятого года обком КПСС утвердил текст мемориальной доски на здании цеха №3 электромашиностроительного завода. Именно в этом здании во время оккупации находилась тюрьма. Именно в этом здании работала в шестидесятых годах обмотчицей двадцатичетырехлетняя дочь Милы Филипповой, Инна.

⁴⁴По какой-то причине часть островских евреев осталась в живых. Их, по воспоминаниям Доры Ротберг, в сентябре сорок третьего повезли в Рижское гетто. Везли через Саласпилс. В Рижском гетто они задержались на какое-то время – убрали комнаты в немецкой комендатуре Риги. Из Риги их повезли в Освенцим. В Освенциме работали на земляных работах. В Освенциме Дора из-за невыносимых условий потеряла слух: «Я долго так работала, оглохла. Долго не слышала, потом слух немного вернулся. Нам давали чашку чая, кусочек хлеба. Съедали и валились спать». Летом сорок четвертого их перевезли в концлагерь Биркенау. «Там было два жилых барака. Остальные – склады для одежды. Вот на этих складах мы и работали. У людей, которые отправлялись в крематорий, отбирали вещи, драгоценности. Вот к нам это всё переправлялось. И мы это всё сортировали. Работали по 12 часов. Дожили до освобождения в январе 1945 г., в том числе и я».

⁴⁵Майор Тарас Степанович Рымар на митинге, посвященном освобождению Острова, сказал, обращаясь к островичам: «Очень тяжёлая борьба с фашистскими мерзавцами за освобождение Острова навечно сроднила меня с вашим городом. Прошу считать меня сыном Острова. Кончится война – приеду работать сюда. Погибну – похороните меня здесь, в братской могиле».

Через два месяца после освобождения Острова майор Рымар погиб в одном из боев в Литве. Было ему двадцать два года. Похоронили его в Острове, как он и просил. Там, недалеко от мостов, есть и улица его имени.

⁴⁶Заместитель директора местного краеведческого музея Наталья Васильевна Суббота, прожившая в Острове уже полвека, рассказала мне, что в советское время, в Ленинграде, на Петроградской стороне работал фирменный магазин от Островского мяскокомбината. Когда Наталья Васильевна училась в Ленинграде, то ходила в тот магазин, выстаивала длинную очередь, покупала колбасу островского мяскокомбината и везла ее домой, в Остров.

Библиография

В. В. Косточкин. О датировке крепостей Острова и Изборска // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры АН СССР. Вып. 62. М., 1956. С. 59–65.

Е. А. Болховитинов. История княжества Псковского. М.: Кучково поле, 2012.

В. В. Косточкин. Древние русские крепости. М.: Наука, 1964.

Н. А. Панов. Летопись г. Острова и его уезда Псковской губернии (Материалы к истории г. Острова и его уезда). Остров, Тип. А. И. Фуфаевой, 1913.

Л. П. Шершнева, Т. А. Тихонова. Маленький город большой России: опыт краеведческого справочника. Остров, 2005.

Станислав Пиотровский. Дневник последнего похода Стефана Батория на Россию. (Осада Пскова): с двумя рисунками / издание Псковского Археологического Общества; перевод с польского действительного члена Псковского Археологического Общества О.Н. Милевского. Псков: Типография Губернского Правления, 1882.

М. Н. Тихомиров. Россия в XIV столетии. М., 1962.

А. Э. Экк. Островские керамики // Островская земля. Краеведческий альманах. Выпуск I. Остров, 2004. С. 50–52.

А. А. Векшин. История веков. Путеводитель. Остров, 1992.

Ю. П. Пахрин. Остров. Путеводитель. Л.: Лениздат, 1974.

Сборник Московского архива министерства юстиции т. VI: Псков и его пригороды. Кн. 2. М.: Печатня А. Снегиревой, 1914. – 520 с.

Сборник Московского архива министерства юстиции т. V: Псков и его пригороды. Кн. 1. М.: Печатня А. Снегиревой, 1913.

Псковские летописи. Выпуск второй. Под. Ред. А. Н. Насонова. Изд. АН СССР, М. 1955.

Д. И. Иловайский. Граф Яков Сиверс. Биографический очерк // Русский вестник. Т. 55. М., 1865. № 2.

В. М. Севергин Записки путешествия по западным провинциям Российского государства, или минералогические, хозяйственные и другие примечания, учиненные во время проезда через оныя в 1802-1803 гг. СПб.: Императорская Академия Наук, 1803-1804: Ч. 2. Продолжение записок путешествия по западным провинциям Российского государства или Минералогическая, Технологическая и другие примечания, учиненные во время проезда через оныя в 1803 году, Академиком, Коллежским Советником и Ордена св. Анны второго класса Кавалером Васильем Севергиным. С. 168.

Дневная записка путешествия Её Императорского Величества через Псков и Полоцк в Могилёв, а оттуда обратно через Смоленск и Новгород. Сборник Русского исторического общества. Том первый. СПб., 1876.

А. В. Колибрин. 100-летие Островского городского 3-х-классного училища с 1 янв. 1787 по 1 янв. 1887 г.: историческая записка, сост. ко дню празднования 100-летнего юбилея 25 янв. 1887 г., учителем-инспектором уч-ща А. В. Колибриным. Псков: Тип. Псковского губернского правления, 1887. С. 68.

В. Н. Лещиков. Малые народные училища Псковской губернии (1787-1803 гг.) // Псков: науч.-практ., ист.-краевед. журн. 2016. № 45. С.106-115.

К. Б. Жучков. Как псковские мужики в 1812 г. «все на войну ехали» // Псков. 2012. №37. С. 85-90.

К. Б. Жучков. Псковская губерния в Отечественной войне 1812 г. // Псков. 2011. №35. С. 146-152.

К. Б. Жучков. Псковская губерния в Отечественной войне 1812 г. (по новым архивным данным) // Псков. 2015. №42. С. 173-200.

К. Б. Жучков. Письма псковичей в армию в 1812 г. // Псков. 2014. №41, С. 188-212.

Л. Н. Макеенко. Псковичи – участники Отечественной войны 1812 г. // Псков. 2012. № 36. С.3-9.

Псковские дворяне в войнах 1806, 1812, 1813 и 1814 гг.: (Арх. Справка). Псков, 1912. С. 68.

А. Е. Николенко. Военнопленные наполеоновской армии в Псковской губернии в 1812 г. // Псков. 2010. №33. С. 32-36.

И. С. Елисеев. Почтовая станция с гостиницей // Островская земля: Краеведческий альманах. Выпуск I. Остров, 2004. С. 42-44.

А. Е. Розен. Записки декабриста. С.-Петербург: Издание товарищества «Общественная польза», 1907. С. 467.

А. А. Михайлов. Обаяние мундира. Псков: Псковская областная типография, 2004.

Маленький город большой России: Опыт краеведческого справочника / Составители: Л. П. Шершнева, Т. А. Тихонова. Остров, 2005.

Псковские губернские ведомости № 9, 4 марта. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1878.

Псковские губернские ведомости № 36, 4 сентября. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1840.

Псковские губернские ведомости № 25, 18 июня. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1841.

Псковские губернские ведомости № 5, 28 января. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1842.

Псковские губернские ведомости № 11, 11 марта. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1842.

Псковские губернские ведомости № 27, 2 июля. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1842.

Псковские губернские ведомости № 28, 8 июля. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1842.

Псковские губернские ведомости № 52, 30 декабря. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1845.

Псковские губернские ведомости № 29, 17 июля. Псков: В типографии Псковского губернского правления, 1846.

Памятные книжки Псковской губернии на 1861, 1863, 1874, 1875, 1876 гг. Издания Псковского Губернского статистического комитета. Псков: В типографии губернского правления.

Т. В. Щемелева. История образования в г. Острове. Александровская женская гимназия // Островская земля: Краеведческий альманах. Выпуск I. Остров, 2004. С. 44–47.

Л. Н. Сосина. Островские общества второй половины XIX – начала XX века // Там же. С. 39–42.

Л. А. Фролова. Пожарная охрана в Островском уезде в XIX – в начале XX вв. // Псков. 2002. № 17. С. 150–156.

Краткий историко-статистический очерк городов и городских поселений Псковской губернии. Издание Псковского Губернского Статистического Комитета. Псков: Пар. Типография Губернского Правления, 1904.

Т. П. Алексеева. Беклешова и М.Ю. Лермонтов // Островская земля: Краеведческий альманах. Выпуск 3. Остров, 2010. С. 40–42.

Пчела: Еженедельная общедоступная прогрессивная газета. 1906. № 2, 4 мая.

Пчела: Еженедельная общедоступная прогрессивная газета. 1906. № 6, 31 мая.

Крах германской оккупации на Псковщине: Сборник документов. Л., 1939. С. 282

М. Т. Маркова. Псков и Остров в 1918 г. // Псков. 2007. № 26. С. 137–143.

Газета «Плуг и молот». Орган Островской Организации Р.К.П. (б-ков) Островского Уездного Исполкома и Уездного Совета Профсоюзов. 1920. №7, 2 апреля.

«Псковский набат» в гор. Острове. 1930. № 1, 14 янв. Остров: Типография Райкомбпрома, 1930.

А. В. Филимонов. «Мелочи» жизни Псковского края 1920–1930-х гг. // Псков. 2011. № 35. С. 135–145.

Н. В. Суббота Улицы города Острова. Остров: Островский краеведческий музей, 2008.

За Родину (Псков). 1942. № 52, 8 ноября.

За Родину (Псков.) 1943. № 287, 8 декабря.

За колхоз: орган Островского РК ВКП(б). 1943. №2, 26 февраля

А. В. Филимонов Подпольная организация города Острова: изучение, история, память // Псков. 2014. № 40. С. 22–48.

С. А. Петрова (г. Псков, Россия). Еврейское гетто на территории г. Острова в период оккупации Псковской области (1941–1944 гг.) // Мы не можем молчать: Школьники и студенты о Холокосте. Выпуск 16–17. М.: Центр и Фонд «Холокост»: МИК, 2021.

Островская земля: Краеведческий и литературно-художественный альманах. Выпуск II / Составители Л. Владимирова, П. Гринчук. Остров, 2005.

П. М. Гринчук. Остров. Февраль – июль 1944 г. Остров, 1995.

А. Н. Карпов, Д. А. Тимошенко. Островская доминанта. Псков, 2017.

«ЗА КАЖДЫМ ТЕКСТОМ ИЛИ ЗА КАЖДЫМ МОДУСОМ ПИСЬМА
СТОИТ КАКАЯ-ТО ИСТОРИЯ»

Интервью с Игорем Гулиным (записал Сергей Ивкин)

Всероссийская литературно-критическая премия «Неистовый Виссарион»¹ возникла в 2019 году по инициативе Свердловской областной библиотеки им. В. Г. Белинского (Екатеринбург). Профессиональная награда ежегодно присуждается живущим в России авторам за значительные достижения и творческую активность в области критики, обращенной к современной русскоязычной литературе XXI века. Сейчас – четвертый сезон премии, он завершится 6 июня, а в минувшем сезоне победителем стал **Игорь Гулин**.

– Получение премии «Неистовый Виссарион» стало каким-то этапом в вашей профессиональной деятельности?

– Сложно сказать про этап, но, безусловно, мне было лестно и очень приятно.

– Влияние Виссариона Белинского на русскую литературу оценивается каждой эпохой иначе. Как вы сейчас относитесь к данной фигуре?

– В последние годы возник тренд на реанимацию линии русской демократической критики XIX века – Белинского, Добролюбова, Чернышевского. Скажем, мой друг, рэпер и критик Иван Смех этим долго занимался. Я слежу за этой работой с интересом, но не могу сказать, что меня самого такой модус письма как-то вдохновляет. Может быть, для меня просто еще не настал момент его переоткрыть.

– Вы работаете критиком в ежедневной газете и являетесь критиком-универсалом, разбирающимся в самых разных сферах искусства. Это время диктует невозможность узкой специализации (например, критиковать только балет) или это ваши личные предпочтения?

– Мне кажется, я совсем не универсал. Как раз про балет я не знаю абсолютно ничего, как и, например, про сериалы или про футбол. Меня интересуют очень конкретные сюжеты, хотя интересуют в разных медиумах. Думаю, что переключение между формами позволяет не застывать и ощущать, что мысль движется.

– Мне кажется, что при частом обращении к одним и тем же темам повторы неизбежны. Что позволяет вам их избегать?

– Ничего не позволяет, конечно, ты все время чувствуешь, что повторяешься. Во многом это как раз вызывает раздражение, начинаешь спорить с собой – и поэтому говорить что-то новое.

¹ <http://book.uraic.ru/project/premiya-neistoviy/index.html>

– Размышляя о профессии критика, вы назвали себя не-критиком, поскольку видите в книге не объект оценки, а что-то вроде сюжета. Что вы понимаете под сюжетом?

– Вместо сюжета можно сказать «событие», но, во-первых, у этого слова слишком много лиш-них коннотаций, а во-вторых, в нем нет оттенка длительности. Я имею в виду, что за каждым текстом или за каждым модусом письма стоит какая-то история. С конкретным человеком (или со всей культурой) что-то произошло. Какая-то встреча, обращение, утрата – в общем, перемена. И эта перемена заставила его писать и писать именно таким образом. Вот это то, что меня ин-тересует: хочется вычитать из письма эту историю.

– Бумажную книгу сейчас часто представляют анахронизмом. Для меня одно из главных до-стоинств книги – её порционность, замкнутость. Как вы видите дальнейшее существование книги стихов или же книги критики? Достаточно ли традиционной формы или книге необходима инте-рактивность, соединение с сетью?

– Я ненавижу читать с компьютера, а читалки у меня даже нет. Мне очень важен в отношении с текстом элемент тактильности. Но сам я рефлексирую его издержки и некую неадекватность современной жизни. В бумажной книге есть элемент сопротивления, упорствования перед «про-грессом». В этом ее шарм, поэтому синтез с сетью ей совершенно не нужен. Сколько она проживет – зависит и от того, как будут меняться формы письма. Многие из того, что сейчас пишется, орга-ничнее существует в интернете, и перенос на бумагу в этом случае – подчеркнуто парадоксальный ход. Пока что он еще работает, и в бумаге у текста большие веса. Но что будет дальше, мы не знаем.

– Существуют последовательные исторические перемены в русской литературе, когда одна ведущая стратегия логически сменяется новой, и так далее. Изучая прошлое, можно ли прогнози-ровать это развитие? Или история литературы абсолютно непредсказуема?

– Я думаю, что предсказание имеет смысл не как речь о будущем, а как работа с тем поло-жением, что мы имеем сейчас, – один из инструментов анализа настоящего. (Это как с научной фантастикой.) Мы можем увидеть какой-то повтор структур, и он нам поможет по-новому на-звать текущее, что-то в нем разглядеть, чего оно само не видит, и взвесить его шансы. Но пафос циклической детерминированности – при всем блеске построенный, который он может обеспечить, – мне совсем не близок.

– Поэзию 2000–2010-х годов вы разбирали как поэзию идентичности, поэзию маски, когда поэт говорит от лица персонажа или предмета, лишённых речи, подчёркивая, что такая поэзия обязана немного раздражать, сводиться в итоге к цинизму и трансгрессии. Изменилось ли что-то в 2022 году? Достигли мы непроходимой границы? Или пересекли, даже не заметив?

– Вы немного совместили разные вещи, про которые я в разное время писал, но это не так важно. Если честно, говорить в 2022 году хоть что-то о будущем состоянии поэзии и чего угодно кажется невозможным. Мы перешли такую границу, что все прочие границы сейчас – труха. Нужно радикальнейшим образом пересобрать все, но это нужно делать тоже не сейчас. Если сейчас на-чать сосредоточенно заниматься созидательной культурной работой, такие попытки сразу пре-вратятся в профанацию.

– У каждого автора прослеживаются отцовские или материнские фигуры (часто их больше двух), на которые он время от времени оглядывается в спорах или суждениях. На основе про-читанных ваших статей сложился список: Михаил Кузмин, Константин Вагинов, Владимир На-боков, Филип Дик, Олег Юрьев. Каков «пантеон» учителей на самом деле?

– Довольно неожиданный список. К Набокову я на самом деле прохладно отношусь. Если говорить именно о критике, главным учителем для меня, конечно, был Григорий Дашевский. Олег Юрьев, правда, очень повлиял, хотя это было такое влияние-отталкивание, в какой-то момент – Александр Гольдштейн, авторы 20-х – от Тынянова до Пумпянского. И есть фигуры других языков, на которые тоже всегда оглядываюсь, – Вальтер Беньямин, Сьюзен Зонтаг, Джон Берджер.

– Не превратило ли вас увлечение Константином Вагиновым в «коллекционера странностей»? Если да, что именно вы коллекционируете?

– Не думаю, что Вагинов виноват, но, конечно, у меня тоже есть такая органика (скорее отчасти из-за нее я Вагиновым и занялся). Я с ней иногда борюсь, а иногда принимаю. Стараюсь не копить физические объекты, хотя в итоге всякими странными штучками завален дом. Очень люблю фотографировать мелкие странности и выкладывать в инстаграм (снова тема интернета и физического мира). В том, что касается объектов исследований, меня тоже иногда уносит в эту сторону. Вроде советских производственных драм, которых я посмотрел десятки и о которых долго писал.

– Вы говорили, что позднесоветская эпоха вас занимает больше, чем авангардная. Насколько ощущается её влияние в современной литературе? Какие из её имён по вашим наблюдениям продолжают работать?

– Про современную литературу сказать сложно, но интеллектуальная мода на застойную эпоху, конечно, сильно ощущалась в последние годы. Хотя и в литературе она была, вспомнил замечательное стихотворение Даниила Да про Брежнева. Эта мода была связана с тем, что мы сами жили в подобии застоя – он был устроен совсем иначе, чем застой советский, но сложным образом с ним резонировал. Выживет ли этот интерес сейчас, после того «наш застой» закончился катастрофой и мы вступили в какое-то еще непонятное время, – для меня большой вопрос.

– В интервью для портала «Горький» вы отметили, что культура мейнстрима в России невозможна (поскольку существует лишь в связи с социально-этической нормой, а у нас её нет, или она только начала вновь формироваться), и мы наблюдаем коллекцию маргинальных феноменов разного масштаба. То есть изучающий литературу должен изначально выбрать для себя маргиналию или напротив не принадлежать ни к одной?

– Я думаю, что сейчас как раз вырабатываются большие этосы, а вслед за ними могут возникнуть и новые способы существования в культуре. Субкультуры – это феномены спокойных эпох. Во время потрясений они не выживают и либо умирают, либо переформируются во что-то новое. Хотя это тоже предположение.

Борис КУТЕНКОВ

ТЫ – БУЛГАКОВ И ЗОЩЕНКО

Мариэтта: Сборник воспоминаний / Составители Аня Герасимова и Маша Чудакова. – М.: Умка-Пресс / Пробел-2000, 2022.

«Поспешная самоделка, ядро, зародыш большой книги», – так в предисловии Герасимова называет эту тетрадь воспоминаний о Мариэтте Омаровне Чудаковой. И возводит «самиздатость» в редакторский принцип: «Лучший формат – большая тетрадь на скрепке. Никаких твердых обложек, никаких редакционных тягот. Только люди, ты, буквы, типографский станок». Справедливо добавляя, что «настоящая» книга еще появится и что ее героиня достойна ЖЗЛ. Впрочем, сборник отличается от гипотетического «настоящего» лишь полиграфически, но не содержательно. Никакой поспешности здесь не чувствуется. Воспоминания не только необыкновенно хорошо собраны, но и корректурски вычитаны с тем перфекционизмом, который свойствен Ане (так она предпочитает себя называть) Герасимовой как опытному текстологу.

Цитировать хочется много: среди мемуаров нет ни одного недостойного или бессодержательного, написанного с интонацией лести или с эмоциональными перегибами. Не знаю, был ли отбор, но сдаётся мне, что удача сборника не только (или вообще не) в нем, а в самой Мариэтте Омаровне: на ее прямоту и бескомпромиссность, соединенные с эмпатичностью, и отвечать хочется соответственно. Неслучайны здесь и коротенькие заметки, и полноценные воспоминания; и личные очерки, и эссе вполне журнального формата, в которых обрисовывается масштаб деятельности Чудаковой. Масштаб личности человека, литератора, политика, который в советское время отказался уезжать, объясняя это простым и – в ее случае – предельно осмысленным – «это моя Родина». И, несмотря на то что объединить все эти воспоминания в рамках какой-то об-

щей концепции сложно, – таковой может стать именно актуальность сборника для нынешних дней.

Книга, вышедшая до 24 февраля сего года, вообще не в связи с происходящим, способна стать прививкой от социальной апатии и этическим оправданием «не-эмиграции». Я пишу свою рецензию в дни, когда интеллигенция сплошняком покидает страну. На эти отъезды Чудакова реагировала со свойственной ей в жизни эмоциональностью: «Как же так! Уехать они все хотят! А кто будет заботиться о России? Кто поможет наладить здесь нормальную жизнь? Разве это не наша страна? Разве мы не хозяева в своей империи?» (из мемуара Натальи Сафоновой). Она как никто «ощущала, что Россия – это ее страна, о которой она должна заботиться, которую нужно любить и не давать на откуп всяким сволочам и дуракам» (Олег Лекманов). В этом контексте крайне важны размышления Александра Павловича Чудакова, объясняющие, почему выбор интеллигента – не выйти на площадь во время Пражской весны – может быть не менее честным, чем выбор обратный. Эти слова, сказанные в 1968-м жене и обусловившие ее решение, процитированы в книге, но вернёмся к ним вновь: «Ты выйдешь на площадь с плакатом, простоишь там пять минут – и после этого на долгие годы будешь полностью оторвана от своего любимого дела. Дело не только в том, что – любимого, а в том, что, я уверен, ты в нем сможешь сделать то, чего не сделают другие. Что же – ты хочешь оставить наших школьников и студентов только с лживыми книгами В.?. (Он говорил об известном ленинградском профессоре, демагогические книги которого изучались на всех филфаках страны). А так – думай, конечно, сама». Результат этого «думания» сегодня вновь позволяет понять, что иногда вернее быть «с моим народом там, где мой народ, к несчастью, был». Оказывается, гражданская смелость возможна не только с плакатом в руках или постом в социальной сети, – ей в разное время может стать и пробивание запрещенной книги, и героическая цепь путешествий по сельским библиотекам (с даримыми книгами,

с лекциями, с тестированиями по истории). Что не отменяет, конечно, участия Чудаковой в демонстрациях и митингах: воспоминания об этом хотя и не доминируют в книге – на фоне, например, просветительской деятельности, – но тоже неотрывны от ее личности. «Участвовала в общественной деятельности и правозащите, была противницей агрессивной имперской политики <...>, в 2014-м году была одним из организаторов митинга в защиту Украины...» (Сергей Михайлов) – все это невозможно не вспомнить, не прибавить к ее списку великих – без преувеличения – дел.

«Храбрая, мужественная Мариэтта, как же она поддерживала запрещенных! Это было тоже дело ее жизни» (Людмила Петрушевская).

Книга способна объяснить многое и тем, кто сегодня, как в советское время, обречен упаковывать свои мысли в подцензурную форму. На дворе новые смутные времена – с блокировкой независимых медиа, затыканием ртов несогласным. Дальнейший ход событий непредсказуем. Но жить приходится здесь и сейчас. «Рецепт» Мариэтты Омаровны относится к другой эпохе, но звучит злободневно: «Никакого вранья, умолчаний немало, непременно. И так проходило через цензуру. Например, важную мысль нужно было поместить в середину абзаца – технология. Нельзя было с той мысли, которая остра, начинать абзац. Нельзя было начинать главку этой мыслью и заканчивать. А надо было где-то между делом, где-то в глубине абзаца». Тут еще много описаний борьбы с цензурой – той, что была нацелена на правдивый разговор с согражданами, но – ведома целью провести статью через идеологические препятствия, не поступившись истиной. На саму Чудакову в этом смысле влияли примеры Зощенко и Булгакова – первый обладал «биологической смелостью», «совершенно врожденным чувством чести», второй привлекал ее скептическим отношением к революционному процессу в своей стране. (Тут вспоминаются и слова Тынянова – еще одного кумира нашей героини, бывшего и предметом ее исследований, – о пользе медленной перестройки в противоположность революции.) Пример и чести, и смелости, и здорового скепсиса – не худший, чем у её кумиров, и нагляд-

ный на страницах этого сборника – являет нам Мариэтта Омаровна. «Поведение свободного человека в ситуации несвободы и лжи» – эта исчерпывающая формулировка Александра Закуренько звучит почти утопично. Но – почти по Лотману – существование такого человека можно было бы с легкостью опровергнуть, если бы не реальность этого существования, явленная нам сейчас, вот тут. И это, как ни крути, вдохновляет.

И вот еще – живой диалог для тех, кто ныне терзаем интеллигентскими сомнениями и оправдывает ими невозможность (а то и этическую неправомерность) занятий литературой. «Мариэтта Омаровна, это же больше тысячи км!» – «Ничего, доедем. Андрей домчит. Мне необходимо попасть в вашу областную библиотеку. Надо бы организовать встречу с читателями. Сможете? Да, и... меня тут собака немного покусала, надо бы в больницу. Организуете? И гостиница мне нужна» (Ольга Скибина). В книге есть и подробное обоснование этой чудаковской тяги к действию – в не предназначенные, а точнее, препятствующие этому времена. Вот как об этом пишет Андрей Немзер: «...М.О. писала <...> о тех людях, что в сталинскую эру, оставаясь на свободе, каждодневно несли непосильные нагрузки, все более и более сознавая их «как долг, как высокую миссию, как нигде не записанное, не объявляемое вслух обязательство – перед собой и перед культурой. Мало того – они все больше понимали, что делают нечто, что не нужно государству и чему оно поэтому чинит препятствия – с разной степенью жесткости и жестокости в разные периоды. И продолжали делать. <...> Можно назвать это подвижничеством, но можно оставить и без всякого именованья. Эти люди не искали себе определений». Мемуаристы вспоминают, что в 1981 году, в расцвет застоя, она пробила «дикими трудами, хитростями, обходными путями, женским обаянием, невероятной настойчивостью, чтоб не сказать более резкого слова, – Тыняновские чтения» (из сценария фильма о Чудаковой для канала «Культура», со слов Евгении Абельюк). Об этой культовой институции, впрочем, нужно вести отдельный рассказ, а лучше – прочитать её историю в самой книге.

А вот какие слова приводит Наталья Осипова: «– Наташа, вы любите родину? – так начала Мариэтта, пригласив меня отдельно ото всех на разговор в ресторан во время Тыняновских чтений 2004 года. Родину я, конечно, любила, но точно понимала, что такой вопрос от Мариэтты означает не философские рассуждения на тему, а практические действия». О том же – Сергей Гандлевский: «У Чудаковой же, в отличие от многих чеховских персонажей, зазор между убеждением и деянием минимальный». Любой, кто хоть немного знал Чудакову, не станет этого оспаривать. Гандлевский в своем эссе приоткрывает секрет несовпадения между бурным общественным темпераментом (в жизни) и сдержанностью и точностью (в филологическом труде), – того сочетания, которое так удивляло собеседников Мариэтты Омаровны. Что за секрет, спойлерить не буду, – эти слова, как и все эссе Гандлевского, достойны того, чтобы найти их в книге.

Этически более спорным выглядит наблюдение Натальи Сафоновой – предвижу комментарии несогласных: «Мариэтта Омаровна не считала для себя зазорным сотрудничать с нынешней властью, в хорошем смысле слова – сотрудничать. Она считала, что надо использовать все возможности. Говорила примерно так: – Раз сейчас у этого человека власть, то нужно обратиться к нему за помощью, привлечь внимание к проблеме». Говорите, практицизм на грани цинизма? Видите противоречие тому, что пишут о той же Мариэтте Омаровне, – мол, избегала компромисса со злом? Так, да не так. Если и противоречие, то контекстуально разрешимое, когда речь идет о деле всей жизни. Или о спасении – человека ли, дела – в нужный момент. Пример Мариэтты Чудаковой вновь убеждает в том, что этика часто входит в противоречие с жизнью. Сама ее личность побуждает думать, анализировать индивидуальные ситуации, которые плохо сочетаются с блоками готовых убеждений.

Но понизим пафос. В сборнике хватает и живых человеческих свидетельств. Предстает узнаваемой легендарная квартира на Миклухо-Маклая, с ее беспорядком и хаосом, куда Мариэтта Омаровна приглашала гостей. Обязательная бутылка «Кагора» – спутница этих встреч – если не стала еще частью легенд, то

будет таковой в скором времени. Чудакова любила жизнь, и об этом в сборнике много. Походы на байдарках. Добродушная личная мифология, в центре которой – Александр Павлович Чудаков, «добрый рассеянный фольклорный богатырь» (из очерка Владимира Паперного). Строгость и мудрость в воспитании дочери (об этом в том числе – из уст самой дочери, Маши Чудаковой). Все это заземляет образ Мариэтты Омаровны – деятельницы, подвижницы, коей она, безусловно, была, – и придает ему человеческого ракурс. Мне вспомнились рассказы мемуаристов о поздней Ахматовой – например, история Твардовского о встрече с ней в итальянском гостиничном номере, о ее простоте и радушии... Ахматовская «статурность» после этих воспоминаний оказывается уже не такой безусловной. Как и чудаковский бешеный темперамент, к которому воспоминания «подбавляют» долю доброго юмора, иронии (в том числе и само-), милых «домашних» деталей... Но, конечно, и тут чувствуется подлинное величие – хотя бы в живых свидетельствах щедрости: «В какой-то момент в начале 90-х годов мы с женой сидели почти без денег, обе зарплаты разлетались почти немедленно. Неожиданно появляется девушка и передает от Мариэтты \$20 – в тот момент это была существенная сумма, которая нам действительно помогла продержаться» (Георгий Левинтон). О том же – деятельной, но в то же время деликатной помощи нуждающимся – рассказывает Александр Закуренко. (Упомянутая небольшая квартирка в Беляево, заваленная книгами, выступает как особенно трогательный фон таких воспоминаний.) А Елена Семенова вспоминает заботу о студентах: «Мариэтта Омаровна вошла в аудиторию и сказала – так, ты и ты, вот вам деньги, и дуйте в магазин за лимонадом и печеньками. А потом – заготовленных вопросов на билетиках у нее не было – Чудакова пошла по рядам и, заглядывая каждому в глаза, беспрекословно изрекала примерно в таком духе: так, ты – Маяковский и Пастернак, ты – Есенин и Хармс, ты – Булгаков и Зощенко». Как один из студентов Мариэтты Омаровны в прошлом – подтверждаю и улыбаюсь. И, честно говоря, больше не припомню преподавателей, которые деятельно заботились бы о том, чтобы студенты на их парах были сытыми...

Что остается в памяти по прочтении книги, кроме всех этих милых – но по-разному важных – реалий? Кроме объединяющей эти реалии «идеи персональной исторической ответственности» (Андрей Курилкин)? Кроме вдохновляющей чудаковской уверенности, что правда созидательна, просветительство – необходимо, невежество – стыдно?.. Остаётся пример на все времена, который необходимо донести до будущих поколений. И ожидание – как новых книг её и о ней, так и полноценного переиздания этого сборника. Который – хочется верить – будет уже не самиздатским.

Анна САФРОНОВА

МНОГО ГОЛОСОВ

Филипп Дзядко. Радио Мартын.

<https://docs.google.com/document/d/1iZmOKz8YHNA8omRU7RJ4nA-bflkgzjwzwo7gCdCnniQ/edit>

В пространстве этого романа можно двигаться, кажется, бесконечно в самых разных направлениях – как, собственно, движется само повествование. Одно из самых увлекательных занятий – опознавать цитаты: они порой растворены в тексте, в большинстве случаев автор не называет имен. «Лето знойное. С грозвыми тучами. Опаленной землей. С синим небом. Со спелым хлебом» (это М.Ф. Ларионов. Времена года, 1911); «...что мы встречались где-то: мне так знаком сосок твой и белье» (Аронзон); «А впереди идет эта женщина, которую знает каждый из нас, И сияет белизной, чтобы мы уразумели...» (текст самой известной песни «Цепелинов» в переводе Кормильцева); «Не говори никому. Все, что знаешь, забудь: птицу, старуху, тюрьму или еще что-нибудь...» (Мандельштам); «Было вrade кораблика, ялика, Воробья на пустом мамаке...» (Гандлевский); «Если шею мне свернешь, Раньше времени умрешь» (Гауф. «Карлик Нос»); «Пльви, рыба, пльви – вот острова твои, что с твоею травой, вот и твой рулевой...» (Жадан); «Протест сегодня бесполезный, – Победы завтрашней залог» (Георгий Иванов); «Возле своей Мессины новый найдешь приют...» (Михаил Айзенберг);

«Еще у меня есть претензия, что я не цветок, не гортензия» (Введенский); «Из дома вышел человек С дубинкой и мешком» (Хармс); «Бывают ночи: только лягу, В Россию поплывет кровать...» (Набоков); «Наступает вселенское зло, и отряды зубастых влагалищ неизбежно берут нас в кольцо...» (Юлий Гутолев)... И много-много, не перечислить, плюс отсылки к музыке, философии и др. Иногда имена называются вне прямой связи с цитатами: Иван Ахметьев, Дашевский, Рубинштейн, Степанова, ряд очень объемный.

Это голоса со всего мира, в романе они звучат с неангажированных площадок и из свободных уст, и им противостоит имперская тьма, как и положено в антиутопии – а перед нами именно роман-антиутопия, создававшийся в течение десяти лет. На бумаге его пока не существует, есть только электронная версия. Вот что об этом в предисловии говорит сам Филипп Дзядко: «...22 февраля я должен был внести финальную правку и отправить роман в издательства, которые проявили интерес. И хотя эта книга еще нуждается в редакторской работе, я думаю: надо отпустить ее и выложить уже сейчас – для всех, кому до нее может быть дело, кого она может поддержать. Если вообще сейчас может быть дело до книг.

Что такое литература в изменившемся мире, мы еще не знаем. Может быть, она должна заново подумать о том, зачем она, какой она должна быть. Я не знаю. Возможно, кто-то прочитает и вспомнит: любовь сильнее всего. Возможно, кому-то удастся ненадолго отвлечься. А кто-то услышит в книге дружеский голос. Я буду счастлив, если эта книга сделает чей-то день чуть легче».

Отсылки к разным культурным пластам, конечно, явлены не только на уровне цитат, всё гораздо сложнее; при этом как-то чувствуется, что автор не проявляет высокомерия, насыщая повествование коннотациями. Напротив – даже если что-то «не считается», текст не кажется неподъемно сложным, он демократичен, если можно так выразиться. И вероятно, мог бы восприниматься как страшно-ужасная сказка (собственно, как классическая антиутопия) – если б не нынешняя реальность, которая этой возможности нас лишила: «...страна,

очувившаяся во всех страшных сказках сразу, например в сказке об украденном времени, о городе, ушедшем под воду, о людях, застывших в полудвижении».

Главный герой, Мартын – отчасти родом из сказки Гауфа: карлик с огромным носом, при этом он не родился таким, он заколдован. Хозяйничает в его квартире «ведьма» Тамара, ворожащая над всякими травками, Мартын натирает полы в коридоре, стеклянный потолок в ее комнате, бегаёт за продуктами, но при этом – она «добра» к нему; она устраивает его на работу на официальный радиоканал.

У Мартына нарушен слух, без своего «аппаратика» он не слышит высоких частот, что, с одной стороны, делает его уязвимым, с другой – более защищенным от обволакивания тотальной пропагандой, и он способен слушать (и записывать) иные голоса. Есть еще заведение «Пропилеи», где раз в неделю дежурит Мартын, – с хозяином Меркуцио (Шекспир витает в романе), о котором герой сообщает: «Мы говорили стихами восемьдесят четыре часа, и каждые две минуты он глотал стопку, запивая ее эспрессо».

Повествование динамичное, но неспешное, события описываются нелинейно, но в финале все сходится в одну точку.

Вот Мартын волею случая (или судьбы) становится обладателем писем из прошлого, не доставленных в свое время адресату – письма времен Первой и Второй мировых войн, сталинской эпохи. Так в романе образуется документальный пласт – именно документальный, непридуманый, ибо, как поясняет в ссылке автор, «все письма, за редкими исключениями, были куплены на блошиных рынках или в онлайн-магазинах. Они публикуются с сокращениями и с сохранением авторской орфографии и пунктуации». При этом подлинные свидетельства в художественную ткань вплетаются органично, непротиворечиво. Мартын делается добровольным почтальоном, он осуществляет связь времен-поколений – это как бы отдельная (и не единственная отдельная, их множество) линия в сюжете, и без нее невозможно.

Письма Мартыну очень пригодятся, они должны стать частью программы свободно-

го «радио NN», куда – опять же волею случая-судьбы – попадает Мартын, изгнанный с официального радио «Россия всегда». Цель его новых коллег, «изумрудных» людей, – прорваться в поле мертвого эфира, ворваться с человеческими, а не «пластиковыми» словами, с живой музыкой, стихами – всем тем, что дает представление о личной ценности человека и его памяти, тем, что всегда в антиутопиях противопоставляется государственной машине, – и с теми же письмами: «...мы произносим слова, которые, как все думали, не существуют, написанные людьми, которые, как все думают, умерли, отправленные людям, которые, скорее всего, забыты. Мы произносим их слова и воскрешаем их. Какая разница, как и когда письмо доставлено? Самое важное, что его звук поселится среди нас. Научит людей снова чувствовать. Это и есть смысл всего того, что мы делаем».

Финал приближается, герой преобразуется. Он – обаятельный, беззащитный, простодушный карлик с длинным носом – по наивной болтливости сдает своих друзей государству. Погиб бы и сам, если бы не преданный друг Меркуцио. Осознание факта предательства как бы убивает прежнего Мартына и рождает другого, колдовство спадает: «Я чувствовал, как распрямляется грудь, как тает мой горб, переходя в руки, а руки вытягиваются и шея, моя шея, удлиняется, становится шеей, а не тем, что было со мной почти всю жизнь. И главное – нос. Я дотрогнулся до него: он уже не был длинной скукоженной веткой, он исчезал. Огромные уши уменьшались, и левое ухо старалось выплюнуть аппаратик. Почти без колебаний я вынул его из уха».

Теперь, когда больше нет «радио NN» – наступает «радио Мартын».

И наступает... Нет, воздержимся от спойлера. Последние сцены фантазмагоричны: «Да, в город вышли все. Веселые, как боги, люди, родившиеся в нулевые, пьяные вдрабадан циклопы, великаны всех национальностей, обнаженные сирены, размахивающие лотосами... Пока мы шли и бежали, я встретил десятки – нет, сотни диковинных существ».

Конечно, это самый общий, поверхностный рассказ о романе, а сколько всего в деталях... Пожелаем книге читателя, а автору удачи.

Контакты:

Анна Сафронова (*гл. редактор, проза*): safronova-volga21@yandex.ru

Алексей Александров (*зам. гл. редактора, поэзия, критика*): alexandrov-volga21@yandex.ru

Алексей Голицын (*документальные исследования*): agolitzin@yandex.ru

Олег Рогов (*архивные публикации, критика*): rgv@mail.ru

Алексей Слаповский (*проза*)

Сайт журнала: <http://volga-magazine.ru/>

Электронная версия журнала на сайте «Журнальный зал»:

<http://magazines.gorky.media/volga>

Подписано в печать 20 июня 2022 г.

Журнал отпечатан в типографии
ИП Сергеев

При перепечатке ссылка на «Волгу» обязательна.